Biogr.
3331
c

Biogr. 333A c

Казаки въ Парижѣ, акварель Опица. Собств. Императорскаго Эрмитажа.

<36635295220012

<36635295220012

Bayer. Staatsbibliothek

12

ЯКОВЪ ПЕТРОВИЧЪ
БАКЛАНОВЪ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

СОСТАВИЛЪ **В. ПОТТО**.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

СЪ ПОРТРЕТОМЪ Я. П. БАКЛАНОВА,

съ наброска художника Микѣшина и рисунками М. Малышева.

1146

Издалъ В. Березовскій.

С.-Петербургъ, Колокольная, собственный домъ, № 14.
1885.

Типографія Тренке и Фюсно, Максимиліановскій переул., № 15.

374300

Bayerische
Staatsbibliothek
München

FgT 187/7155

ВОЙСКА ДОНСКАГО ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТЪ

ЯКОВЪ ПЕТРОВИЧЪ БАКЛАНОВЪ

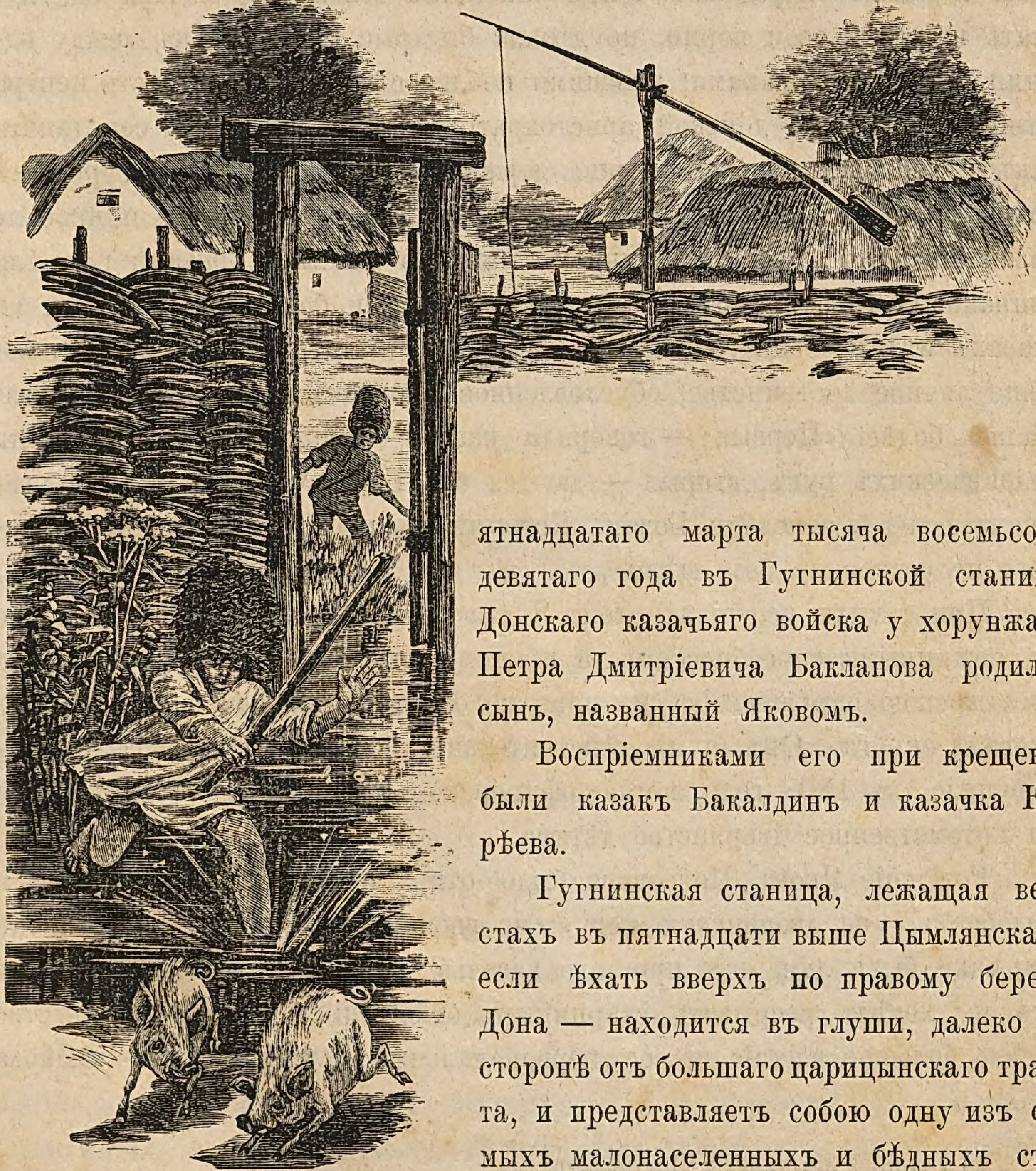
Съ наброска съ натуры профессора М. О. Микѣшина, 7 мая 1873 года.

Помѣщенъ здѣсь вслѣдствіе любезнаго разрѣшенія редактора «Русской Старины» М. И. Семевскаго, приложившаго этотъ портретъ къ книгѣ III, 1883 г. своего журнала.

Изъ библіотеки
А. Литвиненка
1886 г.

ЯКОВЪ ПЕТРОВИЧЪ БАКЛАНОВЪ.

I.

Пятнадцатаго марта тысяча восемьсотъ девятаго года въ Гугнинской станицѣ Донскаго казачьяго войска у хорунжаго Петра Дмитріевича Бакланова родился сынъ, названный Яковомъ.

Воспріемниками его при крещеніи были казакъ Бакалдинъ и казачка Карѣева.

Гугнинская станица, лежащая верстахъ въ пятнадцати выше Цымлянска— если ѣхать вверхъ по правому берегу Дона — находится въ глуши, далеко въ сторонѣ отъ большаго царицынскаго тракта, и представляетъ собою одну изъ самыхъ малонаселенныхъ и бѣдныхъ станицъ 2-го военнаго округа. Въ началѣ настоящаго столѣтія станица эта, разумѣется, была еще бѣднѣе и малонаселеннѣе, чѣмъ нынѣ, — что не мѣшало однакоже казакамъ ея быть истинными представителями

стариннаго казацкаго рыцарства въ высшемъ и лучшемъ значеніи этого слова.

Отецъ Якова Петровича былъ родомъ изъ простыхъ казаковъ той-же Гугнинской станицы, гдѣ имѣлъ собственный деревянный домикъ, бывшій единственнымъ его достояніемъ. Жена его *), взятая изъ сосѣдней Терновской станицы **), происходила также изъ небогатой казачьей фамиліи, а потому семейство Баклановыхъ жило очень бѣдно. Отецъ, полуграмотный, грубый, но честный и храбрый казакъ, началъ службу въ рабочемъ полку кочуровъ ***), занимавшихся тогда постройкою Новочеркаска, и долженъ былъ въ первое время тянуть тяжелую лямку, чтобы заработать себѣ кусокъ насущнаго хлѣба. Это было время борьбы старыхъ и новыхъ порядковъ, когда чиноманія только что начала еще пускать на Дону свои корни, но дѣлала быстрые успѣхи пока между одними низовыми казаками, жившими поблизости Черкаска—этого центра возникавшей тогда донской аристократіи. Напротивъ, какъ серединцы, такъ и верховые казаки упорно держались еще простоты и суровости патріархальныхъ обычаевъ, при которыхъ всѣ, и чиновные и простые казаки пользовались на станичномъ майданѣ равными правами и имѣли одинаковый голосъ, потому что самые чины и богатства не имѣли въ глазахъ ихъ особеннаго значенія. Маститые лѣта, умъ, храбрость и вообще личное достоинство, обусловленное природными дарованіями, уважались болѣе. «Первыя» — говорили казаки — «пріобрѣтаются трудами человѣческихъ рукъ, вторыя — даются отъ Бога. Уважая ихъ, мы уважаемъ волю и заповѣди Божіи, Который въ премудромъ промыслѣ ничего не сотворилъ безъ цѣли».

При такихъ условіяхъ отецъ Якова Петровича, отличавшійся далеко не дюжинными способностями, и притомъ одаренный самою счастливою богатырскою наружностію, не могъ не обратить на себя вниманія войсковаго округа. Онъ былъ дѣйствительно замѣченъ и произведенъ въ хорунжіе въ 1808 году, когда офицерскіе чины давали у насъ право на потомственное дворянство дѣтямъ.

Рожденіе Якова Петровича было отпраздновано въ семьѣ, какъ и подобаетъ, «на дворянскую ногу»; но воспріемниками его при крещеніи все таки были лица изъ простаго казачьяго сословія, съ которымъ отецъ его не хотѣлъ разрывать старинныхъ отношеній. Это обстоятельство имѣло большое вліяніе на весь первоначальный складъ воспитанія Якова

*) Устинья Малаховна, Постовалова.

**) Терновская станица еще бѣднѣе и малонаселеннѣе нежели Гугнинская.

***) Кочуры—это полкъ казаковъ, которые обязаны были вмѣсто полевой службы являться въ Новочеркаскъ съ одноконными тачками, — или, какъ на Дону называли ихъ, «качками»,—для городскихъ работъ.

Петровича. Отцу заниматься имъ было рѣшительно некогда. На другой годъ послѣ рожденія сына онъ былъ командированъ въ Воронежъ, потомъ ѣздилъ въ Новомиргородъ, а затѣмъ, по возвращеніи оттуда, тотчасъ-же отправился съ полкомъ въ кампанію 1812 года. Такимъ образомъ молодой Баклановъ съ самаго ранняго возраста остался на попеченіи одной своей матери, которая, будучи женщиною доброю, но совершенно простою, и притомъ бѣдною, не могла и подумать о томъ, чтобы дать сыну какое нибудь воспитаніе. Онъ росъ на свободѣ, въ кругу простонародья, какъ росла большая часть его сверстниковъ, казачьихъ дѣтей, предоставляемыхъ заботамъ матери-природы, — и скоро, что называется, отбился отъ рукъ у всѣхъ своихъ домашнихъ. Оставаясь по цѣлымъ днямъ безъ надзора, онъ сдѣлалъ быстрые успѣхи въ изученіи самыхъ энергическихъ русскихъ выраженій, какія только удавалось ему подслушать на улицахъ станицы и любилъ, какъ выражался самъ, забравъ подолъ рубашенки, бѣгать и шлепаться по лужамъ, въ которыхъ на станичной площади недостатка никогда не встрѣчалось...

Нельзя однако не сказать, что время первыхъ младенческихъ лѣтъ Якова Петровича совпадаетъ на Дону съ одною изъ величайшихъ и славнѣйшихъ эпохъ донскаго казачества, — съ эпохою отечественной войны, озарившей Донъ безпримѣрною въ лѣтописяхъ его военною славою. Не смотря на ранній возрастъ, Яковъ Петровичъ помнилъ, напримѣръ, какъ лѣтомъ 1812 года—(надо полагать, что это было въ концѣ августа мѣсяца) на Донъ пріѣхали гонцы отъ атамана Платова. Они объѣзжали станицы, — не миновали конечно и Гугнинской, — возвѣщая повсюду, что врагъ, пришедшій въ несмѣтномъ количествѣ раззорить Россію, похваляется пройти ее до самыхъ береговъ завѣтнаго Дона. „Если Богъ“—говорили глашатаи:—„попуститъ врага осквернить своимъ присутствіемъ казацкую землю, тогда не пощадитъ онъ ни женъ, ни дѣтей на́шихъ, поругаетъ онъ храмы господни, встревожитъ прахъ отцовъ нашихъ и смѣшаетъ горячую казацкую кровь съ волнами тихаго Дона».

«Атаманъ»—говорили они въ заключеніе:—«призываетъ всѣхъ вѣрныхъ донцовъ стать на защиту царя и отечества»!

Впечатлѣніе, производимое на всѣхъ этою грозною вѣстію, было невыразимое. Весь Донъ отъ верхнихъ до нижнихъ юртъ шумѣлъ и волновался. По всѣмъ станицамъ раздавался тогда одинъ единодушный крикъ: «скорѣе умремъ, чѣмъ выдадимъ Россію и тихій Донъ на поруганіе поганымъ французамъ»!—И вотъ, безъ царскаго слова, по одному наказу своего атамана, и старые и молодые, богатые и бѣдные спѣшили становиться подъ знамена... Во всѣхъ станицахъ формировались сотни. Маститые старцы, покрытые ранами и давно вкушавшіе покой посреди

многочисленныхъ своихъ поколѣній, подавали примѣръ и первые садились на коней, увлекая доблестное казацкое юношество. Въ церквахъ то и дѣло служились заказные молебны, и казаки, припадая къ образамъ, давали священный обѣтъ не видать ни женъ, ни дѣтей, ни домовъ своихъ, пока не изгонятъ врага за предѣлы Россіи.

Въ Гугнинской станицѣ, также какъ и въ сосѣднихъ съ ней: Филиповской, Терновской, Курмояровской и, наконецъ, въ самой Цымлянской формировались ополченія, каждый день съѣзжавшіяся вмѣстѣ для ученій. При этомъ казаки обыкновенно продѣлывали все, что ими употребляется въ бою съ непріятелемъ; т. е. строили лаву на ударъ, бросались въ дротики съ своимъ обычнымъ азіатскимъ гикомъ, разсыпались, джигитовали и стрѣляли изъ ружей на карьерѣ.

Яковъ Петровичъ говоритъ, что онъ жилъ все это время на улицахъ, и ежели не помнитъ всего, что было тогда при проводахъ казаковъ, то тѣмъ не менѣе впечатлѣніе общей картины было такъ сильно, что по прошествіи слишкомъ пятидесяти лѣтъ вся эта чудная эпоха вставала передъ нимъ, хотя въ туманныхъ и неясныхъ, но милыхъ образахъ, какъ лучшее и драгоцѣннѣйшее воспоминаніе дѣтства.

Наконецъ, когда всѣ сборы были кончены, двадцать полковъ, сформированныхъ на Дону такимъ экстреннымъ образомъ, быстро перенеслись въ тарутинскій лагерь, гдѣ послѣ сдачи Москвы стояла русская армія. Никто не ожидалъ ихъ тамъ, кромѣ Платова, дѣйствовавшаго въ этомъ случаѣ тайно, а потому восторгъ и изумленіе всѣхъ были таковы, что вызвали, по словамъ донскихъ стариковъ, слезы умиленія даже у самого Кутузова.

Съ уходомъ этихъ полковъ удалилось съ Дона все, что могло и было способно носить оружіе. Въ домахъ казаковъ остались только одни столѣтніе старики, немощные люди, дѣти и женщины. Донъ запустѣлъ, и только молодые казачата, оставшіеся подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ видѣнныхъ проводовъ, оживляли его шумными, военными играми.

Здѣсь не лишнимъ будетъ замѣтить, что Яковъ Петровичъ по своему происхожденію принадлежалъ къ такъ называемымъ серединцамъ. Сами донцы признаютъ у себя, какъ кажется, только два племенныя различія—низовыхъ и верховыхъ казаковъ, что исторически, пожалуй, и вѣрно. Старинныя царскія грамоты, всегда начинавшіяся: «на Донъ, въ нижнія и верхнія юрты», какъ бы узаконяли подобное подраздѣленіе; но время образовало между ними еще серединцевъ, которые, унаслѣдовавъ удаль низовыхъ станицъ, сохранили во всей чистотѣ простоту и суровость нравовъ верховыхъ казаковъ. Теперь серединцами обыкновенно называютъ тѣхъ, которые живутъ по всему теченію Дона отъ Казанской станицы внизъ до Раздоровъ. Красновъ, въ извѣстномъ статистическомъ описаніи

Донской земли, говоритъ, что серединцы, составляя сердце донскаго казачества, суть истинные сыны и настоящіе представители теперешняго Дона. Дѣйствительно, казачья народность сохранилась у нихъ болѣе, чѣмъ гдѣ нибудь на окраинахъ. Только у нихъ можно увидать еще военныя игры и услышать старинныя казацкія пѣсни про Ермака Тимофѣевича, про Азовское сидѣніе, про Стеньку Разина, про бунты Булавина и Некрасова, про Краснощекова и про другія имена болѣе или менѣе громкія въ исторіи тамошняго казачества. Быть можетъ, поэтому серединцы подготовлялись къ военной службѣ болѣе, нежели другіе казаки; «и теперь еще»—говоритъ Красновъ:—«лучшіе воины-герои происходятъ по большей части изъ среднихъ станицъ Донскаго казачьяго войска.

Яковъ Петровичъ, разумѣется, былъ малъ, чтобы принимать участіе съ подростками во всѣхъ военныхъ упражненіяхъ, но ѣздилъ верхомъ и стрѣлялъ изъ лука и изъ праща не хуже другихъ, ловко запуская въ цѣль и камешки и стрѣлы, причемъ опустошенія, производимыя имъ на птичьемъ дворѣ, обыкновенно сваливались на коршуновъ,—и добрая мать этому вѣрила, особенно съ тѣхъ поръ, когда увидѣла своими глазами одного изъ этихъ пернатыхъ хищниковъ, убитаго тонкою стрѣлою, очевидно спущенною съ дѣтскаго лука.

Такъ проходили первые ребяческіе годы Якова Петровича. Наконецъ, въ 1814 году, когда ему минуло пять лѣтъ, старая бабка его, подслушавшая разъ у своего любимца выраженія черезъ-чуръ энергическія, поняла, что оставлять такъ „дворянское дитё“ не годится. И вотъ, въ одинъ изъ прекрасныхъ весеннихъ дней призвали стараго станичнаго священника, который отслужилъ молебенъ святому Науму, а затѣмъ молодаго Бакланова передали съ рукъ на руки старухѣ Кудимовнѣ, сейчасъ-же засадившей его за указку. Уроки, благодаря природнымъ способностямъ ученика, пошли однакоже довольно успѣшно. Кудимовна скоро истощила весь запасъ своихъ знаній и передала своего ученика приходскому пономарю; тотъ, въ свою очередь, передалъ его станичному дьячку, и въ концѣ концовъ общими усиліями сдѣлали то, что къ возвращенію отца изъ похода молодой Баклановъ умѣлъ уже читать по складамъ церковную печать, рязбиралъ псалтырь и зналъ наизусть цѣлый часовникъ.

Якову Петровичу было семь лѣтъ, когда отецъ его вернулся изъ похода уже есауломъ, съ анненскимъ крестомъ на саблѣ и съ тремя жестокими ранами, которыя доставили ему репутацію одного изъ храбрѣйшихъ казацкихъ офицеровъ.

Яковъ Петровичъ живо помнилъ эту встрѣчу, помнилъ, какъ старики, выходя за околицу встрѣчать возвращающихся воиновъ, крестились и, припадая къ землѣ, говорили: „Да, заслужили наши казаки Богу, государю и всевеликому войску Донскому“!

Съ особенною торжественностію праздновалъ Донъ возвращеніе своего атамана Платова, взысканнаго необыкновенными милостями всѣхъ союзныхъ монарховъ. Имя Платова дѣйствительно гремѣло тогда по цѣлой Европѣ, и Яковъ Петровичъ, вмѣстѣ съ своимъ отцомъ, ѣздилъ встрѣчать атамана, сколько помнитъ, на рѣчку Кундручью, верстахъ въ шестидесяти отъ Новочеркаска. Въѣздъ Платова въ землю войска Донскаго и затѣмъ путешествіе его до самаго Новочеркаска, по словамъ старожиловъ, представляли собою одно тріумфальное шествіе, которое надолго останется памятнымъ въ преданіяхъ донскаго казачества. Можно сказать утвердительно, что никогда и нигдѣ не развивалось такъ сильно чувство мѣстнаго патріотизма и любви къ своей родной сторонѣ, какъ между донцами въ ту славную и громкую эпоху. На Кундручьѣ ожидали пріѣзда атамана нѣсколько дней сряду. Депутація, отправленная на границу казачьихъ земель съ Воронежскою губерніею, первая привѣтствовала его въ Казанской станицѣ и, поднеся по древнему русскому обычаю хлѣбъ-соль, присоеденилась къ поѣзду, который ежедневно увеличивался новыми толпами казаковъ, стекавшихся изъ ближнихъ и дальнихъ станицъ для выраженія живыхъ и искреннихъ чувствъ своего восторга. На Кундручьѣ и далѣе, вплоть до самаго Новочеркаска, его ожидали такія-же встрѣчи. Наконецъ, передъ самымъ городомъ Платовъ остановился у небольшаго кургана, взошелъ на него и, оборотясь къ открывшимся крестамъ, сіявшимъ на городскихъ церквахъ, положилъ три земные поклона.

— «Слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ»!—сказалъ онъ затѣмъ тѣснившимся вокругъ него казакамъ:—«Послужилъ я царю и постранствовалъ на чужбинѣ довольно; теперь возвратился на родину и молю Бога, да успокоитъ онъ кости мои на землѣ моихъ предковъ». Онъ взялъ горсть земли и поцѣловалъ ее. Увлеченные восторгомъ казаки отвѣчали громкими голосами: «Здравствуй, нашъ атаманъ, на многія и многія лѣта!»—И въ этихъ обоюдныхъ привѣтствіяхъ, въ этомъ проявленіи древнихъ казачьихъ обычаевъ и въ самой обстановкѣ всей этой встрѣчи было столько торжественнаго, столько звучало здѣсь неподдѣльной и искренней казачьей поэзіи,—что эти минуты, по выраженію Якова Петровича, рѣшили судьбу его жизни.

Отсюда весь поѣздъ двинулся дальше. У самой горы, на которой стоитъ Новочеркаскъ, встрѣтилъ его наказный атаманъ Иловайскій, генералитетъ и офицеры. Въ ту же минуту во всѣхъ церквахъ раздался торжественный колокольный звонъ, загремѣли пушки и прокатилось «ура» по донскимъ полкамъ, построеннымъ вдоль улицъ до самаго собора Вознесенія, гдѣ ожидало атамана духовенство и разставлены были всѣ войсковыя знамена и регаліи—славные памятники доблестныхъ заслугъ дон-

скаго казачества. Здѣсь отслуженъ былъ благодарственный молебенъ и, по прочтеніи во всеуслышаніе высочайшей грамоты на вновь пожалованное войску знамя—старшины проводили атамана въ отведенное для него помѣщеніе, гдѣ пиршество продолжалось уже до глубокой ночи...

Отецъ Якова Петровича пріѣзжалъ домой однако только на побывку, потому что въ слѣдующемъ году долженъ былъ идти опять въ Бессарабію. Узнавъ, что въ его отсутствіе сынъ сдѣлалъ такіе быстрые успѣхи въ русской грамотѣ, онъ взялъ его съ собою въ полкъ и поручилъ тамъ дальнѣйшее образованіе его полковымъ писарямъ, у которыхъ много было свободнаго времени. Полкъ, въ который попалъ Яковъ Петровичъ, былъ расположенъ въ Бессарабіи и содержалъ кордоны по рѣкамъ Дунаю и Пруту, охраняя наши предѣлы отъ внесенія въ нихъ моровой язвы, свирѣпствовавшей тогда въ Молдавіи.—Это была первая серьёзная опасность съ которою Яковъ Петровичъ встрѣтился лицомъ къ лицу и которую тогда-же пріучился презирать, потому что увидѣлъ вокругъ себя такое полнѣйшее равнодушіе къ жизни, какое могло явиться только у людей, глубоко, до фатализма вѣровавшихъ въ смыслъ изрѣченія: «чему быть, того не миновать».

Одинъ разъ родила мати, одинъ разъ и умирати—говорили казаки двѣнадцатаго года, и эти слова на всю жизнь запали въ молодое и воспріимчивое сердце Бакланова.

Любимымъ занятіемъ его въ это время было сидѣть по цѣлымъ днямъ и вечерамъ въ казачьей казармѣ и съ жадностію слушать разсказы бывалыхъ стариковъ о подвигахъ ихъ предковъ. Казаки вообще любятъ потолковать между собою; но въ этомъ случаѣ бесѣды ихъ пріобрѣтали особый смыслъ и значеніе. Прежніе казаки учились воевать во время разгара самой войны; но когда эти войны утихли, то молодежь поневолѣ стала почерпать уроки военнаго дѣла изъ изустныхъ разсказовъ. Во тутъ-то, во время этихъ бесѣдъ, послѣ перваго стакана зелена вина и начиналась нескончаемая повѣсть о томъ, какъ они ходили когда-то войною на «турскаго салтана» по Азовскому и Черному морямъ, о грозномъ Азовскомъ сидѣніи и о разныхъ эпизодахъ минувшей войны, участники которой были налицо, озаренные свѣжею военною славою. Дѣйствительно, по самымъ точнымъ свѣдѣніямъ, казаки во время 12 года истребили до восемнадцати съ половиною тысячъ французовъ и взяли въ плѣнъ 10 генераловъ, 1050 офицеровъ, 39 съ половиною тысячъ нижнихъ чиновъ, 15 знаменъ, 346 орудій и болѣе тысячи зарядныхъ ящиковъ. Слѣдовательно, имъ было о чемъ поговорить, что вспомнить и передать въ назиданіе своимъ дѣтямъ и внукамъ. Особенно любилъ Яковъ Петровичъ слушать разсказы о своемъ отцѣ и о томъ, какъ въ 14-мъ году одинъ нѣмецкій генералъ назначилъ его, къ немалой гордости всего

казачьяго околодка, комендантомъ въ какую-то французскую крѣпостцу Сасфогентъ, о которой однакоже никто и ничего не могъ разсказать обстоятельно.

Затѣмъ, по возвращеніи черезъ три года на Донъ, Яковъ Петровичъ окончательно оставилъ букварь и сталъ заниматься хозяйствомъ: онъ пахалъ вмѣстѣ съ отцомъ своимъ землю, косилъ сѣно и пасъ табуны, гдѣ, между прочимъ, выучился любить свои родныя, пустынныя степи и ѣздить верхомъ на необъѣзженныхъ и бѣшеныхъ степныхъ лошадяхъ, которыхъ въ сосѣднихъ косякахъ было множество.

Вообще, воспитаніе юношества направлялось тогда только къ однимъ исключительно военнымъ цѣлямъ. Еще въ памяти у всѣхъ были строгія правила Платова, требовавшаго, чтобы воспитаніе дѣтей велось на казацкую стать, ненавидѣвшаго и преслѣдовавшаго все, что отдаляло казаковъ отъ простоты обычаевъ, раззнакомливало ихъ, какъ онъ выражался, съ тѣмъ, что есть для донцовъ роднаго и кровнаго. Юноша-казакъ, одѣтый не въ казацкое платье, возбуждалъ въ немъ презрѣніе не только къ себѣ, но и къ роднымъ, поблажавшимъ подобнымъ выходкамъ. Всѣмъ было извѣстно, какъ строго поступилъ онъ съ двумя офицерами, встрѣченными имъ во фракахъ и съ лорнетками, говоря, что отъ перемѣны отеческаго платья одинъ только шагъ до измѣненія самого нрава,—а въ этихъ нравахъ онъ полагалъ основу и силу казачества.

Такимъ образомъ, все обученіе донскаго юношества ограничивалось, если такъ можно выразиться, одними исключительно военными предметами. О грамотности заботились мало, или не заботились вовсе. Тотъ, кто хорошо умѣлъ управлять конемъ, стрѣлялъ безъ промаха въ цѣль и убивалъ на скаку преслѣдуемаго имъ дикаго вепра, волка, и даже медвѣдя,—тотъ признавался воспитаннымъ и образованнымъ юношею. Въ этомъ отношеніи Яковъ Петровичъ былъ настоящимъ сыномъ своего вѣка: трехъ лѣтъ онъ уже скакалъ на конѣ, а когда подросъ, то любимымъ развлеченіемъ его стало ходить по воскресеньямъ на охоту, или на военныя игры, гдѣ молодежь упражнялась въ джигитовкѣ, стрѣляла въ цѣль, боролась между собою и, наконецъ, устраивала кулачные бои, которые увлекали своею дикою прелестью даже сѣдобородыхъ старцевъ и изъ всѣхъ народныхъ военныхъ упраженій, покинувшихъ Донъ —замерли послѣдніе. Яковъ Петровичъ предавался этимъ забавамъ со всѣмъ пыломъ юности, и такъ какъ они имѣли свою несомнѣнно хорошую сторону, такъ какъ здѣсь окончательно сложился и выработался его характеръ, то мы не лишнимъ считаемъ сказать о нихъ нѣсколько подробнѣе.

На первомъ планѣ стояла охота—«гульба», какъ ее называли донскіе казаки.

Охота была, такъ сказать, приготовительною школою для молодыхъ людей, готовившихся къ вѣчной войнѣ. — Вотъ здѣсь-то казачья молодежь развивала въ себѣ природную смѣтливость, удаль, осторожность, военную хитрость, глазомѣръ и отважную рѣшимость—однимъ словомъ, всѣ тѣ качества, которыя впослѣдствіи, въ бояхъ, пріобрѣтали казакамъ такую заслуженную и громкую извѣстность. Прежде въ донскихъ степяхъ попадались не только лисицы, торпаны, олени, волки, барсуки, медвѣди и дикіе вепри, но даже барсы и гіены, заходившіе сюда изъ закубанскихъ лѣсовъ. Настоящій охотникъ долженъ былъ настигнуть звѣря верхомъ и затѣмъ положить его на мѣстѣ ловкимъ ударомъ чекана или дротика. Стрѣляли на охотѣ рѣдко, и только въ хищныхъ звѣрей, противу которыхъ ножъ и чеканъ оказывались оружіемъ недѣйствительнымъ; но въ этомъ случаѣ выстрѣлъ долженъ былъ быть одинъ и смертельный, — иначе жизнь самого охотника подвергалась серьезной опасности, такъ какъ бѣжать, въ виду разсвирѣпѣвшаго звѣря, считалось дѣломъ зазорнымъ. Несчастія, впрочемъ, если и случались, то рѣдко, потому что безпрерывныя упражненія въ стрѣльбѣ доставляли казакамъ удивительную мѣткость. Самъ Яковъ Петровичъ былъ стрѣлокъ, можно сказать, замѣчательный: онъ на-пари попадалъ въ туза и сажалъ пулю въ пулю—все равно, былъ-ли у него въ рукахъ пистолетъ, штуцеръ или двухстволка.

Въ прежнее время, именно въ концѣ минувшаго столѣтія, когда охота составляла не только забаву, но и выгодный промыселъ, гулебщики собирались цѣлыми партіями и отправлялись на полеваніе въ задонскія степи, на Терекъ или на Кубань, гдѣ оставались мѣсяца по два и болѣе. Объ этихъ охотахъ доходили до Якова Петровича разумѣется одни только разсказы; но такъ какъ съ однимъ изъ нихъ связано было семейное преданіе Баклановыхъ, то мы передадимъ его здѣсь со словъ г. Шпаковскаго, помѣстившаго разсказъ объ этомъ въ своихъ воспоминаніяхъ о службѣ на Кавказѣ *).

Однажды партія подобныхъ охотниковъ, прибывшая съ Дона, расположилась таборомъ на берегу Малаго Зеленчука, разумѣется, со всѣми военными предосторожностями на случай встрѣчи съ черкесами, приходившими на Кубань для хищническихъ набѣговъ. Дѣйствительно, одна изъ этихъ партій, не знавшая еще о появленіи охотниковъ, съ которыми, сказать мимоходомъ, горцы не любили встрѣчаться, зная, что пороху они даромъ не тратятъ, направлялась какъ разъ въ это же самое время съ верховій Зеленчука къ Кубани подъ начальствомъ стараго князя Конакова.

*) «Записки стараго казака». Воен. сборн. 1873 года № 10, подъ рубрикою: «Былая старина».

Одинъ изъ джигитовъ, вскочивъ на высокій курганъ, окинулъ взглядомъ окрестность и замѣтилъ вдали всадника, пробиравшагося среди зарослей вершника, въ необыкновенной одеждѣ, съ длинною пикою и съ винтовкою за плечами. Горецъ крикнулъ товарищей, и молодежь, окружившая всадника, потребовала, чтобы онъ слѣзъ съ коня и, положа оружіе, приблизился къ нимъ. Дѣлать было нечего. Мрачно взглянулъ казакъ на джигитовъ, злобно улыбнулся, медленно сползъ съ коня, снялъ съ себя саблю, винтовку и кинжалъ, воткнулъ пику въ землю и, накинувъ поводья на луку, подошелъ къ нимъ. На вопросъ по ногайски, что имъ нужно?—раздался дружный хохотъ... Неуклюжій охабень, высокая рысья шапка, надѣтые на самаго неповоротливаго, повидимому, пеглевана *), его тупой взглядъ изъ подъ нависшихъ бровей, грязное, загорѣлое лицо, такъ насмѣшили молодыхъ людей, что они велѣли казаку взять оружіе, сѣсть на коня и слѣдовать за ними. Молча, истымъ увальнемъ, вооружился батырь и не сѣлъ, а взвалился на чалаго маштака, такого-же невзрачнаго и неуклюжаго, какъ самъ хозяинъ и, казалось, едва передвигавшаго ноги. Эта пародія на джигита вызвала взрывъ новаго хохота и молодежь, тѣшась и батыремъ и чалкою, заставила его джигитовать. Неуклюже согнувшись, размахивая руками и болтая ногами, тронулся казакъ впередъ какимъ-то куцымъ скокомъ на своемъ вислоухомъ и понуромъ чалкѣ. Вотъ онъ вытаскиваетъ изъ нагалища длиннѣйшую винтовку: грянулъ выстрѣлъ и съ нимъ чуть не свалился съ коня олухъ, едва удержавъ въ рукахъ оружіе. Все это было сдѣлано такъ топорно, что молодые горцы помирали со смѣху и принудили казака повторить скачку нѣсколько разъ, и каждый разъ онъ отличался какой-нибудь особенной уродливостію.

Но пеглеванъ уже порядочно поразмялъ своего чалку, ласково потрепалъ его по верблюжьей шеѣ,—и вдругъ молодцовато оправился въ сѣдлѣ; стройно и ловко уперлась нога его въ стремя, станъ выпрямился, конь навострилъ уши и гордо поднялъ свою горбоносую голову. Огонь сверкнулъ въ глазахъ и всадника и коня; винтовка быстро и ловко оборотилась назадъ, блеснулъ выстрѣлъ,— и одинъ изъ джигитовъ съ простреленнымъ лбомъ между бровей, покатился безъ стона и жизни на землю. Черкесы взбѣсились; одни изъ нихъ бросились къ великану, другіе — къ убитому; но чалка далеко уже несъ не прежняго пентюха, а лихаго наѣздника, проворно на скаку зарядившаго винтовку. — Вотъ онъ пріостановилъ коня, привсталъ на стремена, ловко оборотился, и вслѣдъ за выстрѣломъ ближайшій къ нему джигитъ, точно съ такою-же раною въ голову, какъ и первый, грянулся на землю. Это былъ уже не

*) Пеглеванъ—исполинъ, богатырь.

случай, а вызовъ на смертный бой. Месть и досада закипѣли въ груди горцевъ; они бросились на пеглевана; но пеглеванъ, какъ-бы потѣшаясь теперь, въ свою очередь, то исчезалъ стрѣлой изъ глазъ, то останавливался, выжидая въ нѣсколькихъ шагахъ, — и каждый отгрянувшій выстрѣлъ его винтовки былъ вѣстникомъ смерти одного изъ горцевъ — и все съ тою же раною между бровей, какъ будто не было у него другой цѣли.

Уложилъ этотъ шайтанъ-джегенемъ (адскій духъ) — такъ думали о немъ горцы — семерыхъ, самыхъ завзятыхъ джигитовъ, а остальные, испуганные и озадаченные, уже не осмѣливались налетать на шайтана въ образѣ гиганта-охотника и только издали слѣдили за нимъ, пока не убѣдились, что онъ укрылся въ охотничьемъ таборѣ. Тогда они извѣстили объ этомъ князя Конакова, но нападеніе, произведенное горцами ночью, было отражено охотниками съ такимъ чувствительнымъ урономъ для первыхъ, что старый князь рѣшился вступить въ переговоры. Сѣвъ на коня, онъ съ нѣсколькими старшинами подъѣхалъ къ казацкимъ возамъ, имѣя бѣлый платокъ на джеридѣ, и громко сталъ вызывать старшаго. На одномъ возу поднялся исполинскаго роста казакъ въ малахаѣ, въ высокой рысьей шапкѣ и съ длинною винтовкою въ рукахъ. Молодежь узнала въ немъ грознаго всадника и, невольно попятившись, схватилась за оружіе. Казакъ, между тѣмъ, не обращая на это вниманія, звучнымъ какъ труба голосомъ спросилъ: „Какого чорта вы хотите отъ насъ?“ Конаковъ отвѣчалъ, что желаетъ вступить въ переговоры, и дѣло скоро уладилось: недавніе враги расположились невдалекѣ отъ табора-крѣпости, и князь долго и по-пріятельски бесѣдовалъ съ пеглеваномъ, котораго казаки называли „Бакланъ“. Это былъ родной дѣдъ Якова Петровича, о которомъ память и до сихъ поръ живетъ въ преданіяхъ между закубанскими черкесами.

Яковъ Петровичъ ни богатырскою наружностію, ни физическою силою, ни крѣпостію духа — ничѣмъ не уступалъ своему знаменитому дѣду и съ малыхъ лѣтъ привыкъ первенствовать во всѣхъ военныхъ забавахъ и играхъ. Никто лучше его не стрѣлялъ изъ винтовки; никто, похваляясь выѣздкою своего коня, не умѣлъ заставить его пройти на укороченныхъ поводьяхъ такъ смѣло между двумя пылавшими кострами, или съ размаху перескочить черезъ разложенный въ полѣ огонь. Не разъ приходилось оставаться ему побѣдителемъ въ состязаніяхъ съ лучшими борцами или джигитами и принимать за это всенародное угощеніе изъ рукъ хорошенькихъ казачекъ,— обычай на Дону очень древній, но, къ сожалѣнію, теперь, кажется, совершенно вышедшій изъ употребленія. Обычай этотъ, по словамъ Якова Петровича, заключался въ томъ, что въ одинъ изъ прощенныхъ дней масляницы послѣ панихиды за

всѣхъ „убіенныхъ на брани“ устраивались поминки, при которыхъ молодежь, въ виду прекраснаго станичнаго пола, старалась превзойти другъ друга въ наѣздничествѣ, стрѣльбѣ и джигитовкѣ. Побѣдитель пользовался правомъ поцѣловать любую красавицу и, сверхъ того, изъ рукъ ея выпить стопу роднаго цымлянскаго или чару крѣпкаго, стариннаго меду.

Такъ прошло время до 1824 года. Въ этомъ году, 20 мая, шестнадцатилѣтній Баклановъ зачисленъ былъ на службу урядникомъ, а въ слѣдующемъ 1825 году опредѣленъ въ казачій Попова полкъ и вмѣстѣ съ отцомъ, получившимъ въ командованіе сотню, долженъ былъ отправиться въ Крымъ.

Въ самый день отъѣзда изъ дому, 25 мая 1825 года отецъ Якова Петровича, старый, израненный воинъ, исходившій подъ русскими знаменами почти всю Европу, побывавшій и въ Крыму, и въ Турціи, и въ Польшѣ, и на Кавказѣ, отслужилъ напутственный молебенъ и, благословивъ своего сына небольшой иконой Божіей матери, сказалъ ему:

— Служи, Яковъ, вѣрою и правдою Богу, государю и нашему великому Донскому войску. Помни всегда, что твой отецъ безъ малѣйшаго покровительства, одною честною службою дошелъ до штабъ-офицерскаго чина *). Храни ненарушимо простоту отцовскихъ обычаевъ, будь строгъ къ себѣ, а паче всего не забывай свою благодатную родину, нашъ тихій Донъ, который вскормилъ, взлелѣялъ и воспиталъ тебя.

Съ этимъ отцовскимъ завѣтомъ Яковъ Петровичъ сѣлъ на коня, давъ твердое слово остаться вѣрнымъ ему до конца своей жизни. Съ выходомъ изъ Гугнинской станицы началась для него настоящая казацкая служба, которая, однако-же, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, хотя и на короткое время, была прервана самымъ неожиданнымъ образомъ.

Однажды, по словамъ Якова Петровича, когда онъ дежурилъ по сотнѣ, ему пришлось составить и подписать рапортичку; но оказалось, что ни того ни другаго онъ сдѣлать не можетъ. — Такая неожиданная безграмотность сильно поразила его отца, и Яковъ Петровичъ, по прибытіи въ Крымъ, оставленъ былъ въ Ѳеодосіи, чтобы хотя немного подъучиться въ тамошнемъ уѣздномъ училищѣ. Но и въ этомъ разсадникѣ образованія Бакланову пришлось оставаться не долго, потому что мать его, не успѣвавшая управляться одна со всѣмъ домашнимъ хозяйствомъ, настоятельно требовала въ письмахъ, чтобы отецъ Якова Петровича прі-

*) Петръ Дмитріевичъ Баклановъ произведенъ былъ въ войсковые старшины въ 1824 году.

ѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ въ отпускъ и женилъ бы сына на избранной для него невѣстѣ.

Такимъ образомъ, въ началѣ 1826 года Якову Петровичу снова пришлось побывать на Дону, а 19 января онъ былъ уже обвѣнчанъ съ дочерью гугнинскаго священника, Серафимою Ивановною Анисимовой. Исполнивъ этимъ желаніе родителей, онъ пробылъ съ женою короткое время и затѣмъ возвратился въ полкъ, гдѣ о дальнѣйшемъ образованіи его не было больше и помину.

29 апрѣля 1828 года Яковъ Петровичъ за выслугу лѣтъ произведенъ былъ въ хорунжіе.

Въ это время начиналась турецкая война, и полкъ, въ которомъ служилъ Яковъ Петровичъ, получилъ приказаніе также передвинуться къ границамъ Европейской Турціи. Передъ самымъ выступленіемъ въ походъ пріѣхалъ въ Крымъ бывшій генералъ-губернаторъ Новороссійскаго края графъ Воронцовъ и потребовалъ отъ полка офицера для передачи депешъ великому князю Михаилу Павловичу, стоявшему тогда подъ Браиловымъ. Отецъ Бакланова, вступившій за смертію Попова въ командованіе полкомъ, назначилъ сына, и Яковъ Петровичъ, получивъ въ тотъ-же день депеши и курьерскую подорожную, поскакалъ къ Браилову.

Онъ пріѣхалъ туда въ то самое время, когда наши войска готовились къ штурму. Не разсуждая, какія могутъ быть послѣдствія, онъ прямо заявилъ желаніе участвовать въ дѣлѣ и, по собственной просьбѣ, назначенъ былъ въ охотники, которые должны были предшествовать штурмовымъ колоннамъ. Но штурмъ, какъ извѣстно, былъ неудаченъ. Баклановъ вмѣстѣ съ другими былъ поднятъ на воздухъ какою-то не во-время взорвавшеюся миною и, отброшенный на нѣсколько саженей назадъ, засыпанъ землею.

Это обстоятельство спасло Якова Петровича отъ смерти, потому что всѣ остальные, уцѣлѣвшіе отъ взрыва охотники были встрѣчены сильною турецкою вылазкою и уничтожены такъ, что изъ нихъ спасся только одинъ унтеръ-офицеръ, бросившійся въ Дунай и успѣвшій переплыть на другую сторону. Общая потеря подъ Браиловымъ состояла изъ трехъ генераловъ, ста офицеровъ и двухъ тысячъ шестисотъ нижнихъ чиновъ. Однако-же, начальствовавшій въ крѣпости Сулейманъ-Паша, опасаясь вторичнаго, болѣе удачнаго приступа, рѣшился открыть переговоры, и 7-го іюня крѣпость сдалась на капитуляцію. Яковъ Петровичъ не видалъ торжественнаго вступленія нашихъ войскъ въ побѣжденный Браиловъ: онъ находился въ госпиталѣ; но, къ счастію, отдѣлавшись на приступѣ одними ушибами, онъ скоро оправился и черезъ пять дней скакалъ уже обратно къ полку, который встрѣтилъ на походѣ къ крѣпости Костенжи.

„Явившись въ полкъ—разсказываетъ Яковъ Петровичъ:—я первымъ долгомъ счелъ разсказать про свою отвагу отцу, въ чаяніи получить отъ него похвалу, но, увы! вмѣсто похвалъ отецъ отдубасилъ меня нагайкой, приговаривая: „не суйся въ омутъ, когда отдаленъ отъ своей части, а съ ней иди и въ огонь и въ воду“.

Полкъ перешелъ Дунай въ Исакчахъ, но по случаю поздняго времени не принималъ участія въ военныхъ дѣйствіяхъ этой кампаніи. Намъ неизвѣстно, по какому случаю въ это время Яковъ Петровичъ попалъ въ донскую артиллерію; но зиму онъ провелъ въ батареи и перешелъ, по словамъ его, обратно въ полкъ только съ открытіемъ военныхъ дѣйствій въ 1829 году, и то послѣ слѣдующаго, бывшаго съ нимъ происшествія.

Однажды, когда батарея стояла подъ Шумлою, Яковъ Петровичъ узналъ, что полкъ его отца расположенъ тутъ-же на лѣвомъ флангѣ позиціи, и, отправившись навѣстить его, услыхалъ сильную перестрѣлку на аванпостахъ. Встрѣтившійся казакъ объяснилъ ему, что турки сдѣлали вылазку и что полковой командиръ съ дежурною сотнею отправился въ поле. Желая взглянуть на перестрѣлку, Яковъ Петровичъ выѣхалъ изъ лагеря и остановился на небольшомъ холмѣ, недалеко отъ цѣпи, гдѣ уже стояла кучка казачьихъ офицеровъ.

Отсюда открывается видъ на долину, пестрѣвшую и нашими и турецкими наѣздниками. Сотни двѣ-три казаковъ, раскинутыя въ лаву, вели оживленную перестрѣлку, то наступая на турокъ, то отодвигаясь назадъ, какъ бы заманивая ихъ въ засаду. Турки, въ свою очередь, дѣйствовали подобнымъ же образомъ; они съ отчаяннымъ крикомъ: „Аллахъ!“ бросались на казаковъ и, разрядивъ на воздухъ длинные свои пистолеты, какъ вихрь уносились назадъ. Опустивъ поводья, Яковъ Петровичъ весь предался созерцанію этой новой живописной картины, какъ вдругъ голоса разговаривавшихъ позади офицеровъ заставили его опомниться. Разговоръ шелъ именно о немъ. Одинъ казачій офицеръ говоритъ другому, что это сынъ полковаго командира, который служитъ въ артиллеріи и вѣроятно пріѣхалъ затѣмъ, чтобы получить или чинъ или крестъ, поглазѣвъ на перестрѣлку...

Все это было высказано такъ неожиданно, что Яковъ Петровичъ съ минуту оставался неподвижнымъ, не зная на что рѣшиться, и чѣмъ отвѣчать на подобное, незаслуженное вовсе оскорбленіе. Вся кровь прилила ему въ голову. Когда онъ повернулся въ сѣдлѣ, и рука его невольно опустилась на саблю, офицеры, замѣтившіе это, скрылись въ толпѣ. Тогда, — какъ это часто случается съ нервными натурами, — мысли его приняли вдругъ иной оборотъ, и ему захотѣлось во что бы то ни стало сейчасъ же сдѣлать какой-нибудь громкій или отчаянный

подвигъ... И вотъ, подъ впечатлѣніемъ этой минуты, не отдавая себѣ отчета, что и какъ надо сдѣлать, онъ машинально стиснулъ колѣнями своего жеребца, гикнулъ и, выпустивъ поводья, взмахнулъ тяжелою калмыцкою плетью.

Испуганный и застоявшійся конь его, какъ бѣшенный всталъ на дыбы и вдругъ, ринувшись впередъ, полетѣлъ какъ стрѣла прямо въ непріятельскую сторону. Наши фланкеры раздались, чтобы дать ему мѣсто. Яковъ Петровичъ выскочилъ на просторъ, въ широкое чистое поле, гдѣ мимо ушей его стали свистать и наши и турецкія пули. Напрасно, придя въ себя, онъ силился остановить коня. Сердитый жеребецъ, закусивъ удила и не слушая болѣе ни голоса, ни повода, мчалъ его все дальше и дальше... Вотъ уже и турецкая цѣпь. Кучка непріятельскихъ всадниковъ, заступившая было дорогу, при бѣшенномъ налетѣ его инстинктивно раздвинулась. Яковъ Петровичъ проскочилъ мимо и, обогнувъ турецкіе резервы по краю какого-то скалистаго, крутаго обрыва, вынесся опять на прежнюю дорогу.

Съ десятокъ турецкихъ делибашей, спустивъ на перевѣсъ свои длинныя гибкія копья, понеслись въ погоню. Уйти отъ нихъ на усталомъ конѣ Бакланову не было возможности; разстояніе между нимъ и его противниками становилось все меньше и меньше. Вотъ уже двое въ высокихъ, пестрыхъ тюрбанахъ обскакиваютъ его и справа и слѣва. Яковъ Петровичъ слышитъ, какъ тяжело дышатъ запыхавшіеся ихъ кони, видитъ какъ тонкія острія пикъ, сверкнувъ, скользнули почти у самой его груди... Въ глазахъ у него потемнѣло, въ головѣ все спуталось и, собравъ послѣднія усилія, онъ закричалъ о помощи...

Что было дальше — разсказывалъ Яковъ Петровичъ: — я ничего не помню... Какъ сквозь сонъ слышутся мнѣ голосъ отца, выстрѣлы и яростные крики сражавшихся казаковъ и турокъ. Я очнулся уже въ палаткѣ, возлѣ отца, который очень сердился на мое безразсудство, но я, разумѣется, тщательно скрылъ отъ него то, что было причиною всего происшествія.

Такимъ образомъ первый шагъ на военномъ поприщѣ ознаменовался для Якова Петровича мучительнымъ, какъ онъ выражался, сознаніемъ того, что онъ способенъ потерять присутствіе духа въ критическую минуту опасности. Долго эта мысль преслѣдовала его и не давала покоя; но къ счастію натура его была не изъ тѣхъ, которыя легко поддаются впечатлѣніямъ: онъ жаждалъ боя, чтобы еще разъ провѣрить въ немъ и себя и свои ощущенія, и съ этою цѣлію нарочно перепросился обратно въ полкъ, гдѣ случай къ экзамену, дѣйствительно, представился скоро.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ армія наша двинулась къ Балканамъ. Казачій Бакланова полкъ, поступившій въ составъ корпуса генерала отъ инфанте-

ріи Рота, направился къ нижней части теченія Камчика, черезъ который нужно было устроить переправу, такъ какъ броды были весьма неудобны, а противоположный берегъ занятъ сильнымъ непріятельскимъ отрядомъ, стоявшимъ въ хорошо укрѣпленной позиціи.

Передовой отрядъ, подъ начальствомъ генерала Фролова приблизился къ рѣкѣ 7 іюля. Чтобы овладѣть переправою, вызваны были охотники. Яковъ Петровичъ выѣхалъ первый, и первый-же верхомъ на своемъ ворономъ скакунѣ бросился въ глубокую рѣчку; за нимъ послѣдовали и егеря и казаки. Подъ огнемъ двѣнадцати турецкихъ орудій отважные люди эти достигли противоположнаго берега, причемъ многіе изъ нихъ были убиты и утонули; за то остальные съ такою стремительностію ударили на турокъ, что сбили ихъ съ позиціи и преслѣдовали отъ самаго берега до с. Дервишъ-Джевана, причемъ казаки молодаго Бакланова овладѣли даже однимъ турецкимъ орудіемъ.

Съ этихъ поръ имя Якова Петровича начало произноситься въ полку съ большимъ уваженіемъ, особенно, когда на слѣдующій день самъ корпусный командиръ лично благодарилъ его за совершенный подвигъ. Тѣмъ не менѣе, по словамъ Бакланова, онъ за такую отвагу получилъ отъ своего отца въ поощрительную награду нѣсколько новыхъ нагаекъ, будто-бы за то, «что позволилъ себѣ пуститься вплавь на вороной, а не на бѣлой лошади, которая была сильнѣе и надежнѣе; тогда какъ на вороной онъ могъ-де утонуть“. На самомъ же дѣлѣ выходило, какъ кажется, просто, что отцу не хотѣлось, чтобы Яковъ Петровичъ, очертя голову, бросался во всѣ нелегкія.

Отъ Камчика наши войска двинулись впередъ и 10 іюля спустились съ послѣдняго уступа Балканскихъ горъ въ долину, въ которой по правую сторону рѣчки Инжакіой стоялъ семи-тысячный турецкій корпусъ подъ командою сераскира Абдурахмана-Паши. 4-я уланская дивизія и два казачьи полка Ежова и Бакланова нагрянули на турокъ такъ неожиданно, что послѣ первыхъ выстрѣловъ артиллеріи они обратились въ бѣгство. Пока уланы были направлены къ морскому берегу, чтобы овладѣть двумя батареями, защищавшими входъ въ корабельную верфь, казаки гнали бѣгущихъ на разстояніи десяти верстъ, отбили семь знаменъ и захватили четыреста плѣнныхъ. На другой день послѣ этого дѣла, 11 іюля, войска наши заняли съ бою города Месеврію и Ахіолъ, а затѣмъ повернули къ Бургасу, гдѣ, какъ извѣстно, собраны были большіе продовольственные запасы турецкой арміи. 12 іюля отецъ Бакланова, слѣдовавшій съ своимъ полкомъ впереди 6-го корпуса, получилъ приказаніе произвести рекогносцировку этой крѣпости. Гарнизонъ Бургаса, замѣтивъ приближеніе однихъ казаковъ, выслалъ противъ нихъ кавалерію въ числѣ семисотъ человѣкъ. Казаки мигомъ опроки-

нули эту конницу и преслѣдовали такъ горячо, что на плечахъ ея ворвались въ самый Бургасъ, откуда растерявшійся гарнизонъ поспѣшно бросился въ лодки и бѣжалъ въ открытое море. Такимъ образомъ казаки заняли крѣпость, сняли со стѣнъ ея десять орудій и, приставивъ ко всѣмъ магазинамъ своихъ часовыхъ, встрѣтили подошедшихъ гусаръ, какъ старые хозяева города.

Въ этомъ сраженіи подъ Яковомъ Петровичемъ была убита лошадь.

Блистательный подвигъ казаковъ вызвалъ однакоже большія пререканія между ними и начальникомъ регулярной кавалерійской бригады, желавшимъ приписать себѣ славу покоренія Бургаса. Отецъ Якова Петровича не захотѣлъ дать въ обиду своихъ казаковъ, и самъ обо всемъ донесъ по командѣ. Дѣло дошло до главнокомандующаго; наряжено было формальное слѣдствіе—и слава овладѣнія турецкою крѣпостію осталась за казаками.

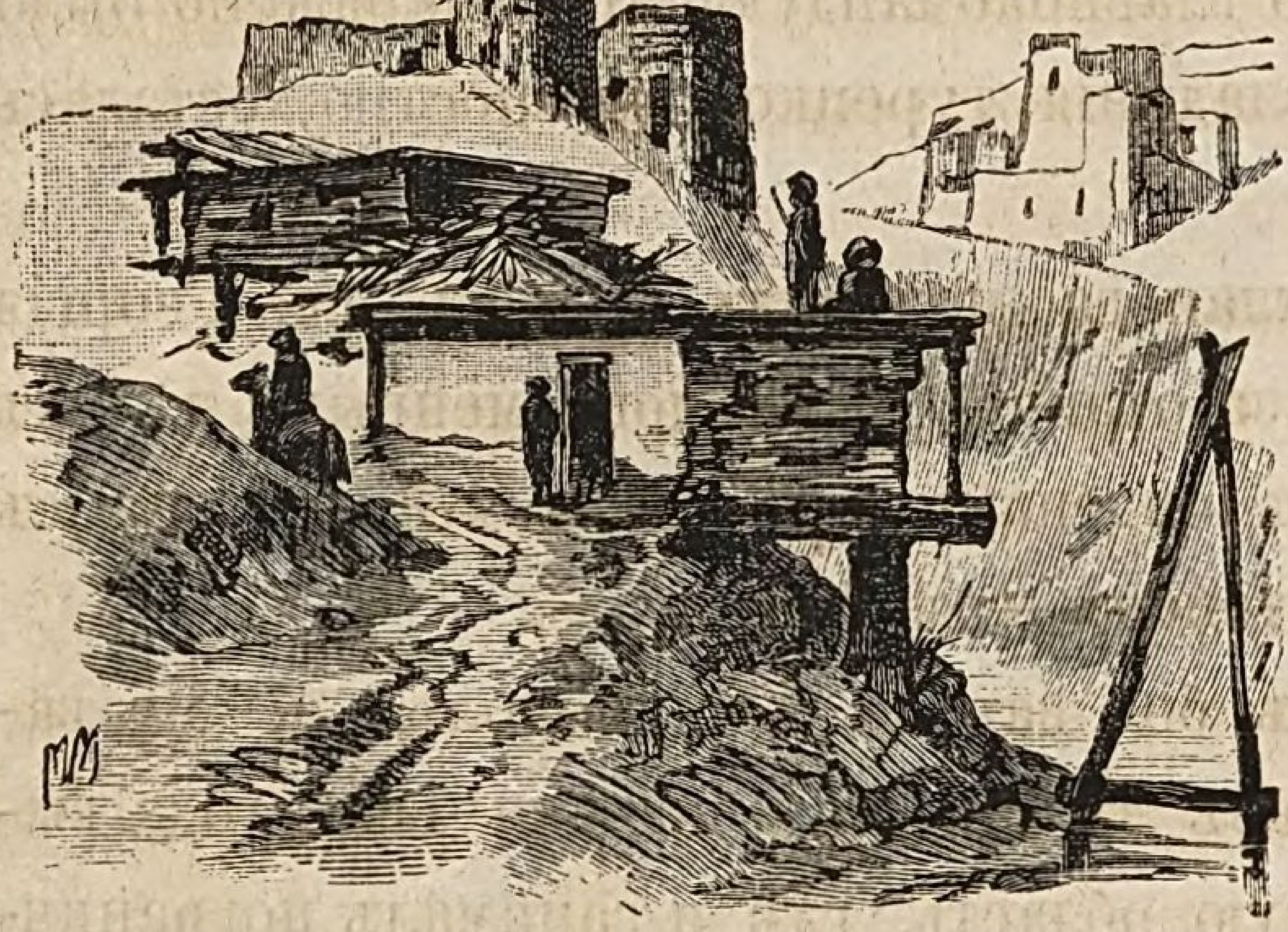
За этотъ подвигъ отецъ Бакланова получилъ орденъ св. Георгія 4-й степени, а Яковъ Петровичъ за отличія въ разновременныхъ дѣлахъ съ непріятелемъ былъ награжденъ орденами св. Анны 4-й степени съ надписью «за храбрость» и 3-й степени—съ бантомъ.

8-го августа армія наша безъ боя заняла Адріанополь, а, по заключеніи мира, полкъ, перезимовавъ въ Румыніи, весною 1830 года выступилъ въ походъ въ Бессарабскую область, гдѣ и занималъ пограничные кордоны по рѣкѣ Пруту въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, которыя были памятны Якову Петровичу съ дѣтскаго возраста, когда онъ вмѣстѣ съ отцомъ—тогда еще есауломъ—приходилъ сюда съ Дона во время чумной заразы, опустошавшей Молдавію.

Въ этомъ расположеніи полкъ оставался до 14 августа 1831 года, когда послѣ шести-лѣтней службы, отпущенъ былъ на Донъ. Отецъ Якова Петровича, вскорѣ получившій чинъ полковника, вышелъ въ отставку, а Яковъ Петровичъ воспользовался льготою и провелъ нѣсколько лѣтъ въ кругу своего семейства.

II.

есятаго іюня тысяча восемьсотъ тридцать четвертаго года Яковъ Петровичъ Баклановъ снова назначенъ былъ на службу въ Донской казачій Жирова полкъ, расположенный въ то время по Кубани въ станицахъ Кубанскаго, Кавказскаго и Хоперскаго линейныхъ казачьихъ полковъ. Всѣ эти четыре полка вмѣстѣ съ двумя батальонами пѣхоты *) составляли отдѣльный прочно-окопскій отрядъ, наблюдавшій весьма значительный кордонный участокъ на протяженіи отъ Николаевской станицы вплоть до земли Черноморскаго казачьяго войска.

Начальникомъ Кубанской линіи былъ въ то время генералъ-маіоръ баронъ Григорій Христофоровичъ Зассъ—одинъ изъ славныхъ дѣятелей минувшей кавказской войны, стяжавшій себѣ вполнѣ заслуженную и громкую извѣстность. О Зассѣ было писано немного, по крайней мѣрѣ, безконечно менѣе того, что можно бы было написать объ этомъ казачьемъ начальникѣ, которому самъ Вельяминовъ, высоко цѣнившій его военныя качества, поручилъ тогда устройство и оборону кубанскихъ станицъ, находившихся въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Надо сказать, что все Закубанье находилось тогда еще въ рукахъ непріятеля, и русскихъ поселеній ни на Лабѣ, ни на Сагаушѣ — какъ у насъ называли Бѣлую рѣчку—не существовало. Только два небольшія передовыя укрѣпленія, стоявшія на Урупѣ и на Чамлыкѣ, одиноко сторожили широкое пространство между Кубанью и горами.

*) Это были батальоны полковъ Тенгинскаго и Навагинскаго.

Кубань раздѣляла обѣ враждующія стороны. По правому берегу ея лежали русскія земли, носившія на себѣ характеръ широкихъ, пустынныхъ степей съ рѣдкимъ населеніемъ казачьихъ станицъ или крестьянскихъ селеній; по лѣвому — разстилались обширныя, зеленыя равнины, очерчивающіяся на горизонтѣ темною полосою лѣсистыхъ горъ, изъ-за которыхъ вырѣзывались зубчатою линіею вершины снѣговаго хребта.

Лаба и Чамлыкъ *) съ густыми, тянувшимися узкою полосою прибрежными лѣсами, составляли двѣ наиболѣе замѣчательныя рѣки, которыя извивались серебристыми лентами по этой безлѣсной закубанской равнинѣ, казавшейся совершенно гладкою, но въ сущности перерѣзанной глубокими рытвинами и балками, наполнявшимися водою при каждомъ сильномъ дождѣ или таяніи снѣга. На Чамлыкѣ стояло Вознесенское укрѣпленіе. По Лабѣ жили уже непокорныя племена бесленеевцевъ; за ними—махошевцы; а далѣе, за Сагаушемъ, начиналась земля абадзеховъ, покрытая сплошными лѣсами, гдѣ скрывалось множество выходцевъ изъ Кабарды, посвятившихъ себя на безпощадную войну съ нами и носившихъ черкесское названіе гаджеретовъ. Война противъ нихъ требовала большой осторожности и вѣчной готовности къ отраженію непріятеля на всемъ протяженіи кордоннаго участка.

Оборонительная система, которой мы придерживались тогда въ видѣ опыта, оказывалась совершенно неудовлетворительною противъ такого непріятеля, какимъ были горцы. Благодаря отсутствію съ нашей стороны энергіи, дерзость ихъ возросла до того, что казаки перестали находить безопасность въ собственныхъ станицахъ, послужившихъ, какъ бы мишенью для безпрерывныхъ набѣговъ со стороны закубанскихъ сосѣдей. Нерѣдко только одною угрозой нападенія горцы по цѣлымъ недѣлямъ держали въ блокадѣ то то, то другое селеніе, не позволяя жителямъ выходить на полевыя работы, отчего хозяйство линейныхъ казаковъ приходило въ совершенный упадокъ.

Зассъ, вызванный съ лѣваго фланга, гдѣ онъ командовалъ до этого времени Моздокскимъ казачьимъ полкомъ, — въ самое короткое время успѣлъ измѣнить положеніе дѣлъ, очистивъ все пространство между Кубанью и Лабою отъ враждебнаго намъ населенія бѣглыхъ кабардинцевъ и, не довольствуясь этимъ, простеръ свои набѣги не только за Лабу, но даже и за Бѣлую, въ верховья Пшехи, гдѣ жили тогда абадзехи. Когда Баклановъ пріѣхалъ на линію, слава Засса гремѣла уже по всему Закубанскому краю и страхъ, внушенный имъ непріятелю, доходилъ, можно сказать, до размѣровъ глубокаго суевѣрнаго ужаса.

*) Чамлыкъ впадаетъ въ Лабу, около станицы Темиргоевской.

Вотъ, подъ начальствомъ такого-то генерала *) Якову Петровичу пришлось начать свою первую кавказскую службу и здѣсь-то, почти въ постоянныхъ дѣлахъ съ непріятелемъ предпріимчивымъ, настойчивымъ, пріученнымъ всею обстановкою своей жизни ко всѣмъ пріемамъ малой войны, онъ пріобрѣлъ и усовершенствовалъ въ себѣ тѣ военныя качества, образецъ которыхъ онъ видѣлъ въ Зассѣ и которыя такъ пригодились ему потомъ на лѣвомъ флангѣ, когда онъ самъ выступилъ въ роли самостоятельнаго казачьяго начальника. Правда, недалеко далась ему эта наука, «но спасибо Зассу и горцамъ»—говаривалъ Яковъ Петровичъ:—«они меня выучили многому».

*) О Зассѣ сложено было горцами множество пѣсенъ; мы приведемъ одну изъ нихъ, переведенную кѣмъ-то на русскій языкъ и писанную нами со словъ Якова Петровича.

Не тигръ съ гіеною сдружился,
На гибель нашу супостатъ,
Могучій Зассъ вооружился
И съ нимъ коварный Джембулатъ.—
Проникнувъ къ нимъ, какъ духи злые,
Какъ грѣшнымъ людямъ Божій страхъ,
Враги ислама заклятые
Мутятъ спокойствіе въ горахъ.
О, Аллахъ! услышь правовѣрныхъ молитвы,
Избавь насъ отъ Засса, отъ страшной съ нимъ битвы!
Какъ вихрь внезапно налетая,
Какъ воръ, прокрадываясь къ намъ,—
Гремитъ, аулы истребляя,
И ночью рыщетъ по горамъ:
Жилища въ пепелъ превращаетъ,
Не внемлетъ воплю матерей,
Въ плѣнъ нечестивыхъ увлекаетъ
И нашихъ женщинъ и дѣтей.
О, Аллахъ! услышь правовѣрныхъ молитвы,
Избавь насъ отъ Засса, отъ страшной съ нимъ битвы!
Стрѣлой ихъ кони мчатся въ сѣчу,
Ихъ пули прямо въ сердце бьютъ;
Огонь-ли пустимъ имъ на-встрѣчу—
Они огонь перешагнутъ.
Займемъ-ли дружными рядами
Кубани быстрой берега,
Но не удержишь и волнами
Набѣговъ грознаго врага.
О, Аллахъ! услышь правовѣрныхъ молитвы,
Избавь насъ отъ Засса, отъ страшной съ нимъ битвы!
Мы на присошки лишь припали,
Чтобъ путь ихъ кровью наводнить,
Они мгновенно наскакали—
Мы не могли остановить;
Напрасны были всѣ препоны:
Ихъ Зассъ расторгъ, развѣялъ въ прахъ—
И наши дѣти, наши жены
Остались въ вражескихъ рукахъ!
О, Аллахъ! услышь правовѣрныхъ молитвы,
Избавь насъ отъ Засса, отъ страшной съ нимъ битвы!

Къ памяти Засса, какъ къ памяти своего учителя, Яковъ Петровичъ относился съ благоговѣніемъ до послѣднихъ минутъ своей жизни.

О дѣятельности самого Якова Петровича въ этотъ періодъ кавказской войны, мы, къ сожалѣнію, знаемъ немного. Надо сказать, что полкъ, въ которомъ онъ служилъ съ самаго прихода на Кавказъ до половины 1836 года содержалъ на линіи кордонную стражу, а потому и участіе его въ дѣлахъ съ непріятелемъ ограничивалось, рядомъ хотя небольшихъ, но тѣмъ не менѣе упорныхъ и часто весьма кровопролитныхъ схватокъ. Самъ Яковъ Петровичъ говоритъ, что онъ дѣйствительно участвовалъ за это время во многихъ дѣлахъ съ закубанскими горцами, но, что особыхъ отличій съ его стороны, т. е. такихъ отличій, которыя выходили бы изъ ряда обыкновенныхъ казацкихъ подвиговъ, не было. За то мы можемъ прибавить отъ себя, что подобныхъ подвиговъ, кажется, было чрезвычайно много; по крайней мѣрѣ мы вправѣ заключить объ этомъ по тѣмъ отрывочнымъ свѣдѣніямъ, которыя дошли до насъ изъ разсказовъ, какъ самого Бакланова, такъ и его сослуживцевъ.

Мы остановимся на слѣдующихъ трехъ главнѣйшихъ эпизодахъ.

Первая серьезная экспедиція, въ которой, по словамъ Якова Петровича, судьба непостижимымъ образомъ спасла ему жизнь, произошла въ іюнѣ 1836 года, когда часть Жирова полка взята была генералъ-маіоромъ Зассомъ въ отрядъ, назначенный для истребленія закубанскихъ ауловъ между рѣками Псефиромъ, Лабою и Бѣлой. Здѣсь-то, при штурмѣ одного изъ ауловъ, Яковъ Петровичъ успѣлъ обратить на себя особенное вниманіе Засса и положилъ, такъ сказать, начало своей кавказской извѣстности.

Случилось это слѣдующимъ образомъ.

Летучій отрядъ нашъ приблизился къ аулу въ темную ночь за часъ или за два до разсвѣта. Вызвавъ охотниковъ, Зассъ приказалъ имъ залечь подъ самыми стѣнами аула и по первому знаку стараться овладѣть выѣздными воротами или, по крайней мѣрѣ, разбросать плетни, чтобы открыть свободный проходъ для кавалеріи. Начальство надъ ними поручено было Якову Петровичу Бакланову, какъ старшему изъ числа офицеровъ-охотниковъ. Подползя къ аулу и осмотрѣвшись внимательно по сторонамъ, казаки увидѣли, что плетни вокругъ всего аула были двойные, наполненные до-верху землею и каменьями, такъ что разбрасывать ихъ было бы совершенно напраснымъ трудомъ; ворота были такъ же одни и притомъ дубовые, запертые толстыми желѣзными засовами. Не зная на что рѣшиться, Яковъ Петровичъ съ двумя пластунами еще разъ обошелъ кругомъ аула и тутъ-то, при тщательномъ осмотрѣ стѣны, увидѣлъ, что надъ выѣздными воротами находилась небольшая лазейка, продѣланная, какъ видно, для прохода пѣшихъ людей, и че-

резъ которую, какъ черезъ брешь, можно было проникнуть внутрь самаго аула. Поэтому, какъ только взвилась сигнальная ракета, Баклановъ первый бросился впередъ, стараясь какъ можно скорѣе взобраться по крутой и поминутно осыпавшейся насыпи. Казаки отъ него не отставали. Яковъ Петровичъ почти уже достигъ своей цѣли, какъ горецъ, стоявшій надъ воротами, быстро обернувшись назадъ, въ упоръ приложился въ него изъ винтовки. Къ счастію, послѣдовала осѣчка. Выстрѣлъ изъ пистолета имѣлъ ту же самую участь; а между тѣмъ Баклановъ, сдѣлавъ отчаянное усиліе, вскочилъ уже на ворота... Тогда отпрянувшій горецъ перевернулъ пистолетъ и ударилъ его куркомъ по головѣ такъ сильно, что Яковъ Петровичъ съ разбитымъ черепомъ повалился въ ровъ, какъ мертвый. „Долго-ли я пролежалъ безъ памяти— разсказывалъ Яковъ Петровичъ:—не знаю, но когда опомнился, казаки уже были въ аулѣ, ломали плетни и сбивали ворота. Я не получилъ за это ни креста, ни чина, но былъ награжденъ выше моихъ заслугъ вниманіемъ Засса, который съ этихъ поръ началъ оказывать мнѣ знаки особеннаго своего расположенія.

Въ другой разъ Якову Петровичу пришлось отличиться въ роли отдѣльнаго самостоятельнаго начальника, и притомъ въ дѣлѣ весьма серьезномъ, которое до сихъ поръ памятно въ прикубанскихъ станицахъ линейнаго казачьяго войска.

Это случилось въ томъ же 1836 году, когда генералъ-маіоръ Зассъ, давно указывавшій на необходимость имѣть постоянный и сильный кавалерійскій резервъ по ту сторону Кубани, испросилъ наконецъ позволеніе перевести казачій Жирова полкъ изъ станицъ линейнаго войска на рѣку Чамлыкъ и поселить его нѣсколько ниже Вознесенской крѣпости, откуда казаки во всякую минуту могли бы преграждать черкесамъ путь на Кубань, или отрѣзывать имъ отступленіе въ горы.

Весною Жировскій полкъ дѣйствительно перешелъ на Чамлыкъ и тотчасъ-же приступилъ къ постройкѣ своей штабъ-квартиры, которая должна была внушить закубанцамъ должное къ себѣ уваженіе, не смотря на скромную наружность, представлявшуюся издали кучей землянокъ и мазанокъ, обнесенныхъ неглубокимъ рвомъ и плетневымъ заборомъ, усаженнымъ колючкою.

Пока производились эти работы, а потомъ насыпались барбеты и устанавливались на нихъ привозимые изъ-за Кубани чугунные единороги, — казачьи лошади ходили въ полковомъ табунѣ на подножномъ корму. Горцы, внимательно слѣдившіе за тѣмъ, что дѣлается на нашей сторонѣ, подмѣтили эту оплошность и вознамѣрились воспользоваться ею, чтобы отбить табунъ, разсчитывая на то, что полкъ останется пѣшимъ и преслѣдовать ихъ будетъ одна дежурная сотня. Къ несчастію

для себя они опоздали. Въ началѣ іюля мѣсяца вскорѣ по возвращеніи казаковъ изъ экспедиціи на рѣку Псефиръ и Бѣлую плетеныя стѣны крѣпостцы были окончены и командиръ полка приказалъ поставить лошадей на коновязи. Въ полдень 3 іюля исполнили это распоряженіе, а въ ночь на 4 число явилась партія въ 360 человѣкъ и устроила засаду на Чамлыкѣ, какъ разъ на той самой дорогѣ, по которой обыкновенно приходилъ изъ-за Кубани Зассъ съ своими линейными казаками.

Въ полку объ этомъ разумѣется ничего не знали. Утромъ по заведенному порядку изъ крѣпости вышелъ разъѣздъ, который, перейдя ручей Синюшку или Грязнушку, оставилъ на курганѣ пикетъ изъ трехъ казаковъ, а самъ завернулъ въ лѣсистую балку. Пикетные казаки по непонятной безпечности не стали ожидать возвращенія разъѣзда, а тотчасъ сошли съ лошадей и, стреноживъ ихъ, пустили на пастьбу. Яковъ Петровичъ, слѣдившій за ними съ угловой батареи, замоталъ это на усъ, намѣреваясь пожурить урядника за его оплошность,—какъ вдругъ гдѣ-то въ лѣсу загудѣли ружейные выстрѣлы, а черезъ минуту изъ балки показалась цѣлая масса скачущихъ всадниковъ. Всматриваясь въ эту толпу, Яковъ Петровичъ замѣтилъ, что вся она несется по слѣдамъ одного изъ разъѣздныхъ казаковъ, и что пикетъ, стоявшій на курганѣ, поспѣшно бросился къ своимъ лошадямъ; но такъ какъ испуганные кони шарахнулись въ сторону, то казаки, оставшіеся пѣшими, кинулись въ Чамлыкъ, думая, вѣроятно, укрыться гдѣ нибудь подъ его обрывистымъ берегомъ.

«Не знаю, почему — разсказывалъ Яковъ Петровичъ: — но мнѣ и моимъ товарищамъ, слѣдившимъ за катастрофою, показалось, что это линейные казаки Засса, и мы приготовились уже къ порядочной головомойкѣ, зная, какъ строго относился Зассъ къ подобнымъ безпорядкамъ,—какъ вдругъ новый ружейный залпъ, свалившій съ лошади скакавшаго впереди казака разомъ объяснилъ намъ дѣло»...

Въ крѣпости ударили тревогу. Сотня Бакланова была дежурною, и потому ранѣе другихъ выѣхала въ поле; но, видя превосходство непріятеля, остановилась въ ожиданіи новыхъ приказаній подъ самыми стѣнами укрѣпленія. Горцы между тѣмъ, повертѣвшись вокругъ, повернули назадъ и стали отступать опять за Синюшку, по направленію къ той самой балкѣ, въ которой за нѣсколько минутъ передъ этимъ былъ уничтоженъ казачій разъѣздъ *). Яковъ Петровичъ, опасавшійся потерять слѣдъ непріятельской партіи, двинулся за нею на почтительномъ разстояніи, такъ какъ въ лѣсистыхъ балкахъ можно было ожидать засады.

*) Изъ этого разъѣзда, состоявшаго изъ 15 казаковъ, не спаслось ни одного человѣка.

Шесть человѣкъ, посланные имъ впередъ, шли на хвосту непріятеля и условными знаками давали знать обо всемъ, что дѣлаютъ горцы. Но горцы отступали спокойно: они перешли Чамлыкъ, повернули направо и потянулись мимо самой крѣпости, отъ которой отдѣляла ихъ только одна глубокая рѣчка. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что крѣпостная картечь могла бы сильно повредить непріятелю; но къ удивленію, съ крѣпости не было сдѣлано ни одного пушечнаго выстрѣла. Баклановъ между тѣмъ продолжалъ подвигаться впередъ,—но едва казаки вышли изъ перелѣсковъ на чистое поле, какъ горцы въ виду самой крѣпости бросились въ шашки. Во́ время предупрежденные своими махальными, казаки спѣшились и отразили нападеніе ружейнымъ огнемъ. Вторая атака имѣла для горцевъ ту же самую участь; а между тѣмъ, оглянувшись на крѣпость, Баклановъ увидѣлъ, что изъ воротъ ея выѣзжаетъ полкъ съ двумя полевыми орудіями.

— Ну, слава Богу! теперь намъ бояться нечего—сказалъ онъ казакамъ, и снова двинулся за непріятелемъ, который постепенно сталъ уклоняться къ Лабѣ и, оттянувъ такимъ образомъ Бакланова верстъ на десять отъ крѣпости, въ третій разъ бросился въ шашки. Казаки опять спѣшились; но горцы, поклявшіеся на этотъ разъ уничтожить горсть храбрецовъ, производили атаку за атакою почти безъ промежутковъ, такъ что казаки едва успѣвали заряжать свои ружья. Такимъ образомъ перестрѣлка длилась болѣе часа. П о л к а в с е н ѣ т ъ, а между тѣмъ патроны становятся уже на исходѣ. Послѣ седьмой атаки Баклановъ послалъ урядника Некредина сказать полковому командиру, что у него нѣтъ патроновъ, и что онъ проситъ подкрѣпленія. Некрединъ, счастливо избѣгнувъ преслѣдованія горцевъ, возвратился назадъ въ то время, когда казаки, отбивъ послѣднюю десятую атаку, тронулись опять по слѣдамъ непріятеля. Какъ человѣкъ смѣтливый, не желавшій своимъ извѣстіемъ обезкураживать людей, Некрединъ, отозвалъ Бакланова въ сторону и сказалъ ему шопотомъ:

— Яковъ Петровичъ! командиръ велѣлъ передать вамъ, что если у казаковъ не стало патроновъ, то у нихъ есть пики, а подкрѣпленія не будетъ.

— Гдѣ же полкъ? спросилъ его Баклановъ.

— Полкъ возвратился въ крѣпость, отвѣчалъ Некрединъ.

Озадаченный этимъ извѣстіемъ, Баклановъ подозвалъ къ себѣ хорунжаго Полякова, отличнаго боеваго офицера, впослѣдствіи убитаго горцами, и пересказалъ ему все, что слышалъ отъ урядника. Они отъѣхали впередъ и стали разговаривать между собою такъ, чтобы люди не могли ихъ слышать.

— Что же намъ дѣлать? спросилъ Поляковъ.

— Я знаю только одно — отвѣчалъ Баклановъ,—что отступать невозможно: горцы въ этомъ случаѣ будутъ преслѣдовать, и если мы съ тобою ускачемъ, то люди непремѣнно погибнутъ!

— Такъ погибнемъ вмѣстѣ съ людьми!—сказалъ Поляковъ и подалъ Бакланову руку; тотъ горячо пожалъ ее. Въ это самое время сталъ накрапывать дождикъ, и Яковъ Петровичъ обратилъ вниманіе на черныя тучи, которыя со всѣхъ сторонъ застилали небо.

— Этотъ дождикъ — сказалъ онъ Полякову: скоро обратится въ ливень; ружья замокнутъ, и мы не въ состояніи будемъ держаться даже пѣшкомъ, какъ держались до сихъ поръ. Поэтому, вотъ мои приказанія. Если горцы еще разъ атакуютъ насъ, и мы отобьемъ ихъ — я съ первою полусотнею брошусь въ пики; ты же будь на сторожѣ и, если увидишь, что я поколебалъ непріятеля, не теряй ни минуты: раздѣли своихъ казаковъ на двѣ части и охватывай фланги; но, если пошатнутся мои казаки, командуй: къ пѣшему бою! Я присоединюсь къ тебѣ, и мы будемъ держаться и умирать уже вмѣстѣ.

Едва онъ окончилъ эти слова, какъ горцы произвели одиннадцатую, а потомъ двѣнадцатую атаку, которыя были отбиты такъ же, какъ и предъидущія. Въ эту минуту дождь хлынулъ ливнемъ; вдали послышался громъ, чрезвычайно напоминавшій далекіе раскаты пушечныхъ выстрѣловъ. Яковъ Петровичъ воспользовался этимъ и, обратившись къ своимъ казакамъ, крикнулъ:

— Ребята! Вы слышите пушечные выстрѣлы: это полкъ идетъ къ намъ на выручку. Онъ идетъ докончить то дѣло, которое мы запечатлѣли нашею собственною кровью. Такъ не дозволимъ-же ему воспользоваться плодами нашихъ успѣховъ! Станичники! Пики на перевѣсъ! Съ Богомъ—впередъ!

И вотъ, когда разстроенные горцы стали собираться для новаго удара, одна полусотня, подъ личною командою Бакланова, какъ вихрь налетѣла и врѣзалась въ толпы ихъ, дрогнувшія при такой неожиданности. Въ ту же минуту Поляковъ охватилъ ихъ и справа и слѣва. Ошеломленные горцы, подъ вліяніемъ паническаго страха, повернули назадъ, и казаки преслѣдовали и гнали ихъ до самой Лабы на протяженіи пятнадцати верстъ, отбили отъ брода и заставили спасаться вплавь подъ ружейнымъ огнемъ спѣшившихся казаковъ.

Потеря въ сотнѣ Бакланова простиралась до 20 человѣкъ убитыми и ранеными, партія-же горцевъ понесла совершенное пораженіе, такъ что изъ нея спаслось не болѣе шестидесяти человѣкъ. На возвратномъ пути казаки сняли съ убитыхъ оружіе, собрали разсыпанныхъ и бѣгавшихъ по полю лошадей, и съ этими трофеями явились на Чамлыкъ, гдѣ встрѣтили полкъ, только что выступившій вторично изъ крѣпости.

На слѣдующій день въ укрѣпленіе пріѣхалъ Зассъ. Онъ получилъ на пути донесеніе полковаго командира о дѣлѣ на Чамлыкѣ и въ ту же минуту съ нарочнымъ курьеромъ отправилъ его въ Тифлисъ. Въ донесеніи сказано было, однакоже, что въ дѣлѣ участвовалъ цѣлый полкъ, и эта ошибка такъ и вошла во всѣ современныя военныя извѣстія. Обнаружилась она тогда, когда, по мнѣнію Засса, исправить ее было уже неудобно, но тѣмъ не менѣе по настоятельному и энергическому его ходатайству, Яковъ Петровичъ получилъ за это дѣло орденъ св. Владиміра 4 степени съ бантомъ,—что почиталось въ то время необыкновеннымъ отличіемъ.

Зассъ только передневалъ въ Чамлыкскомъ укрѣпленіи, а на слѣдующую ночь перешелъ черезъ Лабу и, разгромивъ въ верховьяхъ ея абадзинскіе аулы, къ разсвѣту 8 іюля отступилъ такъ быстро, что горцы успѣли собраться на тревогу только тогда, когда отрядъ нашъ подходилъ уже къ переправѣ. Въ этой экспедиціи Баклановъ, тогда еще сотникъ — оставленъ былъ съ частію кавалеріи отряда на лѣвомъ берегу Лабы для прикрытія переправы пѣхоты, артиллеріи и обозовъ. Такое серьезное назначеніе, повидимому, не соотвѣтствовавшее вовсе ни молодымъ лѣтамъ, ни скромному чину Якова Потровича, показываетъ, какъ Зассъ цѣнилъ и отличалъ людей, въ которыхъ предвидѣлъ истинныя военныя дарованія.

«Мы выбрали позицію — разсказываетъ Яковъ Петровичъ — около одной, весьма крутой, лѣсистой горы и съ самаго начала держались довольно твердо на мѣстѣ, но неравенство силъ скоро начало колебать мою кавалерію. Не желая уступить непріятелю мѣста, я рыскалъ съ одного фланга къ другому, стараясь возстановить порядокъ, но мнѣ это никакъ не удавалось: прискачешь къ одному—другой подается назадъ; бросишься туда—тамъ начинаютъ осаживать. Вдругъ—какъ теперь гляжу—весь лѣвый флангъ мой, заколебавшись подъ бѣшенымъ натискомъ горцевъ, повернулъ назадъ... Въ одну минуту мы были разрѣзаны надвое, разстроены, смяты и стерты съ лица земли... Изъ трехъ боевыхъ линій, цѣпей и малыхъ резервовъ составилась толпа, посреди которой слышался грохотъ ружейной пальбы и шумъ рукопашныхъ схватокъ...»

Увидѣть катастрофу и броситься на-перерѣзъ бѣжавшимъ казакамъ для Якова Петровича было дѣломъ одной минуты; но тутъ онъ попалъ въ засаду. Четыре спѣшившіеся горца, положивъ на присошки ружья, ожидали въ кустахъ его приближенія, и едва онъ поровнялся съ ними, какъ грянувшій залпъ свалилъ подъ нимъ лошадь: она была убита двумя пулями въ голову. Такимъ образомъ Баклановъ остался пѣшимъ и лицомъ къ лицу съ четырьмя противниками, которые кинулись на него съ обнаженными шашками. Къ счастію при паденіи съ лошади на немъ

уцѣлѣли двухстволка и пара турецкихъ пистолетовъ, которые онъ по примѣру горцевъ носилъ за поясомъ. Это остановило черкесовъ. Догадавшись, вѣроятно, что богатырь, стоявшій передъ ними, не отдастся въ руки живой, они рѣшились его пристрѣлить, и съ этою цѣлію двое, которые были ближе, стали прицѣливаться, причемъ одинъ положилъ винтовку на плечо къ другому... Первое чувство, которое, по словамъ Якова Петровича, охватило его — было чувство неизъяснимаго страха. Однакоже, овладѣвъ собою и вспомнивъ свое искусство въ стрѣльбѣ, которымъ отличался съ дѣтства, онъ быстро вскинулъ ружье на-прицѣлъ и вслѣдъ за грохнувшимъ выстрѣломъ оба противника его повалились разомъ убитые на-повалъ одною и тою же пулею. Въ ту же минуту позади его послышались крики и гулъ несущейся конницы. Оборотиться назадъ было нельзя, потому что противъ него оставалось еще двое горцевъ съ заряженными ружьями; но по ихъ суетливымъ движеніямъ, по тому шуму, крику и топоту, который неслся откуда-то сзади, безошибочно можно было понять, что наша кавалерія оправилась и гонитъ непріятеля. Дѣйствительно, шумъ становился все ближе и ближе. Вотъ, въ сторонѣ, шагахъ въ пяти отъ Бакланова пронесся горецъ, за нимъ другой, третій... вотъ хлынули ихъ цѣлыя массы и, какъ живыя волны, со всѣхъ сторонъ охватили Якова Петровича. Положеніе его было критическое, однакоже страхъ, наведенный на горцевъ, былъ такъ великъ, что ни одинъ изъ нихъ не попытался даже пырнуть его кинжаломъ, или ударить шашкою—что въ тѣснотѣ имъ сдѣлать было весьма удобно. Перваго, который смялъ-было его лошадью, Яковъ Петровичъ свалилъ съ сѣдла выстрѣломъ изъ пистолета; другаго постигла та же самая участь. Горцы, какъ спугнутая стая, шарахнулись въ сторону; а между тѣмъ, чьи-то сильныя руки схватили Бакланова за плечи. Это были его ординарцы. Одинъ изъ нихъ тотчасъ подалъ ему лошадь, на которую Яковъ Петровичъ вскочилъ, позабывъ даже сказать спасибо своему избавителю— такъ торопился онъ остановить преслѣдованіе, замѣтивъ, что горцы, промчавшись до ближняго лѣса, спѣшились и залегли въ опушкѣ. Казаки, дѣйствительно, остановились во-время, потому что черезъ пять минутъ гдѣ-то делеко, далеко, за Лабою, грянулъ и покатился раскатами сигнальный пушечный выстрѣлъ—условный знакъ, по которому надо было начать отступленіе.

Этимъ эпизодомъ заканчивается боевая дѣятельность Якова Петровича на правомъ флангѣ Кавказской линіи. Возвратившись въ Чамлыкское укрѣпленіе, полкъ по-прежнему занялъ кордонную линію и съ этихъ поръ до выступленія своего на Донъ, 7 іюля 1837 года, не принималъ уже участія въ серьезныхъ дѣлахъ съ непріятелемъ. Яковъ Петровичъ, по крайней мѣрѣ, помнилъ за это время только одно происшествіе, ко-

торое случилось, кажется, въ февралѣ 1837 года и заключалось въ томъ, что партія изъ ста человѣкъ кабардинцевъ напала на 20 донскихъ казаковъ, ѣхавшихъ съ Чамлыка на Кубань, причемъ тринадцать изъ нихъ положила на мѣстѣ, а семерыхъ захватила въ плѣнъ. Впрочемъ, подобныя происшествія не составляли въ то время на Кавказѣ рѣдкаго случая, особенно по отношенію къ донцамъ. «Наши донцы — говоритъ Яковъ Петровичъ: — платились таки частенько за свою неумѣлость приноровиться къ характеру войны и къ образу дѣйствія закубанскихъ горцевъ».

По возвращеніи съ Кавказа Яковъ Петровичъ какъ офицеръ, обратившій на себя особенное вниманіе своими боевыми отличіями, назначенъ былъ въ составъ Донскаго № 41 полка, собиравшагося въ Новочеркаскѣ временно, по случаю ожидаемаго пріѣзда въ бозѣ почивающаго государя императора Николая Павловича, обѣщавшаго посѣтить донцовъ на возвратномъ пути изъ Грузіи. Это было первое посѣщеніе государя, послѣ дарованнаго имъ войску «положенія», которое упрочивало за донцами на вѣчныя времена неприкосновенность всѣхъ древнихъ правъ и привиллегій, пожалованныхъ имъ прежними вѣнценосцами Россіи.

Памятное Дону событіе это совершилось 18 октября 1837 года. Въ этотъ день покойный императоръ въ сопровожденіи наслѣдника престола — нынѣ въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича изволилъ прибыть въ Новочеркаскъ, и здѣсь передъ мѣстнымъ каѳедральнымъ соборомъ посреди войсковаго круга, составленнаго изъ войсковыхъ знаменъ и регалій, въ присутствіи представителей всѣхъ безъ-изъятія чиновъ и сословій Дона, вручилъ августѣйшему первенцу своему «перначъ», какъ издревле принятый знакъ атаманскаго достоинства. Яковъ Петровичъ говоритъ, что онъ неизгладимо запечатлѣлъ въ своемъ сердцѣ это высокое и священное зрѣлище. Командуя сотнею, онъ вмѣстѣ съ полкомъ участвовалъ на всѣхъ смотрахъ, парадахъ и церемоніяхъ, производившихся тогда въ Новочеркаскѣ и за отличіе по службѣ высочайшимъ приказомъ произведенъ въ есаулы.

По отъѣздѣ Государя полки, собранные для высочайшихъ смотровъ, были распущены, и Яковъ Петровичъ провелъ около двухъ лѣтъ на льготѣ, а затѣмъ, 6 мая 1839 года назначенъ былъ снова на службу въ Донской учебный полкъ, только что сформированный въ Новочеркаскѣ, и долженствовавшій послужить разсадникомъ военнаго образованія между Донцами, у которыхъ предположено было начать постепенное введеніе строевыхъ ученій по уставу, общему для всей регулярной кавалеріи. Хотя подобная мѣра и встрѣчена была на Дону нѣкоторымъ ропотомъ со стороны ревнителей казацкой старины, однакоже лучшіе полковые командиры и вся служащая донская молодежь, извѣдавъ на

опытѣ преимущество новыхъ порядковъ, отнеслась къ дѣлу весьма сочувственно. Яковъ Петровичъ одинъ изъ первыхъ указалъ на тѣ благіе результаты, которые можетъ дать толковое обученіе казаковъ, если отбросить мелочной педантизмъ, строевыя выправки и тихіе учебные шаги, считавшіеся верхомъ и цѣлью обученія военному дѣлу. Поэтому, не увлекаясь, какъ большинство тогдашнихъ офицеровъ, одною фронтоманіею, онъ обратилъ вниманіе на самый духъ кавалерійскаго устава и съумѣлъ примѣнить его къ казакамъ, сообразно сложившимся издавна условіямъ и потребностямъ ихъ службы. Результаты вышли блестящіе, и Яковъ Петровичъ къ своей боевой репутаціи скоро прибавилъ извѣстность отличнаго фронтоваго офицера.

Съ этою репутаціею онъ былъ назначенъ 15 мая 1841 года въ Донской казачій № 36 Радіонова полкъ и вмѣстѣ съ нимъ отправился въ Польшу. Дальніе переходы и затѣмъ стоянки сперва въ Варшавѣ, а потомъ на границѣ съ Пруссіею, гдѣ полкъ содержалъ кордонную линію, познакомили Якова Петровича съ новою жизнію, совершенно иною, чѣмъ та, которую онъ видѣлъ у себя на Дону, въ грязной, полудикой Молдавіи, въ татарскомъ Крыму, въ Турціи и на Кавказѣ. Пребываніемъ въ Польшѣ Яковъ Петровичъ воспользовался сверхъ того и для личнаго своего самообразованія, посвятивъ этому дѣлу весь свой досугъ, котораго было не мало. Онъ ознакомился за это время съ большею частію нашихъ военно-историческихъ сочиненій и дѣльнымъ, толковымъ чтеніемъ пополнилъ недостатки своего первоначальнаго образованія. По возвращеніи изъ Польши, онъ былъ произведенъ 18 октября 1844 года въ чинъ войсковаго старшины, а вслѣдъ затѣмъ 7 мая 1845 года экстренно командированъ былъ опять на Кавказъ въ Донской казачій № 20 полкъ, которымъ командовалъ подполковникъ Шрамковъ.

Съ этихъ поръ начинается быстрое служебное возвышеніе Якова Петровича.

III.

Донской казачій № 20-й полкъ, въ который Баклановъ назначенъ былъ младшимъ штабъ-фицеромъ, расположенъ былъ на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи, въ маленькомъ и бѣдномъ Куринскомъ укрѣпленіи, которое составляло передовой оплотъ нашихъ Кумыкскихъ владѣній. Оно стояло на одномъ изъ уступовъ Качкалыковскаго хребта, покрытаго сплошными, дремучими лѣсами и отдѣлявшаго на западѣ Кумыкскую плоскость отъ Большой Чечни — театра нашихъ военныхъ дѣйствій. Яковъ Петровичъ прибылъ сюда около 10 іюня 1845 года, слѣдовательно вскорѣ по выступленіи главнаго чеченскаго отряда въ Даргинскую экспедицію.

Такъ какъ всѣ непріятельскія силы собраны были въ Ичкеріи, то на Кумыкской плоскости было спокойнѣе, чѣмъ когда-нибудь, а потому и новая служба, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, не представляла для Якова Петровича ничего заманчиваго. Онъ скучалъ бездѣйствіемъ, и, живя въ Куринскомъ, вспоминалъ съ особеннымъ удовольствіемъ тревожную и полную опасныхъ приключеній жизнь праваго фланга.

Но вотъ однажды Яковъ Петровичъ былъ посланъ съ своимъ дивизіономъ въ ближайшій качкалыковскій лѣсъ нарубить кольевъ и хвороста для гарнизона. Любознательность, служившая всегда отличительною чертою Бакланова, увлекла его на этотъ разъ почти за предѣлы благоразумія. Онъ оставилъ дивизіонъ на работѣ и одинъ поѣхалъ осматривать дремучій незнакомый лѣсъ, по которому то и дѣло, что рыскали чеченскія партіи. Поднимаясь на горы все выше и выше, онъ очутился наконецъ на небольшой полянѣ, откуда начинался спускъ и открывался великолѣпный видъ на самые дальніе аулы мичиковцевъ и ичкеринцевъ. Внизу, за переваломъ, почти у самой подошвы хребта, въ крутомъ, излучистомъ оврагѣ катился Мичикъ—граница, отдѣляющая насъ отъ че-

ченцевъ, а за Мичикомъ разстилались обширныя лѣсистыя равнины, роскошно освѣщенныя полуденнымъ солнцемъ и сплошь покрытыя чеченскими аулами, между которыми кое-гдѣ мелькали одиночные всадники и пестрѣли стада, ходившія даже безъ пастуховъ, подъ охраною однѣхъ большихъ косматыхъ собакъ.

Долго стоялъ Яковъ Петровичъ, всматриваясь въ эту синѣющую даль: оплошность непріятеля, возможность воспользоваться ею и, наконецъ, желаніе наказать чеченцевъ, перехвативъ ходившій на пастбищѣ скотъ—все это подѣйствовало на него такъ возбудительно, что онъ рѣшился тутъ-же попытать свое счастіе.

— Оттягать чужое — не разъ говаривалъ Яковъ Петровичъ: — видно вложено Богомъ въ нашу казацкую натуру, и ужъ тутъ никакъ не утерпишь!

Быстро возвратившись назадъ, онъ издали крикнулъ казакамъ: „Ребята—на конь!" и, схвативъ дивизіонъ, бросился съ нимъ черезъ Мичикъ, прямо къ ближайшему чеченскому аулу. Рѣшаясь на этотъ отважный поступокъ, Яковъ Петровичъ съ намѣреніемъ ничего не далъ знать въ Куринское укрѣпленіе, гдѣ стоялъ баталіонъ Замосцскаго полка, справедливо опасаясь помѣхи со стороны его командира *), такъ какъ до сихъ поръ не было примѣра, чтобы изъ крѣпости высылали когда-нибудь казаковъ для подобнаго предпріятія. Между тѣмъ казаки, подскакавъ къ аулу, отхватили ближайшее стадо и стали перегонять его за Мичикъ. Все это было такъ ново, такъ неожиданно для непріятеля, что когда всполошившіеся горцы высыпали наконецъ изъ ауловъ, Яковъ Петровичъ уже подходилъ къ Куринскому и гналъ къ немалому соблазну и удивленію всѣхъ до ста пятидесяти штукъ рогатаго скота и барановъ.

Этотъ самъ по себѣ незначительный случай сразу пріобрѣлъ Якову Петровичу любовь и популярность въ средѣ Куринскаго гарнизона, выказавъ передъ нимъ тѣ замѣчательныя, партизанскія способности Бакланова, которыя скоро доставили ему такую громкую и справедливую извѣстность по цѣлому Кавказу.

Спустя нѣсколько дней послѣ этого происшествія въ Куринское прибылъ начальникъ лѣваго фланга генералъ-маіоръ Робертъ Карловичъ Фрейтагъ. Онъ узналъ на дорогѣ о смѣломъ набѣгѣ Бакланова и тутъже съ обычною своею проницательностью предсказалъ ему блестящую служебную карьеру въ будущемъ.

Съ прибытіемъ Фрейтага тревожные слухи, давно ходившіе по укрѣпленію о неудачахъ Даргинской экспедиціи, подтвердились. Фрей-

*) Командиръ Замосцскаго баталіона былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и начальникомъ подвижнаго резерва Куринскаго укрѣпленія.

тагъ дѣйствительно имѣлъ приказаніе спѣшить на выручку къ главному отряду со всѣми войсками, какія только возможно было собрать на Кумыкской плоскости. Поэтому, присоединивъ въ Куринскомъ часть гарнизона и взявъ съ собою Бакланова, которому поручилъ въ отрядѣ командованіе кавалеріею *), онъ двинулся форсированнымъ маршемъ и къ вечеру 18 іюля былъ уже на половинѣ дороги между Герзель-Ауломъ и Шаухалъ-Берды, гдѣ помощь его явилась, какъ нельзя болѣе во-время. Это былъ канунъ того роковаго дня, въ который, по словамъ очевидцевъ, нашимъ войскамъ, истомленнымъ предъидущими маршами, голоднымъ, оборваннымъ и неимѣвшимъ даже патроновъ, предстояло атаковать, или правильнѣе сказать, пробиться сквозь массу непріятеля, чтобы спасти главнокомандующаго, пожертвовавъ для этого не только обозами, но даже артиллеріею и ранеными, которыхъ въ отрядѣ было свыше полутора-тысячъ человѣкъ.

Такимъ образомъ Якову Петровичу пришлось быть свидѣтелемъ знаменитаго эпилога памятной Кавказу Даргинской экспедиціи.

18-го іюля вечеромъ въ отрядѣ Фрейтага произошла первая аванпостная стычка въ окрестностяхъ Мискита, а 19-го оба отряда одновременно атаковали непріятельскую позицію на высотахъ Шаухалъ-Берды и послѣ кровопролитнаго боя соединились при общихъ радостныхъ крикахъ «ура!» Заслуга Фрейтага дѣйствительно была огромная, и графъ Воронцовъ справедливо привѣтствовалъ его какъ избавителя.

На другой день новоприбывшія войска, свѣжія и бодрыя, выстроены были на дорогѣ для встрѣчи главнокомандующаго, который изъявилъ желаніе лично поблагодарить ихъ за форсированный маршъ и кровавый бой—послѣдствія коего оказывались неисчислимыми. Когда онъ, объѣхавъ пѣхоту, остановился передъ казаками, Робертъ Карловичъ Фрейтагъ воспользовался этимъ, чтобы представить ему войсковаго старшину Бакланова.

— Это тотъ самый отважный штабъ-офицеръ, — сказалъ онъ, — о которомъ я вчера докладывалъ вашему сіятельству.

Графъ Воронцовъ задумчиво, какъ будто припоминая себѣ что-то знакомое, посмотрѣлъ на Бакланова.

— Вы прежде были на Кавказѣ? спросилъ онъ его послѣ минутнаго молчанія.

Яковъ Петровичъ отвѣчалъ, что былъ въ тридцатыхъ годахъ, но не здѣсь, а на правомъ флангѣ, подъ командою генерала Засса.

— Полкъ, въ которомъ вы служили, носилъ 8-й номеръ и назывался Жирова?—продолжалъ допрашивать главнокомандующій.

*) Кавалерія въ отрядѣ Фрейтага состояла изъ трехъ сотенъ, изъ коихъ одна 20-го и двѣ—52-го донскихъ казачьихъ полковъ.

Баклановъ отвѣчалъ утвердительно.

Тогда графъ Воронцовъ подалъ ему руку.

— Я помню ваше дѣло на Чамлыкѣ у Вознесенскаго укрѣпленія— сказалъ онъ: и мнѣ весьма пріятно увидѣть васъ опять въ рядахъ нашего Кавказскаго корпуса.

— Я перечитывалъ какъ-то старыя дѣла—добавилъ графъ Воронцовъ, обращаясь къ Фрейтагу:—и совершенно случайно напалъ въ нихъ на «Жировское» дѣло, которое осталось у меня въ памяти со всѣми мельчайшими подробностями. Это было очень, очень хорошее дѣло — и я съ особеннымъ удовольствіемъ привѣтствую виновника этого подвига!

Онъ протянулъ еще разъ руку Якову Петровичу и, отъѣзжая, поручилъ его дальнѣйшую службу особому вниманію храбраго Фрейтага.

По возвращеніи въ Куринское Яковъ Петровичъ за отличіе 19 іюля при взятіи Шаухалъ-Бердынскихъ заваловъ награжденъ былъ орденомъ св. Анны 2 степени; а вслѣдъ затѣмъ, по случаю отъѣзда подполковника Шрамкова на Донъ, назначенъ, по личному приказанію графа Воронцова командующимъ Донскимъ казачьимъ № 20 полкомъ, который и принялъ на законномъ основаніи въ началѣ 1846 года *).

Съ этихъ поръ начинается слава Бакланова.

По уходѣ войскъ 5-го пѣхотнаго корпуса обратно въ Россію полкъ Якова Петровича расположился по укрѣпленіямъ передовой Кумыкской линіи, которая шла вдоль непріятельской границы отъ Умаханъ-Юрта на Сунжѣ черезъ Куринское, Герзель-Аулъ и крѣпость Внезапную до стараго Чиръ-Юрта на Сулакѣ **), откуда начинались уже владѣнія Шамхала Тарковскаго. Штабъ полка вмѣстѣ съ 12-мъ Кавказскимъ линейнымъ баталіономъ маіора Берсенева по-прежнему оставался въ Куринскомъ, расположенномъ, какъ мы говорили, на сѣверо-восточномъ склонѣ Качкалыковскаго хребта, за которымъ жили чеченцы, составлявшіе издавна особое Мичиковское наибство. Нѣкоторые аулы ихъ, какъ напримѣръ, Мазлыгами, Гурдали-Юртъ, Денги-Юртъ, Энгли-Юртъ ***) и другіе стояли на Мичикѣ такъ близко отъ насъ, что по зарямъ изъ нихъ доносился крикъ пѣтуховъ и лай собакъ, сторожившихъ стада и чуявшихъ Богъ вѣсть изъ какой дали приближеніе къ нимъ звѣря или недобраго человѣка. Самый Качкалыковскій хребетъ номинально входилъ въ Кумыкскія владѣнія, такъ какъ оффиціальною границею Чечни признавался Мичикъ; но на самомъ дѣлѣ онъ былъ не

*) Окончательное утвержденіе въ этой должности Якова Петровича послѣдовало какъ видно изъ формулярнаго его списка, только 10 февраля 1849 года.

**) Въ 1846 году на правомъ берегу Сулака, какъ разъ насупротивъ этого аула заложена была штабъ-квартира Нижегородскаго Драгунскаго полка.

***) Юртъ—значитъ селеніе.

то чтобы нашъ, и не то, что непріятельскій, а такъ себѣ, спорный, потому что за воротами Куринскаго тотчасъ-же начиналась земля, на которой чеченцы, пользуясь замкнутостію нашихъ гарнизоновъ, заводили свои хутора и ставили вышки, откуда наблюдали за всѣмъ, что дѣлалось на нашей сторонѣ.

Остальныя племена, соприкасавшіяся съ Кумыкскими владѣніями, жили въ восточной, гористой части этого края, покрытой отрогами Андійскаго хребта, которые замыкали съ юга Кумыкскую плоскость, насупротивъ Внезапной и Герзель-Аула. Въ этихъ суровыхъ и дикихъ мѣстахъ, по берегамъ горныхъ рѣчекъ Аксая, Яманъ-Су, Ярыкъ-Су и Акташъ-Чаю обитали ауховцы и ичкеринцы, составлявшіе населеніе горной Чечни. Это было населеніе самое бѣдное, но хищное, воинственное и потому самое враждебное для насъ на Кавказѣ.

Войска, расположенныя для обороны Кумыкской плоскости, состояли изъ Кабардинскаго полка, линейнаго Кавказскаго батальона и двухъ донскихъ казачьихъ полковъ Сычова и Бакланова *), занимавшихъ, сверхъ названныхъ нами укрѣпленій, еще Ташъ-Кичинскій постъ, въ 12 верстахъ отъ Шелкозаводской станицы, на Терекѣ. Къ сожалѣнію, тогдашняя система кавказской войны, приковывавшая эти войска къ укрѣпленіямъ, растянутое расположеніе оборонительной линіи, недостатокъ подвижныхъ резервовъ и, наконецъ, отсутствіе предпріимчивости въ частныхъ начальникахъ, дѣлали безполезными наши усилія ослабить набѣги, и горцы по-прежнему, почти безнаказанно громили не только кумыкскіе аулы, но прорывались далеко на Терекскую линію и даже далѣе, въ глубь астраханскихъ степей, гдѣ кочевали ногайцы.

Особенный недостатокъ при этомъ чувствовался у насъ въ хорошей подвижной кавалеріи, такъ какъ донскіе казаки не пользовались почетомъ со стороны кавказскихъ наѣздниковъ, мѣтко характеризовавшихъ ихъ названіемъ «камышъ» **). Почему тѣ самые донцы, которые стяжали еще недавно въ Наполеоновскія войны такую громкую извѣстность и славу, оказывались несостоятельными въ борьбѣ съ кавказскими горцами — на это существовало много причинъ, о которыхъ судили различно. Однакоже менѣе всего виноваты были въ этомъ сами казаки,— такъ какъ причину подобнаго явленія прежде всего надо было искать въ тѣхъ распорядкахъ и неурядицахъ, которые допускались кавказскимъ начальствомъ по отношенію къ донскимъ полкамъ, служившимъ на линіяхъ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ до пріѣзда на Кавказъ князя Михаила Семеновича Воронцова. Старымъ кавказцамъ извѣстно, что

*) Сычова полкъ, сколько могъ припомнить Яковъ Петровичъ, носилъ номеръ 52.

**) Названіе это казаки получили, благодаря своимъ длиннымъ пикамъ, про которыя чеченцы выражались, что они для нихъ не опаснѣе рѣчнаго камыша.

едва новый полкъ приходилъ на линію, въ чужую, незнакомую сторону, какъ казаки его тотчасъ же разбирались по рукамъ и получали не боевыя, а разныя второстепенныя и вовсе не соотвѣтствовавшія имъ порученія и должности. Каждый адъютантъ, и вообще штабный офицеръ, каждый прикомандированный гвардеецъ, даже полицейскій приставъ, провіантскій и интендантскій чиновникъ,—мало того, каждый туземецъ армянинъ — служилъ-ли онъ переводчикомъ, или былъ простымъ маркитантомъ — непремѣнно выпрашивалъ и получалъ казаковъ, которые и назначались къ нимъ подъ видомъ драбантовъ, вѣстовыхъ и конвойныхъ.

Остальные казаки разбрасывались прямо по отдѣльнымъ постамъ и укрѣпленіямъ, гдѣ попадали подъ начальство чужихъ офицеровъ, мало интересовавшихся ихъ нуждами. Такимъ образомъ, на глазахъ у всѣхъ исчезала и падала боевая казацкая сила; сотни, превращавшіяся во взводы, теряли свою самостоятельность, а вмѣстѣ съ нею утрачивали всякую энергію полковые и сотенные начальники; казаки же, предоставляемые самимъ себѣ, гибли въ одиночныхъ бояхъ подъ ударами горцевъ, десятками шли въ лазареты, или исчезали въ госпиталяхъ, гдѣ часто пропадали безслѣдно, такъ что полки возвращались на Донъ иногда въ двухъ и много-много въ трехъ-сотенномъ составѣ.

Тому, кто пожелалъ бы ознакомиться съ нравственнымъ состояніемъ духа тогдашнихъ донцовъ на Кавказѣ, стоитъ только прослѣдить ихъ историческія пѣсни, въ которыхъ съ такою безпощадною ироніею и въ такихъ безотрадныхъ и грустныхъ картинахъ рисуется та самая жизнь, которая встрѣчала ихъ „на линіи линеюшкѣ, на распроклятой шельмѣ, Кавказской сторонушкѣ“, откуда казаки обыкновенно не чаяли выхода. Пѣсни эти, безспорно составляющія народныя донскія былины, дороги, какъ историческіе памятники прошлаго, и ихъ можно было услышать вездѣ, гдѣ только были казаки; но надо сознаться, что онѣ, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, запугивая воображеніе новичковъ цѣлымъ рядомъ печальныхъ и грустныхъ картинъ, ожидавшихъ ихъ въ будущемъ, мало способны были къ развитію въ казакахъ той бодрости и смѣлости духа, какими отличались сосѣди ихъ—линейцы.

Въ самомъ дѣлѣ, линейный казакъ, родившійся въ этой странѣ, въ виду непріятеля, съ которымъ долженъ былъ драться, привыкалъ къ опасности съ самаго дѣтства, и она переставала пугать его воображеніе, какъ пугала донскаго казака, знакомившагося съ нею только черезъ разсказы и пѣсни старинныхъ людей, о которыхъ мы говорили. Кромѣ того, незнаніе свойства непріятеля, его снаровокъ и образа войны, неблагопріятныя климатическія условія, дурныя казармы и разнаго рода лишенія, сламливавшія самыя крѣпкія, желѣзныя натуры — все это составляло

такую непривычную для нихъ обстановку, при которой каждый невѣрный шагъ оплачивался съ ихъ стороны тяжелыми потерями и кровію. Если же добавить къ этому еще, что донскіе полки являлись на Кавказъ на плохихъ лошадяхъ и на половину составленные изъ малолѣтковъ, дурно вооруженныхъ и еще хуже обученныхъ, такъ что рѣдкій казакъ, по словамъ очевидцевъ, могъ стрѣлять на карьерѣ, — то сдѣлается понятнымъ, почему казакъ, не надѣявшійся ни на своего коня, ни на ружье, ни на пику, которой чеченцы не боялись—становился посредственнымъ воиномъ и игралъ страдательную роль при каждой встрѣчѣ съ проворнымъ и ловкимъ непріятелемъ. Чтобы поравняться съ горцемъ, ему приходилось учиться съ азбуки; но азбука эта давалась нелегко, и даже при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ изучивалась ими тогда, когда приходило время возвращаться на Донъ; а прибывавшіе на смѣну новые казаки не могли воспользоваться даже и плодами пріобрѣтенной ими опытности. Къ тому же не слѣдуетъ скрывать, что полковые командиры, назначаемые сюда за-урядъ по доставшейся очереди, не всѣ соотвѣтствовали своему назначенію, и только немногіе изъ нихъ успѣвали обратить на себя вниманіе своими дѣйствительно боевыми подвигами, — а это было невыгодно, особенно по сравненію съ линейцами, между которыми гремѣли тогда имена такихъ начальниковъ, какими были Крюковскій, Зассъ, Волковъ и другіе.

Въ такомъ положеніи находились донскіе полки, когда въ средѣ ихъ полковыхъ командировъ является Яковъ Петровичъ Баклановъ.

Съ самаго перваго дня командованія полкомъ онъ обратилъ особенное вниманіе на улучшеніе матеріальнаго быта и на возвышеніе нравственнаго духа своихъ донцовъ, глубоко проникнувшись тою идеею, что донскіе казаки болѣе другихъ войскъ нуждаются въ отеческомъ объ нихъ попеченіи ближайшихъ начальниковъ, потому что по условіямъ службы находятся въ худшихъ противъ нихъ и нравственныхъ и матеріальныхъ условіяхъ.

Относясь съ беззавѣтною любовію къ славѣ роднаго ему Донскаго казачьяго войска, онъ рѣшительно не могъ допустить въ себѣ мысли, чтобы донской казакъ могъ въ чемъ нибудь уступить линейному; а между тѣмъ не могъ и не сознаться, что приходившіе съ Дона казаки не обладали ни тою опытностію, ни тѣми сноровками, которыя необходимы были для войны на Кавказѣ. И вотъ у Якова Петровича рождается желаніе довести своихъ донцовъ до такого положенія, чтобы они ни въ бою, ни въ кордонной службѣ—ни въ чемъ не уступали линейцамъ.

Первое знакомство съ полкомъ убѣдило Якова Петровича, что сотни выѣзжаютъ только въ половинномъ числѣ, а остальные люди считаются въ командировкахъ при разныхъ учрежденіяхъ и лицахъ, гдѣ они от-

выкаютъ не только отъ обращенія съ оружіемъ, но даже и отъ верховой ѣзды. Поэтому Яковъ Петровичъ началъ свое командованіе тѣмъ, что отобралъ своихъ казаковъ у всѣхъ штабныхъ офицеровъ, чиновниковъ и разныхъ приставовъ, у которыхъ они служили простыми деньщиками. Много пришлось перенести непріятностей Якову Петровичу при столкновеніи съ различными—и высшими и низшими властями, но онъ поставилъ таки на своемъ, и его желѣзную волю сломить въ этомъ случаѣ было невозможно. Чтобы получить отъ него одного казака, надо было исписать цѣлыя дести бумагъ, и то безъ вѣроятной надежды на успѣхъ, потому что въ этомъ отношеніи Яковъ Петровичъ готовъ былъ доходить даже до главнокомандующаго, отстаивая тотъ принципъ, на которомъ онъ болѣе всего основывалъ нравственное возрожденіе донскаго казачества.

Собравъ такимъ образомъ полкъ, Яковъ Петровичъ самъ занялся строевымъ образованіемъ казаковъ и началъ экзаменовать офицеровъ въ знаніи уставовъ, особенно о полевой и аванпостной службахъ. До него эта часть находилась въ совершенномъ упадкѣ. Онъ принялся за дѣло не круто, но съ должною энергіею, и его неустанная дѣятельность, его строгій характеръ, его неуклонное наблюденіе за всѣми чинами полка, начиная отъ есаула, сотеннаго командира до простаго урядника, его безпрестанные осмотры казацкаго оружія и лошадей — скоро поставили полкъ на высокую степень боеваго образованія.

Кто, напримѣръ, повѣритъ, что въ этомъ полку въ сороковыхъ годахъ, когда въ нашей арміи, можно сказать, не зарождалось даже и мысли о необходимости общаго военнаго образованія для офицеровъ,— существовали уже военныя бесѣды, устраиваемыя по иниціативѣ Бакланова, разумѣется, безъ того оффиціальнаго значенія, какое имъ придается нынѣ, а такъ себѣ, при случаѣ, запросто, за чашкою вечерняго чая, за стаканомъ вина, между картежною игрою и ужиномъ... Казаки же его обучались развѣдовательной службѣ, саперному и артиллерійскому дѣлу въ такихъ широкихъ размѣрахъ, о которыхъ и теперь еще не вездѣ можно подумать.

— О храбрости казака — часто говаривалъ Яковъ Петровичъ своимъ офицерамъ: — заботиться не надо, потому что донскому казаку нельзя не быть храбрымъ, но надо, чтобы этотъ казакъ смыслилъ что-нибудь и побольше одной только храбрости!..

Стремясь къ этой цѣли, онъ прежде всего сформировалъ въ полку особую седьмую сотню, которая называлась учебною. Эта сотня, составленная изъ лучшихъ людей, доставляла ему прекрасныхъ инструкторовъ, а въ бояхъ—или ходила въ головѣ полка, или составляла надежный резервъ, смотря по обстоятельствамъ. Затѣмъ въ каждой сотнѣ одинъ

изъ взводовъ, снабженный всѣмъ шанцовымъ инструментомъ, спеціально обучался саперному искусству по образцу конныхъ піонеровъ, и сверхъ того, при полку образованы были еще двѣ команды: одна — пластунская, изъ лучшихъ стрѣлковъ и наѣздниковъ, употреблявшаяся на самыя опасныя развѣдки, а другая—ракетная, которая своими дѣйствіями въ составѣ батареи скоро пріобрѣла на линіи всеобщую извѣстность.

Содержаніе лошадей доведено было въ полку до совершенства; но чѣмъ особенно щеголяли казаки — такъ это исправностію и доброкачественностію оружія, чему способствовали частые набѣги и стычки, которые, по выраженію Якова Петровича, одѣли, обули и вооружили его казаковъ. Вслѣдствіе этого форменные донскіе чекмени, спрятанные въ цейхгаузахъ, хранились только на случай смотровъ и парадовъ. Походный же и вседневный костюмъ казака составляла азіатская черкеска—прочная, дешевая, а чаще всего даровая, снятая, по замѣчанію Бакланова, прямо съ плечъ убитаго татарина.

Форменныя шашки въ обычное время также покоились въ складахъ и появлялись оттуда на Божій свѣтъ только при проѣздѣ большихъ начальствующихъ лицъ; въ обыкновенное время ихъ замѣняли чеченскія шашки, добываемыя съ бою, или большіе лезгинскіе кинжалы, которые Яковъ Петровичъ охотно пріобрѣталъ даже на собственныя средства. Одно, съ чѣмъ онъ не могъ и не хотѣлъ разставаться — это были казацкіе дротики. Къ нимъ Яковъ Петровичъ питалъ глубокое, унаслѣдованное отъ дѣдовъ уваженіе и предпочиталъ ихъ всякому другому оружію, даже при спѣшиваніи. Ударъ въ дротики спѣшенныхъ казачьихъ частей Яковъ Петровичъ признавалъ неотразимымъ, и въ этомъ случаѣ ссылался на Платова, съ успѣхомъ употреблявшаго этотъ способъ не разъ при штурмѣ городовъ и селеній, защищаемыхъ даже французскою пѣхотою. Какъ ни странно можетъ показаться теперь подобное воззрѣніе, однако же за него говорятъ историческіе факты, и при томъ такіе, какъ штурмъ Измаила, взятіе Пассарги, Нимура и другихъ *). На Кавказѣ же чеченцы по этимъ пикамъ издали отличали спѣшенный Баклановскій полкъ и въ этомъ случаѣ старались нападать на колонну уже съ той стороны, съ которой были линейцы.

Съ устройствомъ внутренней части полка Яковъ Петровичъ могъ наконецъ обратить вниманіе на то, чтобы ознакомить своихъ казаковъ съ характеромъ страны и съ образомъ дѣйствія непріятеля.

*) Такъ напр., въ одномъ изъ немногихъ сохранившихся приказовъ Платова (5 февраля 1814 года) между прочимъ сказано: «Для штурма города Нимура со всѣхъ донскихъ казачьихъ полковъ нарядить по три, а съ атаманскаго полка пять сотенъ спѣшенныхъ казаковъ съ дротиками».

Лучшимъ и единственнымъ способомъ для этого было практическое обученіе казаковъ въ самомъ бою, которое, разумѣется, шло бы тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ чаще представлялась бы возможность участвовать въ дѣлахъ съ непріятелемъ.

Это заставило его хвататься за каждый случай «учить казаковъ», т. е. вести ихъ противъ непріятеля,—и Яковъ Петровичъ искусно пользовался затишьемъ, установившимся на линіи вслѣдъ за Даргинскою экспедиціею, чтобы самому тревожить горцевъ и рядомъ мелкихъ стычекъ пріучать казаковъ къ серьезнымъ битвамъ, которыя ожидали ихъ въ будущемъ. Вотъ почему мы видимъ Бакланова въ первое время командованія его полкомъ буквально рыскающимъ вдоль чеченской границы и появлявшимся вездѣ, гдѣ только были слухи о непріятельскихъ партіяхъ. Онъ ѣздилъ въ это время даже съ простыми казачьими разъѣздами, чтобы быть свидѣтелемъ первыхъ встрѣчъ казаковъ съ непріятелемъ и, дѣйствительно, едва-ли не всѣ казаки были обстрѣлены въ присутствіи своего командира.

Обладая замѣчательною физическою силою, желѣзнымъ здоровьемъ и неутомимою энергіею, онъ даже и самое короткое время не могъ оставаться въ бездѣйствіи. Не спать нѣсколько ночей, рыская съ пластунами по какимъ-нибудь трущобамъ, для него ничего не значило; а между тѣмъ казаки его постепенно втягивались въ трудную кавказскую службу, пріобрѣтали практическій навыкъ къ войнѣ, пріучались къ бдительности, не гибли уже по одиночкѣ, какъ прежде; а когда доводилось имъ дѣйствовать массами, то это были, по замѣчанію одного кавказца, дѣйствительно тѣ страшныя лавы, какія встрѣчались только въ лучшія, такъ сказать, героическія времена нашего казачества.

Все это было достигнуто, разумѣется, не-вдругъ, а постепенно, рядомъ практическихъ уроковъ и, надо отдать Якову Петровичу полную справедливость въ томъ, что онъ былъ учителемъ толковымъ и строгимъ. Никакая, повидимому, мелочь относительно лошади и вооруженія казака не ускользала отъ его зоркаго глаза; на каждый встрѣчавшійся мѣстный предметъ онъ успѣвалъ обращать вниманіе, объяснялъ его значеніе казакамъ, у которыхъ, какъ говорилъ Яковъ Петровичъ, вездѣ и на все должны быть глаза; — „все замѣть, ничего не моги проглядѣть, а тебя чтобы никто не видѣлъ“.

Въ бою его личный примѣръ, его молодецкая отвага были такою прекрасною школою, изъ которой трудно было выйти плохимъ ученикомъ. Дорожа честію и славою воина болѣе нежели жизнію, онъ требовалъ подобнаго же самоотверженія и со стороны казаковъ. Никто вовремя боя не смѣлъ покинуть рядовъ; легко раненые должны были оставаться во фронтѣ, даже тѣ, которые лишались своихъ лошадей, бились

пѣшкомъ, пока не добывали новыхъ. — «Покажи врагамъ» — говорилъ Яковъ Петровичъ, — «что думка твоя не о жизни, а о славѣ и чести донскаго казачества!»

Къ этому надо прибавить еще необыкновенное умѣніе самаго Бакланова открывать непріятеля по признакамъ, повидимому, не имѣющимъ никакого значенія. Опредѣлить его число, разгадать его намѣренія, проникнуть въ его военныя хитрости, и, въ концѣ концовъ, перехитрить его — было для Якова Петровича дѣломъ до такой степени легкимъ и простымъ, что иногда можно было подумать не самъ-ли непріятель даетъ ему знать о своемъ присутствіи и намѣреніяхъ. Зоркость-же его глаза и способность запоминать мѣста приводили по истинѣ въ изумленіе самыхъ опытныхъ проводниковъ и невольно передавались его казакамъ, которые до того изучили окрестную мѣстность, что впослѣдствіи никакія темныя ночи, никакіе густые туманы не останавливали нашихъ развѣдочныхъ партій: они проникали въ самую глубь кавказскихъ трущобъ и не только выслѣживали всѣ мышиныя норки, откуда выползалъ непріятель, но открывали даже такія, какія и самому непріятелю не были извѣстны.

Не жалѣя денегъ на содержаніе лазутчиковъ, Яковъ Петровичъ зналъ все, что замышлялось чеченцами, и даже были случаи, когда онъ сообщалъ начальнику лѣваго фланга о замыслахъ и предпріятіяхъ самаго Шамиля. Изъ этихъ лазутчиковъ особенною славою пользовались двое, которымъ Яковъ Петровичъ платилъ громадное содержаніе, не считая пешкешевъ, даваемыхъ особо за каждое сообщенное извѣстіе. Одинъ изъ нихъ, Али-Бей, былъ уроженецъ Большой Чечны изъ мичиковскаго аула Іурдали-Юрта; другой—Ибрагимъ, состоялъ мюридомъ въ конвоѣ самаго Шамиля. Послѣдній жилъ въ Веденяхъ, а потому никогда не являлся самъ, а передавалъ Бакланову всѣ свѣдѣнія черезъ вѣрныя руки. О сношеніяхъ этихъ лицъ, разумѣется, никто не догадывался; но горцы, видя, что казаки, съ тѣхъ поръ, какъ между ними явился Баклановъ, всегда врасплохъ налетали на ихъ аулы, и что самыя хитрыя ихъ козни и замыслы обращались на ихъ же собственныя головы, невольно поддавались суевѣрному страху, и скоро названіе «боклю» и «даджалъ» — дьяволъ—утвердились за Баклановымъ. Такъ они перешли съ его именемъ въ народныя чеченскія преданія, такъ они живутъ и до сихъ поръ въ сказаніяхъ, пѣсняхъ и присказкахъ этого народа.

Самая наружность Якова Петровича была въ высшей степени замѣчательною и какъ бы созданною для того, чтобы производить на всѣхъ внушающее впечатлѣніе. Вотъ какъ описываетъ первую встрѣчу съ нимъ одинъ драгунскій офицеръ, случайно проѣзжавшій черезъ Куринское *).

*) Заимствовано изъ одного частнаго письма.

Въ Куринское—говоритъ онъ:—я прибылъ далеко уже за полдень и долженъ былъ провести въ немъ нѣсколько часовъ въ ожиданіи лошадей и конвоя. Расположившись напиться чаю подъ окномъ отведеннаго мнѣ домика, я замѣтилъ на противоположной сторонѣ улицы человѣка исполинскаго роста и богатырскаго тѣлосложенія, который сидѣлъ на заваленкѣ. Онъ былъ одѣтъ въ шелковую красную рубашку съ разстегнутымъ воротомъ, въ накинутый на опашъ черный бешметъ, въ широкія казачьи шаровары и въ щегольскія, чрезвычайно легкія черкесскія чевяки, вполнѣ обрисовывавшія его громадную ногу. Вся наружность этого человѣка поражала невольно своими колоссальными размѣрами. Представьте себѣ выразительное, но рябое, изрытое оспою лицо, большой носъ, густыя, совершенно нависнувшія брови, изъ-подъ которыхъ едва виднѣлись глаза, мѣтавшіе молніи, несмотря на то, что человѣкъ, сидѣвшій передо мною, былъ видимо погруженъ въ глубокую думу. Густые, длинные, покрытые сѣрою пылью усы, бакенбарды и борода ниспадали на грудь его и сливались, какъ бы въ одно, съ черными космами громадной папахи. Весь атлетическій складъ его, могучая грудь, широкія плечи, жилистыя руки, которыми онъ опирался на свои колѣни—изобличали присутствіе въ немъ необыкновенной физической силы. На мой вопросъ о незнакомцѣ хозяинъ отвѣчалъ, что это Баклановъ—гроза сосѣднихъ чеченцевъ, слава котораго только что начинала тогда гремѣть по Кавказу.

Къ сожалѣнію я не имѣлъ времени познакомиться съ нимъ лично, но мой хозяинъ говорилъ мнѣ, что, несмотря на грозную наружность, Яковъ Петровичъ отличался сердечною добротою, и въ случаѣ какой либо нужды каждый могъ разсчитывать на его кошелекъ какъ на собственный, отчего дѣла его и тогда уже находились въ крайне разстроенномъ положеніи.

„Слава Бакланова—говоритъ другой его сослуживецъ: *)—основывалась болѣе всего на личныхъ военныхъ и нравственныхъ его достоинствахъ, а главное, на его замѣчательномъ и рѣдкомъ безкорыстіи. Полкъ свой держалъ онъ строго, ничего съ него не тянулъ; съ сотенными командирами застольной компаніи не водилъ; лошадей кормилъ, казаковъ своихъ въ обиду никому не давалъ; струсившихъ изъ нихъ лупилъ часто на-смерть; храбрымъ же давалъ денегъ безъ мѣры и счета, а потому и полкъ его былъ такой, что могъ равняться съ линейскими. Если же прибавить къ этому его природный умъ и нѣкоторую хитрость, свойственную донскому казаку, его богатырскую фигуру и грозную, внушавшую невольный страхъ физіономію, то нечего и говорить, что

*) Екральшульцъ.

при тогдашнихъ кавказскихъ порядкахъ такой господинъ не могъ не обратить на себя всеобщаго вниманія, не могъ не пріобрѣсть и той популярности, которая слѣдовала за нимъ вездѣ, куда-бы онъ не появлялся...

— „Я зналъ Бакланова,—пишетъ одинъ почтенный кавказскій ветеранъ *)—въ началѣ его службы полковымъ командиромъ, и зналъ его потомъ въ Петербургѣ, когда онъ былъ уже не у дѣла. Это былъ человѣкъ богато одаренный мыслію, чувствомъ и нравственною энергіею. Недостатокъ серьезнаго образованія маскировался въ немъ большою начитанностью, необыкновенною скромностію и врожденною деликатностію. Какъ простой казакъ онъ воспитался на псалмахъ царя Давида, на русскихъ сказкахъ и преданіяхъ своей родины—все это выработало въ немъ богатырскую натуру, а вѣра въ Бога и евангеліе образовала его сердце. „Не судите—да не судимы будете"—было любимою его поговоркою".

Въ Яковѣ Петровичѣ все было самобытно, оригинально и просто; но не было и тѣни того, что мы называемъ шарлатанствомъ. Строгій къ самому себѣ и снисходительный къ другимъ, онъ дѣлалъ дѣло для дѣла и не прославлялъ своихъ дѣяній, не сочинялъ о себѣ громкихъ реляцій **). Старымъ кавказцамъ извѣстно, что никто такъ не берегъ, и никто не терялъ такъ мало людей, какъ Баклановъ. Заискивать онъ не умѣлъ ни въ комъ, а потому не кланялся и не улыбался начальству, но чтилъ въ немъ придержащую власть и умѣлъ повиноваться ему какъ немногіе. Не изучая походовъ Юлія-Цезаря, Аннибала, Фридриха Великаго, Наполеона и другихъ, онъ никогда не руководствовался ихъ образцами, но создалъ собственную тактику, которой и слѣдовалъ до конца своего поприща. Вѣра въ Бога, скрытность движенія, быстрота и затѣмъ смѣлый ударъ по первому влеченію сердца—вотъ ея основанія.

Война на Казказѣ была войною богатырей—такъ заключаетъ свои слова почтенный ветеранъ:— и не легко сыскать Якову Петровичу подобающее между ними мѣсто. Скажу одно: въ прошломъ у него не было пятенъ, онъ жилъ спартанцемъ, бѣднякомъ и умеръ такимъ, не завидуя богатству, случайной славѣ и громкимъ почестямъ тѣхъ, которые были нѣкогда его подчиненными, сослуживцами или соратниками".

Мы бы не кончили полную характеристику Якова Петровича, еслибы къ сказанному нами не прибавили еще, что маститый кавказскій

*) Заимствовано изъ письма къ намъ генерала Караваева.

**) Въ этомъ можетъ убѣдиться всякій, кто возьметъ на себя трудъ прочитать его болѣе нежели скромныя донесенія съ лѣваго фланга Кавказской линіи. Какъ мало Яковъ Петровичъ заботился о себѣ, можно судить уже потому, что двѣ раны и нѣсколько серьезныхъ контузій не записаны даже въ послужной его списокъ.

герой, князь Мойсѣй Захаровичъ Аргутинскій-Долгоруковъ, не щедрый вообще на похвалы, и никогда въ глаза невидавшій Бакланова, питалъ къ нему заочно глубокое уваженіе, и въ письмахъ своихъ къ князю Михаилу Семеновичу Воронцову называлъ его не иначе, какъ „Ермакомъ Тимофѣевичемъ“ и прибавлялъ всегда, что Баклановъ составляетъ исключеніе изъ донскихъ командировъ.

Въ первое время командованія Якова Петровича полкомъ особенныхъ дѣлъ на Кумыкской плоскости не происходило; но изъ выдающихся случаевъ намъ слѣдуетъ указать на то, что команда казаковъ 20 полка, изъ семи человѣкъ, подъ командою хорунжаго Алешина, стоявшая на посту въ Амиръ-Аджи-Юртѣ, приняла участіе въ славномъ Сусловскомъ бою 24 мая 1846 года, и что четыре сотни того же полка, находившіяся подъ личною командою Якова Петровича, въ отрядѣ генерала Козловскаго, при заложеніи имъ новаго укрѣпленія Хасавъ-Юрта на рѣкѣ Ярыкъ-Су въ 11 верстахъ отъ Внезапной *), участвовали въ жаркомъ бою 5 іюля, при пораженіи скопищъ Шамиля подъ стѣнами этой крѣпости, на которую онъ бросился вскорѣ послѣ возвращенія изъ неудачнаго похода своего въ Кабарду.

Въ этомъ дѣлѣ Яковъ Петровичъ впервые водилъ свой полкъ въ атаку на чеченскую конницу, и за отличіе въ этомъ сраженіи награжденъ былъ орденомъ св. Анны 2 ст. съ императорскою короною.

*) Въ Хасавъ-Юртѣ расположена была штабъ-квартира и три баталіона Кабардинскаго егерскаго полка; остальные два баталіона того же полка стояли: одинъ — въ Куринскомъ укрѣпленіи, а другой въ Герзель-Аулѣ.

IV.

Прежде чѣмъ продолжать разсказъ о дальнѣйшей боевой дѣятельности Якова Петровича, считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о тогдашнемъ положенiи дѣлъ на лѣвомъ флангѣ Кавказской линiи.

Вотъ что извѣстно намъ изъ разсказовъ и записокъ Якова Петровича.

Неудача Даргинской экспедицiи въ 1845 году заставила насъ, прежде чѣмъ хлопотать о покоренiи горъ, обратиться къ постепенному и прочному занятiю Чечни, а потому и самая война на Кавказѣ приняла строго опредѣленный характеръ. Это было медленное, но вѣрное движенiе впередъ, которое, начавшись съ Малой Чечни, постепенно, шагъ за шагомъ привело насъ сперва къ занятiю всей плоскости между рѣками Аргуномъ, Сунжею, Ассою и Черными горами, а впослѣдствiи—къ покоренiю всей восточной половины Кавказа отъ Военно-Грузинской дороги до Каспiйскаго моря.

Первые удары наши обрушились, какъ мы говорили, на Малую Чечню, и именно на Гехинскiй округъ. Водворенiе на Сунжѣ казачьяго населенiя, вырубка дремучихъ лѣсовъ, покрывавшихъ берега Валерика, Гехи и Гойты, стоившихъ намъ столькихъ крови и жертвъ, уничтоженiе алданскихъ хуторовъ, заключавшихъ въ себѣ болѣе трехъ тысячъ дворовъ самаго непрiязненнаго намъ населенiя, гнѣздившагося почти въ окрестностяхъ Грозной, и, наконецъ, проложенiе широкихъ просѣкъ, связавшихъ передовыя укрѣпленiя Воздвиженское и Ачхой, заложенный въ 1846 году на рѣкѣ Фортангѣ,—всѣ эти успѣхи, достигнутые нами въ продолженiи первыхъ двухъ-трехъ зимнихъ экспедицiй, достаточно выяснили чеченцамъ характеръ нашихъ будущихъ дѣйствiй и заставили враждебныя племена, обитавшiя между вновь вырубаемыми просѣками и

вновь водворяемыми поселеніями на Сунжѣ, или признать нашу власть, или удалиться далѣе въ глубь каменистыхъ, безплодныхъ горъ, гдѣ ихъ ожидали нищета и голодъ.

Чеченцы съ самаго начала сознали безвыходность своего положенія, видѣли невозможность отстоять свою независимость собственными слабыми средствами и рѣшились, собравъ депутацію, обратиться за помощію къ Шамилю.

Депутація была отправлена въ апрѣлѣ 1847 года и принята Шамилемъ въ его резиденціи Дарго-Веденяхъ.

Это была уже вторая или третья депутація со времени подчиненія чеченцевъ Шамилю, и всѣ онѣ имѣли одну и ту же цѣль добиться помощи со стороны дагестанскихъ народовъ. Но теперь чеченцы предъявили требованія свои гораздо настойчивѣе чѣмъ прежде, потому что власть и значеніе Шамиля значительно поколебались въ глазахъ народа со времени событій 45 и 46 годовъ.

— «Твои мюриды — сказали депутаты въ заключеніе рѣчи: — видѣли и могутъ свидѣтельствовать, какое раззореніе претерпѣли мы за послѣдніе годы. Въ такомъ положеніи народу оставаться нельзя: или помоги намъ, или мы вынуждены будемъ покориться русскимъ».

При одномъ намекѣ на это Шамиль за четыре года передъ симъ едва не велѣлъ казнить чеченскихъ депутатовъ; но теперь, чтобы удержать колеблющуюся вѣрность народа, онъ счелъ за лучшее прибѣгнуть къ ласкамъ и обѣщаніямъ.

— Терпите и молитесь Богу! — сказалъ Шамиль: — раззореніе вашихъ ауловъ есть бѣдствіе временное и скоропроходящее. Милосердый Аллахъ видитъ ваши страданія и, конечно, воздастъ вамъ сторицею, если вы останетесь вѣрны завѣту вашихъ предковъ.

— Но что же намъ дѣлать? — возразила на это депутація: — мы слишкомъ слабы, чтобы сопротивляться русскимъ.

— Укрѣпляйтесь силою вашихъ добродѣтелей! — отвѣчалъ Шамиль, и прибавилъ: — Какъ имамъ, говорю вамъ: прежде всего заботьтесь о спасеніи душъ вашихъ и помните, что лучше умереть въ нищетѣ, но враждуя съ гяурами, чѣмъ жить въ изобиліи и продавать свою совѣсть и душу невѣрнымъ. Русскіе обѣщаютъ вамъ много, потому что нуждаются въ вашей покорности; но вспомните, что было съ вами за нѣсколько лѣтъ, когда гяуры намѣревались отнять у васъ оружіе; вспомните, что если бы Богъ не вразумилъ васъ тогда обратиться ко мнѣ, вы были бы теперь уже русскими солдатами, а жены ваши—наложницами невѣрныхъ. По прошлому судите о будущемъ.

— Я знаю, прибавилъ Шамиль помолчавъ,—что многіе изъ васъ, забывъ истиннаго Бога, уже передались русскимъ и прячутся подъ стѣ-

нами ихъ крѣпостей; но вѣрьте — они скоро раскаются. Пока стоитъ небесная твердь, я не могу попустить такого беззаконія, потому что призванъ съ мечемъ въ рукахъ подвизаться противъ невѣрныхъ, и до конца исполню свое назначеніе. Я скоро приду къ вамъ съ своими войсками, и тогда съ кораномъ въ одной, и съ шашкою въ другой рукѣ самъ поведу васъ для истребленія отступниковъ.

Желая закрѣпить свое обѣщаніе, онъ издалъ прокламацію ко всѣмъ народамъ Большой и Малой Чечни, и въ то же время писалъ къ одному изъ своихъ любимыхъ наибовъ Талгику слѣдующее:

„Желаю тебѣ вѣчный миръ съ Богомъ!"

„Когда до меня дошли слухи о несчастіи, постигшемъ нашего брата Дубу *), я не могъ удержать своихъ слезъ и душевно горевалъ о его бѣдствіяхъ. Именемъ Всемогущаго Бога призываю васъ всѣхъ на брань съ невѣрными. Я съ княземъ Даніэлемъ **) соберу въ горахъ всѣхъ, кто только можетъ носить оружіе, и приду къ вамъ. Если же помощь моя нужна вамъ скорая, то увѣдомь — и я прискачу такъ скоро, какъ бѣгаютъ зайцы. Дѣйствуйте противъ непріятеля хитро, какъ лисицы и не забывайте обычаевъ славныхъ нашихъ предковъ. Надѣюсь на Бога, который не допуститъ наносить вамъ вреда. Знай однакоже, мой любезнѣйшій братъ, что ежели отъ насъ отторгнется Гехинскій округъ, то съ нимъ погибнетъ для насъ и Чечня".

Подписавъ: „ничтожный рабъ Божій — Шамиль," имамъ передалъ бумаги депутаціи и подтвердилъ ей свое обѣщаніе прибыть съ войсками и пушками.

Извѣстіе объ этомъ разговорѣ и копію съ посланія къ Талгику ***) Яковъ Петровичъ получилъ черезъ посредство своего Ибрагима одинъ изъ первыхъ и тотчасъ сообщилъ объ этомъ въ Грозную, Роберту Карловичу Фрейтагу. — „Ибрагимъ—писалъ Яковъ Петровичъ:—сообщаетъ съ тѣмъ вмѣстѣ, что главныя силы Шамиля съ весною намѣрены двинуться въ Малую Чечню, гдѣ выдвиженіе впередъ нашихъ укрѣпленій сильно безпокоитъ Шамиля, и что Кумыкской плоскости тревожиться нечего." — Однако—прибавляетъ Баклановъ:—я полагаю, что при общемъ воодушевленіи чеченцевъ въ виду обѣщанной помощи, надо ждать частныхъ набѣговъ. Наши мичиковцы что-то расходились не на шутку..."

*) Дуба былъ однимъ изъ знаменитѣйшихъ наибовъ Малой Чечни. Во время мартовскихъ набѣговъ 1847 года русскій отрядъ, высланный изъ крѣпости Воздвиженской, напалъ врасплохъ на собственный его хуторъ. Самъ Дуба въ одной рубашкѣ и безъ оружія успѣлъ бѣжать, но малолѣтній сынъ его былъ взятъ въ плѣнъ, а жена и другой сынъ погибли въ ожесточенной схваткѣ.

**) Даніэль-Бэкъ— бывшій султанъ Елисуйскій.

***) Свѣдѣнія эти заимствованы нами изъ бумагъ Якова Петровича. Самое письмо къ Талгику писано на полулистѣ сѣрой бумаги по-арабски и къ нему приложенъ русскій переводъ, кѣмъ сдѣланный—намъ неизвѣстно.

Дѣйствительно, съ самаго начала 1847 года у чеченцевъ замѣчена была необыкновенная дѣятельность; партіи ихъ то и дѣло показывались въ Кумыкскихъ владѣніяхъ; чаще и чаще получались извѣстія о незначительныхъ разбояхъ и грабежахъ, совершаемыхъ по линіи; опасность переѣздовъ между мирными кумыкскими аулами значительно увеличилась; а наконецъ на самое Крещеніе въ Куринское явился лазутчикъ съ извѣстіемъ, что въ замичиковскихъ аулахъ дѣлаются большіе сборы для нападенія на Старогладковскую станицу линейнаго казачьяго войска.

За отсутствіемъ командира Кабардинскаго полка генералъ-маіора Козловскаго, войсками на Кумыкской плоскости временно командовалъ генералъ-маіоръ Витовскій. Онъ тотчасъ оповѣстилъ объ этомъ всю линію, и часть нашихъ войскъ, расположенная въ ближайшихъ станицахъ по Тереку, немедленно сосредоточилась на переправѣ между Амиръ-Аджи-Юртомъ и Алханъ-Юртомъ, изъ которыхъ послѣдній еще лежалъ въ развалинахъ послѣ разгрома его чеченцами весною 1846 года. Войска поставлены были скрытно, съ приказаніемъ выдвинуться только тогда, когда чеченцы начнутъ переправу. Въ то же время полковнику Майделю, командовавшему подвижнымъ резервомъ въ Куринскомъ укрѣпленіи, приказано было спуститься на плоскость и выждать возвращенія партіи съ тѣмъ, чтобы отрѣзать ей отступленіе въ горы.

Двѣ ночи сряду куринскій гарнизонъ провелъ подъ ружьемъ, прислушиваясь сквозь завываніе вѣтра: не загремитъ-ли гдѣ сигнальный пушечный выстрѣлъ. Время нападенія было неизвѣстно, а потому въ Куринскомъ боялись опоздать выступленіемъ; но боялись также и выступить рано, чтобы напрасно не потревожить горцевъ, которые въ этомъ случаѣ по всей вѣроятности ушли бы назадъ, не понеся, какъ выражались на Кавказѣ, „заслуженнаго ими наказанія“. Наконецъ уже 9 января, на самомъ свѣту, нѣсколько пластуновъ 20-го полка, ходившіе на развѣдки, прискакали съ извѣстіемъ, что скопище по нѣкоторымъ признакамъ прошло мимо крѣпости и направилось къ Тереку. День наступилъ теплый, но сырой и пасмурный; густой туманъ волнами ходилъ внизу по равнинѣ и закрывалъ окрестность. Въ Куринскомъ всѣ были на чеку: лошади осѣдланы, люди въ аммуниціи, орудія стояли запряженными. Часу въ 10 утра отрядъ спустился на плоскость и только что прошелъ Кары-Су, какъ отъ Терека понеслись глухіе, отдаленные раскаты пушечныхъ выстрѣловъ. Предвидя, что дѣло не можетъ быть продолжительно, Яковъ Петровичъ тронулся съ казаками крупною рысью; слѣдомъ за нимъ двинулся Майдель съ своими кабардинцами *).

*) Подъ командою Майделя былъ баталіонъ Кабардинскаго егерскаго полка.

А между тѣмъ на Терекѣ происходило въ это время слѣдующее. Какъ только чеченцы подошли къ переправѣ и остановились напротивъ нашей засады, скрытой отъ нихъ густымъ прибрежнымъ камышемъ, предводительствовавшій ими мичиковскій наибъ Бата̀ Шанурзовъ объѣхалъ скопище, воодушевилъ его нѣсколькими словами и приказалъ готовиться къ нападенію. Шанурзовъ былъ человѣкъ въ своемъ родѣ весьма замѣчательный. Чеченецъ по рожденію онъ воспитывался въ Тифлисѣ съ самаго ранняго дѣтства и долго служилъ у насъ сперва въ Варшавѣ въ конвоѣ фельдмаршала князя Паскевича, а затѣмъ, въ чинѣ подпоручика милиціи, состоялъ переводчикомъ при начальникѣ лѣваго фланга Кавказской линіи. Здѣсь Бата̀ имѣлъ какія-то служебныя столкновенія и въ 1842 году, при заложеніи Куринскаго укрѣпленія, перебѣжалъ къ Шамилю. Имамъ разумѣется принялъ его съ распростертыми объятіями, и Бата̀, дѣйствительно знакомый въ совершенствѣ съ нашими войсками, скоро пріобрѣлъ извѣстность противника сравнительно для насъ опаснаго. Самый набѣгъ его на Старогладковскую станицу, задуманный среди бѣлаго дня, т. е. тогда, когда охранительныя мѣры послѣ безсоннопроведенной ночи обыкновенно ослабѣваютъ—былъ результатомъ нѣкоторыхъ наблюденій его надъ нашимя кордонными порядками.

Но на этотъ разъ Батѣ суждено было жестоко ошибиться.

«Медаль и десять рублей тому, кто первый перескочитъ Терекъ!— весело крикнулъ Бата̀ въ отвѣтъ на донесеніе, что партія готова,— но едва чеченцы начали спускаться къ рѣкѣ, какъ въ противоположныхъ кустахъ сверкнула ослѣпительная молнія. Глухо раскатился по рѣкѣ гулъ орудійнаго выстрѣла, и ядро, пронизавъ густую массу кавалеріи, съ разу опрокинуло нѣсколько всадниковъ. Это послужило какъ бы сигналомъ къ открытію боя. Быстро выдвинулась скрытая дотолѣ артиллерія, и картечь ея вмѣстѣ съ ружейнымъ огнемъ густой, раскинувшейся вдоль берега цѣпи мигомъ смѣшала непріятеля. Поздно замѣтилъ Бата̀ опасность, которая угрожала чеченцамъ и началъ кричать имъ: назадъ! назадъ! Но назадъ скакать уже было поздно: передъ ними точно изъ земли выросъ Баклановъ съ своими казаками.

Отдѣлившись отъ Майделя, онъ вѣрно разсчиталъ разстояніе и вышелъ, дѣйствительно, какъ разъ наперерѣзъ отбитому скопищу.

Казаки молча, безъ гика, длинною развернутою линіею понеслись за нимъ сотня за сотней—и мигомъ врѣзались въ толпу ошеломленныхъ чеченцевъ. Удары казацкихъ пикъ были по большей части смертельные. Это усилило панику, и обезумѣвшіе отъ страха горцы понеслись во всѣ повода, бросая по дорогѣ убитыхъ и раненыхъ, о которыхъ никто не заботился. Въ первый разъ казакамъ Якова Петровича случилось быть въ такой горячей рукопашной схваткѣ, и они показали себя достойными своего

учителя. Бѣшеная погоня ихъ продолжалась почти отъ Терека до самыхъ горъ, гдѣ партія подъ покровомъ наступившей ночи разсѣялась въ лѣсистыхъ ущельяхъ, оставивъ въ нашихъ рукахъ богатую добычу плѣнными, лошадьми, а главное, хорошимъ оружіемъ,—чего такъ домогался всегда Яковъ Петровичъ, говорившій, что казаки должны были обмундироваться и вооружиться не иначе, какъ только насчетъ своего противника.

Съ нашей стороны ранены были два казака, — и тѣ остались во фронтѣ, лошадей выбыло больше, но о потерѣ ихъ мало кто и заботился, потому что удачное дѣло съ лихвою вознаграждало казаковъ за ихъ матеріальные убытки.

Между тѣмъ Бата̀, преслѣдуемый народнымъ ропотомъ за свое пораженіе, рѣшился, по совѣту стариковъ, произвести набѣгъ въ окрестности Куринскаго, чтобы разсчитаться съ Баклановымъ, котораго считалъ главнѣйшимъ виновникомъ понесенной потери. Зная, что по тревогѣ Баклановъ первый выскочитъ изъ укрѣпленія съ своими казаками, Бата̀ на этомъ именно и построилъ весь планъ своего нападенія.

Дѣйствительно, 18 февраля одинъ изъ нашихъ часовыхъ замѣтилъ небольшую партію хищниковъ, быстро спускавшуюся съ горы по направленію къ «горячимъ ключамъ» *)--и поднялъ тревогу. Двѣ сотни подъ командою Якова Петровича тотчасъ кинулись на перерѣзъ непріятелю; но едва они проскакали двѣ, три версты, какъ были атакованы громадною конною партіею, мгновенно отрѣзавшею ихъ отъ Куринскаго. Это былъ Бата̀, сторожившій Бакланова въ засадѣ. Къ счастію возможность подобнаго случая давно уже была предвидѣна Яковомъ Петровичемъ, а потому, выступая изъ крѣпости, онъ приказалъ слѣдомъ за собою идти учебной сотнѣ, при которой на этотъ разъ находились два конныя орудія. Вотъ этотъ-то резервъ, поддержанный еще четырьмя кабардинскими ротами и подоспѣлъ въ ту самую минуту, когда казаки по командѣ Якова Петровича спѣшились и залпомъ смѣшали чеченскую конницу. Лихая артиллерія не заставила долго ожидать своего прибытія, она остановилась въ трехъ стахъ шагахъ отъ непріятеля и, снявшись съ передковъ, ударила картечью въ самую середину скопища. Бата̀, охваченный съ обѣихъ сторонъ, попалъ въ ту самую ловушку, которую готовилъ Бакланову и, поражаемый перекрестнымъ огнемъ, кинулся вправо; но тутъ горцы были приняты въ штыки подоспѣвшими сюда кабардинцами, отброшены назадъ и, снова промчавшись подъ огнемъ нашихъ орудій, исчезли въ лѣсу.

*) Мѣстность, гдѣ были горячіе ключи, называлась урочищемъ «Исти-Су» и находилась на склонѣ Качкалыковскаго хребта въ четырехъ верстахъ къ сѣверо-востоку отъ Куринскаго укрѣпленія.

Дѣло продолжалось недолго, но стоило чеченцамъ дорого, если судить потому, что на мѣстѣ сраженія осталось нѣсколько тѣлъ, которыхъ чеченцы, вопреки кавказскимъ обычаямѣ, не успѣли увезти съ собою. Яковъ Петровичъ, не разсчитывая преслѣдовать горцевъ по густому лѣсу, приказалъ ударить отбой,—какъ вдругъ пушечный выстрѣлъ, грянувшій съ крѣпостнаго верка, заставилъ всѣхъ оглянуться назадъ. Новая значительная партія пѣшихъ чеченцевъ спускалась съ горъ по ту сторону укрѣпленія. По всей вѣроятности она была назначена содѣйствовать Батѣ, задержавъ въ Куринскомъ часть гарнизона; но либо она опоздала, либо передовая партія, вызвавшая изъ крѣпости казаковъ, поторопилась,—только изъ этого маневра, задуманнаго, впрочемъ, довольно удачно, ничего не вышло. Пѣшіе чеченцы во-время замѣтили пораженіе своей кавалеріи и поспѣшили убраться во-свояси, провожаемые пушечными выстрѣлами изъ крѣпости.

Казаки Якова Петровича потеряли въ этотъ день только одного человѣка раненымъ.

Вотъ эти-то два происшествія, а равно и нападенія на казаковъ 20-го полка, случившіяся послѣдовательно въ окрестностяхъ Хасавъ-Юрта, Герзель-Аула и Внезапной *), заставили Якова Петровича предпредполагать, что горцы не остановятся на однѣхъ этихъ попыткахъ, но, что заручившись обѣщанною помощью, постараются во что бы то ни стало добиться болѣе положительнаго успѣха, чтобы сказать Шамилю: „мы сдѣлали все, что могли,—а теперь иди и спасай насъ!“

Но эти ожиданія оправдались только до нѣкоторой степени. Двукратное пораженіе Баты, похоронившаго свою былую военную славу въ битвахъ съ Баклановымъ, такъ сильно поразило горцевъ, что они въ теченіи цѣлаго лѣта не пробовали даже спускаться на Кумыкскую плоскость въ значительныхъ силахъ. По крайней мѣрѣ Яковъ Петровичъ помнилъ за это время только два дѣла, которыя нѣсколько выдавались изъ ряда обыкновенныхъ, почти ежедневныхъ тогда на Кавказѣ перестрѣлокъ.

Одно изъ этихъ дѣлъ было 21 мая. Въ полдень сильная конная партія показаласъ на горахъ около Кошъ-Кяльдинскаго урочища и была замѣчена одновременно какъ изъ Герзель-Аула такъ и изъ Куринскаго, откуда почти въ одно и то же время казаки и понеслись на тревогу. На пути Баклановъ опрокинулъ небольшую партію, пытавшуюся преградить ему дорогу около раззореннаго аула Наимъ-Берды и, соединившись затѣмъ съ двумя герзель-аульскими сотнями, повернулъ на укрѣпленный постъ Ташъ-Кичу, откуда доносились частые пушечные выстрѣлы.

*) Въ окрестностяхъ Внезапной 22 апрѣля горцамъ удалось даже снять казачій пикетъ изъ пяти человѣкъ, выдвинутый во время фуражировки подъ самую опушку лѣса.

Ташъ-Кичу — небольшое укрѣпленіе, построенное еще Ермоловымъ для прикрытія пути, ведущаго съ Терекской линіи въ крѣпость Внезапную. Оно имѣетъ видъ треугольника, обнесеннаго неглубокимъ рвомъ и земляными валами, на которыхъ стоятъ нѣсколько чугунныхъ орудій, обстрѣливающихъ раскинутый по ту сторону рѣчки небольшой аулъ, населенный евреями и кумыками. Это — новый Аксай, названный такъ въ отличіе отъ стараго, стоявшаго нѣсколько выше Герзель-Аула, и раззореннаго нашими войсками въ отмщеніе за смерть измѣннически убитаго здѣсь генерала Грекова.

Съ того мѣста, откуда мы услышали выстрѣлы, до Ташъ - Кичу оставалось не меньше восемнадцати верстъ, а потому, какъ ни торопились казаки, однакоже подоспѣли къ посту только въ сумеркахъ, когда выстрѣлы смолкли и горцы, отбитые орудійнымъ огнемъ, отступили, угнавъ съ собою небольшія стада аксаевскихъ жителей. Разспросивъ въ короткихъ словахъ, когда и куда направились горцы, Баклановъ рѣшился двинуться къ Тереку, такъ какъ по его соображеніямъ партія должна была идти назадъ непремѣнно окольными дорогами. Пластуны, посланные впередъ, дѣйствительно напали здѣсь на свѣжую сакму, и Яковъ Петровичъ скоро добрался по ней до отступающихъ горцевъ. Къ сожалѣнію, темная ночь наступила прежде, нежели казаки успѣли настигнуть лучшую свою добычу, только нѣсколько отсталыхъ горцевъ подвернулись подъ казацкіе дротики; остальные ушли, бросивъ однакоже захваченный скотъ, который Яковъ Петровичъ и имѣлъ удовольствіе возвратить на обратномъ пути аксаевскимъ жителямъ.

Въ другой разъ *), когда большая часть куринскаго гарнизона была на покосѣ, конная партія чеченцевъ съ нѣсколькими значками подскакала къ укрѣпленію и, поставивъ на ближней высотѣ орудія, открыла навѣсный огонь. Ядра, ложившіяся внутрь укрѣпленія, хотя и не причинили большаго вреда, однакоже надѣлали большую суматоху. Къ счастію горцы забавлялись недолго: выстрѣлы были услышаны на покосѣ, и Яковъ Петровичъ, какъ снѣгъ на голову, налетѣлъ на нихъ съ своими казаками. — „Летомъ достигли мы вершины, гдѣ стояли чеченскія орудія“—разсказывалъ Яковъ Петровичъ: «но такъ какъ ни ихъ, ни чеченцевъ уже не застали, то мои казаки и сорвали свое сердце на одномъ арьергардѣ, который успѣли таки отхватить отъ лѣса» **).

Такимъ образомъ, куда ни обращались горцы, передъ ними вездѣ,

*) Это было 6 Іюня.

**) Въ обоихъ этихъ дѣлахъ вся наша потеря состояла изъ нѣсколькихъ загнанныхъ, убитыхъ и раненыхъ лошадей.

какъ грозные призраки являлись казаки съ своими страшными пиками. Справедливо говоритъ одна современная казацкая пѣсня:

Было время—залихватски
Вы носились какъ буранъ,
Но споткнулись на казацкихъ
Дротикахъ, крича «яманъ»!

И не только въ Куринскомъ, гдѣ находился самъ Яковъ Петровичъ, но и въ другихъ мѣстахъ, въ которыхъ только были казаки 20 полка отовсюду стали получаться объ нихъ самые благопріятные отзывы. Правда, стряслась бѣда и надъ ними; но это, можно сказать, былъ единичный случай и притомъ самое происшествіе случилось уже при крайне невыгодной для казаковъ обстановкѣ. Оно заключалось въ слѣдующемъ. 2 іюня полусотня, высланная изъ Герзель-Аула для обычнаго осмотра лѣсистыхъ береговъ Аксая, была внезапно атакована большими силами горцевъ. Дѣло произошло въ дремучемъ лѣсу, посреди непрогляднаго утренняго тумана, помѣшавшаго казакамъ выбраться на настоящую дорогу. Попытка ихъ пробиться на-прямикъ не повела ни къ чему, такъ какъ они отброшены были назадъ съ большою потерею. Командиръ полусотни, урядникъ Дьяконовъ, и съ нимъ пять человѣкъ остались на мѣстѣ убитыми; семь раненыхъ казаковъ были захвачены въ плѣнъ, и шесть лошадей перебѣжало къ непріятелю; остальные люди успѣли добраться до кустовъ, спѣшились и черезъ самое короткое время были выручены подоспѣвшею помощію.

Случай этотъ глубоко огорчилъ Якова Петровича. Онъ въ тотъ же день отправился самъ на мѣсто происшествія и, вникнувъ во всѣ мельчайшія подробности дѣла, вынужденъ былъ сознаться, что подобные случаи въ кавказской войнѣ неизбѣжны.

Между тѣмъ время проходило, а Шамиль вопреки своимъ обѣщаніямъ не появлялся въ Чечнѣ, такъ какъ сборъ нашихъ войскъ въ Дагестанѣ потребовалъ его присутствія сперва въ Гергебилѣ, а потомъ въ Салтахъ, защита которыхъ составляла для него предметъ первостепенной важности. Дѣйствительно, не смотря на значительность средствъ, которыми мы располагали, не смотря даже на личное присутствіе главнокомандующаго при нашихъ отрядахъ, осада Гергебиля окончилась весьма неудачно; Салты оборонялись съ большою энергіею, а между тѣмъ приближалась осень, и продолжать осаду было бы весьма затруднительно. Поэтому князь Воронцовъ, чтобы отвлечь отъ непріятельскаго скопища по крайней мѣрѣ жителей Горной Чечни, приказалъ начальнику лѣваго фланга произвести набѣгъ со стороны Кумыкской плоскости на одинъ изъ ауловъ въ Аухѣ или въ Ичкеріи. Предпріятіе это возложено было Фрейтагомъ на князя Александра Ивановича Барятинскаго — тогда еще полковника, командовавшаго Кабардинскимъ полкомъ и вмѣстѣ войсками

на Кумыкской плоскости; а цѣлью нападенія былъ избранъ сильный аулъ Зондакъ, лежащій въ Аухѣ на рѣкѣ Ярыкъ-Су, верстахъ въ тридцати выше Хасавъ-Юрта. Въ составъ отряда вошли и четыре сотни Донскаго казачьяго № 20 полка, начальство надъ которыми было поручено Якову Петровичу, нарочно вызванному для этого изъ Куринскаго.

Войска выступили въ набѣгъ съ вечера 13 сентября. Дорога шла по лѣвому берегу рѣчки и верстахъ въ десяти отъ аула переваливалась черезъ лѣсистый гребень, на которомъ были устроены непріятелемъ сильные окопы, по счастію для насъ оказавшіеся незанятыми. Войска благополучно ихъ миновали и уже подходили къ аулу,—какъ вдругъ неожиданно были открыты горцами.

Въ нѣсколько минутъ — говоритъ Романовскій: *) общая тревога распространилась не только въ Зондакѣ, но и во всѣхъ ближайшихъ аулахъ. Войска наши были однакоже въ столь близкомъ разстояніи отъ аула, что нападеніе, по всей вѣроятности, увѣнчалось бы полнымъ успѣхомъ и Зондакъ былъ бы раззоренъ, а находившееся въ немъ непріятельское орудіе составило бы славный трофей. Но пока производилось бы нападеніе, непріятель, конечно, не преминулъ бы воспользоваться временемъ и занялъ бы пройденныя нами укрѣпленія и всѣ другіе выгодные для него пункты на пути отступленія, а потому огромная потеря съ нашей стороны была бы неизбѣжна. Между тѣмъ главная цѣль предпріятія — вторженіе во внутрь непокорныхъ обществъ съ тѣмъ, чтобы заставить ихъ болѣе заботиться объ оборонѣ собственныхъ жилищъ — была достигнута. Оцѣнивъ, такимъ образомъ, всѣ обстоятельства дѣла и не желая рисковать для трофея большими потерями, князь Барятинскій приказалъ начать отступленіе.

Вся кавалерія подъ командою войсковаго старшины Бакланова первая двинулась назадъ, чтобы предупредить чеченцевъ на горномъ перевалѣ и захватить въ свои руки брошенные ими окопы. Къ счастію это удалось исполнить безъ выстрѣла, и горцы, мечтавшіе уже съ занятіемъ этого, дѣйствительно, опаснаго мѣста отрѣзать отрядъ отъ Кумыкской плоскости, вынуждены были ограничиться только преслѣдованіемъ одного арьергарда. Правда, арьергарду этому отступать было не легко, потому что дорога отъ перевала до Хасавъ-Юрта, на разстояніи двадцати слишкомъ верстъ, тянулась узкою лентою, обрамленною съ обѣихъ сторонъ густыми лѣсами и перерѣзанною оврагами и кручами, которые во многихъ мѣстахъ задерживали нашу артиллерію; однакоже, отбиваясь ружейнымъ и пушечнымъ огнемъ, онъ выбрался на чистое мѣсто съ весьма

*) Кавказъ и Кавказская война.

незначительною потерею. Въ полку Якова Петровича раненъ былъ при этомъ только одинъ казакъ и четыре лошади.

Неудачная попытка наша въ Аухѣ сильно ободрила чеченцевъ, но, къ счастью, впечатлѣніе это вскорѣ было ослаблено новымъ извѣстіемъ о пораженіи самаго Шамиля въ южномъ Дагестанѣ, гдѣ русскіе взяли Салты 14 сентября, слѣдовательно въ тотъ самый день, когда мы отступили отъ Зондака.

Яковъ Петровичъ узналъ объ этомъ событіи изъ первыхъ рукъ, черезъ своего Али-Бея. Али-Бей посѣтилъ Куринское на другой же день по возвращеніи Бакланова и въ числѣ различныхъ новостей сообщилъ ему о перемѣнѣ мичиковскаго наиба. По его словамъ, военныя неудачи Баты, его суровая строгость и денежные поборы до того вооружили мичиковцевъ, что Шамиль нашелся вынужденнымъ отозвать его въ свою резиденцію. На мѣсто Баты присланъ былъ Гехо, молодой ичкеринецъ, наѣздникъ и притомъ человѣкъ, по своему, весьма образованный. Онъ съ дѣтства изучилъ арабскій языкъ и толковалъ коранъ не хуже любаго ученаго кадія. Поэтому на Мичикѣ приняли его съ большимъ уваженіемъ; но популярности онъ не имѣлъ: въ этомъ отношеніи Гехо мѣшало малое знакомство его съ мичиковцами, съ которыми онъ, какъ горный житель, до этого времени почти не встрѣчался.

Гехо, по словамъ Али-Бея, долженъ былъ непремѣнно ознаменовать вступленіе свое въ управленіе наибствомъ какимъ нибудь отважнымъ предпріятіемъ, а потому разъѣзды по всѣмъ дорогамъ, ведущимъ изъ Качкалыковскаго лѣса, были усилены. Казакамъ велѣно стоять на-готовѣ; и вотъ 20 октября, утромъ, одинъ изъ этихъ разъѣздовъ прискакалъ съ извѣстіемъ, что сильная партія спускается на плоскость.

Съ угловой башни Куринскаго замѣтили горцевъ въ то время, когда они скакали ложбиною по направленію къ аулу Энгель-Юрту, откуда скоро и послышались частые ружейные выстрѣлы. Это былъ знакъ, что чеченцы встрѣтили отпоръ со стороны вооруженныхъ жителей. Въ ту же минуту въ Куринскомъ грянуло дежурное орудіе, разнося далеко по линіи вѣсть о тревогѣ, и двѣ сотни, подъ командою Якова Петровича, въ карьеръ понеслись на помощь къ атакованнымъ жителямъ.

Дорога къ Энгель-Юрту пролегала по легкой покатости Качкалыковскаго хребта, между старинными аулами, когда-то принадлежавшими богатому качкалыковскому племени. Племя это въ сороковомъ году, при общемъ движеніи чеченцевъ, увлечено было потокомъ возстанія и бѣжало въ горы, гдѣ перемѣшалось окончательно съ мичиковцами и ичкеринцами, а прежніе аулы ихъ, покинутые на волю судьбы, такъ и остались въ развалинахъ. Подходя къ одному изъ этихъ ауловъ — Наимъ-Берды, казаки издали замѣтили стоявшую партію, посреди которой тихо

колыхался по вѣтру разноцвѣтный, вышитый золотыми арабесками значекъ *), обозначавшій присутствіе самаго наиба. Слѣдовательно, партія здѣсь могла быть въ триста-четыреста человѣкъ, такъ какъ меньшее число кавалеріи почти никогда не сопровождало въ походѣ наибовъ. Это былъ, дѣйствительно, Гехо, поджидавшій ту партію, которая пошла къ Энгель-Юрту. Обѣ стороны, замѣтивъ другъ друга, почти одновременно пустились въ атаку. Чеченцы, воодушевленные молодымъ и храбрымъ предводителемъ, напали съ такою энергіею, что казаки, уступавшіе имъ въ числѣ и уже утомившіеся скачкою, едва-едва не пошатнулись. Самъ Яковъ Петровичъ вынужденъ былъ подать примѣръ своимъ подчиненнымъ: онъ первый врѣзался въ ряды непріятеля и, не смотря на тяжелую рану, полученную при этомъ шашкою въ кисть лѣвой руки, мгновенно изрубилъ знаменщика и, выхвативъ изъ рукъ убитаго значекъ наиба, высоко поднялъ его надъ головою. Это послужило какъ бы сигналомъ для нашей побѣды. Горцы повернули назадъ, и казаки рубили и кололи ихъ вплоть до опушки лѣса, куда еще раньше ускакала разбитая энгель-юртовская шайка.

Кромѣ начальника отряда **), у насъ ранены были только два казака и шесть лошадей. Чеченцы понесли, вѣроятно, значительный уронъ; но главная потеря ихъ состояла въ утратѣ значка,—что въ суевѣрныхъ понятіяхъ этого народа служило дурнымъ предзнаменованіемъ для самаго Гехо.

Такъ кончилась первая встрѣча новаго чеченскаго наиба съ грозою окрестныхъ ауловъ Яковомъ Петровичемъ Баклановымъ.

Между тѣмъ наступила зима. Начальникъ лѣваго фланга, генералъ-лейтенантъ Фрейтагъ, предпринялъ новую экспедицію въ Малую Чечню, гдѣ нужно было расчистить старыя, вырубленныя въ прежнія экспедиціи просѣки, которыя, какъ напримѣръ, Гойтинскій лѣсъ, по необыкновенной растительности въ краѣ, успѣли уже значительно заростi. А чтобы облегчить эту задачу, онъ предписалъ генералъ-маіору Витовскому сдѣлать нѣсколько набѣговъ со стороны Кумыкской плоскости, дабы отвлечь жителей Большой Чечни отъ участія въ сборахъ противъ нашего отряда.

Первый набѣгъ произведенъ былъ Яковомъ Петровичемъ 23 ноября, причемъ онъ захватилъ довольно значительныя стада ичкеринцевъ,

*) Значки эти, принадлежавшіе наибамъ, назывались у горцевъ «алямами».

**) Рана эта, впрочемъ, довольно серьезная, не попала въ послужной списокъ Якова Петровича, который сердился даже за то, что объ ней было донесено главнокомандующему. Въ этомъ случаѣ онъ подражалъ черкесамъ праваго фланга — лучшимъ рубакамъ и наѣздникамъ, которые ни во что не считали раны холоднымъ оружіемъ, и даже многіе скрывали ихъ, видя въ этомъ лишь доказательство, какъ они говорили, собственной своей неловкости.

ходившія неподалеку отъ Герзель-Аула, въ Кошкяльдинскихъ балкахъ; а затѣмъ послѣдовательно предприняты были самимъ генераломъ Витовскимъ три незначительные набѣга, окончившіеся раззореніемъ ауловъ: Копши-Берды, Аллерой, Шавдонъ-Шари и другихъ *). Но и чеченцы не хотѣли оставлять насъ въ покоѣ. Какъ бы въ отместку за эти набѣги, они сами вторглись въ наши предѣлы 6 марта 1848 года и, скрытно пробравшись ущельемъ между оконечностями Качкалыковскаго и Терскаго хребтовъ, бросились на Акбулакъ-Юртъ и Брагуны — старый чеченскій аулъ, одинъ изъ тѣхъ немногихъ надтеречныхъ ауловъ, которые остались вѣрными нашему правительству въ смутное время возстанія 1840 года **).

Сигнальный выстрѣлъ съ Ташъ-Кичинской башни поднялъ тревогу по всей Кумыкской линіи. Яковъ Петровичъ поскакалъ къ Исти-Су и, дѣйствительно, увидѣлъ партію, уже возвращавшуюся назадъ. Она шла крупною рысью, а далеко за нею, почти на самомъ горизонтѣ, маячили кое-гдѣ резервы нашихъ линейныхъ казаковъ. Горцы, во-время замѣтившіе новую опасность, пустили лошадей во весь духъ; но казаки Якова Петровича успѣли-таки заскочить имъ съ фланга. Полковая ракетная батарея, только что сформированная и пріученная къ дѣлу, смѣло взнеслась на ближнюю высоту и, сбросивъ на землю станки, осыпала горцевъ давно невиданными ими ракетами. Огненныя змѣи произвели паническій ужасъ, и чеченцы съ крикомъ: „Даджалъ! Даджалъ!“ бросились по всѣмъ направленіямъ. Къ сожалѣнію, наступившая ночь, мѣстность, поросшая колючимъ кустарникомъ, ямы и глубокія рытвины помѣшали казакамъ нанести непріятелю большую потерю. Чеченцы отдѣлались страхомъ, да потеряли скотъ, захваченный ими въ надтеречныхъ аулахъ.

*) Въ этихъ набѣгахъ казаки Бакланова потеряли одного человѣка убитымъ и двухъ ранеными.

**) Онъ находится по лѣвую сторону Сунжи, почти напротивъ Щедринской станицы.

V.

Въ апрѣлѣ 1848 года достойный и храбрый начальникъ лѣваго фланга Кавказской линіи Робертъ Карловичъ Фрейтагъ получилъ другое назначеніе *). На мѣсто его прибылъ генералъ-маіоръ Петръ Петровичъ Нестеровъ, человѣкъ, пользовавшійся отличною боевою репутаціею на Кавказѣ, но, къ сожалѣнію, вскорѣ такъ несчастливо окончившій свое существованіе отъ мозговой болѣзни.

Нестеровъ по прибытіи въ Грозную прежде всего поспѣшилъ ознакомиться короче съ своими ближайшими сотрудниками и помощниками. Баклановъ, имя котораго уже гремѣло въ Чечнѣ, разумѣется, обратилъ на себя его особенное вниманіе, и Петръ Петровичъ, объѣхавъ Кумыкскую линію, также какъ и знаменитый его предшественникъ Фрейтагъ, сразу съумѣлъ понять и оцѣнить военныя способности и дарованія Якова Петровича. Онъ осмотрѣлъ его полкъ и потомъ, по возвращеніи въ Грозную, говорилъ своимъ приближеннымъ, что такого полка ему не доводилось видѣть за всю свою службу.

Самое сближеніе Нестерова и Якова Петровича произошло довольно оригинальнымъ образомъ.

Однажды, въ первый свой пріѣздъ въ Куринское, Нестеровъ увидѣлъ изъ своей квартиры возвращающуюся откуда-то сотню казаковъ. Былъ шестой часъ утра, а потому на вопросъ: куда ходили казаки?— ему объяснили, что это одинъ изъ тѣхъ обыкновенныхъ разъѣздовъ, которые предпринимаются Баклановымъ съ цѣлью, какъ ознакомить казаковъ съ окрестною мѣстностью, такъ и пріучить ихъ оріентироваться въ глухомъ и бездорожномъ Качкалыковскомъ лѣсу. Нестеровъ отворилъ окно и, дѣйствительно, увидѣлъ Бакланова. Яковъ Петровичъ, какъ всегда, въ папахѣ и въ желтой азіатской черкескѣ, ѣхалъ впереди, а за нимъ небольшою рысцей, на маленькой лошаденкѣ, трусилъ казачекъ,

*) Фрейтагъ назначенъ былъ генералъ-квартермистромъ дѣйствующей арміи.

у котораго на пикѣ болталось что-то такое, чего Нестеровъ никакъ не могъ разсмотрѣть хорошенько.

Поздоровавшись съ людьми и поговоривъ съ Баклановымъ, генералъ спросилъ у него:

— Что это такое, Яковъ Петровичъ, виситъ у васъ на казачьей пикѣ?

— А это кисти отъ моего стараго офицерскаго шарфа—отвѣчалъ простодушно Яковъ Петровичъ: — онѣ прибиты къ древку и служатъ значкомъ, который возитъ за мною дежурный ординарецъ.

Нестеровъ долго смѣялся надъ этимъ оригинальнымъ изобрѣтеніемъ и по возвращеніи въ Грозную написалъ къ Бакланову письмо, въ которомъ просилъ его принять на память о себѣ значекъ, сохранявшійся долгое время въ семействѣ Нестеровыхъ, какъ памятникъ какого-то турецкаго похода. Значекъ состоялъ изъ превосходнаго камышеваго куртинскаго дротика съ прикрѣпленнымъ къ нему лоскутомъ тяжелой шелковой матеріи.

Въ Куринскомъ Нестеровъ имѣлъ продолжительныя совѣщанія съ Яковомъ Петровичемъ и съ полковникомъ генеральнаго штаба Веревкинымъ, командовавшимъ тогда, за отсутствіемъ князя Барятинскаго, войсками на Кумыкской плоскости. Предметомъ совѣщанія былъ набѣгъ, задуманный въ землю враждебныхъ ичкеринцевъ съ тѣмъ, чтобы отвлечь вниманіе ихъ отъ сборовъ нашихъ отрядовъ и поставить въ неизвѣстность относительно выбора нами настоящаго пункта атаки.

Надо сказать, что дагестанскому отряду въ этомъ году назначено было овладѣть Гергебилемъ, какъ пунктомъ, изъ котораго горцы большею частію производили вторженія въ наши предѣлы. А такъ какъ овладѣніе имъ сопряжено было съ большими затрудненіями, въ чемъ князь Воронцовъ убѣдился въ предшествующемъ году, то для развлеченія непріятельскихъ силъ, собранъ былъ особый чеченскій отрядъ, который и расположился на правомъ берегу Аргуна. Личное присутствіе главнокомандующаго при этомъ отрядѣ и въ то же время окончаніе постройки постояннаго моста черезъ Терекъ у Николаевской станицы, упрочивавшее сообщеніе линіи съ крѣпостію Грозною, не могли не возбудить опасеній Шамиля съ этой стороны и, дѣйствительно, заставили его, какъ оказалось впослѣдствіи, стянуть значительныя силы въ Большую Чечню. При такомъ положеніи дѣлъ диверсія въ лѣсистую Ичкерію признавалась чрезвычайно полезною, такъ какъ рѣшительный и сильный ударъ, направленный въ ту мѣстность, могъ окончательно озадачить и сбить непріятеля съ толку. На совѣщаніяхъ, бывшихъ у Нестерова по этому поводу, положено было избрать для набѣга самый многолюдный и крѣпкій аулъ Ахметъ-Тала, находившійся въ восемнадцати верстахъ за

Герзель-Ауломъ, въ лѣсистыхъ ущельяхъ Аксая, и съ давнихъ поръ извѣстный нашимъ войскамъ, какъ притонъ всѣхъ бездомовныхъ людей, изъ которыхъ выходили абреки, вожаки и хищники.

Самое выступленіе войскъ изъ своихъ штабъ-квартиръ разсчитано было такъ, чтобы всѣ части могли прибыть къ Герзель-Аулу почти одновременно, въ ночь наканунѣ набѣга. Такимъ образомъ, здѣсь незамѣтно для горцевъ сосредоточились три батальона пѣхоты, при четырехъ полевыхъ орудіяхъ, казачій полкъ Якова Петровича *) и дивизіонъ нижегородскихъ драгунъ. Когда стемнѣло, въ укрѣпленіе прибылъ, въ сопровожденіи сильнаго конвоя, начальникъ отряда полковникъ Веревкинъ; а въ самую полночь съ 23 на 24 іюня отрядъ тихо и безъ шума выступилъ изъ Герзель-Аула.

Небольшое укрѣпленіе это, построенное въ тридцатыхъ годахъ, на двѣ или на три роты пѣхоты, стоитъ при самомъ выходѣ рѣки Аксая изъ горной полосы на плоскость. Тотчасъ за укрѣпленіемъ дорога въ Ахметъ-Талы раздѣляется на двѣ: одна, проложенная по лѣвому берегу Аксая, по которой шелъ Граббе во время Ичкеринской экспедиціи, представлялась сравнительно широкимъ и удобнымъ путемъ; но на ней горцы всегда держали сильные пикеты, которые обойти было невозможно. Другая дорога переходила на правый берегъ, гдѣ также когда-то ходили наши отряды съ Вельяминовымъ и Граббе; но съ тѣхъ самыхъ поръ дорога эта была перерыта и испорчена такъ, что сами горцы почитали ее непроходимою, и потому никогда не выставляли на ней карауловъ. Это послѣднее обстоятельство имѣло для насъ чрезвычайную важность, а потому послѣ короткаго совѣщанія и рѣшено было двинуться именно по этому пути, чтобы нанести ударъ съ той стороны, откуда его менѣе всего ожидали.

Впереди отряда, вслѣдъ за вожакомъ, извѣстнымъ своею преданностью, ѣхалъ Яковъ Петровичъ и съ нимъ пятьдесятъ отборныхъ пластуновъ-охотниковъ, подъ начальствомъ храбраго есаула Пушкарева. Они должны были вести отрядъ, и въ случаѣ встрѣчи съ непріятельскимъ пикетомъ, схватить его безъ выстрѣла, или истребить холоднымъ оружіемъ. За охотниками, держась въ нѣкоторомъ отъ нихъ разстояніи, двигались драгуны, потомъ казачій полкъ и, наконецъ, пѣхота съ своею артиллеріею. Дорога во многихъ мѣстахъ, дѣйствительно, оказывалась непроходимою. То попадались на встрѣчу отряда глубокія кручи, на днѣ которыхъ съ ревомъ и шумомъ катились горные ручьи, холодные и быстрые, ворочавшіе въ своемъ теченіи камни и уносившіе цѣлыя деревья;

*) Пять сотенъ были 20-го, а шестая изъ 40-го полка, вытребованная сюда изъ лагеря на Кара-Су.

то попадались отвѣсные подъемы, такіе, на которые взбираться можно было только съ помощію другъ друга, или лѣсныя чащи, гдѣ пни и корни деревъ, поваленныхъ бурею, перевились между собою колючимъ кустарникомъ и образовали такіе сплошные завалы, черезъ которые можно было прокладывать дорогу только съ помощію топора или кинжаловъ. Во всѣхъ подобныхъ мѣстахъ драгуны и казаки спѣшивались, и каждый самъ по себѣ изыскивалъ средства для своей переправы. Лошадей подъ орудіями выпрягли на первой же верстѣ, и пушки тянули на лямкахъ. Въ добавокъ отряду пришлось проходить въ недальнемъ разстояніи отъ двухъ большихъ хуторовъ, виднѣвшихся слѣва. Чтобы не поднять тревоги, ихъ, разумѣется, оставили въ покоѣ; но, проходя мимо, надо было усугубить тишину до послѣдней возможности. — „Были минуты — говоритъ Яковъ Петровичъ:—когда большинство отчаявалось въ успѣхѣ предпріятія и, вспоминая Зондакъ, пророчило отряду всевозможныя бѣды; но тѣмъ не менѣе всѣ, отъ офицера до солдата, работали дружно и энергически“. Между тѣмъ начало свѣтать. Аулъ уже былъ недалеко, потому что на встрѣчу отряда стали попадаться одиночные люди, выходившіе на полевыя работы. Всѣ они были истребляемы по невозможности захватывать ихъ въ плѣнъ. Пластуны Якова Петровича распоряжались въ этомъ случаѣ слѣдующимъ образомъ: заслышавъ шорохъ или шаги идущихъ людей, они скрывались въ кусты и затѣмъ, подпустивъ къ себѣ несчастныя жертвы, бросались на добычу какъ тигры и убивали ихъ прежде, чѣмъ тѣ успѣли схватиться за оружіе или крикнуть о помощи. Казаки, въ этомъ случаѣ работали на-чистоту, по-кавказски, понимая, что отъ нихъ зависѣла не только удача предпріятія, но и спасеніе цѣлаго отряда. Упусти они хотя одного—этотъ одинъ могъ бы распространить тревогу по цѣлой Ичкеріи, и тогда отрядъ, застигнутый въ этихъ трущобахъ, едва-ли избѣжалъ бы катастрофы.

На самомъ свѣту пронзительный свистокъ Якова Петровича далъ знать, что онъ подошелъ къ аулу. Головныя части колонны тотчасъ остановились, чтобы дать время войскамъ стянуться и оправиться. Затѣмъ баталіоны въ глубокомъ молчаніи двинулись впередъ и стали обходить аулъ и справа и слѣва. Драгуны и казаки еще оставались на мѣстѣ, выжидая, когда пѣхота исполнитъ то, что ей было назначено. Черезъ полчаса былъ поданъ условный сигналъ, и по этому знаку вся кавалерія разомъ устремилась къ аулу, оглашая воздухъ неистовымъ гикомъ, криками и ружейною пальбою. Въ одну минуту толстыя, тяжелыя ворота, сорванныя съ петель, грохнулись на-земь, и казаки разсыпались по саклямъ. Горцы, захваченные врасплохъ, думали спасаться бѣгствомъ; но убѣдившись, что всѣ пути къ отступленію отняты, вернулись назадъ, засѣли въ дома и оборонялись съ отчаяннымъ мужествомъ. Тѣ сакли,

которыя не были заняты сразу, приходилось брать уже приступомъ. Чтобы выиграть время и уменьшить потерю, рѣшились прибѣгнуть къ помощи огня и, дѣйствительно, пожаръ, быстро охвативъ деревянныя зданія, скоро заставилъ чеченцевъ покинуть ихъ неприступныя жилища. Тогда борьба охватила собою всѣ пункты аула. Трескъ разрушающихся зданій, вопль неуспѣвшихъ выскочить изъ пламени, отчаянные крики женщинъ и дѣтей, сновавшихъ въ безумномъ ужасѣ среди этихъ мрачныхъ, обрызганныхъ грязью и кровью тѣней,—все это составляло такую картину, о которой Яковъ Петровичъ никогда не могъ вспоминать безъ содроганія. «Обѣ стороны — говоритъ онъ: работали холоднымъ оружіемъ, такъ какъ выстрѣлы въ этой толпѣ поражали бы безъ разбора и своихъ и чужихъ. Отчаяніе придавало горцамъ неестественную силу. Слабѣйшіе числомъ, они не разъ отбрасывали нашихъ солдатъ и ставили ихъ въ весьма опасныя положенія. Но къ намъ подходили подкрѣпленія и, подъ напоромъ свѣжихъ штыковъ, ложились въ лоскъ отважные ахметъ-талинцы.“

Яковъ Петровичъ самъ носился изъ улицы въ улицу, одушевляя солдатъ вездѣ, гдѣ это было нужно, и останавливая кровопролитіе тамъ, гдѣ оно было безполезно. Много горянокъ и несчастныхъ дѣтей было спасено имъ лично, такъ какъ солдаты, отуманенные боемъ, уже не разбирали больше ни пола, ни возраста... Только немногіе малодушные трусы, да ветхіе старики, которые не смогли зарядить винтовки, отдались въ руки побѣдителей, остальное населеніе предпочло погибнуть со славою.

Черезъ полчаса, много черезъ часъ — все было кончено; но долго еще въ различныхъ сторонахъ аула раздавались одиночные выстрѣлы, какъ послѣдніе замирающіе звуки отгремѣвшаго сраженія. Солдаты и казаки съ радостными криками разсыпались по пепелищу и забирали все, что уцѣлѣло отъ пламени. Скоро всѣ плѣнники и плѣнницы, съ остатками ихъ жалкаго скарба, собраны были въ одну толпу и, окруженные тенгинскимъ баталіономъ, отправлены на лѣвый берегъ Аксая. Такъ какъ горцы собрались уже въ значительныхъ силахъ, а отступать по старой дорогѣ было немыслимо, то, вслѣдъ за этимъ баталіономъ, переправился на лѣвый берегъ и цѣлый отрядъ, перейдя, такимъ образомъ, на новую дорогу—ту самую, по которой Яковъ Петровичъ возвращался изъ Шаухалъ-Берды еще въ 1845 году. Дорога эта пролегала большею частію, по довольно открытымъ полянамъ, и только въ пяти, въ шести мѣстахъ пересѣкалась глубокими и трудно доступными лѣсными оврагами.

Отступленіе началось подъ прикрытіемъ кавалеріи. Она развернула фронтъ и удерживала горцевъ, пока пѣхота не заняла оврага и не при-

готовилась въ немъ къ оборонѣ. Тогда начала отступать кавалерія и, перебравшись черезъ тотъ-же оврагъ, снова остановилась, чтобы пропустить за себя пѣхоту и, въ свою очередь, подъ ея прикрытіемъ, перейти за второй, а потомъ за третій оврагъ и такъ далѣе...

Такимъ образомъ, составилось нѣчто въ родѣ безконечныхъ перекатныхъ цѣпей, которыя, взаимно помогая другъ другу, позволили нашему отряду, послѣ восьми часоваго упорнаго боя, отойти къ Герзель-Аулу въ порядкѣ и безъ большой потери.

Какъ былъ великъ уронъ въ пѣхотѣ, Яковъ Петровичъ не помнилъ, но у него въ полку выбыло только 11 человѣкъ и до тридцати лошадей ранеными. О потерѣ непріятеля нечего и говорить: она была огромна, а главное, здѣсь перебиты были почти всѣ лучшіе вожаки, издавна тревожившіе линію своими набѣгами.

За отличіе въ этомъ набѣгѣ Яковъ Петровичъ высочайшимъ приказомъ 4 декабря 1848 года произведенъ въ подполковники.

На другой день по возвращеніи домой, въ Куринскомъ опять произошла тревога: горцы напали на баталіонъ Тенгинскаго полка, оставленный нами у Наимъ-Берды для рубки дровъ и заготовленія хвороста. Баклановъ во-время прискакалъ съ своими казаками; но дѣло, въ сущности, вышло пустое, такъ какъ горцы, не ожидая атаки, пустились уходить въ разсыпную, отстрѣливаясь на скаку изъ винтовокъ. Началась погоня... Одинъ казакъ, занесенный лошадью, былъ схваченъ чеченцами, а двое свалились, прострѣленные пулями. Самъ Яковъ Петровичъ былъ раненъ. Онъ вдругъ пошатнулся въ сѣдлѣ и, невольно схватившись за плечо, выпустилъ поводья. Казаки, замѣтивъ это, бросились его поддержать; но онъ уже оправился, крикнулъ: «впередъ!» — и пустился скакать, распоряжаясь преслѣдованіемъ. Кровь, между тѣмъ, била изъ раны горячимъ ключомъ и выкрасила весь лѣвый рукавъ его желтой черкески. Рука отказывалась служить окончательно; онъ передалъ поводья въ правую руку и все-таки ровнымъ и твердымъ голосомъ продолжалъ отдавать приказанія. Только тогда, когда окончили бой, стащили тѣла, и казаки, по своему обычаю, сняли съ убитыхъ оружіе; Яковъ Петровичъ молча сошелъ съ коня и прилегъ на разостланную бурку. Два казака наскоро перевязали ему рану носовымъ платкомъ; оказалось, что пуля попала въ лѣвое плечо и, раздробивъ ключицу, засѣла гдѣ-то въ груди. Не смотря на то, онъ сѣлъ на коня и верхомъ возвратился въ Куринское. Нарочные гонцы въ ту-же ночь привезли искуснаго «хакима»—туземнаго врача, проживавшаго гдѣ-то подъ Ташъ-Кичами. Три дня Баклановъ не выходилъ изъ своей квартиры, а на четвертый, какъ ни въ чемъ не бывало, отправился въ разъѣздъ съ своими казаками. Желѣзное здоровье и сила воли этого человѣка были

по истинѣ изумительны и заставляли казаковъ простодушно относить это къ таинственнымъ силамъ волшебныхъ заговоровъ.

Одинъ урядникъ, къ которому молодежь обратилась за разъясненіемъ того, какимъ манеромъ могло случиться, что «заколдованный» Баклановъ получилъ такую сильную рану, отвѣчалъ съ большою таинственностію, «что онъ не поладилъ съ *самимъ*».... а другой докторальнымъ тономъ тутъ же прибавилъ, что «это *ему* нисколько и не больно, потому что сила дана ему отъ Бога страшенная»...

Но, не смотря и на эту, какъ выражались казаки, дѣйствительно «страшенную» силу, Яковъ Петровичъ долго страдалъ отъ полученной раны; только онъ не любилъ няньчиться съ своими страданіями, а потому на четвертые сутки и принялся, какъ мы говорили, за службу, тѣмъ болѣе, что въ это самое время онъ былъ назначенъ начальникомъ подвижнаго резерва въ Куринскомъ укрѣпленіи и долженъ былъ принять эту должность отъ одного изъ храбрѣйшихъ кавказцевъ, полковника Майделя.

Новыя обязанности значительно расширили кругъ служебной дѣятельности Якова Петровича. Нельзя сказать, чтобы всѣ благосклонно смотрѣли на это возрастающее вліяніе простаго донскаго казака; завистниковъ, недоброжелателей и людей, старавшихся набросить черную тѣнь на честныя дѣла и поступки Якова Петровича, находилось не мало; но люди эти прошли, не оставивъ по себѣ слѣда даже въ памяти своихъ сослуживцевъ, а славное имя Бакланова живетъ и долго еще будетъ жить въ боевыхъ преданіяхъ арміи, и въ грозныхъ легендахъ Кавказа и въ пѣсняхъ чеченскаго народа, и въ дѣтскомъ лепетѣ подрастающаго молодаго поколѣнія Дона...

Въ первые мѣсяцы командованія его куринскимъ резервомъ, на линіи все было тихо, такъ что это время можно назвать даже отдыхомъ для Якова Петровича, сравнительно съ его прежнею, неугомонною дѣятельностію. Въ продолженіе цѣлаго лѣта и осени происходили только однѣ незначительныя стычки. Разъ Яковъ Петровичъ, отправившись въ разъѣздъ, нечаянно наткнулся на чеченскую арбу, запряженную парою рослыхъ быковъ. Арба была захвачена, но чеченецъ, выстрѣлившій изъ винтовки, ранилъ казака и, разумѣется, былъ убитъ, а находившаяся съ нимъ молодая горянка привезена въ Куринское.

Затѣмъ нѣсколько разъ чеченцы пытались атаковать наши войска во время рубки лѣса на Качкалыковскомъ хребтѣ, или бросались на скотъ, выпускаемый туда же изъ Куринскаго укрѣпленія, а однажды устроили даже засаду въ Кошкяльдинской балкѣ, чтобы поймать двѣ сотни, ходившія къ Герзель-Аулу; но, потерпѣвъ вездѣ неудачи, наконецъ притихли,—на что, безъ сомнѣнія, имѣлъ вліяніе также съ одной

стороны разгромъ Ахметъ-Талинскаго аула, а съ другой—взятіе Гергебиля, павшаго передъ нашимъ оружіемъ 6 іюля.

Съ наступленіемъ зимы войска начали опять готовиться къ экспедиціи въ Малую Чечню, гдѣ предположено было на этотъ разъ окончить просѣки къ востоку отъ Воздвиженской крѣпости. Такъ какъ большая часть пѣхоты, расположенной на Кумыкской плоскости, должна была принять участіе въ этихъ работахъ, то до выступленія ея полковникъ Веревкинъ и вознамѣрился произвести новый набѣгъ, чтобы нанести ауховцамъ такой ударъ, который позволилъ бы намъ впослѣдствіи, когда на плоскости войскъ будетъ менѣе, тревожить непріятеля только однѣми демонстраціями.

Стараго Гайдеміра, управлявшаго Аухомъ до 1842 года, не было уже въ числѣ наибовъ. Мѣсто его занималъ молодой человѣкъ, по имени Идрисъ-Мулла. Это былъ кумыкъ, уроженецъ деревни Андреевой, гдѣ онъ до послѣдняго времени имѣлъ много друзей и приверженцевъ. Бѣжалъ онъ отъ насъ въ 1843 году, какъ утверждаетъ самъ, вслѣдствіе религіозныхъ цѣлей, а въ сущности, потому, что сдѣлалъ неудачную попытку похитить красавицу-жену одного изъ офицеровъ туземной милиціи. Будучи пойманъ на мѣстѣ преступленія и опасаясь скандала, онъ скрылся изъ аула и предложилъ свои услуги Шамилю. По показанію людей, знавшихъ его коротко, это былъ человѣкъ лѣтъ 35, большой краснобай, но, въ сущности, пустой, недальновидный малый, отличавшійся притомъ крайнею безпечностію. Когда нежданная гроза разразилась надъ головами ахметъ-аталинцевъ, Идрисъ, хотя и прискакалъ къ нимъ на помощь, но поздно, такъ что не успѣлъ предупредить русскихъ на переправахъ черезъ глубокіе, лѣсистые овраги, гдѣ потери наши могли бы быть громадными.

Съ тѣхъ поръ, по его приказанію, аулы, стоявшіе по близости отъ нашихъ границъ, отодвинуты были нѣсколько назадъ, въ лѣсистое пространство между рѣками Яманъ-Су и Аксаемъ, гдѣ образовались, такимъ образомъ, селенія Махмутъ-Юртъ, Беикъ-Катара, Перки-Хантамъ и нѣкоторыя другія. Всѣ они расположены были одно возлѣ другаго и въ сложности имѣли до 400 дворовъ.

Первый изъ этихъ ауловъ, Махмутъ-Юртъ, избранъ былъ Веревкинымъ цѣлью для нашего набѣга. Правда, чтобы проникнуть въ этотъ аулъ, жители котораго отличались передъ другими достаткомъ и воинственностію, надо было пройти густые лѣса и миновать, по крайней мѣрѣ, десять постороннихъ ауловъ, имѣвшихъ въ сложности также не менѣе пятисотъ дворовъ; но за то, овладѣвая Махмутъ-Юртомъ, мы наносили ударъ въ самый центръ ауховскаго населенія.

Всѣ распоряженія къ набѣгу сдѣланы были такъ скрытно, что ни-

кто изъ окрестныхъ жителей не замѣтилъ, какъ въ полночь 18 декабря на рѣкѣ Яманъ-Су, почти на половинномъ разстояніи между Хасавъ-Юртомъ и Герзель-Ауломъ, сосредоточился сильный отрядъ, въ составѣ четырнадцати ротъ пѣхоты и восьми казачьихъ сотенъ при четырехъ пѣшихъ орудіяхъ.

Дороги предстояло верстъ десять, двѣнадцать; но это пространство надо было пройти по дремучему лѣсу, причемъ опасность увеличивалась отъ множества горскихъ разъѣздовъ, которые, по словамъ вожаковъ, переполняли лѣсъ и были такъ бдительны, что не пропускали безъ вниманія даже одиночныхъ всадниковъ. Яковъ Петровичъ съ небольшимъ конвоемъ поѣхалъ впередъ, рядомъ съ проводникомъ, указывавшимъ дорогу. Пластуны прошли еще прежде и, разсыпавшись, рыскали по сторонамъ, какъ гончія собаки, обнюхивавшія воздухъ.

Такимъ образомъ отошли три, четыре версты,—какъ вдругъ гдѣ-то далеко, далеко, въ ночной тишинѣ послышался жалобный крикъ зайца. Всѣ невольно вздрогнули. Яковъ Петровичъ тотчасъ остановилъ коня и сталъ прислушиваться. Крикъ повторился и громче, нежели прежде. Это былъ условный пластунскій сигналъ, предупреждавшій о близкой опасности. Пославъ немедленно извѣстить объ этомъ отрядъ, Баклановъ слѣзъ съ лошади и пѣшкомъ, въ сопровожденіи своего неразлучнаго спутника, урядника Скопина, отправился въ ту сторону, откуда былъ поданъ сигналъ.

Влѣво отъ нашей дороги, на самомъ берегу Яманъ-Су, въ томъ мѣстѣ, гдѣ лѣсъ образовываетъ небольшую полянку, жарко горѣлъ разложенный костеръ, вокругъ котораго сидѣла толпа вооруженныхъ чеченцевъ. Заряженныя винтовки лежали у всѣхъ на колѣняхъ; привязанные, а частію и стреноженные кони паслись подъ сѣдлами и служили прямымъ доказательствомъ, что это сильный пикетъ, который благоразуміе требовало обойти какъ можно скорѣе и дальше. Весь отрядъ повернулъ направо и безъ дороги началъ подниматься на высокій гребень, одѣтый дремучимъ лѣсомъ, нетронутымъ, кажется, отъ сотворенія міра; потомъ спустился въ глубокое ущелье и, сдѣлавъ значительный кругъ, вышелъ опять на дорогу въ такомъ разстояніи, съ котораго не могъ уже доноситься до пикета шумъ нашего движенія. Такимъ же точно образомъ обойдены были еще два, три пикета и, наконецъ, глубокій ровъ, которымъ чеченцы, въ вящшее свое обезпеченіе, перекопали дорогу, зная, что наши отряды не ходятъ безъ пушекъ. Отъ этого рва до аула, по словамъ вожаковъ, считалось пять верстъ, слѣдовательно, часъ ходу. Здѣсь присоединилась къ полку Бакланова партизанская команда Кабардинскаго полка съ поручикомъ Богдашевичемъ, и движеніе пошло гораздо быстрѣе, потому что дорога сдѣлалась лучше и исправнѣе. Подъ самое

утро взошла луна и освѣтила горныя окрестности. Зимою, въ лунную ночь, эти горы и лѣса представляютъ, дѣйствительно, очаровательныя картины. Но ночь была на исходѣ; изъ глубокихъ ущелій, бороздившихъ горы по всѣмъ направленіямъ, уже вырывались сѣдые туманы — предвѣстники разсвѣта. Въ воздухѣ чувствовались сырость и холодъ. Прошли еще версту, и вотъ, на небольшой полянѣ весь залитый луннымъ сіяніемъ, показался спящій аулъ. Горцы не ждали грозы, а потому ворваться въ аулъ не представляло особенной трудности; но за то овладѣть имъ пришлось только послѣ кровопролитнаго боя. Къ счастію, къ намъ скоро начали подходить подкрѣпленія. Баклановъ, уже осмотрѣвшій аулъ, указывалъ имъ тотъ или другой участокъ селенія, ту или другую отдѣльную саклю, и эти свѣжія колонны, тотчасъ же, исчезавшія въ густыхъ облакахъ дыма, довершали пораженіе врага, а огненное море пожара освѣщало картины ночнаго побоища.

Скоро выбитые изъ сакель горцы вынуждены были обратиться въ бѣгство; но казаки отрѣзали имъ всѣ сообщенія съ окрестными аулами и заставили столпиться на берегу Яманъ-Су въ томъ мѣстѣ, гдѣ не было переправы. Здѣсь большинство ихъ погибло подъ ударами казачьихъ пикъ; тѣ же, которые рѣшились броситься въ стремнину бѣшеной рѣчки, или убивались объ острые, выдававшіеся изъ пѣнистыхъ волнъ камни, или, охваченные этими волнами, быстро уносились теченіемъ и пропадали безслѣдно.

Такъ погибло все населеніе одного изъ самыхъ богатыхъ и крѣпкихъ ауловъ. Въ плѣнъ взято было только семь человѣкъ, въ числѣ которыхъ находился извѣстный абрекъ изъ казіюртовскихъ жителей—Кирымъ-Кабартыевъ.

Къ восходу солнца дѣло было окончено. Храбрые казаки и кабардинцы, съ почернѣвшими отъ дыма и пороха лицами, облитые своею и чеченскою кровію, выстроились на развалинахъ аула и радостно отвѣчали на привѣтствія начальника, объѣзжавшаго ряды и поздравлявшаго ихъ съ побѣдою.

Всякое промедленіе въ занятомъ аулѣ, давая непріятелю время собраться на тревогу, неминуемо увеличило бы наши потери при отступленіи; а потому, истребивъ Махмутъ-Юртъ, что называется, до тла, предавъ пламени часть Беикъ-Катары и захвативъ все, что попалось подъ руки въ Перки-Хантамѣ, откуда жители бѣжали, отрядъ, не теряя ни минуты, двинулся назадъ.

Отъ самаго аула войска втянулись въ глубокое ущелье, поросшее лѣсомъ. Кавалерія прошла его на рысяхъ и скрытно расположилась на полянкѣ, за небольшою возвышенностью; но горцы чутьемъ угадали засаду, а потому, оставивъ арьергардъ, налегли на боковыя цѣпи. Тогда

Веревкинъ, подозвавъ Бакланова, поручилъ ему со всею кавалеріею обогнать отступающую пѣхоту и какъ можно скорѣе занять тотъ самый глубокій ровъ, которымъ была перекопана дорога и который обходить теперь не было ни времени, ни возможности. Распоряженіе это оказалось спасительнымъ. Подходя къ оврагу, казаки увидѣли быстро приближавшуюся къ нему съ другой стороны сильную чеченскую конницу. Это былъ наибъ Идрисъ-Мулла, который, собравъ значительную партію, намѣревался именно здѣсь преградить отступленіе русскимъ. Баклановъ сразу оцѣнилъ опасность. Обѣ стороны въ одно и то же время пустили лошадей во всѣ повода; но добрые дончаки, о которыхъ такъ много хлопоталъ и заботился Яковъ Петровичъ, вынесли казаковъ впередъ и сослужили отряду великую службу.

Только нѣсколькими минутами успѣли казаки предупредить Идриса; но именно эти то минуты и рѣшили участь цѣлой экспедиціи. Занявъ удобную и крѣпкую позицію, казаки отразили самыя яростныя нападенія чеченцевъ, а между тѣмъ подоспѣла пѣхота, и, выдвинувъ впередъ четыре орудія, картечью заставила непріятеля очистить дорогу.

Потеря наша во время этого набѣга оказалась значительною и простиралась до ста тридцати офицеровъ и нижнихъ чиновъ, выбывшихъ изъ строя. Въ полку Якова Петровича убитыхъ не было; но ранено 13 человѣкъ, въ томъ числѣ есаулъ Дьяконовъ—пулею въ лѣвую руку.

За отличія, оказанныя въ этомъ набѣгѣ, Якову Петровичу пожалована была золотая шашка съ надписью „за храбрость“.

VI.

Въ началѣ 1849 года, когда чеченскій отрядъ занятъ былъ рубкою просѣкъ отъ Воздвиженской крѣпости по направленіямъ къ Заканъ-Юрту и Урусъ-Мартану *), войска Кумыкской плоскости съ своей стороны произвели нѣсколько удачныхъ набѣговъ за Мичикъ и Гудермесъ,—набѣговъ, которые, по выраженію генерала Нестерова, не только удержали жителей Большой Чечни отъ участія въ сборѣ противъ нашего отряда, но и навели такой страхъ на все народонаселеніе чеченцевъ, еще не опомнившихся послѣ разгрома Ахметъ-Тала и Махмутъ-Юрта, что аулы, ближайшіе къ Кумыкскимъ владѣніямъ, въ числѣ двухъ тысячъ семей, удалились въ горы.

Надо сказать, что зима въ 1849 году стояла теплая, постоянныя оттепели обѣщали раннее вскрытіе рѣкъ, а такъ какъ это обстоятельство обезпечивало чеченцевъ до нѣкоторой степени отъ нашихъ набѣговъ, то эмиссары Шамиля употребляли всѣ средства, чтобы понудить жителей Большой Чечни идти къ Аргуну и Гехѣ, на помощь къ тѣмъ скопищамъ, которыя собраны были въ окрестностяхъ Воздвиженской.

Получивъ объ этомъ подробныя свѣдѣнія отъ Якова Петровича, полковникъ Веревкинъ лично прибылъ въ Куринское укрѣпленіе и, ознакомившись на мѣстѣ съ положеніемъ дѣлъ, рѣшился предпринять движеніе на Мичикъ, чтобы страхомъ раззоренія окрестныхъ ауловъ удержать горцевъ въ домахъ и заставить ихъ отказаться отъ всякаго участія въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ главнаго отряда.

*) Новое, сильное укрѣпленіе, воздвигнутое въ 1848 году на передовой Чеченской линіи, на мѣстѣ бывшаго Урусъ-Мартанскаго аула.

Первый набѣгъ нашъ, предпринятый съ этою цѣлью, назначенъ былъ на 19 января 1849 года.

Войска, спустившіяся къ Мичику, не нашли однако же переправы, такъ какъ берега его оказались почти отвѣсно срытыми чеченцами, а ледъ до такой степени хрупкимъ, что даже не выдерживалъ тяжести одиночныхъ всадниковъ. Къ тому же день выдался сырой, и густая мгла, стоявшая въ долинѣ, заслоняла окрестность такою печальною, сѣрою дымкой, что даже ближайшіе предметы или исчезали изъ глазъ, или совсѣмъ перемѣняли форму—казались неестественными, странными... Вонъ и на томъ берегу Мичика тянутся какія то длинныя, черныя линіи. Но что это такое? Кусты-ли, лѣсъ-ли, непріятель? — ничего нельзя разобрать подъ этимъ нависнувшимъ, сплошнымъ и колыхавшимся сѣрымъ покрываломъ. .

При такихъ условіяхъ форсировать переправу было невозможно и черезъ полчаса отрядъ, повернувъ назадъ, потянулся въ Куринское въ самомъ скверномъ расположеніи духа. Набѣгъ не удался,—но слухъ о нашемъ движеніи былъ уже пущенъ и заставилъ чеченцевъ нѣсколько дней оставаться на Мичикѣ въ сборѣ.

Веревкинъ и Яковъ Петровичъ рѣшились воспользоваться этимъ обстоятельствомъ для того, чтобы произвести новый набѣгъ за Гудермесъ; но такъ какъ войскъ на Кумыкской плоскости оставалось мало, а между тѣмъ продолжавшіяся оттепели образовали на Терекѣ большія полыньи, которыя совершенно обезпечивали казачьи станицы отъ прорывовъ хищниковъ черезъ ихъ кордоны,—то и рѣшено было обратиться за помощію къ командиру Гребенскаго казачьяго полка барону Розену и просить его сосредоточить въ ночь съ 29 на 30 января три сотни своего полка съ ракетною командою у Николаевскаго моста. Въ тоже самое время сдѣлано было распоряженіе, чтобы на Карасинскомъ посту скрытно собрались шесть ротъ кабардинцевъ при четырехъ орудіяхъ и семь донскихъ казачьихъ сотенъ, подъ общею командою полковника Майделя. Оба отряда—одинъ отъ Кара-Су, а другой отъ Николаевскаго моста—выступили почти одновременно и къ свѣту соединились подъ Умаханъ-Юртомъ.

Умаханъ-Юртъ небольшое укрѣпленіе, построенное въ 1837 году на одну или на двѣ роты пѣхоты. Оно находится въ низовьяхъ Сунжи, при самомъ сліяніи ея Гудермесомъ, какъ бы въ ущельи между послѣдними отрогами Кабардинскаго гребня и Качкалыковскимъ хребтомъ. Прежде оно обезпечивало единственную переправу на Сунжѣ по прямому пути изъ Грозной въ Внезапную, а потомъ получило значеніе соединительнаго звена между нижней Сунженской и передовою Кумыкскою линіями.

Пройдя черезъ два небольшіе мирные аула Аласханъ и Умаханъ-Юрты, ютившіеся почти подъ самыми стѣнами укрѣпленія, пѣхота рас-

положилась на крутомъ берегу Гудермеса, а кавалерія перешла на лѣвую сторону и направилась къ аулу Гертле-Юрту. Сильный и крѣпкій аулъ этотъ, съ воинственнымъ и многочисленнымъ населеніемъ, оказался не по зубамъ нашей кавалеріи. Впрочемъ, мы и не имѣли серьезнаго намѣренія вступать съ непріятелемъ въ бой: для насъ достаточно было встревожить горцевъ и заставить ихъ подумать о защитѣ собственныхъ полей и жилищъ. А потому, оставивъ аулъ въ сторонѣ, кавалерія подвинулась впередъ еще верстъ на десять, стараясь привлечь на себя вниманіе всего населенія. Это ей удалось вполнѣ, и скоро дымъ маяковъ, вмѣстѣ съ пронзительнымъ крикомъ строжевыхъ чеченцевъ, распространили въ окрестностяхъ тревогу. Непріятель быстро сталъ собираться въ значительныхъ силахъ, а кавалерія наша, исполнивъ свое назначеніе, повернула назадъ и стала отходить къ Гудермесу, отстрѣливаясь и отбиваясь въ каждомъ перелѣскѣ; но едва разгоряченные преслѣдованіемъ горцы вынеслись за нею на чистое поле, какъ Яковъ Петровичъ, только и ждавшій этого мгновенія—вдругъ повернулъ налѣво-кругомъ и ринулся въ пики. Двѣ гребенскія сотни, подъ командою маіора Камкова*), поддержали эту атаку справа, и непріятель въ одну минуту отброшенъ былъ назадъ съ огромною потерею. Съ нашей стороны ранено при этомъ 8 казаковъ и 4 лошади.

Такъ какъ въ это самое время замѣчена была новая толпа, скакавшая во весь опоръ на помощь къ разбитому скопищу, то, предоставивъ гребенцамъ преслѣдовать и добивать бѣгущихъ, Яковъ Петровичъ повернулъ налѣво и встрѣтилъ непріятеля залпомъ ракетной батареи, дѣйствіе которой было настолько удачно, что непріятель мгновенно разсыпался въ разныя стороны и больше уже не осмѣливался тревожить насъ своими нападеніями.

Возвращаясь послѣ экспедиціи домой ближайшею дорогою, прямо черезъ Качкалыковскій лѣсъ, Яковъ Петровичъ узналъ, что на пути у раззореннаго аула Исти-Су пасется непріятельскій скотъ. Казаки повернули туда и, захвативъ отару, продолжали отступленіе,—какъ вдругъ атакованы были сильною конною партіею; атака была отбита, и горцы бѣжали, оставивъ въ нашихъ рукахъ два тѣла.

Цѣлый мѣсяцъ прошелъ послѣ этого совершенно спокойно; но 28 февраля ночью къ Бакланову прискакали изъ Умаханъ-Юрта два мирные чеченца и привезли бумагу отъ воинскаго начальника капитана Висмона, который извѣщалъ, что въ этотъ день передъ укрѣпленіемъ появились двѣ сильныя партіи чеченцевъ съ орудіями. Партіи эти обложили

*) Впослѣдствіи командиръ Гребенскаго полка и кавалеръ ордена св. Георгія за башъ-кадыкларское сраженіе.

укрѣпленіе съ двухъ сторонъ и открыли по немъ пушечный огонь, продолжавшійся болѣе трехъ часовъ сряду. Канонада изъ крѣпости и готовность гарнизона, стоявшаго во все продолженіе боя на валахъ укрѣпленія, не допустили чеченцевъ идти на приступъ; но тѣмъ не менѣе ихъ выстрѣлы причинили, по словамъ пріѣхавшихъ горцевъ, значительныя поврежденія какъ крѣпостнымъ веркамъ, такъ и многимъ казеннымъ и частнымъ строеніямъ.

Яковъ Петровичъ былъ боленъ лихорадкою, но тѣмъ не менѣе тотчасъ сѣлъ на коня и къ свѣту съ казаками былъ уже въ Умаханъ-Юртѣ, гдѣ все успѣло принять свой обыденный будничный видъ. Верки приведены были въ надлежащую исправность, дома чинились, и гарнизонъ спокойно ожидалъ новыхъ покушеній со стороны непріятеля. День однако же прошелъ безъ тревоги, а вечеромъ лазутчики, посланные за Гудермесъ, возвратились съ извѣстіемъ, что партіи разошлись по домамъ.

На обратномъ пути казаки опять открыли въ Качкалыковскомъ лѣсу слѣды многочисленной партіи, но горцы уклонились отъ боя и только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ завязалась сильная перестрѣлка, стоившая намъ на этотъ разъ двухъ казаковъ и трехъ лошадей убитыми.

Дерзкая попытка чеченцевъ противъ Умаханъ-Юрта и затѣмъ появленіе ихъ въ Качкалыковскомъ лѣсу заставили Якова Петровича немедленно потребовать къ себѣ Али-Бея, который сообщилъ, между прочимъ, что слухъ о роспускѣ партій невѣренъ и что, напротивъ, надо ожидать со дня на день появленія ихъ на Кумыкской плоскости. «Къ Умаханъ-Юрту они не пойдутъ»—добавилъ Али-Бей утвердительно: «но пусть ваши солдаты и мирные аулы берегутъ свой скотъ».

Отпустивъ Али-Бея, Яковъ Петровичъ вознамѣрился самъ произвести рекогносцировку Качкалыковскаго лѣса. Это было 9 марта; время приближалось къ вечеру; придорожные густые лѣса начинали уже покрываться легчайшею пеленою мглы; природа засыпала,—какъ вдругъ разъѣздные казаки прискакали съ извѣстіемъ, что близъ горячихъ ключей видно опять непріятельское стадо. Остановивъ пѣхоту, Баклановъ быстро спустился съ каказаками въ лѣсистую балку, но едва казаки оцѣпили отару, какъ въ томъ же самомъ оврагѣ послышался топотъ бѣшено несущейся конницы, и сильная партія чеченцевъ съ гикомъ и ружейными выстрѣлами понеслась въ погоню за казаками. Загорѣлась сильная перестрѣлка; но когда разгоряченный противникъ насѣлъ, что называется, вплотную на нашъ арьергардъ, Баклановъ вдругъ повернулъ назадъ и кинулся въ пики. Произошла ожесточенная свалка, послѣ которой горцы искали спасенія въ балкѣ, но будучи настигнуты, до того растерялись, что нѣсколько человѣкъ изъ нихъ, вопреки кавказскимъ обычаямъ, положили оружіе... Отъ нихъ узнали, между прочимъ, что

партія пришла за нѣсколько часовъ передъ этимъ и думала переночевать въ лѣсу, чтобы съ разсвѣтомъ ударить на одинъ изъ нашихъ ауловъ. Ночью отрядъ, обремененный добычею, возвратился въ Куринское, а утромъ разъѣзды, ходившіе къ горячимъ ключамъ, привезли извѣстіе, что скопище бѣжало за Мичикъ.

Донося о результатахъ этого дѣла, Яковъ Петровичъ просилъ начальника лѣваго фланга Кавказской линіи о томъ, чтобы плѣнныхъ чеченцевъ не отправлять въ Россію, а размѣнять на казаковъ, находившихся въ плѣну у чеченцевъ. Ходатайство это было уважено, и генералъ-маіоръ Нестеровъ, отвѣчая на рапортъ Бакланова, писалъ ему, между прочимъ, „что князь Воронцовъ, цѣня его боевую службу и подвиги командуемаго имъ 20-го полка, согласился на этотъ обмѣнъ, но только, какъ на исключеніе изъ общаго правила".

Вскорѣ послѣ этихъ событій — разсказывалъ одинъ изъ сослуживцевъ Якова Петровича:—„Баклановъ по цѣлымъ днямъ сталъ пропадать изъ Куринскаго. Встанетъ, бывало, рано, далеко до зари, возьметъ двухъ, трехъ пластуновъ и пока всѣ спятъ, выѣдетъ за укрѣпленія, а возвращается вечеромъ, иногда даже позднею ночью. Куда и зачѣмъ ѣздилъ въ это время Баклановъ—никто объ этомъ не зналъ. Самъ онъ не любилъ разговаривать, а распрашивать его пластуновъ было бы совершенно напраснымъ трудомъ, такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ люди эти бывали нѣмы, какъ камни. Самъ Али-Бей, цѣлый день прождавшій разъ въ Куринскомъ возвращенія Якова Петровича, сильно встревожился, такъ какъ наступила ночь, а Бакланова все еще не было. Люди, склонные къ романтизму, готовы были подозрѣвать Якова Петровича въ нѣжныхъ чувствахъ къ какой-нибудь прекрасной горянкѣ, побѣдившей богатырское сердце «Ермака Тимофѣевича», но на дѣлѣ выходило совершенно другое. Яковъ Петровичъ объѣхалъ за это время самыя дальнія границы Кумыкскихъ владѣній, побывалъ въ горахъ и посѣтилъ Чечню, осматривая и изучая ту мѣстность, которую еще не видѣлъ, но которая могла понадобиться ему при дальнѣйшемъ развитіи военныхъ дѣйствій.

— Разъ, недѣли за двѣ до Пасхи—такъ разсказывалъ самъ Яковъ Петровичъ о причинѣ своихъ таинственныхъ поѣздокъ:—приходятъ ко мнѣ вахмистры и объявляютъ, что людямъ нечѣмъ будетъ разговѣться, такъ какъ всѣ отбитые бараны поѣдены. Подивился я такому аппетиту моихъ земляковъ, потому что барановъ было у нихъ до тысячи. Но нечего дѣлать, отпускаю деньги и приказываю купить новыхъ. Купить барановъ, говорятъ мнѣ, негдѣ—на линіи не продаютъ, а сосѣди—мичиковцы, зная наши волчьи повадки, попрятали своихъ въ такія трущобы, изъ которыхъ и нашими цапкими казачьими лапами ихъ не добудешь... Въ такомъ положеніи сажусь и пишу Веревкину: «позвольте навѣстить

ауховцевъ». Веревкинъ отвѣчаетъ лаконически: «съ Богомъ!..» Но прежде, чѣмъ идти къ ауховцамъ съ одними казаками, надо было хорошенько изучить ихъ сторону, и я посвятилъ на это пять, шесть дней, остававшихся у меня совершенно свободными».

Какъ только разрѣшеніе о набѣгѣ было получено, Яковъ Петровичъ немедленно потребовалъ къ себѣ офицеровъ. Сотенные командиры застали Бакланова, сидящимъ на лежанкѣ съ поджатыми ногами, — знакъ непремѣннаго и близкаго похода. У Якова Петровича была одна необъяснимая странность: стоило ему задумать какое-нибудь предпріятіе, какъ неодолимая сила влекла его на теплую лежанку. «Я не могу разсказать — говоритъ онъ въ своихъ запискахъ — съ какимъ удовольствіемъ затопишь, бывало, русскую печку, взберешься на лежанку, закроешься бараньемъ тулупомъ и лежишь себѣ, нѣжничаешь, а голова работаетъ и въ эти минуты ни одна, самая мелкая подробность похода не ускользнетъ отъ вниманія...» Ординарцы, подмѣтившіе, бывало, какъ Яковъ Петровичъ мостится на лежанкѣ, опрометью кидались въ казарму предупредить казаковъ о близкой тревогѣ. Такъ было и на этотъ разъ. Увидѣвъ командира на печкѣ, сотники сообразили въ чемъ дѣло и молча приготовились слушать его приказанія.

Приказаніе было короткое: накормить лошадей, дать людямъ поужинать, и затѣмъ къ восьми часамъ вечера тремъ сотнямъ быть въ совершенной готовности на герзель-аульской дорогѣ.

Офицеры поклонились и вышли.

Ровно въ 8 часовъ Яковъ Петровичъ подъѣхалъ къ выстроеннымъ сотнямъ, снялъ съ головы папаху, перекрестился, и казаки тронулись, напутствуемые добрымъ пожеланіемъ провожавшихъ ихъ пѣхотинцевъ. Къ ночи они прошли Герзель-Аулъ, гдѣ къ нимъ присоединилась еще четвертая сотня, квартировавшая въ этомъ укрѣпленіи, и, перейдя въ бродъ рѣчку Яманъ-Су, вступили въ горы. Ночь, — говоритъ очевидецъ,—была темна какъ могила; вѣтеръ бушевалъ и крутилъ какую-то снѣговую мятелицу. Рѣка, сильно волнуясь, плескалась о глинистый берегъ и заглушала топотъ конскихъ копытъ и неосторожно прорывавшееся кое-гдѣ бряцаніе оружія. Четыреста отважныхъ всадниковъ молча и быстро двигались посреди непріятельскихъ ауловъ.

Яковъ Петровичъ, ѣхавшій все время впереди отряда, вдругъ остановился, осмотрѣлся кругомъ и объявилъ, что отрядъ идетъ не по той дорогѣ, гдѣ слѣдуетъ*). Проводникъ, мѣстный уроженецъ и испытанной честности, принялся убѣждать его, что дорога та самая, которая нужна; но Баклановъ упорно стоялъ на своемъ. Тогда взбѣшенный провод-

*) Разсказъ объ этомъ помѣщенъ былъ въ некрологѣ Якова Петровича. «Русскій Инвалидъ», 1873 года, № 243.

никъ началъ доказывать ему, что такъ какъ самъ Яковъ Петровичъ никогда въ этой мѣстности не былъ, то, слѣдовательно, и знать этой дороги не можетъ.

— А гдѣ же сухое дерево, которое должно быть вправо отъ дороги? — вдругъ озадачилъ его вопросомъ Баклановъ: — я его вотъ уже часъ какъ ищу; ты видѣлъ самъ, сколько разъ слѣзалъ я съ лошади и ложился на землю.

Озадаченный проводникъ долженъ былъ согласиться, что дерево дѣйствительно должно было быть, но что его не оказывается. Тогда разослали пластуновъ и черезъ нѣсколько времени верстахъ въ четырехъ лѣвѣе разыскали дорогу; а между тѣмъ всѣмъ было извѣстно, что Баклановъ здѣсь никогда не ходилъ. Потомъ уже самъ Яковъ Петровичъ разсказывалъ, что онъ во время своихъ таинственныхъ поѣздокъ именно осматривалъ эту дорогу; — и вотъ, сухое дерево, замѣченное имъ тогда въ бинокль съ другаго берега рѣки, избавило отрядъ отъ безполезной ходьбы и, навѣрное, отъ значительной потери. Конечно, ни проводникъ и никто въ отрядѣ не зналъ причины, почему все это было извѣстно Бакланову, а потому и порѣшили, «что, значитъ, ужъ такъ ему дано знать дороги, гдѣ никогда не бывалъ».

Выйдя опять на торную тропинку, отрядъ направился къ одному, хорошо извѣстному Бакланову хутору, гдѣ собирались на ночь многочисленныя отары овецъ и барановъ. Въ верстѣ отъ этого хутора попались на встрѣчу пять человѣкъ чеченцевъ, ѣхавшіе тѣсною кучкою. Они были захвачены безъ шума и выстрѣловъ. Оказалось, что это былъ старшина ближайшаго аула, пользовавшійся большимъ вліяніемъ въ обществѣ. Онъ объявилъ только, что возвращался домой съ своими нукерами; а далѣе, на всѣ предлагаемые ему вопросы отвѣчалъ однимъ упорнымъ молчаніемъ. Впрочемъ, въ отвѣтахъ его и не представлялось особенной надобности. Отрядъ остановился и выслалъ впередъ пластунскую партію.

Осторожно, по вѣтру, прокрались пластуны къ чеченскимъ кутанамъ (такъ называются въ Аухѣ зимніе овечьи загоны), поднялись на плетень, все высмотрѣли, и прежде чѣмъ злобныя, волкообразныя собаки, зачуявъ приближеніе незванныхъ гостей, кинулись на нихъ съ яростнымъ лаемъ, сверкнулъ одиночный выстрѣлъ, и часовой пастухъ, уже начинавшій подозрительно вглядываться въ темную даль, безъ стона и жизни повалился на землю; товарищей его порѣшили быстро. Ни отвѣтнаго выстрѣла, ни шума, ни крика — ничего не послѣдовало. Кончили на-чистоту, какъ училъ Яковъ Петровичъ, и, не теряя времени, стали скучивать скотъ и перегонять его на другую сторону рѣчки.

Возвратный и ближній путь казакамъ лежалъ мимо одного большаго чеченскаго хутора; но прогонять подъ самымъ носомъ ауховцевъ

стада,—было дѣломъ слишкомъ рискованннымъ, а потому, оставивъ въ сторонѣ едва виднѣвшійся хуторъ, отправились они безъ пути и дороги, понадѣявшись на свою казацкую долю. «Съ нимъ, братцы, не пропадемъ!»—толковали между собою казаки, указывая на Якова Петровича, ѣхавшаго впереди отряда.

Надо сказать, что въ Аухѣ обходныхъ дорогъ почти не существуетъ, такъ что всѣ сообщенія производятся по долинамъ рѣкъ; поперечные же пути, если и есть — то это вьючныя тропинки, весьма опасныя даже и для привычныхъ къ нимъ жителей. По одной изъ подобныхъ тропинокъ и пришлось теперь возвращаться казакамъ съ добычей. Тропинка эта лѣпилась по узкому карнизу, надъ краемъ зіяющей пропасти, на днѣ которой громоздились уступы, и шумно катились ручьи, заставлявшіе пугливо настороживать уши добрыхъ, но непривычныхъ къ такому пути дончаковъ. Къ тому же, чѣмъ дальше впередъ, тѣмъ горы сдвигались все ближе и ближе, образуя надъ головами казаковъ почти непроницаемый каменный сводъ, подъ которымъ было темно и душно, какъ въ гробѣ. Но вотъ, за однимъ крутымъ поворотомъ горы внезапно раздвинулись, ущелье сдѣлалось шире, и показался куполъ темнаго звѣзднаго неба. Казаки сейчасъ-же отыскали Большую Медвѣдицу — этотъ небесный компасъ отважныхъ наѣздниковъ, и стали по немъ отыскивать дорогу. На востокѣ забѣлѣла полоса утренняго разсвѣта, вонъ между кустами, налѣво, сверкнулъ Яманъ-Су, а за нимъ поднимается пыль... Непріятель-ли скачетъ отнимать баранту? Скотъ ли выгоняютъ изъ ближнихъ хуторовъ и ауловъ? — не видно, да и все равно: вправо изъ-за зеленыхъ пригорковъ уже торчитъ соломенная крыша одинокой вышки и тихо поднимается къ небу синій дымокъ — это Герзель-Аулъ, гдѣ казаки, въ ожиданіи товарищей, готовятъ имъ раннюю кашицу...

Между тѣмъ съ наступленіемъ утра нѣсколько горцевъ, проѣзжавшихъ мимо кутановъ, услыхали жалобный вой уцѣлѣвшихъ отъ ночнаго погрома собакъ и изъ любопытства заглянули въ растворенныя настежъ ворота. Первое, что бросилось имъ въ глаза—это нѣсколько раздѣтыхъ и обобранныхъ труповъ, валявшихся въ лужахъ запекшейся крови. Однѣ только бритыя головы, да клинообразныя, подстриженныя бороды показывали, что въ этихъ тѣлахъ когда то обитали правовѣрныя души.

Едва опомнившись отъ ужаса, ауховцы бросились въ ближайшій аулъ, подняли всѣхъ на ноги и пустились скакать къ Яманъ-Су, разсчитывая гдѣ нибудь перенять казаковъ, но казаки въ это самое время уже вступали въ ворота Куринскаго. Исчезновеніе огромнаго стада, въ числѣ полуторы тысячи головъ, не мало озадачило горцевъ. Не обошлось безъ шайтана «Боклю», толковали сѣдые старики, покачивая сво-

ими головами, и посылая на линію узнать, кто приходилъ съ казаками.

А Яковъ Петровичъ уже обдумывалъ между тѣмъ планъ новаго нападенія. Въ глухую ночь съ 30 на 31 марта онъ обогнулъ Качкалыковскій хребетъ и вышелъ въ долину Гудермеса. Здѣсь выбралъ онъ крѣпкій лѣсистый оврагъ не подалеку отъ мѣста, гдѣ Гудермесъ вливается въ Сунжу и расположился въ ожиданіи выгона непріятельскаго скота изъ ближнихъ ауловъ. Одновременно съ движеніемъ казаковъ изъ Куринскаго, выступила изъ Умаханъ-Юрта пѣхота подъ личною командою полковника Веревкина и заняла на Сунжѣ Брагунскій лѣсъ, чтобы въ случаѣ надобности поддержать казаковъ. Длинная и холодная ночь показалась еще длиннѣе и холоднѣе отъ ожиданія. Но вотъ стало свѣтать, и свѣжее утро при небольшомъ легкомъ морозцѣ благопріятно подѣйствовало на каждаго. Мимо засады прошло нѣсколько вооруженныхъ жителей; проѣхалъ туда и обратно горскій разъѣздъ; а вотъ показались наконецъ и отары... Казаки перекрестились, оправили сѣдла—и вдругъ по знаку, данному Баклановымъ, съ гикомъ и ружейною пальбою кинувшись въ середину стада, завернули часть его къ Брагунскому лѣсу прежде, чѣмъ ошалѣвшій конвой пришелъ въ себя отъ изумленія. Между тѣмъ изъ опушки лѣса выдвинулась наша пѣхота и подъ прикрытіемъ ея огня казаки отступили съ своею добычею, потерявъ раненымъ одного человѣка и трехъ лошадей.

Удачные набѣги Бакланова, сопровождавшіеся для горцевъ потерею громаднаго количества скота, составлявшаго, можно сказать, единственный источникъ ихъ благосостоянія, навели уныніе на жителей. Старики роптали, укоряя молодежь въ утратѣ воинственнаго духа. Молодежь, потерявшая довѣріе къ своимъ предводителямъ, искала способнаго человѣка, который могъ бы явиться достойнымъ соперникомъ «Даджала-Боклю». И вотъ, послѣ долгихъ пререканій, споровъ, криковъ и брани, выборъ ихъ остановился наконецъ на Гачибѣевѣ, извѣстномъ наѣздникѣ, имѣвшемъ отъ Шамиля двѣ серебряныя медали за храбрость. Гачибѣевъ охотно согласился принять на себя роль вожака-предводителя.

10 мая съ одной изъ вышекъ Куринскаго укрѣпленія замѣчена была конная партія, возвращавшаяся въ горы со стороны Амиръ-Аджи-Юрта.

Баклановъ тотчасъ выѣхалъ наперерѣзъ ей съ тремя казачьими сотнями, приказавъ слѣдовать за собою ротѣ Кабардинскаго полка и двумъ орудіямъ. Едва казаки прошли Исти-Су, какъ партія эта повернула прямо на нихъ, а изъ-за лѣса, находившагося слѣва, въ верстѣ отъ дороги, выдвинулась скрытая тамъ другая еще сильнѣйшая партія, очевидно поджидавшая насъ на прогалинкѣ. Повторилось то, что было

разъ при Батѣ; но только положеніе наше на этотъ разъ было несравненно опаснѣе, такъ какъ пѣшій резервъ, казалось, не могъ подоспѣть своевременно. Между тѣмъ партіи, сближаясь между собою, охватывали насъ и съ тылу и съ фланговъ. Вотъ онѣ уже готовы пуститься въ атаку. Остановившіяся сотни наши также выстраиваются въ лаву. Баклановъ запретилъ стрѣлять, разсчитывая подпустить непріятеля ближе и дружнымъ ударомъ въ пики прорваться сквозь превосходныя силы. Задача была нелегка, и Яковъ Петровичъ не думалъ скрывать опасности отъ своихъ казаковъ, предупредивъ ихъ, что бой будетъ жаркій. Но помощь была уже не далеко. На горизонтѣ поднялось пыльное облако, и замелькали черныя точки быстро приближающихся всадниковъ: это несется резервъ изъ Карасинскаго поста.... а вотъ и кабардинцы.... артиллерія занимаетъ позицію. Бѣлый клубъ дыма вырвался изъ крайнаго орудія, и ядро, съ пронзительнымъ визгомъ прорѣзавшее ряды непріятеля, послужило какъ бы сигналомъ, по которому чеченцы повернули назадъ и обратились въ неудержимое бѣгство.

Спустя нѣсколько дней послѣ этого происшествія горцы атаковали однакоже опять одну изъ сотенъ 40 полка, возвращавшуюся на Карасинскій постъ изъ Амиръ-Аджи-Юрта. Сотня спѣшилась, а между тѣмъ выстрѣлы были услышаны въ ближайшихъ укрѣпленіяхъ, и казаки со всѣхъ сторонъ понеслись на тревогу. На этотъ разъ горцамъ не удалось уйти безнаказанно; они были настигнуты Баклановымъ и близъ Исти-Су разбиты на голову.

Вообще первая половина 1849 года была необыкновенно тревожная. Горцы, испытавшіе столько неудачъ, не хотѣли отказаться отъ своихъ намѣреній тревожить нашу линію и въ продолженіе цѣлаго лѣта безпрерывно производили нападенія, особенно въ пространствѣ между Герзель-Ауломъ и Куринскимъ. Правда, имъ удалось за это время захватить у казаковъ трехъ лошадей, угнать въ Баташъ-Юртѣ пару воловъ и увезти двухъ женщинъ изъ Ойсунгурскаго аула *), но зато, кромѣ потери убитыми, они оставили въ нашихъ рукахъ пять хищниковъ, захваченныхъ съ лошадьми и оружіемъ, а, главное, тѣло извѣстнаго своего предводителя Гачибѣева, убитаго 26 мая, при нападеніи на ойсунгурскихъ жителей.

Но кромѣ этихъ стычекъ, лѣто 1849 года осталось памятнымъ Куринскому укрѣпленію еще и пребываніемъ въ немъ князя Михаила Семеновича Воронцова, который, объѣзжая войска лѣваго фланга, посѣтилъ его проѣздомъ по Кумыкской линіи изъ Чиръ-Юрта въ Грозную. Оставшись доволенъ всѣмъ, что онъ видѣлъ, князь Воронцовъ изъявилъ

*) Аулъ этотъ находился подъ выстрѣлами Куринскаго укрѣпленія.

особую благодарность подполковнику Бакланову «за отличный, воинственный духъ, замѣченный въ его полку». Но что обратило на себя въ то время особенное вниманіе главнокомандующаго, такъ это одежда казаковъ, которые представлялись ему на смотръ сперва въ донскихъ чекменяхъ, а потомъ въ азіатскихъ черкескахъ, вооруженные черкесскими-же кинжалами, шашками, винтовками и пиками, что такъ характерно и рѣзко отличало ихъ отъ сосѣднихъ линейцевъ... Интересуясь устройствомъ ракетной батареи, князь Воронцовъ осматривалъ ее во всѣхъ подробностяхъ, произвелъ ей ученье и, любуясь быстротою и ловкостью всѣхъ ея дѣйствій, сказалъ генералу Нестерову: «я полагаю, Петръ Петровичъ, что эта казачья батарейка не уступитъ ни одной артиллерійской части у насъ на Кавказѣ!»

По отъѣздѣ князя Воронцова, горцы какъ будто-бы нѣсколько угомонились. Сперва осада и взятіе Чоха войсками дагестанскаго отряда, потомъ заложеніе на Сунжѣ укрѣпленія Тепли-Кичу, какъ промежуточнаго пункта между Грозной и Умаханъ-Юртомъ, и наконецъ постройка черезъ Терекъ постояннаго моста у Шелкозаводской станицы, связавшаго Кумыкскую плоскость съ станицами Терекской линіи, — все это отвлекло вниманіе ихъ настолько, что первая серьезная попытка противъ кумыкскаго кордона произведена была опять лишь 22 октября, когда у насъ получены были свѣдѣнія, что партія, подъ личнымъ предводительствомъ наиба, переходитъ Мичикъ. Баклановъ тотчасъ выступилъ на встрѣчу, но по пути завернулъ къ Исти-Су и, мимоходомъ, отхватилъ огромное стадо въ тысячу головъ, ходившее въ одной изъ балокъ Качкалыковскаго лѣса. Бѣжавшіе отсюда горцы распространили такой паническій ужасъ въ рядахъ непріятеля, что скопище повернуло назадъ и отложило набѣгъ до болѣе благопріятнаго времени.

Такая же неудача постигла горцевъ и во второй разъ, 5 ноября, когда они пытались пробраться къ низовьямъ Сунжи. На этотъ разъ Баклановъ, призвавъ къ себѣ Али-Бея, сказалъ ему: „Возьми сто рублей—на путевыя издержки и разузнай подробно, куда, въ какое время и съ какимъ числомъ всадниковъ направится Гехо. — Исполнишь мое порученіе,— получишь въ три раза больше, а въ пешкешъ — возьмешь любую изъ этихъ винтовокъ».

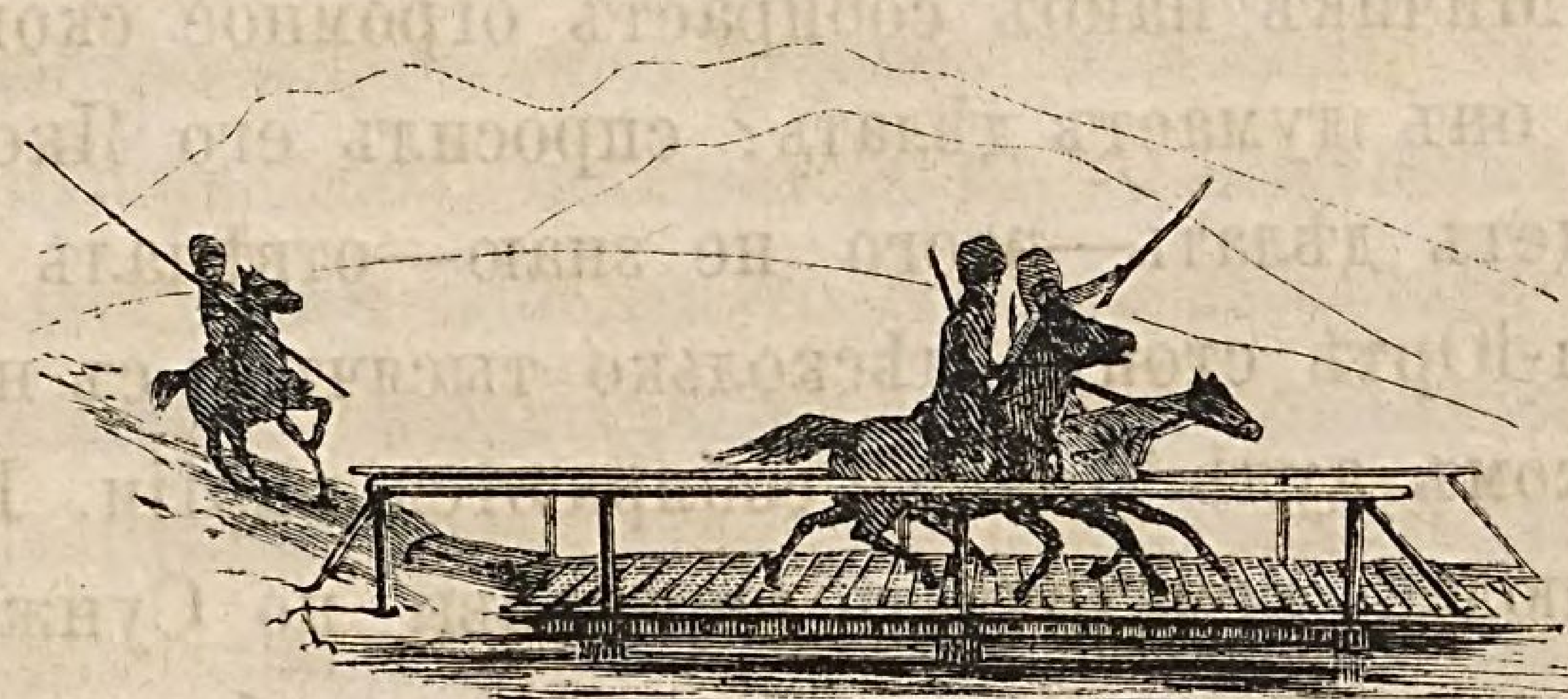
Али-Бей, рискуя своею головою, проѣздилъ всю ночь, а къ свѣту, возвратившись въ Куринское, вызвался указать Якову Петровичу то мѣсто, гдѣ горцы намѣревались переходить Гудермесъ. Баклановъ тотчасъ устроилъ засаду; но прошла цѣлая ночь, стало свѣтать, а партія все не показывалась. Тогда послали пластуновъ на развѣдки: они привели съ собою какого-то чеченца, отъ котораго узнали, что Гехо дѣйствительно шелъ къ Гудермесу, но, узнавъ о движеніи Бакланова, побоялся

засады и повернулъ назадъ. Тогда Яковъ Петровичъ рѣшился наказать чеченцевъ другимъ манеромъ: онъ повернулъ налѣво и самъ появился за Мичикомъ, — что было совершеннымъ сюрпризомъ для горцевъ, такъ какъ партіи ихъ находились на Гудермесѣ и не могли поспѣть на тревогу; между тѣмъ казаки среди бѣлаго дня, отогнали стадо въ тысячу головъ крупнаго рогатаго скота и отступили съ добычею, потерявъ въ перестрѣлкѣ только пять человѣкъ, изъ которыхъ одинъ былъ убитъ и четверо ранены.

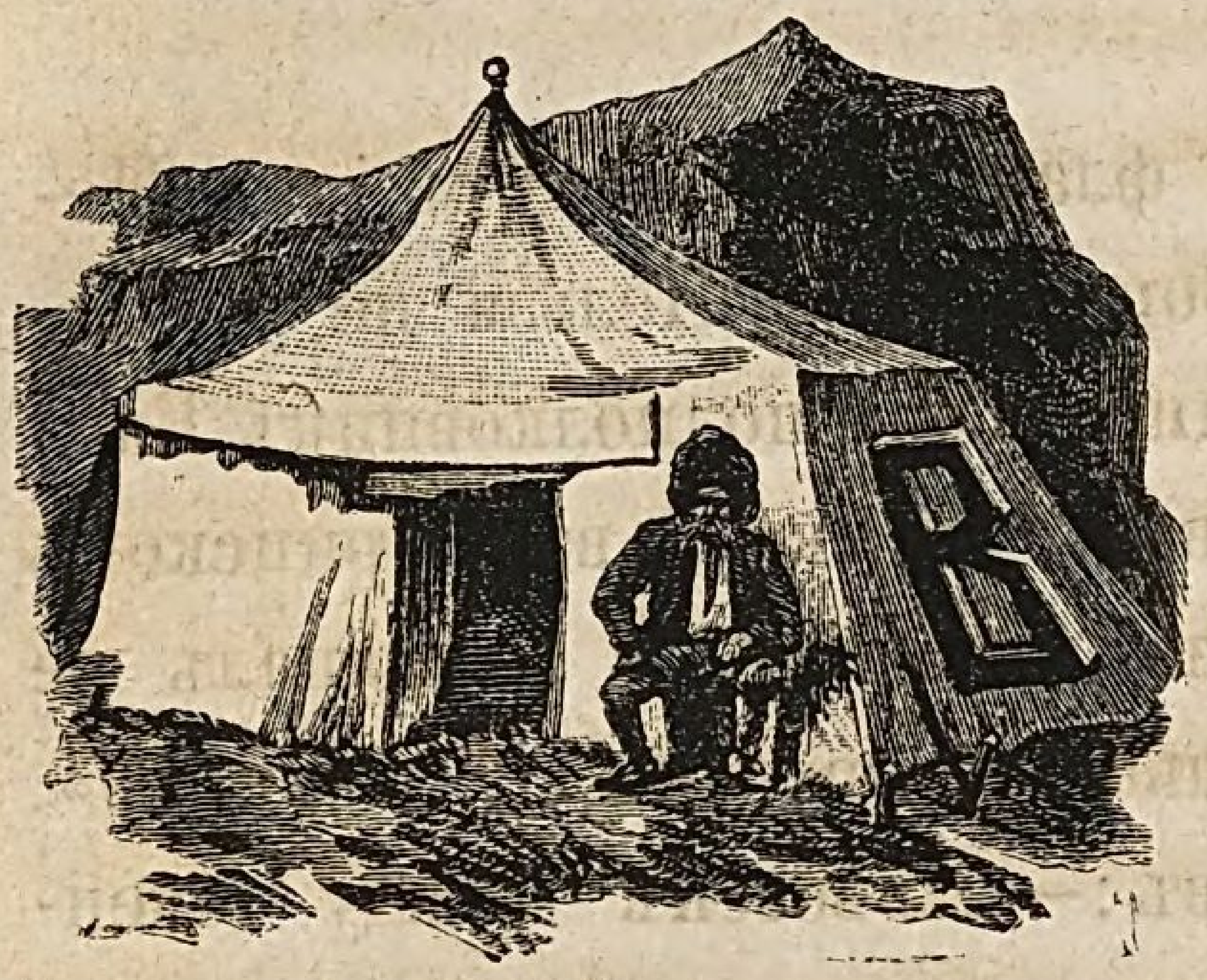
Донося о происшествіяхъ на лѣвомъ флангѣ генералъ-маіоръ Нестеровъ писалъ, между прочимъ, князю Воронцову: «Нельзя не упомянуть, что храбрый, дѣятельный и распорядительный подполковникъ Баклановъ, въ теченіе двухъ-лѣтняго командованія войсками въ Куринскомъ укрѣпленіи, всѣ поиски и движенія противъ непріятеля совершалъ не только съ полнымъ успѣхомъ, но и съ большимъ вредомъ для горцевъ».

«Баклановъ»—писалъ далѣе Нестеровъ:—извѣстенъ между чеченцами за храбраго наѣздника и своими молодецкими дѣйствіями умѣлъ внушить къ себѣ не только страхъ, но и уваженіе».

Въ тоже время князь Воронцовъ, объявляя объ этихъ набѣгахъ по войскамъ Отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, выразился въ приказѣ: «Благодарю въ особенности подполковника Бакланова—уже извѣстнаго своими постоянно удачными набѣгами».

VII.

Въ половинѣ января 1850 года военныя дѣйствія главнаго чеченскаго отряда перенесены были за Аргунъ съ цѣлью проложить широкую просѣку черезъ самый центръ Большой Чечни по направленію отъ Воздвиженскаго укрѣпленія къ бывшему аулу Шали.

Чтобы отвлечь вниманіе непріятеля отъ главнаго театра нашихъ дѣйствій, подполковникъ Баклановъ, остававшійся за отсутствіемъ Майделя командующимъ войсками на Кумыкской плоскости, произвелъ въ это время два небольшіе набѣга: одинъ въ Ичкерію, причемъ сожжено было имъ въ окрестностяхъ Мискита множество заготовленнаго горцами сѣна; а другой—на Качкалыковскій хребетъ.

— Смотри, Боклю,—говорилъ ему Али-Бей:—ты ходишь съ одними казаками; а на Мичикѣ наибъ собираетъ огромное скопище.

— Что же онъ думаетъ дѣлать? спросилъ его Яковъ Петровичъ.

— Что будетъ дѣлать—этого не знаю—отвѣчалъ Али: только у насъ въ Гурдали-Юртѣ стоитъ нѣсколько тысячъ и съ ними двѣ пушки. Въ Таубалотовскомъ аулѣ *) также собираются партіи. Вчера наибъ посылалъ своихъ людей осматривать переправы по Сунжѣ и Тереку; на Мичикѣ строятъ укрѣпленный редутъ: вѣрно собираются идти или на линію, или къ тебѣ на Кумыкскую плоскость.

Отпустивъ Али-Бея, Яковъ Петровичъ сосредоточилъ въ Куринскомъ сильный отрядъ, и въ ночь на 24 января рѣшился произвести рекогносцировку къ сторонѣ Мичика. Отрядъ **) уже достигъ перевала черезъ горный хребетъ, какъ получилъ извѣстіе, что съ той стороны

*) Аулъ этотъ находится за Гудермесомъ.

**) Отрядъ состоялъ изъ баталіона Дагестанскаго полка, пришедшаго на зиму изъ Самурскаго округа, изъ роты Кавказскаго линейнаго баталіона, шести сотенъ казаковъ и двухъ орудій.

поднимаются сильныя конныя партiи, очевидно намѣревающiяся также спуститься на плоскость. Тотчасъ сдѣланы были у насъ соотвѣтствующiя распоряженiя, и едва непрiятель показался на горѣ, какъ съ фронта почти въ упоръ загремѣла по немъ артиллерiя; слѣва—съ барабаннымъ боемъ пошли впередъ дагестанцы, а справа — какъ грозная туча заходили казаки, угрожая занять и отрѣзать ему всѣ пути къ отступленiю. Горцы, не ожидавшiе такого параднаго прiема, повернули назадъ, и преслѣдуемые всѣми нашими войсками, бѣжали за Мичикъ.

Первая неудача не охладила однакоже намѣренiй чеченскихъ наибовъ. Прошла послѣ этого цѣлая недѣля, а горцы по прежнему оставались въ сборѣ. Наконецъ, 30 января, по утру, изъ Грозной прискакалъ курьеръ съ извѣстiемъ, что партiи намѣрены напасть на Щедринскую станицу. Извѣстiе это заставило Якова Петровича выдвинуть изъ Куринскаго баталiонъ Дагестанскаго полка при двухъ орудiяхъ и восемь сотенъ казаковъ къ Истиссу, на дорогу, по которой партiи обыкновенно спускались на плоскость. Но такъ какъ по самымъ тщательнымъ розыскамъ ни здѣсь, ни въ окрестностяхъ не было никакихъ признаковъ непрiятеля, то отрядъ, обогнувъ Качкалыковскiй хребетъ, расположился въ засадѣ на юго-западномъ склонѣ его подъ самымъ русломъ Гудермеса. На разсвѣтѣ одинъ изъ горскихъ разъѣздовъ открылъ однакоже присутствiе войскъ и, ускользнувъ, благодаря густому туману, изъ рукъ казаковъ, предупредилъ чеченцевъ. Тогда Баклановъ, видя, что предпрiятiе его не удалось, рѣшился тотчасъ идти впередъ, чтобы внезапнымъ появленiемъ своимъ среди мичиковскаго общества озадачить чеченцевъ. Быстро достигли войска до укрѣпленнаго непрiятельскаго кордона Теассы, построеннаго при самомъ впаденiи въ Гудермесъ рѣчки Мичика и, разрушивъ его, повернули къ ближайшимъ ауламъ.

Открытое появленiе нашего отряда въ мѣстахъ, которые съ сорокаваго года считались недоступными для русскаго войска, подняло на ноги большую часть мичиковскаго населенiя. Здѣсь и тамъ безконечною линiею замелькали красныя точки зажженныхъ маяковъ и черезъ самое короткое время нѣсколько тысячъ конныхъ чеченцевъ появились передъ нашимъ отрядомъ. Передовыя сотни наши подались назадъ. Ободренные этимъ успѣхомъ чеченцы усилили натискъ, но Яковъ Петровичъ, выдвинувъ впередъ артиллерiю, держался на позицiи около двухъ часовъ и началъ отступать только тогда, когда чеченцы, измученные безплодными атаками, почти прекратили нападенiя.

Смѣлое движенiе это, исполненное съ ничтожною потерею *), имѣло самыя благотворныя послѣдствiя, такъ какъ совершенно разстроило всѣ планы горцевъ относительно нападенiя ихъ на Щедринскую станицу.

*) У насъ раненъ былъ одинъ казакъ.

Не довольствуясь этимъ, Яковъ Петровичъ черезъ недѣлю предпринялъ новое движеніе въ долину Гудермеса съ цѣлью разгромить аулъ Таубулатъ-Юртъ, который, какъ извѣстно, служилъ мѣстомъ для сбора непріятельскихъ партій. На этотъ разъ набѣгъ однакоже не удался, и казаки, вскочившіе въ аулъ, нашли въ немъ однѣ опустѣлыя сакли. Только послѣ самыхъ тщательныхъ поисковъ удалось розыскать какого-то восьмидесятилѣтняго старика, едва передвигавшаго ноги, отъ котораго узнали, что партія еще наканунѣ перешла Мичикъ, а жители, какъ будто предчувствуя грозу, перебрались на новое мѣсто, по ту сторону болотистаго ручья—Шавдона. Переправа черезъ этотъ ручей по топкости грунта оказалась невозможною. Послѣ нѣсколькихъ напрасныхъ попытокъ перейти его въ бродъ или вплавь, Баклановъ приказалъ заваливать ручей фашиннами. Дѣйствительно, черезъ полчаса успѣли образовать, что-то въ родѣ помоста, но едва началась переправа, какъ фашинникъ осѣлъ, и люди, рухнувшіе внизъ, стали такъ быстро засасываться тиною, что только съ большимъ трудомъ, и то при помощи арканов, вытащены были на берегъ. Шумъ въ опустѣломъ аулѣ привлекъ между тѣмъ вниманіе горцевъ; толпы ихъ стали собираться на томъ берегу, и скоро завязалась перестрѣлка. Убѣдившись наконецъ, что всѣ дальнѣйшія попытки не поведутъ ни къ чему, Баклановъ приказалъ начать отступленіе. Горцы, съ любопытствомъ и нѣкоторымъ страхомъ слѣдившіе за нашими работами, при первомъ шагѣ назадъ огласили воздухъ радостными криками и долго преслѣдовали отрядъ насмѣшкою и ядовитою бранью.

Раздосадованный этою неудачею Баклановъ тутъ-же далъ себѣ слово жестоко наказать чеченцевъ и сдержалъ свое слово самымъ блистательнымъ образомъ.

Черезъ три дня, именно 10 февраля, Яковъ Петровичъ, оставивъ казаковъ въ Куринскомъ, предпринялъ съ одною пѣхотою новый набѣгъ въ долину Мичика. Приготовленія на этотъ разъ къ походу дѣлались настолько открыто, что непріятель былъ во-время предупрежденъ о нашемъ движеніи и, находясь еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ неудачной попытки Бакланова, вознамѣрился предупредить его своимъ набѣгомъ на плоскость. Обѣ стороны встрѣтились опять на самомъ перевалѣ черезъ Качкалыковскій хребетъ. Баклановъ тотчасъ приказалъ отступать. Горцы горячо напали на нашъ арьергардъ и боковыя цѣпи, — но дагестанцы отходили съ достоинствомъ, отстрѣливаясь и отбиваясь на каждой удобной позиціи. Между тѣмъ изъ Куринскаго скрытно подошли казаки и, расположившись въ засадѣ, по обѣимъ сторонамъ дороги, извѣстили объ этомъ Якова Петровича. Тогда приказано было ускорить отступленіе,—но едва разгоряченные погонею чеченцы насѣли на нашу

пѣхоту, какъ цѣлый полкъ казаковъ ринулся на нихъ изъ засады, а дагестанцы остановились, повернули налѣво-кругомъ и съ барабаннымъ боемъ двинулись на встрѣчу. Произошла ожесточенная рукопашная свалка,—и горцы, окруженные со всѣхъ сторонъ, вынуждены были прокладывать себѣ дорогу холоднымъ оружіемъ... Поднять всѣ тѣла, покинутыя ими при этомъ на мѣстѣ сраженія, оказалось невозможнымъ, потому что ихъ было свыше полутораста. Казаки сняли съ убитыхъ только оружіе и отобрали 17 тѣлъ, принадлежавшихъ болѣе богатымъ и вліятельнымъ людямъ; ихъ привезли въ Куринское и дали знать, чтобы чеченцы явились на выкупъ. Между убитыми оказался и самъ предводитель партіи, съ котораго сняты были два серебряные знака, жалуемые обыкновенно Шамилемъ за храбрость. Тѣло его въ числѣ другихъ доставлено было въ Куринское и выкуплено горцами особо, за весьма значительную сумму.

Съ нашей стороны убито было 5 нижнихъ чиновъ и ранены: Дагестанскаго полка маіоръ Цытовичъ, пять оберъ-офицеровъ *) и 10 нижнихъ чиновъ. Лошадей въ казачьемъ полку выбыло 16.

Разгромъ этой партіи, болѣе мѣсяца стоявшей на Мичикѣ и угрожавшей вторженіемъ въ наши предѣлы, произвелъ на горцевъ такое впечатлѣніе, что они немедленно разошлись по домамъ и послѣ этого долго не осмѣливались тревожить Кумыкскія владѣнія.

Князь Воронцовъ, по достоинству оцѣнивъ это молодецкое дѣло, назначилъ въ полкъ Якова Петровича 10 знаковъ отличія Военнаго Ордена.

Сообщая объ этихъ событіяхъ военному министру, генералъ-маіоръ Нестеровъ писалъ въ заключеніе, что вслѣдъ за этимъ блистательнымъ подвигомъ, онъ ожидаетъ донесенія еще объ одномъ набѣгѣ, предпринятомъ изъ Кумыкскихъ владѣній. «А такъ какъ»—прибавляетъ Нестеровъ: войсками въ этомъ набѣгѣ командуютъ храбрый Майдель и удалой казакъ Баклановъ — то въ успѣхѣ его не можетъ быть никакого сомнѣнія».

По роспускѣ чеченскаго отряда, Майдель сосредоточилъ въ Хасавъ-Юртѣ пять баталіоновъ пѣхоты и восемь орудій, подъ видомъ смотра, который необходимо было сдѣлать войскамъ передъ отправленіемъ ихъ на свои квартиры. Въ полночь на 23 февраля сюда-же прибылъ Баклановъ съ своимъ полкомъ изъ Куринскаго, и затѣмъ ожидали только прибытія гребенскихъ казаковъ съ Терека, чтобы начать движеніе. Цѣлью набѣга избраны были въ Аухѣ три болѣе населенные аула: Сатый-

*) Въ этомъ числѣ полка Якова Петровича сотникъ Дубовскій — кинжаломъ въ правую руку.

Юртъ, Марцыкъ-Юртъ и Мустажа-Отаръ, лежавшіе смежно одинъ возлѣ другаго въ лѣсистомъ пространствѣ между двумя рѣками Ярыкъ-Су и Яманъ-Су. Гребенцовъ ожидали долго; но такъ какъ они запоздали, то Майдель, опасаясь потерять драгоцѣнное время, двинулся безъ нихъ. Баклановъ пошелъ въ авангардѣ.

Ночь была темная,—отрядъ двигался ощупью между двумя рѣками, волны которыхъ, плескаясь въ крутыя прибрежья, заглушали шумъ нашихъ шаговъ и топотъ двигавшейся конницы.

Дорога сначала ровная и открытая пошла потомъ по густому кустарнику, заросшему дерюзою; а верстахъ въ пятнадцати за Хасавъ-Юртомъ спустилась въ глубокій оврагъ, перерѣзанный вдоль широкою канавою. Эта канава къ сторонѣ ауловъ имѣла высокую насыпь, или вѣрнѣе, брустверъ, усаженный колючкою—что составляло превосходную оборонительную позицію. Къ счастію горцы, считавшіе себя въ совершенной безопасности за этою преградою, не имѣли здѣсь караула, а потому войска, соблюдая величайшую тишину, немедленно приступили къ разработкѣ прохода. Черезъ полчаса канава была заложена фашинникомъ, колючка разбросана, а насыпь срыта. Казаки и партизанская команда Кабардинскаго полка переправились первыми и тотчасъ пошли впередъ, такъ какъ время приближалось къ разсвѣту, а впереди предстояли еще два, три препятствія, которыя нужно было захватить въ свои руки, прежде чѣмъ горцы открыли бы движеніе отряда.

Первое препятствіе находилось верстахъ въ двухъ или въ трехъ отъ пройденной канавы. Это были знаменитыя Гойтемировскія ворота, названныя такъ въ честь бывшаго когда-то наиба и считавшіяся оплотомъ ауховской безопасности. Представьте себѣ высокую, крутую гору, на которую можно было взобраться только по одной извилистой и узкой тропинкѣ, упиравшейся на самой вершинѣ горы въ толстыя, бревенчатыя ворота, скрѣпленныя еще желѣзными запорами. Отъ этихъ воротъ вправо и влѣво тянулись глубокія канавы, обнесенныя колючимъ плетнемъ и спускавшіяся внизъ по откосамъ горы въ мрачныя разсѣлины, заросшія дремучими лѣсами, такъ что обойти ихъ не представлялось никакой возможности. Самыя ворота оберегались сильнымъ карауломъ. Однакоже часовые поздно замѣтили приближеніе казаковъ и, выстрѣливъ изъ ружей на воздухъ, бѣжали... Въ одно мгновеніе лихіе кабардинцы перескочили плетни и разсыпались по горѣ, чтобы огнемъ своимъ прикрыть рабочихъ; а казаки между тѣмъ живо принялись за дѣло, и менѣе нежели въ четверть часа запоры были сбиты и крѣпкія ворота, сорванныя съ петель, сброшены на землю.

Теперь медлить было нельзя. Бѣжавшіе горцы успѣли уже распространить тревогу, такъ какъ ближайшіе аулы лежали отъ Гойтемиров-

скихъ воротъ не далѣе двухъ или трехъ верстъ, а потому Баклановъ, не ожидая пѣхоты, понесся въ маршъ-маршъ съ одними казаками. Лихіе партизаны не хотѣли отъ него отставать; они хватались за стремена, за гривы, за хвосты лошадей, и вмѣстѣ съ казаками очутились передъ аулами.

Здѣсь встрѣтилось новое препятствіе: это была высокая ограда, обнесенная рвомъ и колючкою, изъ-за которой раздавались частые выстрѣлы горцевъ. Не смотря на то, плетень былъ разобранъ и сквозь проломы его казаки ринулись въ тѣсныя улицы. Но аулы были почти пустые. Жители при первыхъ выстрѣлахъ у Гойтемировскихъ воротъ успѣли отправить свои семейства и стада въ неприступныя лѣсныя трущобы, а въ сакляхъ остались одни бездомовники, фанатики, да старики, которые хотѣли лучше умереть, чѣмъ видѣть врага въ своихъ родныхъ пепелищахъ.

Поэтому добыча наша была не велика. Однако же мы истребили и предали пламени три весьма значительные аула и захватили въ нихъ все, что только было возможно. Затѣмъ полковникъ Майдель приказалъ Бакланову собрать своихъ казаковъ и отступить какъ можно скорѣе на первую канаву, чтобы не дать непріятелю время уничтожить наскоро устроенную черезъ нее переправу.

Съ первымъ шагомъ назадъ завязалось довольно упорное дѣло. До Гойтемировскихъ воротъ и затѣмъ отъ нихъ до канавы, гдѣ собрана была вся кавалерія, войска отступали еще безо всякой потери. Но отсюда, когда кавалеріи пришлось идти въ арьергардѣ, непріятель, воспользовавшись узкою долиною, засѣлъ по обѣимъ сторонамъ ея въ лѣсистыхъ оврагахъ, и казакамъ пришлось проходить подъ сильнымъ перекрестнымъ огнемъ. Надо было во что бы то ни стало заставить непріятеля очистить хотя одну изъ этихъ позицій. Но какъ это сдѣлать? Съ фронта на насъ насѣдала одна кавалерія; Яковъ Петровичъ вознамѣрился на ней сорвать свое сердце. Но едва скомандовалъ онъ „стой!“— какъ чеченская конница, уже знакомая съ этимъ маневромъ, повернула назадъ и въ мгновеніе ока исчезла изъ виду. Тогда Баклановъ моментально рѣшился на самый отчаянный подвигъ.

Перемѣнивъ фронтъ полка налѣво, въ карьеръ, Яковъ Петровичъ выхватилъ изъ рукъ ординарца значекъ и съ крикомъ: „съ Богомъ! за мной!“ — ринулся съ кручи прямо въ лѣсистый оврагъ, гдѣ протекалъ Яманъ-Су. Не только горцы, но и наша пѣхота была ошеломлена видомъ казаковъ, скакавшихъ во всѣ повода прямо въ глубокую пропасть по такимъ мѣстамъ, гдѣ только съ трудомъ могли пробираться пѣшіе. Въ эту минуту ружейный огонь разомъ умолкъ по всей непріятельской линіи; опомнившіеся горцы сбѣгались вмѣстѣ, чтобы принять кавалерію

въ кинжалы и шашки; но казаки, по знаку Бакланова, мгновенно спѣшились и, бросивъ лошадей, ринулись въ пики. Два баталіона Кабардинскаго полка, подоспѣвшіе сюда изъ общаго резерва, оцѣпили казачьихъ лошадей, оставшихся даже почти безъ коноводовъ. Сперва Баклановъ хотѣлъ пустить кабардинцевъ на помощь къ казакамъ, но опасаясь, что въ темномъ и дремучемъ лѣсу они перестрѣляютъ своихъ же, такъ какъ казаки, одѣтые въ папахи и черкески, мало чѣмъ отличались отъ чеченцевъ, — рѣшился начать и довести дѣло до конца съ одними своими донцами.

Пока въ дремучемъ лѣсу происходила рукопашная свалка, человѣкъ 80 горцевъ, засѣвъ на высокій курганъ, стоявшій нѣсколько сбоку, стали наносить намъ чувствительный вредъ своими фланговыми выстрѣлами. Яковъ Петровичъ отправилъ 50 казаковъ выбить ихъ изъ этой позиціи. Казаки достигнувъ кургана, встрѣчены были мѣткимъ ружейнымъ огнемъ и залегли у подошвы. Никто не рѣшался кинуться первымъ. Это была одна изъ тѣхъ страшныхъ минутъ оцѣпенѣнія, которыя бываютъ даже у закаленныхъ и испытанныхъ воиновъ. Когда объ этомъ дали знать Бакланову—говоритъ очевидецъ:—онъ весь перемѣнился въ лицѣ. Никто и никогда не видалъ его въ порывѣ такого страшнаго гнѣва. Прискакавъ къ кургану и распорядившись съ казаками по-свойски, онъ крикнулъ: впередъ! и, выхвативъ шашку, повелъ ихъ на приступъ. Курганъ былъ взятъ, и горцы, поражаемые съ фланга ружейнымъ огнемъ, обратились въ бѣгство.

Въ этомъ горячемъ бою съ нашей стороны убито было шесть казаковъ и ранены: хорунжій Стоцкій — пулею въ грудь на-вылетъ и 25 нижнихъ чиновъ.

Вотъ что писалъ по этому поводу князь Воронцовъ въ письмѣ къ военному министру, сообщая ему о послѣднихъ происшествіяхъ на Кавказской линіи.

„Нечаянность, смѣлость, быстрота и предусмотрительность, съ какою подполковникъ Баклановъ производитъ свои набѣги въ землю враждебныхъ чеченцевъ, вѣнчаются всегда полнымъ и удивительнымъ успѣхомъ.“

„Такъ кончился его набѣгъ 10 февраля, въ которомъ послѣ удачной засады и атаки на непріятеля, горцы оставили на мѣстѣ 17 тѣлъ и множество различнаго оружія. Въ набѣгѣ 23 февраля подполковникъ Баклановъ опять изумлялъ всѣхъ своими бойкими и смѣлыми ударами, единодушно исполняемыми казаками ввѣреннаго ему полка. Лишь только сдѣланъ былъ проломъ въ Гойтемировскихъ воротахъ, какъ Баклановъ вихремъ понесся съ своимъ полкомъ въ непріятельскіе аулы; все уступало ему дорогу, все обращалось въ бѣгство, не будучи въ состояніи

отразить страшнаго напора въ пики. Въ нѣсколько минутъ одинъ изъ ауловъ былъ преданъ пламени; но лишь собравшіеся горцы стали тѣснить нашъ арьергардъ, какъ Баклановъ, пользуясь удобнымъ моментомъ, снова ринулся на нихъ, втопталъ непріятеля на дно оврага и нанесъ ему такое пораженіе, что горцы не колебались искать себѣ спасенія въ постыдномъ бѣгствѣ съ поля сраженія."

Наградою Бакланову за отличія въ этихъ дѣлахъ былъ чинъ полковника *).

По возвращеніи въ Куринское Яковъ Петровичъ не долго оставался безъ дѣла. 12 марта орудійные выстрѣлы со стороны Амиръ-Аджи-Юрта снова вызвали казаковъ на тревогу. Непріятеля однакоже нигдѣ не открыли, а вечеромъ лазутчикъ далъ знать Бакланову, что это небольшая партія чеченцевъ подъѣзжала къ аулу съ намѣреніемъ отбить скотъ, но, встрѣченная пушечными выстрѣлами, возвратилась безъ успѣха, предполагая однакоже сдѣлать набѣгъ въ другой разъ, и партіею гораздо сильнѣйшею.

Получивъ объ этомъ извѣстіе, Яковъ Петровичъ тотчасъ поручилъ Али-Бею узнать, въ какомъ числѣ и куда именно направится партія. Когда эти свѣдѣнія были доставлены, Баклановъ собралъ отрядъ **) и отправился, какъ онъ выражался, сторожить чеченцевъ, избравъ для этого одинъ хорошо знакомый ему оврагъ въ окрестностяхъ Умаханъ-Юрта на Гудермесѣ.

На разсвѣтѣ 14 марта, дѣйствительно, показалась партія въ числѣ шести или семи сотъ всадниковъ, слѣдовавшая за молодымъ человѣкомъ, который ѣхалъ на прекрасномъ бѣломъ конѣ—лучшей кабардинской породы. Впереди на значительномъ разстояніи отъ этой партіи рыскали четыре чеченца, зорко осматривавшіе каждый камень и кустъ, попадавшійся имъ на дорогѣ. Присутствіе нашихъ войскъ, разумѣется, не могло укрыться отъ ихъ вниманія, а потому Баклановъ, не теряя времени, первый выскочилъ изъ оврага и богатырскимъ ударомъ разнесъ до сѣдла передняго горца, остальные повернули назадъ; но въ то же мгновеніе, какъ молнія блеснули выхваченныя изъ чехловъ винтовки... загремѣли выстрѣлы... и Яковъ Петровичъ, почувствовавъ жгучую боль въ лѣвой ногѣ, круто повернулъ свою лошадь и отъѣхалъ въ сторону, чтобы посмотрѣть, куда раненъ: оказалось, что пуля попала въ лѣвое бедро и повредила кость. Между тѣмъ по первымъ выстрѣламъ четыре сотни разомъ вынеслись изъ засады, и шумною лавою ударили на горцевъ, которые укрылись въ ближайшій оврагъ, спѣшились и встрѣтили каза-

*) Высочайшій приказъ объ этомъ послѣдовалъ 31 марта 1851 года.

**) Отрядъ состоялъ изъ трехъ ротъ пѣхоты, четырехъ сотенъ казаковъ, одного орудія и ракетной батареи.

ковъ бѣглымъ ружейнымъ огнемъ. Казаки остановились въ ожиданіи пѣхоты. Между тѣмъ Яковъ Потровичъ, убѣдившись, что рана не помѣшаетъ ему держаться въ сѣдлѣ, самъ прискакалъ на мѣсто сраженія, но, видя, что атака лѣсистаго оврага поведетъ за собою большую потерю, тотчасъ выдвинулъ впередъ артиллерію. Картечь и ракеты, хватившія въ самую середину столпившихся горцевъ, заставили ихъ бросить оврагъ — и тогда съ нашей стороны началась бѣшеная погоня, окончившаяся только съ наступленіемъ поздняго вечера.

«Куда дѣвался ихъ молодой предводитель,—говоритъ Яковъ Петровичъ: — не знаю; но чудную, бѣлую лошадь его мы видѣли въ оврагѣ съ разбитымъ ракетою черепомъ»... Баклановъ, презирая боль, до конца распоряжался боемъ, и, только возвратившись уже въ Куринское, объявилъ казакамъ, что онъ раненъ. Ординарецъ помогъ ему сойти съ лошади. Онъ сильно хромалъ и потребовалъ доктора перевязать себѣ ногу...

Извѣстіе о ранѣ Бакланова быстро облетѣло чеченскіе аулы и вызвало въ нихъ общія надежды и ликованія. Не ожидая болѣе встрѣтить грознаго врага, котораго они почему-то воображали при смерти, мичиковцы живо собрали партію въ двѣ тысячи всадниковъ и двинулись на Кумыкскую плоскость. Али-Бей тотчасъ сообщилъ объ этомъ Бакланову. Яковъ Петровичъ сильно страдалъ въ это время отъ боли и опухоли въ ногѣ, препятствовавшей ему даже сидѣть на постели; но онъ все превозмогъ и въ ночь съ 25 на 26 марта самъ повелъ отрядъ къ Исти-Су, гдѣ устроилъ засаду. Ракетная батарея и два орудія, замаскированныя набросанною на-скоро грудою земли и каменьевъ, были наведены прямо на дорогу, по которой должны были спускаться горцы. Пластуны шагами измѣрили путь и обозначили различныя дистанціи, вслѣдствіе чего каждый нашъ выстрѣлъ долженъ былъ находить свою жертву.

Весь отрядъ находился въ большомъ нетерпѣніи. Яковъ Петровичъ сидѣлъ на разостланной буркѣ возлѣ самыхъ орудій, чутко прислушиваясь къ каждому лѣсному шороху, время отъ времени нарушавшему тишину темной мартовской ночи. Но вотъ стало свѣтать, и на вершинѣ горы показалась сильная партія; ей дали спуститься внизъ — и вдругъ осыпали разомъ картечью, ракетами и бѣглымъ, неумолкаемымъ ружейнымъ огнемъ. Полная неизвѣстность о нашемъ отрядѣ, внезапность удара и, главное, огромность потери—до того озадачили горцевъ, что они съ проклятіемъ и криками бросились бѣжать и болѣе уже не повторяли подобныхъ попытокъ.

Наступившее затишье можно было однакоже назвать затишьемъ передъ грозою. Съ апрѣля мѣсяца начали носиться зловѣщіе слухи о томъ, что Шамиль, лично прибывшій въ Большую Чечню сосредоточи-

ваетъ на Шалинской полянѣ огромныя толпы чеченцевъ и тавлинцевъ. Цѣль этого сбора положительно была неизвѣстна, а потому для охраненія лѣваго фланга вынуждены были принять самыя энергическія мѣры войска оставлены въ сборѣ, а начальнику Кумыкской плоскости вмѣнено въ обязанность двинуть войска на Терекскую или Нижe-Сунженскую линіи, если бы непріятель покусился противъ одной изъ нихъ, и въ свою очередь, требовать къ себѣ резервы, если бы опасность угрожала Кумыкскимъ владѣніямъ.

Но оставимъ на время военныя обстоятельства края и перейдемъ къ служебной дѣятельности самаго Якова Петровича. Надо сказать, что въ этомъ году изъ числа донскихъ казачьихъ полковъ, находившихся на службѣ на Кавказѣ, два, а именно, 19-й и 20-й, выслуживали срокъ и подлежали смѣнѣ новыми полками съ Дона. Между тѣмъ громкая слава Якова Петровича давно обратила на него вниманіе кавказскаго начальства, и князь Воронцовъ, желая удержать Бакланова на службѣ, обратился съ просьбою объ этомъ къ наказному атаману Донскаго казачьяго войска генералъ-адъютанту Хомутову.

— Имѣя въ виду засвидѣтельствованіе начальства Отдѣльнаго Кавказскаго корпуса,—писалъ Хомутовъ по этому поводу къ военному министру,—что подполковникъ Баклановъ во время службы своей на Кавказѣ, отличался примѣрнымъ мужествомъ и храбростію противъ горцевъ, и ходатайство того же начальства объ оставленіи его для дальнѣйшей службы на Кавказѣ въ теперешнемъ расположеніи № 20-го полка, гдѣ онъ, ознакомившись съ мѣстностію, можетъ приносить большую пользу, прошу ваше сіятельство о назначеніи подполковника Бакланова командиромъ того полка, который будетъ командированъ на смѣну 20-го.

Ходатайство это однакоже не было уважено.

«Донскіе полки» — отвѣчалъ наказному атаману управляющій департаментомъ военныхъ поселеній:—«должны служить на полевой службѣ три года, и въ нарядѣ чиновъ должна соблюдаться строгая очередь. 20-й полкъ по случаю военныхъ обстоятельствъ оставался на службѣ долѣе опредѣленнаго срока, а потому, имѣя въ виду новыя, утвержденныя его величествомъ правила, по которымъ полковымъ командирамъ, прослужившимъ на Кавказѣ три года, не дозволяется оставаться на вторичный срокъ, военный министръ и на оставленіе подполковника Бакланова согласія изъявить не изволилъ, и самое ходатайство объ этомъ приказалъ оставить безъ послѣдствія».

Получивъ такое извѣстіе, князь Воронцовъ тотчасъ вошелъ прямо отъ себя съ слѣдующимъ оффиціальнымъ представленіемъ:

— «Въ семъ году» — писалъ онъ военному министру отъ 14-го апрѣля 1850 года:—«предстоитъ смѣна Донскому № 20 полку, распо-

ложенному на передовой Кумыкской линіи. Полкомъ этимъ командуетъ храбрый подполковникъ Баклановъ. Мнѣ не нужно распространяться насчетъ достоинствъ этого штабъ-офицера, насчетъ удальства, возбужденнаго имъ въ казакахъ командуемаго имъ полка и насчетъ пользы служенія его на передовой линіи. Все это извѣстно Вашей Свѣтлости изъ журналовъ военныхъ происшествій на лѣвомъ флангѣ, изъ которыхъ рѣдкій не содержитъ въ себѣ описанія какого-либо удалаго и успѣшнаго предпріятія этого отличнаго штабъ-офицера. Скажу только, что подполковникъ Баклановъ сдѣлался грозою его непокорныхъ сосѣдей, пріобрѣлъ общее уваженіе не только между русскими, но и между туземцами, и что по всѣмъ симъ причинамъ продолженіе службы его на занимаемомъ мѣстѣ обѣщаетъ явную и большую пользу. Имѣя это въ виду, я обращался къ наказному атаману войска Донскаго съ просьбою объ оставленіи Бакланова въ здѣшнемъ краю еще на одинъ терминъ съ назначеніемъ его командиромъ полка, который будетъ присланъ на смѣну № 20-го. На это наказной атаманъ увѣдомилъ меня, что Ваша Свѣтлость, имѣя въ виду высочайшее повелѣніе, чтобы полковымъ командирамъ, прослужившимъ на Кавказѣ три года, не дозволять оставаться на дальнѣйшіе сроки,—не изволили изъявить согласіе на оставленіе на Кавказѣ и подполковника Бакланова.

Смѣю думать, что изъ этого правила не можетъ не быть допущено исключенія, когда требуетъ этого истинная польза службы, какъ это видно въ настоящемъ случаѣ. Смѣю думать, что Государь Императоръ соизволилъ сознать справедливость моего заключенія и Всемилостивѣйше проститъ меня за смѣлость ходатайствовать о допущеніи исключенія изъ правила, Его Величествомъ повелѣннаго».

Недовольствуясь этимъ формальнымъ представленіемъ, князь Воронцовъ съ тѣмъ же курьеромъ отправилъ къ военному министру князю Чернышеву письмо, въ которомъ писалъ, между прочимъ, слѣдующее:

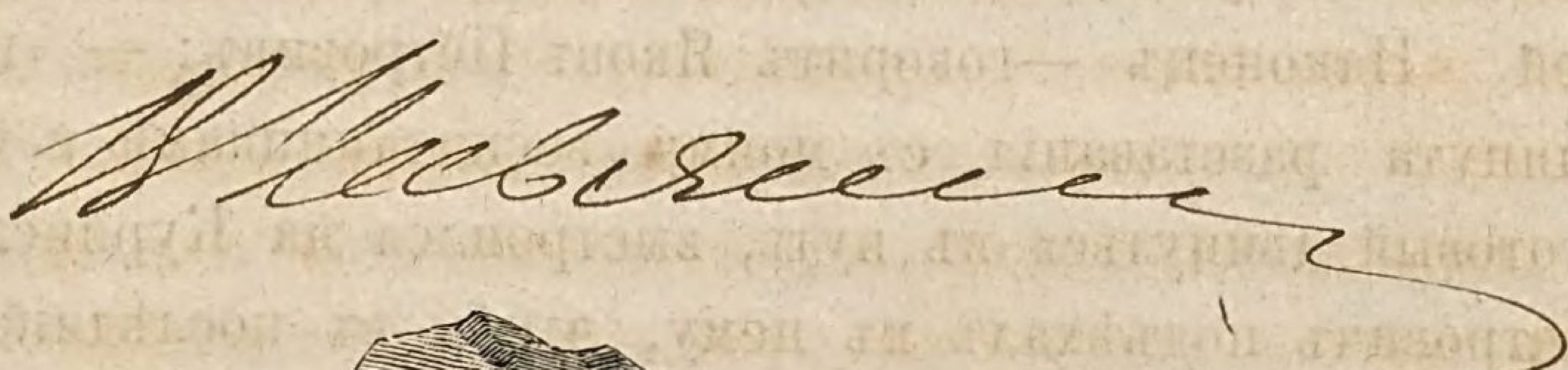
...«Я настоятельно прошу Васъ, Князь, оставить здѣсь и въ этой самой должности храбраго нашего Бакланова. Я дамъ ему новый полкъ, который придетъ въ эти мѣста. Передайте, дорогой Князь, Государю, что я умоляю Его оставить намъ Бакланова. Этотъ человѣкъ, такъ же какъ Слѣпцовъ дорогъ намъ за свою замѣчательную храбрость, за свой свѣдующій умъ, за военныя способности, за знаніе мѣстъ, гдѣ онъ служитъ, и за страхъ, который онъ внушилъ непріятелю. Въ одномъ изъ послѣднихъ собраній Шамиль упрекалъ своихъ наибовъ за тотъ страхъ, который имъ внушаетъ Баклановъ. Казаки, служившіе съ нимъ въ эти пять лѣтъ, сдѣлались достойными своего начальника, и навѣрное можно сказать, что новый полкъ, который онъ приметъ въ командованіе, скоро будетъ такой же храбрый, и будетъ также отличаться какъ и теперешній.

Уже шестой день, какъ атаманъ Хрещатицскій получилъ отъ него рапортъ, который я Вамъ посылаю, какъ любопытный документъ насчетъ одного дѣла, о которомъ мы еще не получили ничего оффиціальнаго. Баклановъ сдѣлалъ счастливый и смѣлый набѣгъ, и одинъ изъ цѣлаго отряда былъ раненъ: *) это уже въ третій или четвертый разъ. Ради Бога, дорогой Князь, не лишайте насъ этого нужнаго и полезнаго человѣка».

— «Ходатайство Вашего Сіятельства»,—отвѣчалъ на это князь Чернышевъ официальною бумагою отъ 6 мая 1850 года: — я имѣлъ счастіе повергать на Высочайшее благоусмотрѣніе Государя Императора, и Его Величество, находя, что хотя и установлено правило не дозволять командирамъ донскихъ казачьихъ полковъ оставаться на Кавказѣ на лишніе сроки, но во вниманіе особому ходатайству Вашему, Всемилостивѣйше разрѣшить соизволилъ: назначить подполковника Бакланова командиромъ того Донскаго казачьяго полка, который долженъ быть высланъ въ семъ году съ Дона, на смѣну полка № 20, — о чемъ немедленно объявлено и наказному атаману Донскаго войска».

Въ то же самое время князь Александръ Ивановичъ Чернышевъ, отвѣчая на частное письмо князя Воронцова, писалъ къ нему, «что государь, отдавая полную справедливость заслугамъ Бакланова, какъ превосходнаго штабъ-офицера, позволилъ оставить его на Кавказѣ не въ примѣръ другимъ и какъ исключеніе изъ общаго правила».

* Здѣсь упоминается о дѣлѣ 14 марта на Гудермесѣ.

VIII.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1850 года на смѣну Донскаго казачьяго № 20 полка, занимавшаго передовую Кумыкскую линію, былъ присланъ съ Дона новый 17 полкъ. Онъ былъ сформированъ изъ казаковъ 3 военнаго округа и, выступивъ въ походъ 18 мая, подъ командою войсковаго старшины Корнѣева, прибылъ въ Куринское 26 іюня.

Въ полку состояло налицо пять офицеровъ и 820 нижнихъ чиновъ.

Пріемъ новаго и сдача стараго полка, возвращавшагося на Донъ, подъ командою есаула Дьяконова, окончились въ продолженіи нѣсколькихъ дней. «Наконецъ» — говоритъ Яковъ Петровичъ: — «наступила тяжелая минута разставанія съ моими воспитанниками и братьями».... Полкъ, готовый двинуться въ путь, выстроился на Куринской площади. Яковъ Петровичъ подъѣхалъ къ нему, чтобы въ послѣдній разъ поблагодарить казаковъ за ихъ молодецкую службу, но не могъ сказать имъ ни слова. «Меня» — говоритъ онъ: — «поразилъ видъ казаковъ, этихъ желѣзныхъ богатырей, плакавшихъ отъ праваго до лѣваго фланга какъ малыя дѣти. Сердце мое сжалось, я отвернулся въ сторону, махнулъ рукою, — и молча выѣхалъ изъ воротъ укрѣпленія.

Въ послѣдній разъ потянулись за нимъ его лихія и бравыя сотни. Яковъ Петровичъ проводилъ ихъ до Карасинскаго поста и здѣсь окончательно распростился съ своими боевыми соратниками. Отсюда онъ поспѣшилъ возвратиться въ Куринское, чтобы скорѣе ознакомиться съ новымъ полкомъ, положить въ немъ прочныя боевыя начала и поселить въ казакахъ его тотъ же молодецкій духъ, которымъ отличался старый полкъ во все время служенія своего на Кавказѣ.

«Въ двадцатый полкъ — не разъ говаривалъ Яковъ Петровичъ:—я положилъ всю свою душу. Это было мое чадо, мое созданіе, 17-й же полкъ былъ созданіемъ какъ моимъ, такъ и моихъ старыхъ боевыхъ сослуживцевъ».

Надо сказать, что многіе штабъ и оберъ-офицеры, урядники и даже простые казаки, добровольно вызвались на переводъ изъ 20 въ 17 полкъ и послужили ему превосходными кадрами. Изъ сотенныхъ камандировъ, сколько помнитъ Яковъ Петровичъ, остались тогда: Березовскій, Банниковъ, Поляковъ, Захаровъ, Балабинъ и адъютантъ Одноглазковъ. Съ ихъ помощью дѣло пошло успѣшно и быстро. Тотчасъ, по примѣру стараго полка, сформирована была седьмая учебная сотня, а затѣмъ образованы были — саперная, пластунская и ракетная команды. Молодые донцы, наслушавшись разсказовъ о подвигахъ 20 полка и о знаменитой храбрости своего командира, занимались охотно и горѣли желаніемъ показать себя достойными пріемниками славы, заслуженной ихъ сотоварищами.

Когда молодые казаки, прибывшіе съ Дона, спрашивали старыхъ о своемъ командирѣ, тѣ отвѣчали: — «Командиръ такой, что при немъ и отца роднаго не надо. Если есть нужда—иди прямо къ нему: поможетъ и добрымъ словомъ, и совѣтомъ, и деньгами. Простота такая, что ничего не пожалѣетъ, послѣднюю рубашку сниметъ и отдастъ, а тебя въ нуждѣ твоей выручитъ. Но на службѣ, братцы мои, держите ухо востро: вы не бойтесь чеченцевъ, а бойтесь своего асмодѣя: шагъ назадъ — въ куски изрубитъ!»... И эти простыя слова, какъ нельзя вѣрнѣе и понятнѣе охарактеризовали казакамъ и самую личность и боевую дѣятельность ихъ новаго начальника.

Къ этому надо прибавить еще, что Яковъ Петровичъ, воспользовавшись проѣздомъ по линіи князя Воронцова, лично просилъ у него дозволенія расположить двѣ сотни 17 полка въ ближайшемъ Карасинскомъ посту, а штабъ и четыре сотни 40 полка перемѣстить оттуда въ Хасавъ-Юртъ, что было для нихъ гораздо удобнѣе, такъ какъ въ недальнемъ разстояніи отъ этого пункта, именно въ Ташъ-Кичахъ, располагались и остальныя сотни того же самаго полка. Получивъ на это разрѣшеніе, Яковъ Петровичъ немедленно отправилъ есаула Полякова съ отдѣльнымъ двухъ-сотеннымъ отрядомъ на Карасинскій постъ и въ подробныхъ наставленіяхъ, данныхъ ему по этому случаю, изложилъ тѣ правила, которыми слѣдовало руководствоваться во время предстоявшихъ дѣлъ съ непріятелемъ.

«Три пушечные выстрѣла, сдѣланные въ Куринскомъ укрѣпленіи» — писалъ Яковъ Петровичъ въ своей инструкціи: — служатъ условнымъ сигналомъ, по которому казаки на Карасинскомъ посту должны сѣдлать

Bayerische
Staatsbibliothek
München

лошадей. Если сигналъ повторится — казаки выступаютъ, направляясь туда, гдѣ будетъ услышана ими перестрѣлка.... Напротивъ, выстрѣлы съ Карасинскаго поста должны производиться только въ случаѣ опасности, угрожающей самому посту; когда же сотни выступаютъ на встрѣчу партіи, они зажигаютъ на курганѣ камышъ, сложенный высокою пирамидою. Въ свою очередь, маякъ, зажженный въ Куринскомъ, обозначаетъ нападеніе на казаковъ въ окрестностяхъ самаго укрѣпленія, и въ этомъ случаѣ карасинскія сотни должны во всѣ повода скакать къ нимъ на помощь».... Но такъ какъ горцы, узнавъ условное значеніе нашихъ сигналовъ, могли бы легко наводитъ гарнизонъ Карасинскаго поста на засады, то обѣ сотни никогда не выступали разомъ. Сперва выходила одна, а за нею, спустя нѣкоторое время, другая, держась отъ нея въ такомъ разстояніи, что если бы первая сотня и попала въ засаду, то вторая могла бы напасть на атакующихъ съ тылу....

Первое дѣло, въ которомъ участвовали молодые казаки 17 полка произошло 12 іюля. Въ этотъ день одна изъ сотенъ, посланная подъ командою есаула Березовскаго прикрывать фуражировъ, подверглась сильному нападенію горцевъ въ Качкалыковскомъ лѣсу. «По первымъ выстрѣламъ — разсказываетъ Яковъ Петровичъ:—я прискакалъ на мѣсто происшествія и засталъ рукопашную свалку. Подъ самимъ Березовскимъ была убита лошадь; но, не смотря на то, онъ пѣшій бросился въ толпу непріятеля, увлекъ за собою казаковъ и разогналъ чеченцевъ. Начало было успѣшное. Я остался чрезвычайно доволенъ поведеніемъ въ бою молодыхъ казаковъ, и съ этихъ поръ хлопоталъ только о томъ, чтобы предоставить имъ случай участвовать въ какой нибудь большой кавказской экспедиціи».

Случай къ этому представился скоро.

Еще въ іюнѣ мѣсяцѣ главнокомандующій, проѣзжая по лѣвому флангу Кавказской линіи, призналъ необходимымъ проложить широкую просѣку изъ Куринскаго укрѣпленія черезъ Качкалыковскій хребетъ, чтобы открыть войскамъ свободный доступъ въ Большую Чечню съ сѣверной стороны, гдѣ, на Мичикѣ, сосредоточивалось весьма значительное, непріязненное намъ населеніе.

Экспедиція за болѣзнію Нестерова *) поручена была генералъ-маіору Козловскому, который 1 августа и сосредоточилъ въ Куринскомъ пять баталіоновъ пѣхоты при восьми орудіяхъ, дивизіонъ нижегородскихъ драгунъ, пять сотенъ Донскаго № 17 полка и три сотни линейцевъ. Отрядъ былъ большой, и Куринское съ утра до поздняго вечера кишало на-

*) Петръ Петровичъ Нестеровъ былъ пораженъ въ это время первыми припадками душевнаго недуга.

родомъ. Молодые казаки уже не чувствовали болѣе гнетущей тоски одиночества: ихъ занимала новая жизнь, столь непохожая на ту, которая воспѣвалась въ ихъ пѣсняхъ, принесенныхъ съ Дона и, которая, разумѣется, не могла не повліять самымъ благопріятнымъ образомъ на ихъ впечатлительныя натуры. Скучать дѣйствительно было не время. Что день — звенятъ колокольчики и скачутъ въ разныя стороны курьеры и нарочные. По улицамъ то медленно и важно проѣзжаетъ степенный драгунъ, то перелетнымъ вѣтромъ проносится вѣчно гарцующій, проворный и легкій какъ птица линейный казакъ.... А тамъ загремятъ вдругъ барабаны и длинною сверкающею лентою потянутся одинъ за другимъ баталіоны, назначенные на вырубку лѣса.... блестятъ на солнцѣ отточенные, закаленные въ битвахъ штыки, и изъ-подъ чернаго мѣха папахъ смѣло и весело выглядываютъ смуглыя, загорѣлыя лица.

2 августа было первое движеніе въ горы, и войска приступили къ устройству просѣки по сѣверо-восточному склону Качкалыковскаго хребта. Колонны, назначаемыя для рубки лѣса, выходили ежедневно подъ командою одного изъ полковыхъ командировъ: Майделя, Бакланова или Суходольскаго *), чередовавшихся между собою. Обыкновенно съ ранняго утра въ лѣсу закипала ружейная перестрѣлка, а затѣмъ, когда войска возвращались въ лагерь, чеченцы вывозили орудія и провожали войска пушечными выстрѣлами.

Такъ шло до 8 августа. Въ этотъ день рубка лѣса назначена была на самой вершинѣ хребта, а потому въ прикрытіе рабочихъ поступила большая часть куринскаго отряда. Неожиданное появленіе нашихъ войскъ надъ самымъ спускомъ къ Мичику произвело у непріятеля всеобщую тревогу. Съ вершины горы намъ было видно, какъ дагестанскіе горцы, работавшіе надъ укрѣпленіемъ лѣваго берега, бросились къ значкамъ своихъ наибовъ, какъ легкіе отряды чеченской конницы во весь опоръ скакали изъ своихъ ауловъ, и какъ все это, мало-по-малу, формировалось передъ нами въ пяти или шести тысячную массу. Вскорѣ толпы непріятеля стали переправляться черезъ Мичикъ и, спустя четверть часа, въ правой цѣпи завязалось упорное дѣло. Цѣпь разумѣется тотчасъ усилили, придвинули къ ней резервы и отстояли позицію, — но тѣмъ не менѣе случай этотъ показалъ, что непріятель намѣренъ упорно, шагъ за шагомъ, отстаивать лѣсъ и сколь возможно препятствовать нашимъ дальнѣйшимъ работамъ.

На слѣдующій день непріятель, дѣйствительно, успѣлъ предупредить наше движеніе, и когда отрядъ прибылъ на мѣсто, лѣсъ, ближай-

*) Подполковникъ Суходольскій былъ командиромъ Кизлярскаго линейнаго казачьяго полка, три сотни котораго находились въ составѣ отряда.

шій къ нашей позиціи, оказался уже занятымъ горцами. Начальникъ правой цѣпи тотчасъ послалъ за артиллеріей, чтобы картечью очистить опушку, безъ чего на Кавказѣ не зинимался ни одинъ перелѣсокъ. Къ сожалѣнію на этотъ разъ коренное правило это почему-то не было исполнено: 5-я рота Кабардинскаго полка, составлявшая правую цѣпь, не дожидаясь орудій, спустилась въ оврагъ и съ крикомъ «ура» ринулась въ лѣсъ; но въ ту же минуту встрѣченная въ упоръ убійственнымъ залпомъ — отшатнулась назадъ съ огромною потерею. Цѣлыми рядами повалились убитые и раненые. Резервъ изъ двухъ кабардинскихъ ротъ, стоявшій поблизости, кинулся на помощь. Горцы въ свою очередь ударили въ шашки, и на днѣ крутаго, заросшаго лѣсомъ оврага закипѣла рукопашная свалка. Долго храбрые кабардинцы не уступали ни шагу, но перевѣсъ видимо склонялся на сторону горцевъ. Изъ трехъ ротъ уже девяносто человѣкъ выбыло убитыми и ранеными, а между тѣмъ подоспѣвшая артиллерія оставалась безучастною зрительницею, не имѣя возможности ни спуститься въ оврагъ, ни стрѣлять по толпамъ, закрытымъ отъ нея густою чащею исполинскихъ деревьевъ. Тогда дали знатъ Бакланову.

Яковъ Петровичъ разставлялъ въ это время лѣвую цѣпь. Онъ слышалъ жаркую перестрѣлку и послалъ урядника узнать въ чемъ дѣло; но посланный еще не возвратился, какъ прискакалъ кабардинскій офицеръ на взмыленной и совершенно запыхавшейся лошади. Онъ издали еще кричалъ:

— Полковникъ! спасайте кабардинцевъ! Насъ рубятъ — весь правый флангъ въ чрезвычайной опасности!

Разспрашивать подробности было не время. Баклановъ схватилъ ракетную команду и съ мѣста карьеромъ понесся за своимъ провожатымъ. Быстро спустились они въ глубокій оврагъ, — но едва казаки успѣли поставить станки, какъ грозный натискъ чеченцевъ заставилъ ихъ поколебаться... Это было мгновеніе, отъ котораго зависѣла побѣда и пораженіе цѣлаго отряда. Пошатнись казаки — и смятые кабардинцы по всей вѣроятности были бы изрублены, а ракетные станки остались бы въ рукахъ непріятеля. Спустя два года подобное происшествіе дѣйствительно и было въ Чечнѣ на Рошненской полянѣ, гдѣ былъ убитъ знаменитый Крюковскій вмѣстѣ съ командиромъ Волжскаго казачьяго полка — Полозовымъ и начальникомъ ракетной команды.

Понимая всю важность наступившей минуты, Баклановъ спрыгнулъ съ коня и, выхвативъ изъ рукъ оторопѣлаго урядника ракету, самъ наложилъ ее на станокъ. Его примѣръ ободрилъ людей и по командѣ: «батарея пли!» — восемнадцать огненныхъ змѣй съ шумомъ и трескомъ влетѣли въ ряды непріятеля. Въ то же мгновеніе прискакавшія сюда

двѣ сотни 17-го полка спѣшились и, бросившись въ пики, окончательно смѣшали чеченцевъ. Лѣсъ остался за нами, и непріятель лишился возможности безпокоить нашихъ рабочихъ.

Затѣмъ рубка лѣса производилась довольно спокойно, перерываясь лишь нѣкоторыми частными эпизодами, изъ которыхъ одинъ особенно остался въ памяти у Якова Петровича.

«Въ одинъ изъ праздничныхъ дней, — помню какъ теперь, — это былъ день коронаціи покойнаго государя» — разсказываетъ онъ въ своихъ запискахъ: — «нашему почтенному Викентію Михайловичу *) вздумалось позабавиться надъ горцами. Часу въ четвертомъ пополудни разосланы были приказанія выступать на Качкалыковскій хребетъ; но никому изъ насъ не было однакоже объявлено, зачѣмъ предпринимается движеніе; только когда пѣхота и артиллерія уже двинулись, моему полку приказано было идти въ арьергардѣ».

На дорогѣ Баклановъ подъѣхалъ къ свитѣ Козловскаго и здѣсь узналъ, что во время обѣда, за которымъ присутствовало нѣсколько лицъ близкихъ къ главнокомандующему, получено было извѣстіе о взятіи Слѣпцовымъ окопа на Шалинской полянѣ **). Это была диверсія со стороны Верхне-Сунженской линіи, долженствовавшая облегчить намъ занятіе Мичика. Большинство утверждало по этому поводу, что непріятель въ виду занятія Шалинской поляны, считавшейся житницею края, бросится туда со всѣхъ и — ближнихъ, и заднихъ окрестностей. Яковъ Петровичъ съ этимъ не соглашался. Не отвергая совсѣмъ подобнаго предположенія онъ высказалъ твердое убѣжденіе, что партіи на Мичикѣ все таки останутся достаточно сильными, и что попытка форсировать переправу поведетъ къ большимъ и притомъ напраснымъ потерямъ.

— Мнѣ хорошо извѣстно расположеніе редута, — сказалъ въ заключеніе Яковъ Петровичъ: — орудія у Горцевъ пристрѣлены и прежде чѣмъ наша артиллерія собьетъ хотя одну чеченскую пушку, прислуга ея будетъ перебита. Онъ настоятельно просилъ генерала Козловскаго возвратиться назадъ, пророча напрасныя потери. Козловскій обратилъ это въ шутку.

— Вѣдь мы, Яковъ Петровичъ, — сказалъ онъ слегка улыбаясь, — не затѣваемъ серьезнаго дѣла, — мы только немножко ихъ попугаемъ, да посмотримъ, много ли ихъ осталось на Мичикѣ.

— Много, ваше превосходительство, очень много! — отвѣчалъ Баклановъ и, повернувъ коня, уѣхалъ къ полку.

*) Такъ звали генерала Козловскаго.

**) Окопъ былъ взятъ въ 10 часовъ утра, а въ 4 часа пополудни извѣстіе объ этомъ получено было уже въ Куринскомъ укрѣпленіи.

Когда колонна перевалившись черезъ Качкалыковскій хребетъ, спустилась внизъ, артиллерія тотчасъ снялась съ передковъ и открыла огонь по редуту, стоявшему по ту сторону Мичика. Непріятель отвѣчалъ оживленнымъ огнемъ изъ своихъ орудій. Казачій полкъ въ густой сотенной колоннѣ стоялъ на лѣвомъ флангѣ. Непріятельскія ядра ложились передъ нимъ и, рикошетомъ перелетая за фронтъ, били въ подходившіе сзади резервы. Это заставило перестроить полкъ въ развернутую линію; но едва Яковъ Петровичъ отдалъ объ этомъ приказаніе, какъ былъ потребованъ къ Козловскому, котораго засталъ сидѣвшимъ на барабанѣ посреди батареи, гремѣвшей цѣлыми залпами.

— Ну, Яковъ Петровичъ, теперь посмотримъ, кто кого перестрѣляетъ — сказалъ генералъ и не успѣлъ докончить послѣдняго слова, какъ непріятельское ядро положило на мѣстѣ офицера и оторвало ногу у одного солдата. Тутъ только оглядѣвшись кругомъ, Яковъ Петровичъ увидѣлъ значительность нашей потери: носилки за носилками тянулись назадъ на небольшую поляну, гдѣ былъ перевязочный пунктъ и куда сносили убитыхъ.

Яковъ Петровичъ вспыхнулъ.

— Если вы звали меня только затѣмъ, чтобы посмотрѣть на этихъ убитыхъ — рѣзко отвѣчалъ онъ на слова генерала, то долженъ сказать вамъ, что и вы и я — оба находимся не на своихъ мѣстахъ. Я вамъ предсказывалъ большую потерю, и все что могу посовѣтовать теперь — это сейчасъ же начать отступленіе!..

Послѣ такихъ нескромныхъ словъ, обращенныхъ мною къ Козловскому — говоритъ въ своихъ запискахъ Яковъ Петровичъ: — я не сталъ ожидать того, что онъ мнѣ скажетъ и, повернувъ лошадь, поѣхалъ къ полку въ самомъ раздраженномъ состояніи. И что же я увидѣлъ? Полкъ мой, поражаемый съ фронта ядрами а съ боку — ружейнымъ огнемъ засѣвшихъ въ перелѣскѣ горцевъ стоялъ какъ растерянный. Это меня взорвало окончательно. Я раскричался на казаковъ, но только что произнесъ слова: «берите примѣръ съ меня!» какъ пуля просвистѣла такъ близко, что обожгла мнѣ лицо и сдернула кожу съ самаго кончика моего носа. Я невольно откинулся назадъ. Полкъ отъ моей рѣчи былъ въ положеніи истукана; но когда увидѣлъ мою разбитую физіономію и сдѣланный мною низкій поклонъ — расхохотался. Всѣ увидѣли, что я не асмодѣй, а такой же человѣкъ какъ и они, и съ этой минуты не осталось во фронтѣ и слѣдовъ недавняго унынія. Полкъ переродился. И теперь, и потомъ, въ самыхъ страшныхъ бояхъ, люди никогда не теряли хладнокровія: они научились управлять собою, и названіе чудо-богатырей — было названіемъ, заслуженнымъ ими вполнѣ справедливо. Черезъ полчаса Козловскій, потерявъ надежду перестрѣлять чеченцевъ, при-

казалъ начать отступленіе, и къ закату солнца мы возвратились въ лагерь.

Размолвка двухъ достойныхъ кавказскихъ героевъ огорчала обоихъ. Яковъ Петровичъ подалъ рапортъ о болѣзни, намѣреваясь уѣхать изъ лагеря; но благородный и рыцарски честный Козловскій не могшій не сознавать справедливости рѣзкихъ замѣчаній Бакланова, самъ поспѣшилъ къ нему на квартиру. Объясненій не было никакихъ, оба протянули другъ другу руки и старая пріязнь скрѣплена была новыми, еще крѣпчайшими узами.

Рубка лѣса продолжалась между тѣмъ своимъ чередомъ, и отрядъ, доведя просѣку до самаго спуска съ Качкалыковскаго хребта къ Мичику, 6-го сентября былъ распущенъ.

Свидѣтельствуя объ отличіяхъ Якова Петровича, князь Воронцовъ писалъ въ представленіи своемъ къ военному министру, «что подполковникъ Баклановъ, командуя нѣсколько разъ колоннами, высылаемыми для рубки лѣса на Качкалыковскій хребетъ, показалъ себя какъ и всегда отличнымъ и храбрымъ штабъ-офицеромъ. Отличаясь во всѣхъ встрѣчахъ съ непріятелемъ, онъ въ особенности имѣлъ удачное дѣло 9-го августа, когда, воспользовавшись обстоятельствами нанесъ непріятелю значительный вредъ залпомъ ракетной батареи, учрежденной при его полку и лично имъ управляемой».

Въ каждую сотню Донскаго казачьяго № 17 полка главнокомандующій назначилъ за эту экспедицію по одному знаку отличія Военнаго Ордена, а Якову Петровичу высочайшимъ приказомъ объявлено было монаршее благоволеніе.

Между тѣмъ передъ самымъ роспускомъ отряда получено было извѣстіе, что и другія сотни 17 полка, остававшіяся на Карасинскомъ посту, имѣли весьма удачное дѣло на Терекской линіи.

Съ вечера 1-го сентября — разсказывалъ пріѣхавшій оттуда офицеръ: — тучи заволокли все небо; началъ дуть сухой, порывистый вѣтеръ; и такъ какъ ночь наступила ненастная и темная, то въ окрестныхъ станицахъ Гребенскаго полка была усилена бдительность. Часу въ двѣнадцатомъ ночи изъ-за шума вѣтра мы ясно услыхали гулъ постоваго орудія. На Карасинскомъ посту тотчасъ ударила отвѣтная пушка и вспыхнулъ маякъ. Вдали по всему протяженію терскихъ станицъ мелькало красное пламя огней, охватившихъ весь горизонтъ длинною яркою лентою; это пылали смоляныя бочки — вѣстники тревоги. Еще не зная, гдѣ непріятель, казаки кинулись за Терекъ къ Щедринской станицѣ, откуда, какъ говорили, былъ поданъ первый сигналъ; но на пути узнали, что горцы захвативъ станичный табунъ, уже перегнали

его черезъ рѣку. Тогда Поляковъ съ обѣими сотнями переправился обратно на правую сторону и послѣ бѣшеной скачки по свѣжей сакмѣ, освѣщаемой огнями зажженныхъ факеловъ, настигъ наконецъ непріятеля и отнялъ добычу.

Въ этомъ молодецкомъ дѣлѣ — доносилъ Поляковъ — молодые донцы соревновали съ линейцами, и не только не уступили имъ первенства, но и превзошли ихъ быстротою сбора и еще быстрѣйшею погонею за непріятелемъ *).

Между тѣмъ съ наступленіемъ осени получены были вѣрныя свѣдѣнія, что Его Императорское Высочество Наслѣдникъ-Цесаревичъ — Александръ Николаевичъ — изволитъ посѣтить Кавказъ, а потому войска, отложивъ на время свои боевыя заботы, начали готовиться къ тому, чтобы принять достойнымъ образомъ своего Царственнаго Гостя.

14-го сентября Августѣйшій Путешественникъ прибылъ въ Тамань и отсюда, спустившись внизъ по Кубани, проѣхалъ черезъ военно-Грузинскую дорогу въ Тифлисъ, посѣтилъ часть закавказскаго края и затѣмъ береговою дорогою черезъ Баку, Дербентъ, Петровскъ, Темиръ-Ханъ-Шуру и Чиръ-Юртъ прибылъ въ крѣпость Внезапную. На половинѣ дороги между двумя послѣдними пунктами его величество былъ встрѣченъ Донскимъ Казачьимъ № 17 полкомъ, который, подъ командою Бакланова, долженъ былъ конвоировать поѣздъ до встрѣчи съ Кабардинскимъ полкомъ, выступившимъ уже изъ своей штабъ-квартиры. Воспользовавшись короткою остановкою, главнокомандующій тутъ же представилъ Наслѣднику Престола подполковника Бакланова.

— Я бы желалъ — сказалъ Его Высочество, послѣ первыхъ милостивыхъ привѣтствій, обращенныхъ къ Якову Петровичу: — видѣть дѣйствіе вашей ракетной команды, о которой такъ много слышалъ отъ князя Воронцова.

— Главнокомандующій вѣроятно докладывалъ Вашему Высочеству — почтительно отвѣчалъ Баклановъ — о ракетной командѣ моего стараго полка. Теперешній полкъ на Кавказѣ всего нѣсколько мѣсяцевъ, и хотя ракетная команда его съ честію участвовала въ бою, но казаки не настолько еще ознакомлены съ дѣломъ, чтобы имѣть счастіе представиться Вашему Высочеству.

Баклановъ съ своимъ полкомъ конвоировалъ Наслѣдника Престола до крѣпости Внезапной, откуда его Высочество съ новымъ конвоемъ отправился въ Хасавъ-Юртъ, а Баклановъ поспѣшилъ въ Куринское,

*) Есаулъ Поляковъ — впослѣдствіи командиръ Донскаго казачьяго № 17 полка — награжденъ былъ за это дѣло чиномъ войсковаго старшины.

гдѣ собирался отрядъ съ цѣлью произвести вторженіе въ землю мичиковцевъ *).

Одинъ драгунскій офицеръ, участникъ этого набѣга, разсказывалъ намъ слѣдующее:

Какъ только Его Высочество проѣхалъ черезъ Чиръ-Юртъ 4-й дивизіонъ Нижегородскаго полка получилъ приказаніе выступить въ Хасавъ-Юртъ и, присоединившись къ двумъ баталіонамъ Кабардинскаго полка, идти вмѣстѣ съ ними въ Куринское, гдѣ насъ ожидала пѣшая батарея и цѣлый казачій полкъ Бакланова.

Цѣль этого отряда была проникнуть въ землю чеченцевъ и отвлечь вниманіе ихъ отъ поѣзда нашего Августѣйшаго Гостя.

Было уже за полночь, когда мы пришли въ Куринское съ надеждою увидѣть наконецъ знаменитаго Бакланова, слава котораго гремѣла тогда по всему Кавказу.

Отдохнувъ немного, отрядъ сталъ строиться, чтобы идти за Мичикъ. Драгуны и казаки сидѣли уже на коняхъ, когда подъѣхалъ Баклановъ и сталъ отдавать приказанія. Видно было, что въ своемъ полку онъ зналъ подробно характеръ и свойство каждаго офицера и каждаго казака, а потому и въ самомъ обращеніи съ ними очевидно приноравливался къ понятіямъ и самолюбію каждаго. Онъ зналъ, кому надо было польстить, къ кому обратиться съ простымъ или задушевнымъ словомъ, кого припугнуть и т. д.

Было настолько темно, что мы едва различали его богатырскую фигуру и тѣмъ внимательнѣе прислушивались къ голосу, который былъ слышенъ явственно на довольно далекомъ разстояніи.

— Вы, Поляковъ, — говорилъ Баклановъ одному изъ сотенныхъ командировъ: — идите съ вашею сотнею впередъ и, пожалуйста, держите ухо востро; встрѣтите чеченцевъ, тогда поступайте какъ знаете: васъ учить уже нечему.

— Васъ, Петръ Филиповичъ, покорнѣйше прошу слѣдовать съ вашею сотнею по правую сторону отряда. Это мѣсто опасное, и я вполнѣ полагаюсь на ваши распоряженія.

— Ты — обратился онъ къ третьему: — ступай, братецъ мой, слѣва; да смотри не оплошай, какъ намедни, помнишь?

*) Изъ Хасавъ-Юрта Его Величество слѣдовалъ черезъ Герзель-Аулъ, Амиръ Аджи-Юртъ и станицы Щедринскую и Червленную въ крѣпость Грозную; затѣмъ онъ посѣтилъ передовую Чеченскую линію и по Сунжѣ проѣхалъ во Владикавказъ, откуда Военно-Грузинскимъ трактомъ изволилъ возвратиться въ Россію.

— Помилуйте, Яковъ Петровичъ, — послышался чей-то нерѣшительный голосъ...

— Ну, ну, смотри, такого задамъ тебѣ Яковъ Петровича, что и своихъ не узнаешь!

А вы, гаврилычи — обратился онъ вдругъ къ казакамъ: — смотри, непрошенаго гостя принимай у меня по-нашему — въ дротики! Да пуколокъ-то вашихъ изъ шубъ не вынимайте: холодно, да и темно — застрѣлить не застрѣлишь, а себя какъ разъ обнаружишь!..

Затѣмъ онъ переѣхалъ къ драгунамъ.

А вамъ, молодцы драгуны, — крикнулъ онъ громко: — скажу, что считаю за честь хотя на время быть вашимъ начальникомъ. Ну, съ Богомъ! Онъ снялъ высокую папаху, перекрестился и поѣхалъ впередъ. За нимъ тронулась кавалерія.

Съ разсвѣтомъ отрядъ вошелъ въ дремучій лѣсъ и началъ стрѣлять изъ орудій. Страшная канонада разбудила чеченцевъ, и мало по-малу собрала толпы ихъ со всѣхъ ближайшихъ ауловъ. — Завязалась перестрѣлка. Весь полкъ Бакланова разсыпался въ цѣпь. Дѣло происходило на какой-то полянкѣ, усѣянной кустами колючки, которую солдаты называли держи-деревомъ. Такъ какъ цѣлью отряда была демонстрація, то Яковъ Петровичъ безотлучно находился въ цѣпи, сдерживая казаковъ, поминутно порывавшихся броситься въ пики. Драгуны все время прикрывали орудія. Вдругъ, вправо отъ насъ затрещали кусты и изъ нихъ прямо къ дивизіону выскочилъ всадникъ колоссальнаго роста на огромномъ бѣломъ конѣ, у котораго вся грудь была покрыта кровью отъ колючаго дерева. Это былъ Баклановъ. Съ обнаженною сверкающею шашкою, въ бараньемъ нагольномъ тулупѣ, накинутомъ на-öпашъ, въ огромной косматой папахѣ, сбитой на самый затылокъ и съ длинными какъ борода, развѣвавшимися по вѣтру бакенбардами, — онъ былъ невообразимо хорошъ посреди этой боевой обстановки. Раскраснѣвшееся отъ скачки рябое, изрытое оспою лицо и вся фигура его дышала невѣроятною отвагою и силою.

Драгуны поддались невольному обаянію.

— Ну, братцы — толковали солдаты: — вотъ такъ Бакланычъ! Не диво, что отъ такого, прости Господи, лѣшаго чеченцы бѣгутъ какъ отъ ладона.

Въ продолженіе цѣлаго дня гремѣли орудія и только съ наступленіемъ сумерокъ приказано было начать отступленіе. Мы шли въ арьергардѣ, такъ какъ пѣхота и артиллерія отправлены были впередъ, чтобы успѣть переправиться за-свѣтло черезъ болотистый ручей, лежавшій на

дорогѣ. Баклановъ съ небольшимъ казачьимъ конвоемъ ѣхалъ рядомъ съ драгунами. Въ полуверстѣ отъ насъ на огромномъ курганѣ собралось около двухъ сотъ чеченцевъ, смотрѣвшихъ на наше отступленіе. Мы также разсматривали въ бинокль ихъ лошадей, одежду и дѣлали свои замѣчанія. Вдругъ Яковъ Петровичъ, въ отвѣтъ на какую-то шутку одного офицера, обернулся къ молодому уряднику, ѣхавшему сзади и сказалъ серьезно:

— Видишь чеченцевъ? Скачи и скажи имъ, что гг. офицеры просятъ ихъ пожаловать къ себѣ на чашку чаю.

Юноша молча повернулъ коня и, гикнувъ, полетѣлъ какъ стрѣла прямо къ непріятелю.

Всѣ остолбенѣли. Я — говоритъ авторъ разсказа: — опомнился первый.

— Яковъ Петровичъ — сказалъ я Бакланову: — вы такъ серьезно отдали приказаніе, а мальчикъ боится васъ больше, нежели чеченцевъ: по его лошади видно, что онъ не остановится.

— Это мой сынъ — отвѣчалъ Баклановъ спокойно: — онъ не боится меня, а это просто разыгралась въ немъ наша донская молодецкая кровь.

— Ну, станичники! крикнулъ онъ своему конвою: — ступай, вертай его назадъ: я и забылъ, что онъ не умѣетъ говорить по татарски...

Казаки, оправившись въ сѣдлахъ, спустили на перевѣсъ свои длинныя пики и кинулись съ такою рѣшимостью, что горцы, предполагая аттаку, мгновенно покинули курганъ и разсыпались въ разныя стороны.

На слѣдующій день, 26 октября, отрядъ произвелъ вторичный набѣгъ со стороны Умаханъ-Юрта на Гудермесъ, послѣ чего и былъ распущенъ.

Проѣздъ Наслѣдника, движеніе сильныхъ колоннъ, встрѣчавшихъ и провожавшихъ Царственнаго Гостя, покореніе Малой и начало паденія Большой Чечни, — все это поколебало нравственныя силы чеченцевъ настолько, что для поддержанія между ними упадающаго духа, Шамиль лично прибылъ на Мичикъ и приказалъ въ своемъ присутствіи произвести вторженіе на Кумыкскую плоскость.

20 ноября сильная партія, въ числѣ полуторы тысячи всадниковъ, дѣйствительно, бросилась къ аксаевскимъ кочевьямъ; но Яковъ Петровичъ во-время успѣлъ передвинуть на Ташъ-Качинскій постъ свои карасинскія сотни съ ракетною командою, и этотъ отрядъ вмѣстѣ съ сотнею 40-го полка и конною кумыкскою милиціею, подъ начальствомъ аксаевскаго пристава, встрѣтилъ и разбилъ ее, прежде чѣмъ она успѣла нанести какой нибудь вредъ мирнымъ кумыкскимъ ауламъ. Затѣмъ въ

продолженіи цѣлой зимы чеченцы оставались въ сборѣ, оберегая отъ насъ долину Мичика, и вслѣдствіе того въ окрестностяхъ Куринскаго происходили почти ежедневныя стычки и перестрѣлки. Стычки эти сами по себѣ были незначительны, но въ одной изъ нихъ (24 декабря) къ общему сожалѣнію былъ раненъ пулею въ грудь завѣдывавшій въ полку ракетною командою храбрый есаулъ Ермилинъ. Кромѣ его въ полку за это время одинъ казакъ былъ убитъ и шестеро ранены.

IX.

Однажды въ началѣ 1851 года, Яковъ Петровичъ не помнилъ, какого именно числа, — въ Куринское пришла оказія, съ которою къ нему доставленъ былъ съ почты необыкновенный по своей оригинальности и характерному стилю значекъ, пріобрѣтшій вскорѣ извѣстность по цѣлому Кавказу. Значекъ имѣлъ видъ большаго черпаго знамени, на срединѣ котораго изображена была мертвая «Адамова» голова, съ двумя крестообразно положенными подъ нею костями, а кругомъ серебряною вязью шла надпись: «чаю воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка. Аминь.» — Откуда и кѣмъ былъ присланъ этотъ значекъ — такъ и осталось для Якова Петровича тайною до конца его жизни. По почтовому штемпелю можно было видѣть только, что посылка сдана въ аксаевской почтовой конторѣ; изъ этого обстоятельства нѣкоторые почему-то заключали потомъ, что будто бы это было приношеніемъ Старо-Черкасскаго дѣвичьяго монастыря, отчего монастырь однако же отказывался. Какъ бы то ни было, но черный значекъ, доставленный такимъ таинственнымъ образомъ, сталъ съ этихъ поръ неразлучнымъ спутникомъ Якова Петровича и участвовалъ съ нимъ во всѣхъ бояхъ какъ на Кавказѣ, такъ и въ Азіятской Турціи.

Когда значекъ впервые явился передъ полкомъ, онъ, по словамъ Якова Петровича, произвелъ па казаковъ впечатлѣніе не совсѣмъ благопріятное. Черный и мрачный какъ погребальная хоругвь, со всѣми аттрибутами смерти, онъ дѣйствовалъ на нервныхъ людей, какъ вѣчное напоминаніе „memento mori“, отъ котораго холодная дрожь пробѣгала по жиламъ. Но это впечатлѣніе скоро прошло, особенно, когда казаки, освоившись съ нимъ, увидѣли, что появленіе этого значка наводитъ па-

ническій страхъ на чеченцевъ, которые, по своимъ суевѣрнымъ понятіямъ, приписывали ему какое-то особое мистическое значеніе.

Что касается военныхъ происшествій, то новый, 1851 годъ ознаменовался въ Кумыкскихъ владѣніяхъ новыми удачными набѣгами Якова Петровича, который, истребивъ значительные запасы сѣна, сложеннаго чеченцами на Качкалыковскомъ хребтѣ, проникъ въ Ичкерію, гдѣ близъ аула Мискита, знакомаго Якову Петровичу еще со времени Даргинскаго похода, истребилъ огромное количество хлѣба, а затѣмъ наказалъ ауховцевъ и нанесъ сильнѣйшее пораженіе самому мичиковскому наибу, вздумавшему спуститься на плоскость, чтобы разсчитаться съ нами за всѣ потери и неудачи, испытанныя чеченцами въ послѣднее время.

Изъ этихъ происшествій набѣгъ къ ауховцамъ и пораженіе чеченцевъ при Исти-Су заслуживаютъ особеннаго вниманія.

Для перваго изъ нихъ Яковъ Петровичъ скрытно сосредоточилъ войска въ окрестностяхъ Герзель-Аула, разсчитывая произвести движеніе въ ночь съ 13-го на 14-е февраля; но это ему не удалось, такъ какъ лазутчики, посланные заблаговременно разузнать, что дѣлается въ горахъ, запоздали и возвратились только тогда, когда восходившее солнце уже освѣтило снѣжные изгибы горныхъ вершинъ, которыя отчетливо и ясно обрисовывались на совершенно безоблачномъ небѣ. За рѣкою Аксаемъ, вдали на холмѣ, залитомъ солнечными лучами, Яковъ Петровичъ замѣтилъ пикетъ и заключилъ, что въ Аухѣ выгнали скотъ. Тогда, оставивъ пѣхоту на мѣстѣ, съ приказаніемъ по первымъ выстрѣламъ идти на помощь, онъ съ казаками спустился въ Аксай и, не смотря на довольно полую воду, двинулся по его руслу къ старому аксаевскому аулу, лежавшему въ развалинахъ еще со времени смерти храбрыхъ генераловъ Лисаневича и Грекова. Прикрываясь высокимъ обрывистымъ берегомъ, казаки, никѣмъ незамѣченные, достигли аула, возлѣ котораго отъ дождей и таянія снѣговъ образовались глубокія промоины. По этимъ промоинамъ, опустивъ внизъ пики, чтобы блескомъ оружія не привлечь вниманія горцевъ, они перебрались въ большой дремучій лѣсъ, подходившій къ самому берегу Ямань-Су и скоро выбрались на довольно открытую мѣстность, на которой пестрѣли ходившія отары барановъ. Ихъ было не менѣе трехъ, четырехъ тысячъ головъ. Казаки захватили ихъ вмѣстѣ съ шестью пастухами-ауховцами и тотчасъ двинулись назадъ, такъ какъ тревога распространилась уже по ауламъ, лѣсъ мало по малу сталъ наполняться чеченцами. Баклановъ шелъ въ арьергардѣ и, спѣшивъ сотни Балабина и Березовскаго, завязалъ сильную перестрѣлку. Эхо безпрерывнаго ружейнаго огня, разносившееся по горамъ громовыми раскатами, и дымъ, взвивавшійся надъ лѣсомъ густыми клубами, обозначали путь нашего отряда. Поэтому Яковъ Петровичъ съ минуты на

минуту ожидалъ появленія пѣхоты, но она не показывалась; а между тѣмъ лѣсъ кончился и казакамъ приходилось выбираться на чистое мѣсто. Тогда, замѣтивъ отсутствіе у насъ пѣхоты, чеченцы собрались въ плотную массу, чтобы прорвать нашу пѣшую цѣпь; но въ эту минуту Яковъ Петровичъ вынесся впередъ съ ракетными станками и на полномъ карьерѣ спѣшилъ батарею. Любимый конь его, осаженный на всемъ скаку могучею рукою всадника, сѣлъ совершенно на хвостъ и рухнулся на-земь съ переломленными задними ногами. Жаль было Якову Петровичу добраго коня, честно служившаго подъ нимъ еще со времени Даргинской экспедиціи *), но дѣлать было нечего. Онъ быстро пересѣлъ на заводнаго коня и, послѣ залпа ракетъ, пустилъ въ атаку ближайшія сотни. Стремительный ударъ отбросилъ горцевъ, но въ это самое время подъ Яковомъ Петровичемъ снова была ранена лошадь. Онъ пересѣлъ на третью — и эту тотчасъ же убили. Четвертую и пятую постигла та же самая участь. Вообще, въ этомъ отношеніи день для Якова Петровича задался какой то фатальный. Въ продолженіе пятнадцати минутъ онъ перемѣнилъ подъ собою пять лошадей—и двѣ изъ нихъ были убиты, а три ранены. Къ счастію ни одна изъ пуль не коснулась самаго Бакланова, такъ что вся наша потеря заключалась только въ однѣхъ лошадяхъ. Ни убитыхъ, ни раненыхъ казаковъ не было.

Въ другой разъ—это было въ апрѣлѣ мѣсяцѣ—Яковъ Петровичъ только что послалъ на Карасинскій постъ сотню есаула Захарова съ приказаніемъ забрать изъ тамошняго склада фуражъ,—какъ вслѣдъ за этимъ явился Али-Бей съ извѣстіемъ, что двѣ сильныя партіи спустились на плоскость, изъ которыхъ одна засѣла въ балкахъ при Исти-Су, а другая направилась на Карасинскій постъ. Такъ какъ цѣль и намѣренія непріятеля состояли въ томъ, чтобы произвести одновременныя нападенія въ окрестностяхъ того и другаго укрѣпленія, то Яковъ Петровичъ приказалъ тотчасъ зажечь маякъ и ударить тревогу.

Какъ только съ крѣпости загремѣли орудія, и на Карасинскомъ посту вспыхнулъ отвѣтный маякъ, означавшій, что условный сигналъ услышанъ и понятъ, Баклановъ съ тремя оставшимися сотнями при двухъ орудіяхъ двинулся на Исти-Су. Близъ Нефтянаго источника партія была открыта; но едва артиллерія, слѣдовавшая въ головѣ колонны, снялась съ передковъ и встрѣтила горцевъ картечью, какъ въ то же самое время послышался крикъ одного офицера: «Господа! смотрите—на насъ скачетъ конница!» Всѣ обернулись направо. Конная толпа, скрываемая отъ насъ густыми облаками пыли, дѣйствительно неслась во всѣ повода и все забирала вправо, очевидно намѣреваясь налетѣть на насъ сбоку.

*) Лошадь эта была куплена въ 1845 году въ Люблинскомъ пѣхотномъ полку и по имени прежняго своего владѣльца была извѣстна казакамъ подъ именемъ «Верховской».

Карасинскимъ сотнямъ поспѣть было рано, а потому не оставалось никакого сомнѣнія, что это былъ непріятель. Казаки уже приготовились встрѣтить его дружнымъ огнемъ, но къ удивленію изъ партіи отдѣлился всадникъ и началъ усердно маячить. Тутъ только казаки замѣтили мелькавшія пики и узнали сотню Захарова. Она возвращалась изъ Карасинскаго поста, услыхала тревогу и, сбросивъ фуражъ, въ карьеръ примчалась на выстрѣлы. Въ туманѣ не мудрено было принять ее за чеченцевъ; но смѣтливый Захаровъ, во-время подавшій маякъ, обогнулъ наши сотни и бросился прямо во флангъ непріятелю. Два, три картечные выстрѣла и затѣмъ стремительная атака съ обѣихъ сторонъ живо покончили дѣло, и горцы безъ оглядки ускакали въ горы.

Пока Баклановъ громилъ непріятеля у Исти-Су, другая партія двигалась между тѣмъ на встрѣчу карасинскимъ сотнямъ; но, увидѣвъ проскакавшую кавалерію—это была сотня Захарова—сочла ее за карасинскій отрядъ и, полагая, что пропустила время для своего нападенія, остановилась въ нерѣшимости. Въ это время громъ орудійныхъ выстрѣловъ, ясно слышавшійся у Исти-Су, сталъ замолкать: очевидно, что партія, сидѣвшая въ засадѣ была открыта и разсѣяна русскими. Однако же считая себя въ безопасности, горцы не слишкомъ торопились отступленіемъ, — какъ вдругъ со стороны Карасинскаго поста послышался зловѣщій гулъ несущейся конницы, и Поляковъ съ своимъ дивизіономъ налетѣлъ на партію. Въ ту же минуту показались отъ Исти-Су четыре сотни,—черный значекъ впереди—скакавшія во весь опоръ наперерѣзъ ихъ отступленію. Какъ бѣшенные ринулись горцы, чтобы оружіемъ открыть себѣ дорогу; но было уже поздно, и партія, охваченная желѣзнымъ кольцомъ, была истреблена почти поголовно.

Не смотря на это тревожное время, Яковъ Петровичъ нашелъ возможность, въ промежуткѣ между дѣлами, исполнить давнишнее желаніе побывать на Дону и, испросивъ 28-ми дневный отпускъ, посѣтилъ семейство, котораго не видѣлъ въ продолженіе шести лѣтъ сряду. Къ этому же времени относится и его поѣздка въ Грозную, о которой онъ самъ разсказываетъ слѣдующимъ образомъ.

«Давно—говоритъ въ своихъ запискахъ Баклановъ:—я желалъ увидѣть знаменитаго нашего героя Слѣпцова, передъ которымъ благоговѣлъ и съ которымъ жаждалъ познакомиться лично. Я былъ плѣненъ его славою, а потому, какъ только узналъ, что Слѣпцовъ, строившій тогда Алханъ-Юртовскую станицу на Сунжѣ, находится въ Грозной, не теряя ни минуты, сѣлъ верхомъ и выѣхалъ туда въ сопровожденіи нѣсколькихъ отважнѣйшихъ своихъ пластуновъ. Накинувъ бурки и окутавъ головы башлыками, мы ѣхали тѣсною кучкою: я впереди съ двумя своими тѣлохранителями, въ числѣ которыхъ находился и мой неизмѣнный спут-

никъ Скопинъ. Проскакавъ, такимъ образомъ, всю ночь на-прямикъ черезъ дремучіе лѣса и горы Чечни, мы къ свѣту были уже въ укрѣпленіи Тепли-Кичу, гдѣ комендантъ, встрѣтившій насъ, не хотѣлъ повѣрить, чтобы мы прошли по дорогѣ, по которой съ опаскою ходили отряды. Въ Тепли-Кичу мы отдыхали четыре часа и затѣмъ въѣхали въ Старо-Юртавскія ворота Грозной въ ту самую минуту, когда Слѣпцовъ, какъ оказалось впослѣдствіи, выѣзжалъ въ другія... Раздосадованный такою неудачею, я не захотѣлъ оставаться и тѣмъ же путемъ отправился обратно. Между тѣмъ вѣсть о моемъ пріѣздѣ дошла до Алханъ-Юрта, и Слѣпцовъ тотчасъ же прискакалъ назадъ; опоздавъ всего двумя или тремя часами. Такимъ образомъ, судьба не привела намъ свидѣться. Слѣпцовъ въ томъ же году былъ убитъ и похороненъ въ станицѣ, названной его славнымъ именемъ. Спустя нѣсколько лѣтъ, когда я ѣхалъ въ Турцію, мнѣ довелось посѣтить Слѣпцовскую станицу: я отыскалъ могилу героя, поклонился ей до земли и отслужилъ панихиду.»

Вскорѣ Якову Петровичу пришлось однакоже еще разъ побывать въ крѣпости Грозной, куда онъ былъ вызванъ начальникомъ лѣваго фланга для участвованія въ лѣтней экспедиціи, предпринимавшейся тогда подъ личнымъ предводительствомъ князя Барятинскаго. Баклановъ прибылъ въ Грозную въ сопровожденіи сотни своего полка и получилъ приказаніе принять въ отрядѣ начальство надъ всею кавалеріею, состоявшею изъ Гребенскаго казачьяго полка, девяти сотенъ донцовъ и нѣкотораго числа грозненской милиціи.

27-го іюня Яковъ Петровичъ съ частію этой кавалеріи произвелъ движеніе на Мискиръ-Юртъ, а 28-го участвовалъ въ общемъ наступательномъ движеніи нашихъ отрядовъ, направленныхъ княземъ Барятинскимъ одновременно отъ стороны Шалинской поляны и изъ крѣпостей Воздвиженской и Грозной. Всѣ эти колонны, находившіяся подъ начальствомъ полковниковъ: Серебрякова, Берсеньева и Бакланова *) сосредоточились къ 10 часамъ утра противъ Герменчукскаго лѣса, за которымъ верстахъ въ семи отъ бывшаго селенія Шали, лежалъ самый большой и крѣпкій чеченскій аулъ—Герменчукъ, замѣчательный своими великолѣпными мечетями, построенными еще во времена Ермолова. Пока пѣхота проходила лѣсъ, кавалерія, собранная въ числѣ 23 сотенъ, подъ общимъ начальствомъ Якова Петровича, двинулась впередъ и, отбросивъ небольшія партіи горцевъ, прорвалась на знаменитыя Автурскія и Герменчукскія поля, гдѣ русскіе не были со времени событій 1841 года. Здѣсь-то, на этихъ самыхъ поляхъ, чеченцы, усиленные новыми значительными

*) Баклановъ произведенъ въ полковники 31-го марта 1851 года со старшинствомъ съ 10-го февраля 1850 года.

подкрѣпленіями, прибывшими съ Мичика, вздумали остановить успѣхи нашей кавалеріи. Какъ только она показалась изъ лѣса, непріятель сосредоточилъ на ней самый убійственный ружейный огонь и огласилъ воздухъ неистовымъ гикомъ, а между тѣмъ во главѣ колонны слѣдовали четыре сотни 19-го полка, только что прибывшія съ Дона и, слѣдовательно, впервые участвовавшія въ большой экспедиціи. Онѣ остановились въ нерѣшимости,—но здѣсь, какъ и во всемъ подтвердилось всегдашнее мнѣніе Якова Петровича, что сильное и кстати сказанное слово дѣйствуетъ на русскихъ людей какъ нравственное электричество.

«Казаки!—воскликнулъ Баклановъ, проскакавъ по ихъ фронту:—я самъ поведу васъ на непріятеля! Обо мнѣ вы слышали; хочу, чтобы говорили объ васъ: разобьемъ чеченцевъ, и слава ваша пронесется изъ края въ край, до самыхъ береговъ нашего тихаго, завѣтнаго Дона!»

Онъ всталъ передъ серединою сотенъ и медленно вынулъ изъ ноженъ свою тяжелую прадѣдовскую шашку. Воодушевленные безстрашнымъ начальникомъ, лихо понеслись за нимъ казаки, забывъ и число непріятеля, и свою малочисленность, и выгоды, доставляемыя горцамъ пересѣченною, изрытою крутыми оврагами мѣстностью. Увѣренность въ побѣдѣ воодушевила всѣхъ до того, что горцы невольно поддались нравственному впечатлѣнію этой атаки и обратились въ бѣгство.

Пока отброшенный нашимъ ударомъ непріятель спѣшилъ защищать Автуры, Гельдегенъ и отдѣльные хутора, Барятинскій осмотрѣлъ подробно окружающую мѣстность и, предназначивъ Автурскій лѣсъ для вырубки въ будущую зимнюю экспедицію, вытопталъ луга и истребилъ огромное количество хлѣба. Затѣмъ онъ быстро съ одною кавалеріею перенесся на другія, не менѣе богатыя Мезинскія поля, гдѣ такъ же истребилъ на корнѣ весь хлѣбъ и всю кукурузу. Непріятель, стягивавшійся отдѣльными кучками, держался однакоже внѣ пушечнаго выстрѣла. Только когда началось отступленіе, и пѣшая цѣпь, смѣнившая въ арьергардѣ казаковъ, начала проходить густой орѣшникъ, отдѣлявшій Автурскія поля отъ Шалинской долины, завязалась жаркая схватка, и непріятелю удалось, разорвавъ нашу цѣпь, опрокинуть ее на поляну. По счастію Яковъ Петровичъ, находившійся неподалеку, мгновенно очутился въ толпѣ бѣжавшихъ солдатъ, и его грозное «стой!» приковало всѣхъ къ мѣсту. Первый, дрогнувшій затѣмъ подъ натискомъ чеченцевъ, былъ изрубленъ на мѣстѣ собственною рукою Бакланова. Опѣшившіе солдаты быстро сомкнули ряды и, кинувшись за Яковомъ Петровичемъ въ лѣсъ, снова утвердились на опушкѣ. Это происшествіе было послѣднимъ кровавымъ эпизодомъ экспедиціи. Отрядъ, отразивъ всѣ натиски горцевъ и блистательно исполнивъ свое назначеніе, вышелъ на чистое мѣсто и сталъ подъ сѣнью густыхъ фруктовыхъ

деревьевъ на тѣхъ самыхъ поляхъ, которыя такъ часто орошались русскою кровью и еще недавно были свидѣтелями отчаянныхъ усилій, которыя дѣлалъ Шамиль, чтобы удержать за собою край, считавшійся житницею Нагорной Чечни и Дагестана. Во все время этого движенія черезъ заповѣдныя мѣста и самую глубь враждебной земли, потери наши были весьма незначительны. Съ малыми пожертвованіями мы достигли вполнѣ предположенныхъ цѣлей, нанесли непріятелю сильный ударъ и осмотрѣли край, долженствовавшій послужить театромъ будущихъ военныхъ дѣйствій. Въ три часа пополудни ударили подъемъ; войска разошлись по домамъ, и Яковъ Петровичъ возвратился въ Куринское.

Свидѣтельствуя объ отличіи войскъ, начальникъ отряда съ особенною похвалою отозвался въ донесеніи своемъ къ главнокомандующему о дѣйствіяхъ полковника Бакланова. „Вызванный предварительно изъ Куринскаго укрѣпленія для начальствованія надъ всею кавалеріею въ отрядѣ“—писалъ князь Александръ Ивановичъ Барятинскій: —„полковникъ Баклановъ участвовалъ въ движеніи, предпринятомъ мною въ глубь Большой Чечни и въ дѣлахъ 28-го іюля на Герменчукскихъ, Автурскихъ и Мезинскихъ поляхъ снова показалъ себя храбрымъ и распорядительнымъ начальникомъ. Онъ былъ особенно замѣчателенъ тогда, когда съ шашкою на-голо повелъ въ атаку за Джалкой четыре сотни Донскаго № 19 полка, только что прибывшія съ Дона и впервые принимавшія участіе въ дѣлѣ“.

Наградою Якову Петровичу былъ орденъ св. Владиміра 3-й степени.

Затѣмъ новое, весьма удачное дѣло совершено было Яковомъ Петровичемъ уже въ окрестностяхъ Куринскаго укрѣпленія.

„Однажды—разсказываетъ онъ:—въ самый праздникъ Успѣнія Богородицы, пообѣдавъ около полудня, я по обыкновенію легъ отдохнуть въ маленькой, темной коморкѣ, изъ которой двери выходили прямо на крытое крылечко, гдѣ помѣщались ординарцы и висѣло мое оружіе; тутъ же возлѣ этого крыльца всегда стояла на случай тревоги осѣдланная лошадь. День былъ нестерпимо знойный и душный. Раскинувшись на горскомъ коврѣ, я совершенно раздѣлся, снялъ даже рубашку и, оставшись въ однѣхъ сафьянныхъ чевякахъ, заснулъ какъ убитый. Не знаю, долго-ли я спалъ, но меня разбудилъ громъ орудійнаго выстрѣла, отъ котораго, дрогнувъ, зазвенѣли стекла въ моей квартирѣ,—и въ ту же минуту ординарецъ, распахнувшій двери, крикнулъ: „чеченцы въ форштатѣ!“ Выстрѣлы участились, шумъ, крикъ, скачка и суматоха на улицахъ показывали, что дѣло вышло нешуточное. Съ просонья я прямо бросился въ двери, вырвалъ изъ рукъ ординарца шашку, вскочилъ на коня и, только очутившись на площади, увидѣлъ свой легкій костюмъ, или, вѣрнѣе сказать, не увидѣлъ на себѣ никакого костюма, кромѣ че-

вяковъ и шапки.“ Заботиться о туалетѣ было однакоже не время. Яковъ Петровичъ накинулъ какую-то бурку и въ этомъ убранствѣ съ голыми ногами и грудью явился передъ своими казаками. Двѣ сотни, оказавшіяся въ сборѣ, тотчасъ выскочили за укрѣпленіе и, прогнавъ небольшія кучки чеченцевъ, кружившихся возлѣ форштата, наткнулись на новую, весьма значительную партію, спустившуюся съ Качкалыковскихъ горъ. Здѣсь было до восьми-сотъ всадниковъ. Озадаченныя сотни остановились, но Яковъ Петровичъ въ ту же минуту выхватилъ изъ рукъ ординарца пику и съ крикомъ: впередъ! — кинулся въ рукопашную свалку. Казаки не отстали отъ любимаго начальника, и горсть ихъ врѣзалась въ массу непріятельской конницы. Работая пикой, Яковъ Петровичъ какъ сказочный богатырь валилъ вокругъ себя толпы непріятеля. Горцы, дрогнувшіе на первыхъ порахъ, не могли поправиться и скоро бѣжали, такъ что подоспѣвшая изъ крѣпости пѣхота видѣла только пыль, поднятую бѣжавшими...

Въ нашихъ рукахъ осталось нѣсколько плѣнныхъ, которые были смущены чрезвычайно и приписывали все дѣло навожденіямъ Боклю, который въ понятіяхъ ихъ былъ, если и не самъ Даджалъ—то ужъ навѣрное одинъ изъ его близкихъ родичей.

Во-первыхъ—говорили плѣнные—съ Качкалыковскихъ горъ мы ясно видѣли бѣлѣвшуюся скотину, которая ходила между форштатомъ и укрѣпленіемъ. Самые зоркіе изъ насъ были убѣждены въ этомъ такъ же какъ въ томъ, что при этомъ стадѣ не было ни пастуховъ, ни прикрытія. Но едва, призвавъ Аллаха на помощь, мы ринулись внизъ, чтобы захватить добычу, какъ скотъ провалился будто сквозь землю, и передъ нами очутились веревки съ развѣшаннымъ на нихъ вашимъ солдатскимъ бѣльемъ. Это поразило всѣхъ ужасомъ, потому что чудо это видѣли мы собственными нашими глазами и сомнѣваться въ немъ не могли.

Нѣсколько человѣкъ поскакали назадъ, чтобы сообщить объ этомъ наибу. Тотъ не повѣрилъ, но когда ваша горсть ударила на нашу главную партію, когда наибъ и окружающіе его чеченцы увидѣли голаго всадника, скакавшаго со страшною пикою и когда отъ дуновенія этого всадника—(пикой нельзя повалить столько народу)—наши чеченцы стали валиться съ лошадей, какъ опаленные небесною молніею, мы побѣжали назадъ. Многіе изъ насъ узнали голосъ Бакланова; но былъ-ли то онъ, или самъ шайтанъ въ его образѣ—мы этого не знаемъ.

И вотъ восточная легенда о чудномъ превращеніи скота въ какія-то тряпки и о смертоносномъ дыханіи страшнаго всадника была уже готова и пошла ходить по Чечнѣ, какъ народная сказка, распространявшая страхъ и удивленіе къ чарамъ Бакланова. А между тѣмъ все дѣло объясняется просто, такъ какъ, дѣйствительно, солдаты, пользуясь

солнечнымъ днемъ, вздумали сушить госпитальное бѣлье и развѣсили его между форштатомъ и крѣпостью.

Чтобы отплатить чеченцамъ визитомъ за визитъ, Яковъ Петровичъ последовательно произвелъ три набѣга, изъ которыхъ одинъ былъ направленъ къ сторонѣ Ауха, другой—на Мичикъ, а третій—на Гудермесъ и Джалку.

Вскорѣ по возвращеніи изъ этихъ набѣговъ, Якову Петровичу дали знать, что къ укрѣпленію подъѣхалъ какой-то чеченецъ, который желаетъ лично передать ему одно весьма секретное извѣстіе. Опрятная одежда и самыя манеры пріѣзжаго горца изобличали въ немъ не простаго человѣка, и, дѣйствилельно, это былъ нашъ старый знакомецъ Бата̀, которому въ послѣднее время Шамиль подчинилъ въ Чечнѣ наибовъ — Талгика и Дахо. Бата̀ однакоже скоро перессорился съ ними и, опасаясь новыхъ интригъ и новой опалы, бѣжалъ въ Куринское. Князь Воронцовъ разрѣшилъ принять его въ службу безъ возвращенія однако же прежнихъ чиновъ, которые Бата̀ долженъ былъ получить не иначе, какъ черезъ новыя заслуги правительству. Бата̀ былъ доволенъ и этимъ. Дождавшись рѣшенія, онъ возвратился назадъ, а черезъ нѣсколько дней, 8 ноября, прибылъ въ Куринское уже вмѣстѣ со всѣмъ своимъ семействомъ.

Какъ отнеслись горцы къ подобному поступку Баты лучше всего можно видѣть изъ слѣдующаго оригинальнаго разсказа Якова Петровича.

8 ноября — говоритъ онъ — въ то самое время, какъ я получилъ извѣстіе о возвращеніи Баты, у меня сидѣлъ одинъ почетный чеченецъ. Извѣстіе видимо его поразило; онъ нѣсколько минутъ оставался въ глубокой задумчивости и, наконецъ, обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Боклю, а Боклю!

— Что скажешь?

— Скажи, баджалуйста, Боклю, какой такой другой человѣкъ, какъ русскій человѣкъ?

— Что ты хочешь сказать этимъ?

— Байгушъ отмякъ ёкъ, акча ёкъ, угусъ ёкъ, русски опцери урби — гайда горы! Русскій начальникъ керчитъ: фухъ, какой абрекъ! Фухъ, какой абрекъ! Лазутчикъ гайда горы, проси: абрекъ — ходи назадъ баджалуйста. Байгушъ перешелъ: ему, опцери давай, угусъ давай, копъ акча давай...

Зачѣмъ такъ, баджалуйста? Ему башка пропалъ, ему Сибирь ходилъ, а ему и отмякъ, и угусъ, и акча давай!... *).

*) Значеніе этого слѣдующее: «Бѣднякъ, у котораго нѣтъ, ни хлѣба, ни денегъ, ни скота, убьетъ русскаго офицера и бѣжитъ въ горы; тогда русскій начальникъ начинаетъ кричать: Вотъ такъ абрекъ! Вотъ такъ абрекъ! и посылаетъ лазутчика въ горы съ убѣдительною просьбою уговорить абрека возвратиться назадъ. Бѣднякъ возвращается и ему даютъ офицерскій чинъ, скотъ и кучу денегъ, однимъ словомъ, вмѣсто казни и ссылки въ Сибирь, осыпаютъ различными щедротами.

Вотъ и Бата нашъ, фухъ, фухъ, какой большой человѣкъ сталъ!— прибавилъ онъ съ нескрываемою уже ироніею.

Я, говоритъ Баклановъ, никогда не питалъ особой симпатіи къ подобнымъ перебѣжчикамъ, а потому не нашелъ, что отвѣчать на подобную логику; но такъ какъ присутствіе Баты во многомъ стѣсняло мои распоряженія, то я и поспѣшилъ отправить его въ Хасавъ-Юртъ, гдѣ Воронцовъ приказалъ ему состоять въ распоряженіи Майделя.

Едва Бата явился къ своему назначенію, какъ Майдель предложилъ ему участвовать въ набѣгѣ, который собирался произвести, вслѣдствіе особаго предписанія о томъ завѣдовавшаго войсками лѣваго фланга генералъ-маіора Козловскаго.

Надо сказать, что еще въ сентябрѣ мѣсяцѣ, когда Барятинскій разбилъ у Чертугая сильное скопище горцевъ, пытавшихся произвести нападеніе на Грозную, оказалось, что главными зачинщиками этого набѣга были жители Дахинъ-Ирзау, а потому тогда же и было предположено истребить этотъ враждебный аулъ до основанія.

Дахинъ-Ирзау, иначе Узунъ-Тала, стоялъ при сліяніи Аргуна и Сунжи и съ давнихъ поръ служилъ главнѣйшимъ притономъ разбойничьихъ партій, которыя простирали свои набѣги вплоть до ногайскихъ степей и даже до астраханскаго тракта. Это было гнѣздо знаменитыхъ наѣздниковъ, которымъ ремесло ихъ доставляло возможность жить богаче другихъ, а черезъ это имѣть и нравственное вліяніе на все населеніе, тѣснившееся по нижней Джалкѣ.

За отсутствіемъ князя Барятинскаго экспедиція поручена была генералъ-маіору Козловскому, который, приготовляясь въ набѣгъ, предварительно распорядился, чтобы особый отрядъ, собранный на Кумыкской плоскости, подъ командою полковника Майделя, выступилъ 15 ноября изъ Умаханъ-Юрта и ночью соединился бы съ другимъ отрядомъ, двигавшимся изъ Грозной подъ личнымъ его предводительствомъ. Казалось, что время разсчитано было вѣрно, а между тѣмъ когда Козловскій прибылъ къ переправѣ, колонны Майделя не оказалось на мѣстѣ. Прождавъ ее нѣсколько времени и опасаясь потерять удобный моментъ для нападенія, Козловскій двинулся впередъ съ одними своими войсками и передъ самымъ разсвѣтомъ овладѣлъ ауломъ.

Выстрѣлы и зарево пожара привлекли къ себѣ вниманіе Гехо, который случайно съ большою партіею слѣдовалъ на Сунжу, намѣреваясь въ эту ночь напасть на старо-юртовскій скотъ. Заслышавъ выстрѣлы и догадавшись въ чемъ дѣло, онъ поспѣшилъ къ аулу, и хотя не могъ уже оказать существенной пользы дахинъ-ирзаувцамъ, но тѣмъ не менѣе занялъ переправу на Сунжѣ и этимъ поставилъ отрядъ генерала Козловскаго въ весьма опасное положеніе.

Между тѣмъ началось отступленіе, а колонна Майделя все еще не показывалась. Бата, служившій ей вожакомъ, выбралъ весьма неудобную дорогу, съ такими крупными перевалами черезъ Кабардинскій и Терскій хребты, которые задержали нашъ отрядъ на нѣсколько лишнихъ часовъ. Солнце уже начинало вставать, и первые лучи его освѣтили равнину, когда наконецъ колонна прибыла на Сунжу и стала спускаться по отлогостямъ горнаго склона. Столбъ дыма и пыль, скрывавшіе Дахинъ-Ирзау, показывали, что тамъ дерется наша пѣхота, а потому кавалерія перебравшись за рѣку, тотчасъ пошла на рысяхъ и подоспѣла въ то время, когда непріятель, отчаянно насѣвъ на куринцевъ, не давалъ имъ возможности начать переправу. Пятнадцать сотенъ казаковъ *), имѣя при себѣ батарею конной артиллеріи, вынеслись впередъ и, подъ командою Якова Петровича, ударили на непріятеля. „Полковникъ Баклановъ— писалъ по этому поводу въ своемъ донесеніи генералъ-маіоръ Козловскій, — молодецки повелъ кавалерію, которая произвела блистательную атаку развернутою линіею, и не только задержала горцевъ, но, опрокинувъ, прогнала ихъ съ большимъ урономъ и этимъ совершенно прикрыла и обезпечила дальнѣйшее отступленіе пѣхоты.“ — Къ общему сожалѣнію, Майдель, подоспѣвшій съ своею колонною къ самому разгару боя, былъ раненъ пулею въ ногу. Со стороны же горцевъ убитъ, между прочимъ, извѣстный наѣздникъ Гебаръ, родственникъ наиба Талгика.

За отличіе въ этомъ сраженіи Якову Петровичу объявлено было монаршее благоволеніе, а въ каждую сотню его полка главнокомандующій назначилъ по два знака отличія Военнаго Ордена.

Возвратившись въ Куринское, Баклановъ заключилъ 1851 годъ двумя весьма удачными набѣгами.

6-го декабря, въ полночь, онъ двинулся за Мичикъ съ цѣлью овладѣть непріятельскимъ редутомъ, стоявшимъ на лѣвомъ берегу и называвшимся по имени строившаго его наиба—редутомъ Гехо. Для этого, предоставивъ маіору Трамбецкому съ тремя кабардинскими ротами и четырьмя донскими орудіями двигаться кратчайшимъ путемъ, Яковъ Петровичъ съ казачьимъ полкомъ принялъ гораздо лѣвѣе просѣки и, скрытно перебравшись черезъ Мичикъ, занялъ лѣсъ, лежавшій въ тылу укрѣпленія. Отсюда онъ долженъ былъ ударить одновременно съ фронтальною атакою пѣхоты; но такъ какъ послѣдняя встрѣтила на переправѣ непреодолимое препятствіе и вынуждена была остановиться, то горцы имѣли время открыть въ лѣсу присутствіе казаковъ и бросились спасаться изъ

*) Кавалерію соединенныхъ отрядовъ составляли: шесть сотенъ Донскаго № 17 полка, двѣ сотни 18 и три сотни 19 полковъ; кромѣ того, полторы сотни Казлярскаго линейнаго казачьяго полка, двѣ сотни Дунайскаго войска и полусотня грозненской милиціи.

редута по всѣмъ направленіямъ. Одиннадцать человѣкъ изъ нихъ были изрублены, остальные успѣли бѣжать и подняли тревогу въ ближайшихъ аулахъ. Казаки между тѣмъ заняли брошенный редутъ, разрушили часть укрѣпленія и сожгли устроенныя внутри его сакли. Къ общему сожалѣнію, орудій въ редутѣ не оказалось, такъ какъ еще наканунѣ Эске— новый мичиковскій наибъ, назначенный на мѣсто Гехо, вывезъ ихъ въ аулъ Бачи-Юртъ, откуда, какъ узнали потомъ, онъ двинулся къ Тепли-Кичу и потѣшался цѣлую ночь стрѣльбою по укрѣпленію. Между тѣмъ горцы стали собираться на тревогу, а вдали, отъ Сунжи, неслось огромное конное скопище Эске съ орудіями. Видя передъ собою значительныя силы, Баклановъ сталъ отступать и весьма искусно навелъ непріятеля на нашу пѣхоту, которая по знаку его вдругъ грянула съ берега батальнымъ огнемъ; четыре казачьи орудія осыпали горцевъ картечью, и когда разсѣялся дымъ, мы увидѣли скопище, во всѣ повода скакавшее назадъ къ близъ лежащему лѣсу. Воспользовавшись этою минутою казаки спокойно перешли обратно черезъ Мичикъ и возвратились въ Куринское съ потерею 6 человѣкъ ранеными.

Не довольствуясь результатомъ этого набѣга, Баклановъ спустя нѣсколько дней, именно 15 числа, двинулся съ цѣлымъ полкомъ вдоль Качкалыковскаго хребта и на разстояніи 15 верстъ, до самаго Герзель-Аула, истребилъ болѣе ста тысячъ пудовъ чеченскаго сѣна. Морозъ въ этотъ день былъ трескучій, въ поляхъ завывала мятель, а казаки весело подходили къ своему укрѣпленію и пѣли старинную пѣсню:

Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго,
Изъ провалья-ли было глубокаго,
Что не стая птицъ въ перелетъ летитъ,
То казацкій полкъ во походъ спѣшитъ.
Впереди полка снѣжокъ перепархиваетъ,
Младъ ясенъ соколъ на крутыхъ горахъ перелетываетъ.
Самъ полковникъ нашъ впереди полка
На раздушечкѣ, на добромъ на конѣ, игреневомъ;
Подъ нимъ добрый конь игралъ ровно лютый змѣй,
Но полковникъ нашъ и змѣи лютѣй,
Онъ сидитъ въ сѣдлѣ какъ не трухнется,
Его шапочка-кабардиночка не шелохнется.

X.

Зимою съ наступленіемъ 1852 года войска, назначенныя въ составъ чеченскаго отряда начали сосредоточиваться въ крѣпость Воздвиженскую, которая по своему положенію на рѣкѣ Аргунѣ, при самомъ выходѣ ея изъ ущелья на плоскость, съ давнихъ поръ служила опорнымъ пунктомъ для всѣхъ наступательныхъ дѣйствій нашихъ противъ чеченцевъ.

Военныя дѣйствія на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи предположено было въ этомъ году начать какъ можно ранѣе, съ тѣмъ, чтобы всею массою войскъ, только что собранныхъ, бодрыхъ и жаждавшихъ боя, углубиться въ самое сердце Большой Чечни, разбить собранныя тамъ скопища, уничтожить заготовленныя непріятелемъ средства для продовольствія и послѣ того, окончивъ работу просѣкъ на Шалинской полянѣ, идти отъ Берды - Кельскаго аула къ подножію Черныхъ горъ, взять Маіортупъ и черезъ всю Большую Чечню пройти на-прямикъ въ Куринское укрѣпленіе.

Этотъ смѣло задуманный планъ, долженствовавшій сорвать съ Чечни таинственную завѣсу, подъ которою она скрывалась въ продолженіе цѣлаго десятка лѣтъ, не могъ не возбудить серьезныхъ опасеній въ Шамилѣ, который заблаговременно принялъ всѣ мѣры, чтобы воспрепятствовать движенію нашихъ войскъ и, двинувъ въ Большую

Чечню значительныя толпы изъ Дагестана, самъ прибылъ въ Автуры, чтобы воодушевить сборища личнымъ своимъ присутствіемъ.

Не касаясь подробностей того, что было сдѣлано главнымъ чеченскимъ отрядомъ въ первый періодъ экспедиціи, мы перейдемъ прямо къ цѣли нашего разсказа — къ дѣйствіямъ другаго небольшаго отряда, собраннаго на Кумыкской плоскости, съ тѣмъ чтобы проложить широкую просѣку черезъ лѣсистый Качкалыковскій хребетъ и перебросить ее за Мичикъ, какъ разъ по тому направленію, по которому долженъ былъ идти князь Барятинскій изъ Маіортупа.

Отрядомъ этимъ командовалъ полковникъ Яковъ Петровичъ Баклановъ. Онъ сосредоточилъ въ Куринскомъ кромѣ своего полка три баталіона пѣхоты съ четырьмя орудіями и приступилъ къ работѣ тотчасъ, какъ только чеченскій отрядъ выступилъ изъ Воздвиженской. Горцы, находившіеся противъ него въ сборѣ, по ту сторону Мичика, спѣшили укрѣплять завалами противоположный берегъ, ограничиваясь, впрочемъ, ничтожною перестрѣлкою. Гулъ пушечныхъ выстрѣловъ, доносившійся сюда изъ долины Аргуна, гдѣ князь Барятинскій сражался съ главными силами Шамиля, видимо тревожилъ чеченцевъ и отнималъ у нихъ рѣшимость перейти въ наступленіе, а между тѣмъ работы наши подвигались впередъ такъ быстро, что въ половинѣ января просѣка черезъ Качкалыковскій хребетъ была окончена, и намъ оставалось только вырубить мелкій прибрежный орѣшникъ по Мичику, чтобы совершить переправу и приступить къ уничтоженію заповѣдныхъ лѣсовъ на землѣ уже самихъ мичиковцевъ.

Эти быстрые успѣхи были достигнуты нами съ самою ничтожною потерею и объясняются только тѣмъ превосходнымъ состояніемъ, въ которомъ находились войска, благодаря заботливости о нихъ начальника отряда, старавшагося всѣми мѣрами избѣгнуть необходимости бивуачныхъ стоянокъ подъ открытымъ небомъ. Войска, по окончаніи урочныхъ работъ, ежедневно возвращались на ночлегъ въ Куринское и изнурялись гораздо менѣе нежели чеченцы, которые проводили въ завалахъ длинныя зимнія ночи. Въ Куринскомъ все шло и двигалось однажды заведеннымъ порядкомъ. Съ утра — говоритъ одинъ участникъ экспедиціи—барабанный бой поднималъ на ноги все укрѣпленіе; роты, назначенныя вечернимъ приказомъ, строились на площади и на-легкѣ, безъ обозовъ, выступали въ лѣсъ, гдѣ кончилась вчерашняя рубка. Полковникъ Баклановъ въ сопровожденіи своихъ пластуновъ уѣзжалъ впередъ осматривать мѣстность, закрытую предъ-разсвѣтнымъ туманомъ; онъ самъ разставлялъ аванпостную цѣпь и указывалъ, гдѣ становиться рабочимъ. Изъ предосторожности въ первое время вся кавалерія оставалась однако всегда на коняхъ. Баклановъ одинъ выѣзжалъ на высокій курганъ, стоявшій

надъ спускомъ къ Мичику и, вооружившись подзорною трубою, по-долгу засматривался на непріятельскіе завалы. Горцы привыкли различать его колоссальную фигуру въ громадной косматой папахѣ съ накинутымъ на плечи знаменитымъ бараньимъ тулупомъ, и каждый разъ привѣтствовали его появленіе пронзительнымъ гикомъ. Кругомъ, между тѣмъ, закипали работы. Черныя фигуры горцевъ, едва отдѣлявшіяся въ полутьмѣ, начинали тревожно сновать за своими завалами. Вотъ наконецъ выѣзжаютъ конные. По бѣлымъ башлыкамъ, укутавшимъ ихъ лица, солдаты знаютъ уже, что это абреки, которые засядутъ въ кустахъ и будутъ посылать оттуда свои незнающіе промаховъ выстрѣлы. Абреки, дѣйствительно, спѣшиваются, а на берегу ихъ замѣняютъ новыя, живописныя группы джигитовъ. Ихъ статные кони, ихъ цѣнное оружіе и смуглыя типичныя лица, оттѣненныя космами бараньихъ шапокъ, ухарски заломленныхъ на затылокъ, имѣютъ что-то внушительное, что-то такое, что невольно привлекаетъ вниманіе чутко затаившейся цѣпи.

Вдругъ далеко, гдѣ то на самой окраинѣ лѣса, вырвался клубъ бѣлаго дыма, сверкнула молнія, и вслѣдъ за грохнувшимъ выстрѣломъ одинъ изъ наѣздниковъ, какъ снопъ повалился съ лошади. Испуганный конь его всталъ на-дыбы, метнулся въ сторону и ринулся во весь опоръ назадъ, увлекая за собою запутавшагося въ стременахъ всадника. Нѣкоторые бросаются поднять убитаго, другіе выхватываютъ винтовки и съ крикомъ: „ги! ги! гяуръ! гяуръ!“ начинаютъ кружиться передъ самымъ курганомъ, гдѣ стоитъ Баклановъ.

„Боклю, такой сякой, чего стоишь? зачѣмъ стоишь? пошелъ домой!“—кричатъ ему горцы.

Солдаты отвѣчаютъ имъ крупною русскою рѣчью.

Иногда все дѣло оканчивается пустою перебранкою; но иногда съ обѣихъ сторонъ закипаетъ живая перестрѣлка, и тогда грохоту падающихъ деревьевъ начинаютъ вторить раскаты пушечныхъ выстрѣловъ... А между тѣмъ наступаетъ полдень. Баклановъ съѣзжаетъ съ холма и ѣдетъ по цѣпи, чтобы повѣрить ея расположеніе и осмотрѣть рабочихъ. Чеченцы провожаютъ его пушечными выстрѣлами.

Однажды,— разсказываетъ тотъ же очевидецъ,—я лежалъ съ своими солдатами въ кустахъ, недалеко отъ мѣста, гдѣ проѣзжалъ Баклановъ, какъ вдругъ непріятельская граната (къ счастію, оказавшаяся пустою, съ забитою втулкою) упала подъ самыми ногами его лошади и, сдѣлавъ рикошетъ, медленно стала подниматься кверху... Рота вскочила на ноги. Баклановъ остановилъ коня и простоялъ до тѣхъ поръ, пока граната не перелетѣла черезъ него, слегка зацѣпивъ только верхушку его огромной папахи,— послѣ чего онъ двинулся впередъ, сопровождаемый восторженными криками солдатъ, которые почему то были убѣж-

дены, что Баклановъ заговоренъ отъ смерти, и что его убить можно только серебряною пулею.

Между тѣмъ отрядъ покончилъ уже и съ вырубкою молодаго орѣшника. Приказано было готовиться къ переходу черезъ Мичикъ, чтобы овладѣть непріятельскими завалами, какъ вдругъ случилось слѣдующее происшествіе.

Однажды, по возвращеніи въ Куринское, у полковника Бакланова собралось большое общество офицеровъ: пили чай, играли въ карты и толковали о разныхъ разностяхъ. Былъ одиннадцатый часъ ночи, когда вошедшій ординарецъ доложилъ, что явился лазутчикъ.

— Который? спросилъ Баклановъ.

Казакъ назвалъ Али-Бея, и Яковъ Петровичъ немедленно приказалъ ввести его въ комнату.

Офицеры, заинтересованные появленіемъ лазутчика, начали просить Якова Петровича говорить съ нимъ по-русски. Уступая ихъ просьбамъ Баклановъ приказалъ позвать переводчика, и тотъ во всеуслышаніе передалъ разсказъ Али-Бея слѣдующимъ образомъ:

Когда Шамиль получилъ извѣстіе, что просѣка на Мичикѣ почти окончена и что чеченцы не могутъ остановить Бакланова, онъ вызвалъ изъ горъ стрѣлка, который на Алкоранѣ поклялся во что-бы то ни стало убить Бакланова.

Горецъ этотъ прибылъ уже въ нашъ лагерь — сказалъ между прочимъ Али—и надо сознаться, произвелъ на всѣхъ впечатлѣніе пустаго человѣка. Пріѣхавъ по утру, онъ къ вечеру успѣлъ уже нахвастать съ три короба, такъ что наши сочли за лучшее остановить молодца.

— Ты говоришь, сказали ему старики, что въ разстояніи пятидесяти шаговъ разбиваешь изъ винтовки яйцо, подброшенное кверху; быть можетъ это и правда, но мы твоего искусства не видѣли, а того человѣка, въ котораго ты будешь стрѣлять, мы видѣли и знаемъ. Онъ въ разстояніи полутораста шаговъ при насъ разбивалъ изъ ружья сидящую муху... Смотри же, Джанемъ, если ты промахнешься, то Боклю положитъ тебя на мѣстѣ.

— Ну что же горецъ? спросили офицеры.

— Ничего, отвѣтилъ Али, засмѣявшись: немножко поблѣднѣлъ, однако скоро оправился. Я, говоритъ, во всю свою жизнь далъ одинъ только промахъ, да и тотъ, когда былъ семилѣтнимъ ребенкомъ.

— Ты знаешь, продолжалъ Али, обращаясь къ Бакланову, что за Мичикомъ, какъ-разъ напротивъ того кургана, гдѣ ты обыкновенно становишься, есть батарейка, брошенная нами. Завтра поутру въ нее засядетъ тавлинецъ и будетъ ожидать твоего появленія.

— Я пришелъ сказать тебѣ, чтобы ты былъ остороженъ и завтра не выѣзжалъ на курганъ.

Щедро наградивъ Али-Бея, Баклановъ отпустилъ его домой и попросилъ офицеровъ, чтобы все слышанное ими, оставалось въ секретѣ.

На слѣдующій день, какъ только разсвѣло, войска по обыкновенію вышли изъ Куринскаго. Зная, что меня ожидаетъ, разсказывалъ самъ Яковъ Петровичъ: я остановилъ колонну нѣсколько далѣе обыкновеннаго и въ сопровожденіи одного ординарца поѣхалъ къ кургану. Скоро посреди орѣшника показались черныя прогалины, мѣсто нашей недавней рубки. Я подъѣхалъ къ Мичику и увидѣлъ ту батарейку, изъ-за которой долженъ былъ послѣдовать выстрѣлъ. Признаюсь, съ минуту я колебался—ѣхать ли дальше? но вспомнилъ, что на меня смотрятъ тысячи глазъ и, взявъ у ординарца штуцеръ, поднялся на пригорокъ. Въ эту минуту страшная тишина воцарилась у насъ и въ непріятельскихъ завалахъ. Я не скажу, чтобы былъ совершенно спокоенъ: кровь — то бросалась мнѣ въ голову, то приливала къ сердцу. Однако, опустивъ поводья, я стоялъ неподвижно и пристально смотрѣлъ на батарею, до которой черезъ Мичикъ было не болѣе полутораста или двухъ сотъ шаговъ. Вотъ наконецъ за гребнемъ ея мелькнула черная шапка, и черезъ минуту, не болѣе, я увидѣлъ блестящій стволъ, направленный на меня. Провидѣніе спасло мнѣ жизнь: пуля пролетѣла мимо, едва зацѣпивъ только край моего полушубка. Когда тавлинецъ поднялся до пояса, чтобъ посмотрѣть на выстрѣлъ, онъ съ ужасомъ увидѣлъ, что я сижу на конѣ, и, пригнувшись за брустверъ, принялся вторично заряжать винтовку. По той торопливости, съ которою онъ это дѣлалъ, я вывелъ заключеніе, что нравственная сила этого человѣка подорвана и пришелъ къ убѣжденію, что новый выстрѣлъ не можетъ быть вѣренъ. Тогда, повѣривъ самого себя и убѣдившись, что нервы мои совершенно успокоились, я вынулъ ногу изъ стремени, положилъ ее на гриву лошади, оперся на нее рукою и приготовилъ штуцеръ. Какъ только раздался выстрѣлъ, я быстро вскинулъ ружье... Курокъ брякнулъ, и мой татаринъ, взмахнувъ руками, опрокинулся навзничь: пуля попала ему между бровей и прошла черезъ голову.

Когда Баклановъ, повернувъ лошадь, началъ спускаться съ кургана, обѣ стороны съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдившія за тѣмъ, чѣмъ кончится странный поединокъ, привѣтствовали его восторженными криками. Въ войскахъ загремѣло «ура!» Чеченцы, махая папахами, вскочили на завалы и оглашали воздухъ неистовымъ: „якши, Боклю! браво Боклю! молодецъ Боклю!“

Нечего и говорить о впечатлѣніи, которое произвела на горцевъ вся эта сцена, принявшая въ ихъ пылкомъ воображеніи характеръ какой-то

чудесной, сверхъ-естественной легенды, перешедшей даже въ народныя пословицы. Не хочешь-ли убить Бакланова? — говорили послѣ того въ Чечнѣ, когда хотѣли остановить похвальбу какого нибудь расхваставшагося юноши.

Баклановъ съ своей стороны не замедлилъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы ускорить переправу.

Въ темную ночь съ 14 на 15 января войска тихо поднялись на Качкалыковскій хребетъ и раздѣлились на двѣ колонны: вся кавалерія подъ личнымъ предводительствомъ начальника отряда понеслась по горѣ налѣво, съ тѣмъ, чтобы переправиться среди дремучаго непроходимаго лѣса; пѣхота же спустилась внизъ и сдѣлала видъ, что намѣрена штурмовать переправу. Сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ ей удалось дѣйствительно привлечь сюда вниманіе горцевъ; но едва началась канонада, какъ гикъ атакующей конницы, загремѣвшій въ тылу чеченцевъ, привелъ ихъ въ совершенное замѣшательство: они едва успѣли повернуться кругомъ, чтобы сдѣлать залпъ, какъ были уже вынуждены спасаться бѣгствомъ. Пѣхота, воспользовавшись этимъ, безъ выстрѣла, перешла Мичикъ и тотчасъ заняла завалы. Все дѣло длилось не болѣе получаса и, благодаря отлично соображеннымъ дѣйствіямъ обѣихъ колоннъ, стоило намъ 2-хъ офицеровъ и 24-хъ нижнихъ чиновъ, выбывшихъ изъ строя. Горцы потеряли больше и, главное, вынуждены были съ безсильною злобою смотрѣть на то, какъ падали и исчезали подъ топорами нашихъ солдатъ вѣковые священные лѣса, служившіе мичиковцамъ главнѣйшею опорою противъ нашихъ вторженій.

Вырубка здѣсь просѣки тянулась съ небольшими перерывами до 26 числа, когда войска распущены были для отдыха по своимъ укрѣпленіямъ. Въ продолженіе этого времени каждый день случались перестрѣлки; иногда горцы вывозили орудія и стрѣляли по рабочимъ, но, вообще, не предпринимали ничего серьезнаго, ожидая со дня на день прибытія самаго Шамиля. Шамиль однако не являлся; а между тѣмъ Баклановъ, распустившій, какъ мы сказали, войска, получилъ извѣстіе, что горцы опять уже строятъ завалы, и строятъ такъ, чтобы обстрѣливать переправу перекрестнымъ огнемъ изъ своихъ орудій. Поэтому, какъ только наступила ночь, вся кавалерія сѣла на коней и, пользуясь густымъ туманомъ, скрытно перешла Мичикъ въ лѣсу, гораздо выше просѣки. Оплошность непріятеля была такъ велика, что тѣ батареи, мимо которыхъ проходили казаки, оказались незанятыми; быть можетъ горцы бѣжали изъ нихъ, чтобы распространить тревогу, но гикъ и топотъ несущейся конницы до того ошеломили главную массу чеченцевъ, что она въ паническомъ страхѣ бросилась искать спасенія въ мичиковскомъ редутѣ, куда едва успѣла втащить за собою орудія. Съ нашей стороны

ранено было при этомъ шесть нижнихъ чиновъ. Кавалерія тотчасъ заняла непріятельскіе завалы, а подоспѣвшая пѣхота пошла на редутъ, но была остановлена, потому что это повело бы за собою напрасную и значительную потерю въ людяхъ.

«Смѣлыя и благоразумныя распоряженія полковника Бакланова,— писалъ князь Воронцовъ въ приказѣ по войскамъ Отдѣльнаго Кавказскаго корпуса: уничтожили всѣ попытки непріятеля, старавшагося препятствовать нашимъ работамъ со стороны Кумыкской плоскости, и нанесли чеченцамъ сильный уронъ, въ особенности 15 января и 13 февраля, при взятіи съ боя устроенныхъ ими заваловъ.»

Послѣднія наши работы на просѣкѣ были окончены 14 февраля. Въ этотъ день войска распущены были опять по своимъ квартирамъ, а ночью Шамиль съ огромнымъ скопищемъ явился на Мичикъ и сталъ возлѣ редута.

Отъ князя Барятинскаго между тѣмъ все еще не было никакихъ извѣстій; лазутчики передавали только отрывочныя свѣдѣнія о кровопролитныхъ бояхъ, бывшихъ между Автурами и Гельдегеномъ, о цѣломъ рядѣ набѣговъ, произведенныхъ на Гойту, о смерти въ одномъ изъ нихъ доблестнаго атамана Крюковскаго, погибшаго подъ Шалажами, но ничего не могли сообщить о дальнѣйшихъ планахъ чеченскаго отряда.

16 февраля въ часъ пополудни съ башни, одиноко стоявшей у самаго подножія Качкалыковскаго хребта, дали знать въ Куринское, что по ту сторону горъ, по направленію къ Маіортупу, слышны частые орудійные выстрѣлы. Схвативъ двѣ сотни своего полка, Баклановъ выскочилъ съ ними на просѣку и увидѣлъ отдаленный, тянувшійся за Мичикомъ лѣсъ, весь укутанный бѣлыми клубами дыма. Шло жаркое дѣло. По выстрѣламъ можно было догадываться, что это князь Барятинскій штурмуетъ Маіортупъ, чтобы оттуда идти въ Куринское, и слѣдовательно съ минуты на минуту надо было ждать приказанія выступить къ нему на встрѣчу, а между тѣмъ войскъ подъ рукою не было. Отрядъ, рубившій просѣку, былъ, какъ мы сказали, распущенъ и могъ собраться не ранѣе какъ черезъ четыре дня. Къ тому же изъ самаго Куринскаго двѣ роты пѣхоты отправились поутру въ Хасавъ-Юртъ для принятія спирта, а съ остальными тремя ротами идти за Мичикъ, когда переправа охранялась самимъ Шамилемъ, было дѣломъ слишкомъ рискованнымъ. Сообразивъ все это, полковникъ Баклановъ тутъ же, не слѣзая съ коня, написалъ записку, чтобы полковникъ Ктитаревъ изъ Герзель-Аула съ ротою Кавказскаго линейнаго № 12 баталіона и ротою Кабардинскаго полка, при одномъ орудіи прибылъ къ полночи форсированнымъ маршемъ въ Куринское укрѣпленіе.

Другая записка такого же содержанія была отправлена на Карасинскій постъ, откуда войсковой старшина Поляковъ долженъ былъ прибыть съ двумя казачьими сотнями. По три казака наряжены были и въ ту и въ другую сторону. Когда они явились къ Якову Петровичу, онъ только погрозилъ имъ пальцемъ и сказалъ лаконически:

— Двумъ лечь, третьему доставить записку по назначенію! съ Богомъ!.. Казаки отвѣчали: рады стараться! и, повернувъ лошадей, пустились въ опасную дорогу.

Въ полночь въ Куринское прибылъ лазутчикъ. Когда его ввели къ Бакланову, онъ снялъ чевякъ и вынулъ изъ него записку князя Барятинскаго, который писалъ, чтобы собрать въ Куринское какія только можно войска и выступить съ ними за Мичикъ, такъ чтобы къ разсвѣту быть у маіортупскаго орѣшника, на старомъ Акіюртовскомъ аулищѣ, и захватить переправу черезъ Гонзолку. Къ счастію, по предварительнымъ запискамъ Бакланова, въ Куринскомъ сосредоточились къ этому времени: весь Донской казачій № 17 полкъ, пять ротъ пѣхоты и два полевыя орудія. Съ этими силами рѣшено были идти за Мичикъ.

Зная, что горцы собрались около редута и сторожили наши войска на просѣкѣ, Баклановъ рѣшился провести отрядъ напрямикъ по Качкалыковскому лѣсу, безъ дорогъ и тропинокъ, по страшнымъ оврагамъ и крутизнамъ, по которымъ съ трудомъ пробирались пѣшіе горцы, и откуда непріятель никакъ не могъ ожидать его появленія. Нѣкоторые чеченцы смутно однако угадывали это намѣреніе.

— Напрасно Шамиль, говорили они: ты сторожишь эту старую лисицу здѣсь на открытомъ мѣстѣ: Боклю не пойдетъ къ тебѣ въ зубы; сторожи его тамъ, гдѣ мышь не проползетъ, иначе кончится тѣмъ, что онъ будетъ за Мичикомъ.

— Но гдѣ же онъ перейдетъ его съ своими пушками? спрашивалъ Шамиль, оглядывая съ недоумѣніемъ разстилавшіеся направо и налѣво отъ просѣки страшные лѣса, откуда, казалось, не было выхода.

— Гдѣ пролетаетъ птица, гдѣ проползаетъ змѣй — тамъ и дорога Бакланову, говорили старики, совѣтуя Шамилю сторожить всѣ броды.

Имамъ разсердился.—Если бы вы боялись Аллаха такъ, какъ боитесь Бакланова, сказалъ онъ, то вы были бы святыми. Однако, уступая просьбамъ, онъ приказалъ по всему теченію Мичика разставить сильные сторожевые пикеты.

Между тѣмъ ровно въ часъ по полуночи войска, подъ личнымъ предводительствомъ полковника Бакланова, безъ шума перешли изъ южныхъ воротъ укрѣпленія и, дойдя до Исти-Су, повернули налѣво въ дремучій лѣсъ, разстилавшійся по обоимъ скатамъ Качкалыковскаго хребта. Нѣсколько саженей они двигались еще по какимъ-то тропинкамъ;

но эти тропинки скоро исчезли и замѣнились такими трущобами, что послѣ нѣсколькихъ попытокъ сдвинуть орудія съ мѣста, вынуждены были выпречь лошадей и буквально перетаскивать пушки черезъ овраги и снѣговые сугробы на рукахъ, что чрезвычайно утомляло людей и замедляло движеніе. Однако Баклановъ торопилъ всѣхъ, зная, что впереди предстоитъ еще трудная переправа. Вдобавокъ, ночь стояла темная; вѣтеръ, бушевавшій въ лѣсу, поднималъ такую мятелицу, что въ двухъ шагахъ предметы совершенно исчезали изъ вида. Стали наконецъ опасаться не потеряли-ли направленія, потому что шли, какъ казалось, долго, а Мичикъ все еще не показывался. Но вотъ передніе ряды вдругъ остановились, упершись въ крутой оврагъ, показавшійся всѣмъ черною бездонною пропастью. По дну оврага съ глухимъ рокотаніемъ бѣжала рѣчка, а за рѣчкою по ту сторону оврага въ прибрежныхъ кустарникахъ выли чакалки, оглашая окрестность своимъ нестерпимымъ, отвратительнымъ крикомъ. Эта рѣчка и была Мичикъ, черезъ который войска и должны были переправиться. Есть-ли въ немъ броды, объ этомъ не спрашивали, а другаго способа переправы тоже не было; а потому приказаніе отдано, и солдаты, перекрестившись, начали спускаться къ рѣчкѣ.

Въ это время стало уже немного проясняться, но сумракъ лежалъ еще въ глубинѣ оврага. Не смотря на то переправа оказалась вовсе не такою трудною, какъ полагали съ перваго взгляда. Перейдя Мичикъ, войска опять остановились въ нерѣшимости, не зная куда повернуть— направо или налѣво, чтобы попасть на старо-акіюртовскую дорогу. Проводниковъ съ нами не было, а карта помогала въ этомъ случаѣ такъ же мало, какъ и простыя соображенія, по той причинѣ, что трудно было опредѣлить въ дикой и поразительно однообразной мѣстности пунктъ, гдѣ совершена переправа. Къ счастію въ эту критическую минуту явился Али-Бей.

— Я сторожилъ тебя — сказалъ онъ Якову Петровичу — цѣлую ночь, зная, что ты не пойдешь на просѣку. Если тебѣ придется раззорять чеченскіе аулы, пожалуйста, не тронь Гурдали, гдѣ живутъ мои родные.

Яковъ Петровичъ охотно обѣщалъ исполнить его желаніе и спросилъ Али-Бея: далеко-ли до Акі-Юрта? Али показалъ рукою татарское кладбище, виднѣвшееся неподалеку и сказавъ: вонъ старый Акі-Юртъ! въ одно мгновеніе, какъ кошка, исчезъ въ кустарникѣ.

Влѣво отъ насъ, въ разстояніи нѣсколькихъ десятковъ саженей, дѣйствительно, виднѣлось кладбище, пестрѣвшее разноцвѣтными флагами, обозначавшими могилы убитыхъ джигитовъ. Эти флаги, рѣзко выдѣляясь на черномъ фонѣ чинарнаго лѣса, сообщали кладбищу чрезвычайно оригинальный и почти веселый видъ. Подойдя къ этому мѣсту, отрядъ очу-

тился въ углу, при сліяніи двухъ рѣкъ Гонзолки и Мичика, отвѣсные берега которыхъ совершенно обезпечивали его отъ нападенія съ фронта. Въ правой рукѣ отъ насъ чернѣлъ маіортупскій боръ, за нимъ пестрѣли разнообразные аулы, озаренные первыми лучами восходившаго солнца, а еще далѣе вставали Черныя горы, сплошь покрытыя вѣковыми дремучими лѣсами. На этомъ мѣстѣ Баклановъ остановился и рѣшился ожидать князя Барятинскаго.

Между тѣмъ горцы, простороживъ его напрасно всю ночь на просѣкѣ, съ разсвѣтомъ отправили сильные разъѣзды, изъ которыхъ одинъ, случайно завернувъ къ Акі-Юрту, съ ужасомъ увидѣлъ русскій отрядъ, стоявшій въ оврагѣ по ту сторону Гонзолки и поспѣшилъ разнести тревогу. Вскорѣ съ той стороны, гдѣ находился редутъ, показались толпы конныхъ и пѣшихъ чеченцевъ; но онѣ остановились отъ насъ въ разстояніи двухъ и даже болѣе пушечныхъ выстрѣловъ, какъ бы ограничиваясь однимъ наблюденіемъ. Можно себѣ представить досаду и гнѣвъ Шамиля, когда онъ убѣдился лично, что выбить Бакланова изъ этой позиціи нѣтъ никакой возможности и, стало быть, не было никакой возможности занять маіортупскій орѣшникъ, чтобы разстроить планы князя Барятинскаго и заставить его возвратиться, не исполнивъ обѣщанія пройти черезъ Чечню въ Куринское укрѣпленіе. Такъ прошло цѣлое утро, приближался полдень, а со стороны Маіортупа все еще никто не показывался. Уже не разъ отважные донцы, посылаемые Баклановымъ, какъ змѣи проползали вверхъ по Гонзолкѣ и возвращались съ извѣстіемъ, что не слыхать нигдѣ никакого движенія. Цѣлая сотня, ходившая въ разъѣздъ еще дальше, до самаго Бачи-Юрта, гдѣ была переправа, возвратилась, также не привезя ничего утѣшительнаго. Тогда явилось предположеніе, что князь Барятинскій, отказавшись быть можетъ отъ своего намѣренія, вернулся, и что лазутчики, посланные къ намъ съ этимъ извѣстіемъ, перехвачены горцами. Если бы это случилось—гибель Баклановскаго отряда была бы неизбѣжна. Горцы, узнавъ объ отступленіи князя Барятинскаго, имѣли бы возможность двинуться вверхъ по Гонзолкѣ и, переправившись у Бачи-Юрта, прижать насъ къ самому Мичику, такъ чтобы заставить отступать подъ натискомъ громаднаго скопища по тѣмъ самымъ лѣсамъ и оврагамъ, по которымъ мы пришли сюда, причемъ спасти артиллерію не представлялось никакой возможности. Зная это, Баклановъ принялъ въ душѣ твердое рѣшеніе держаться до ночи на этой позиціи, а потомъ, бросившись на Бачи-Юртъ, захватить переправу и, съ Божіею помощью, пробиваться уже прямо въ Куринское.

Время тянулось въ мучительномъ ожиданіи, — какъ вдругъ въ исходѣ перваго часа послышались два или три ружейные выстрѣла, и вслѣдъ затѣмъ сигнальный рожокъ. Это шелъ князь Барятинскій; онъ

медлилъ нарочно, чтобы дать Бакланову время стать на Гонзолкѣ и закрыть маіортупскій орѣшникъ, славившійся въ Чечнѣ непроходимою гущею.

Солнце клонилось уже къ закату, когда соединившіеся отряды начали переходить Гонзолку, обледенѣлые берега которой представляли неимовѣрныя трудности для спуска колеснаго обоза и кавалеріи. Первымъ перешелъ казачій полкъ Бакланова и вмѣстѣ съ двумя линейными сотнями тотчасъ двинулся впередъ, чтобы до наступленія сумерокъ овладѣть завалами и возстановить переправу, уничтоженную горцами на Мичикѣ. Для поддержанія этой атаки по слѣдамъ кавалеріи послали первый баталіонъ Кабардинскаго полка съ четырьмя орудіями и съ двѣнадцатью ракетными станками.

Въ то же самое время особая колонна, подъ командою полковника князя Чавчавадзе, приняла правѣе, вошла въ лѣсъ и стала обходить редутъ, старась привлечь на себя главныя силы Шамиля. Баклановъ велъ кавалерію рысью; влѣво отъ него тянулись небольшія, сдѣланныя изъ фашинника батареи, покинутыя горцами; справа, на самой опушкѣ лѣса, возвышался редутъ, а отъ него въ обѣ стороны неправильными и ломанными линіями тянулись завалы, охватывавшіе широкимъ полукружіемъ цѣлую поляну. Болѣе тысячи человѣкъ, поклявшихся Шамилю не пропустить русскихъ, лежали въ этихъ завалахъ и съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за нашею кавалеріею. Подходя къ окопамъ, Баклановъ развернулъ свой полкъ и, приказавъ линейцамъ держаться на флангахъ, началъ атаку. Едва онъ произнесъ обычное: съ Богомъ — впередъ! и выхвативъ шашку, пустилъ во весь опоръ своего скакуна, какъ вдоль непріятельскаго завала разомъ прокатился грохотъ ружейнаго залпа, и въ ту же минуту лошадь Бакланова, сдѣлавъ скачекъ, споткнулась и грянулась ѳ-земь.

Казаки сочли его убитымъ. Ребята! командиръ убитъ — мщеніе! пронеслось по фронту, и разъяренные донцы кинулись къ заваламъ. Горцы дали вторичный залпъ. Войсковой старшина Банниковъ, скакавшій во главѣ полка, упалъ смертельно раненый. Это не остановило другихъ, увлеченныхъ бурною атакою. Чеченцы еще не зарядили ружей, а казаки спрыгнувъ съ коней, полезли уже на завалы. Войсковой старшина Поляковъ, смѣнившій Банникова, верхомъ перескочилъ широкій ровъ и очутился на брустверѣ, за нимъ въ разныхъ направленіяхъ стали взбираться казаки.

Въ первую минуту озадаченный непріятель отшатнулся назадъ, но скоро оправился и съ гикомъ бросился въ шашки. Въ завалахъ пошла ожесточенная свалка. Чеченцы колебались; но къ нимъ подходили свѣ-

жія силы, и бой начиналъ клониться на сторону сильнѣйшаго: мюриды одолѣвали.

Въ это самое время Яковъ Петровичъ, опомнившись отъ своего удара, поднялся на ноги, и первое, что бросилось ему въ глаза, это была артиллерія, выѣзжавшая изъ лѣса; за нею не въ дальнемъ разстояніи сверкали штыки подходившаго баталіона. Приказавъ пѣхотѣ слѣдовать правѣе въ лѣсъ и взявъ съ собою четыре орудія съ 12 ракетными станками, онъ въ карьеръ пронесся съ ними къ своему полку и, выскочивъ изъ-за праваго фланга, разомъ пустилъ огонь вдоль непріятельскаго завала. Чеченцы совершенно смѣшались. Въ эту минуту казаки услыхали знакомый голосъ: впередъ! — и напрягая послѣднія силы, кинулись въ дротики. Черезъ нѣсколько минутъ князь Барятинскій, слѣдившій за битвою, увидѣлъ черный Баклановскій значекъ, развѣвавшійся уже надъ непріятельскими окопами.

Переправа черезъ Мичикъ была открыта.

Когда послѣднія повозки изъ отряда князя Барятинскаго переправились и стали подниматься на Качкалыковскій хребетъ, Баклановъ получилъ приказаніе принять начальство надъ арьергардомъ, оставленнымъ на лѣвомъ берегу Мичика и удерживать позицію, какъ можно долѣе, чтобы дать возможность всему обозу отойти въ Куринское.

Задача была нелегкая. — Правда, къ казачьему полку, стоявшему въ завалахъ, прибавили еще шесть баталіоновъ пѣхоты и 24 орудія, но силы эти были ничтожны въ сравненіи съ тѣми массами, которыми располагалъ непріятель, имѣвшій на своей сторонѣ всѣ выгоды мѣстности. Позиція, занятая Баклановымъ, опиралась лѣвымъ флангомъ своимъ на завалы, отнятые у горцевъ, но имѣла то неудобство, что передъ фронтомъ ея, ближе чѣмъ на хорошій пушечный выстрѣлъ, разстилался дремучій лѣсъ, наполненный чеченцами, а въ тылу находились обрывистые берега Мичика. Горцы сторожили изъ лѣса каждое движеніе отряда и при первомъ шагѣ назадъ готовились обрушиться на него всею своею массою. Вдобавокъ, удалявшаяся пѣхота князя Барятинскаго зажгла береговыя батареи, и пожаръ, освѣтившій темную ночь, обнаружилъ непріятелю всѣ силы. Отступать въ такомъ положеніи нелегко вездѣ, а на Кавказѣ это подвигъ, потому что при отступленіи нѣтъ болѣе опаснаго врага, какъ горцы.

Понимая опасность своего положенія, Баклановъ собралъ къ себѣ всѣхъ ротныхъ командировъ и предупредилъ ихъ, что никакого сигнала для отступленія не будетъ, но что по его командѣ: всѣ налѣво кругомъ! — люди, прекративъ огонь, и не ожидая ничьихъ приказаній, должны бѣжать на переправу, „кто шибче,“ не заботясь ни о порядкѣ, ни о томъ, будутъ или не будутъ преслѣдовать ихъ горцы.

«Я понималъ ту страшную отвѣтственность, которую принималъ на себя—разсказываетъ Яковъ Петровичъ:—но рисковалъ, потому что другаго выхода изъ моего положенія не было. Если бы я только вздумалъ отступать такъ, какъ отступали обыкновенно у насъ на Кавказѣ, то чеченцы задавили бы меня своею массою, и мнѣ не удалось бы перевести черезъ Мичикъ болѣе половины отряда. При моемъ же способѣ я могъ не потерять ни одного человѣка.

Рисковать, стало быть, было надо, тѣмъ болѣе, что подъ моимъ начальствомъ собраны были лучшіе баталіоны Кавказа *), съ которыми можно было предпринимать и дѣлать все, что угодно.

Итакъ, приказанія розданы были всѣмъ частнымъ начальникамъ. Затѣмъ, когда горѣвшія батареи при помощи особыхъ командъ были потушены, казачій полкъ съ четырьмя орудіями первый перешелъ Мичикъ и занялъ позицію на высокомъ холмѣ, который командовалъ противоположнымъ берегомъ. Вся остальная артиллерія, оставшаяся по эту сторону рѣки, расположилась надъ спускомъ къ Мичику, а пѣхота, выдвинутая нѣсколько впередъ, залегла въ кустарникѣ—подъ небольшою покатостью, которая впослѣдствіи доставила ей отличное закрытіе отъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Скоро началась перестрѣлка. Непріятель, заслышавъ шумъ на переправѣ, открылъ ружейный огонь и вызвалъ съ нашей стороны сильную кононаду, которая, не прерываясь, гремѣла въ продолженіе двухъ съ половиною часовъ. Вдругъ со стороны чеченцевъ изъ лѣса послышались какіе-то странные, заунывные звуки. Это мюриды запѣли свою предсмертную пѣсню,—знакъ, что они готовились броситься въ шашки. Медлить болѣе нельзя было ни минуты. По командѣ Бакланова вся кавалерія, повернувъ налѣво-кругомъ, въ карьеръ перенеслась черезъ Мичикъ и, снявшись на противоположномъ берегу съ передковъ, зарядила орудія картечью. Когда ординарецъ доложилъ объ этомъ Бакланову, онъ крикнулъ: „всѣ налѣво кругомъ!“ — и по этому условному сигналу все прекратило огонь, все повернуло назадъ и разомъ со всѣхъ концовъ хлынуло на переправу.

Въ первую минуту тишина, мгновенно наступившая за грохотомъ ружейной перестрѣлки, совершенно ошеломила чеченцевъ, но скоро, разгадавъ въ чемъ дѣло, они съ пронзительнымъ гикомъ кинулись догонять бѣгущихъ. Это была минута, отъ которой зависѣла участь цѣлаго отряда. Чеченцы уже достигали берега, гдѣ столпилась масса нашихъ солдатъ, въ безпорядкѣ перебѣгавшихъ Мичикъ,—какъ вдругъ орудія, незамѣченныя горцами, дали убійственный залпъ, а картечь какъ варомъ обдала непріятеля. Гиканье мгновенно прекратилось. Когда же разсѣялся

*) Это были баталіоны: Куринскаго, Кабардинскаго и Эриванскаго полковъ.

дымъ, мы увидѣли, что тамъ, гдѣ былъ непріятель, лежали только груды убитыхъ, а все, что осталось живаго, въ паническомъ страхѣ бѣжало назадъ; но пушки грохотали за ними вслѣдъ, и картечь, сыпавшая градомъ, настигала бѣгущихъ.

По знаку, данному Баклановымъ, артиллерія смолкла, и отрядъ, оставивъ на переправѣ казачій полкъ, съ пѣснями и съ барабаннымъ боемъ двинулся въ Куринское. Баталіоны, столпившіеся въ кучу, разбирались и строились уже на походѣ. Въ Куринскомъ между тѣмъ никто не ложился спать, тамъ слышали страшную кононаду и, не зная въ чемъ дѣло, безпокоились за участь отряда. Когда Баклановъ, опередивъ войска, явился къ князю Барятинскому, онъ нашелъ его ходившимъ въ сильномъ волненіи взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Дѣдъ! *) гдѣ отрядъ? — были первыя слова князя.

— Идетъ въ Куринское, отвѣчалъ Баклановъ.

Князь Барятинскій перекрестился.

— А потеря большая, спросилъ онъ, помолчавъ нѣсколько времени.

— Ни одного человѣка, отвѣчалъ Баклановъ.

Князь Барятинскій подошелъ и обнялъ Якова Петровича.

Если такъ дешево обошлось для насъ отступленіе, то нельзя сказать того же самаго про взятіе заваловъ, гдѣ одинъ Донской № 17 полкъ, по словамъ Якова Петровича, потерялъ до 80 человѣкъ, выбывшихъ изъ строя. Особенно была чувствительна въ полку потеря храбраго Банникова, смерть котораго произвела на всѣхъ грустное впечатлѣніе. Надо сказать, что за нѣсколько дней передъ этимъ Банниковъ получилъ предписаніе отправиться на правый флангъ и принять въ свое завѣдываніе одинъ изъ казачьихъ полковъ, оставшихся безъ командира. Дружескіе проводы задержали его на Карасинскомъ посту, а между тѣмъ подошла экспедиція, и Банниковъ, по приглашенію Якова Петровича, рѣшился принять въ ней участіе, разсчитывая получить за это чинъ подполковника и остаться командиромъ того полка, который ѣхалъ принимать временно. Надежды его не исполнились. Впереди другихъ понесся онъ на завалы; но, не доскакавъ до нихъ, палъ, какъ мы сказали, пораженный смертельною пулею.

Остается сказать, что, выѣзжая изъ Куринскаго, Барятинскій, по просьбѣ полковника Бакланова, оставилъ въ его распоряженіи одиннадцать ротъ пѣхоты при семи орудіяхъ и два казачьихъ полка, съ которыми приступлено было немедленно къ устройству новой просѣки отъ Умаханъ-Юрты до рѣчки Гудермеса. Просѣка эта не имѣла особаго стратегическаго значенія для края, но была необходима намъ для нашихъ

*) Обыкновенное выраженіе князя Барятинскаго въ разговорѣ съ Яковомъ Петровичемъ.

частныхъ зимнихъ набѣговъ въ землю непокорныхъ чеченцевъ. Работы на просѣкѣ продолжались нѣсколько дней при слабыхъ перестрѣлкахъ съ непріятелемъ и окончилась 4-го марта, послѣ чего чеченскій отрядъ былъ окончательно распущенъ.

Получивъ извѣстіе о цѣломъ рядѣ блистательныхъ побѣдъ, одержанныхъ княземъ Барятинскимъ надъ огромнымъ скопищемъ горцевъ, лично предводимымъ Шамилемъ, главнокомандующій Отдѣльнаго Кавказскаго корпуса вошелъ съ представленіемъ о награжденіи князя Барятинскаго орденомъ св. великомученика и побѣдоносца Георгія 3 класса; но государь императоръ соизволилъ замѣнить эту награду производствомъ князя Барятинскаго въ чинъ генералъ-лейтенанта.

Что же касается полковника Бакланова, то вотъ въ какихъ выраженіяхъ выставлялъ заслуги его князь Воронцовъ въ письмѣ своемъ къ военному министру отъ 31-го марта 1852 года.

«Изъ представляемаго журнала зимнихъ военныхъ дѣйствій, — писалъ князь Воронцовъ,—Ваше Сіятельство изволите усмотрѣть, въ какой мѣрѣ и съ какою пользою способствовалъ движенію чеченскаго отряда командующій подвижнымъ резервомъ въ Куринскомъ укрѣпленіи командиръ Донскаго казачьяго № 17 полка полковникъ Баклановъ. Этотъ храбрый и опытный штабъ-офицеръ, перейдя съ пятью ротами пѣхоты, съ двумя орудіями и ввѣреннымъ ему казачьимъ полкомъ черезъ Качкалыковскій хребетъ, занялъ съ этою горстью аулъ Гурдали и совершенно неожиданно для горцевъ явился къ князю Барятинскому въ тотъ самый моментъ, когда онъ болѣе всего имѣлъ необходимость въ содѣйствіи его отряда, при проходѣ очень большаго и густаго лѣса. Потомъ, совершивъ трудную переправу черезъ Ганзаульскій оврагъ, онъ послѣ упорнаго боя взялъ мѣсто, назначенное для переправы нашихъ войскъ черезъ рѣку Мичикъ, и не только удержалъ позицію до конца переправы, но нанесъ притомъ совершенное пораженіе скопищамъ Шамиля. По окончаніи всего полковнику Бакланову поручено было командовать арьергардомъ, и тутъ онъ вновь показалъ всю свою хладнокровную распорядительность въ горячемъ бою, продолжавшемся до поздней ночи. Приписывая блистательное окончаніе своей экспедиціи содѣйствію полковника Бакланова, князь Барятинскій проситъ моего ходатайства о награжденіи его орденомъ св. Георгія 4 класса по 3-му пункту орденскаго статута.

Признавая съ своей стороны полковника Бакланова вполнѣ достойнымъ испрашиваемой награды, тѣмъ болѣе, что онъ давно извѣстенъ мнѣ за свою отвагу и предпріимчивость, соединенныя съ благоразуміемъ и распорядительностію, я обращаюсь къ Вашему Сіятельству съ просьбою представительствовать передъ Его Величествомъ о всемилостивѣйшемъ со-

изволенiи на передачу сего представленiя въ главную кавалерскую думу для обсужденiя подвиговъ полковника Бакланова.»

Дума, окончивъ свои засѣданiя, представила всеподданнѣйшiй докладъ, и 30 декабря 1852 года Бакланову пожалованъ былъ орденъ св. Георгiя 4 степени «за военные подвиги,» какъ сказано въ грамотѣ, оказанные имъ въ февралѣ 1852 года въ чеченскомъ отрядѣ при движенiи его отъ Аргуна черезъ Качкалыковскiй хребетъ въ Куринское.

Успѣхи, которыми ознаменовался зимнiй походъ князя Барятинскаго на лѣвомъ флангѣ, сильно поколебали въ странѣ влiянiе Шамиля. Многiе немирные аулы, чувствуя невозможность дальнѣйшаго сопротивленiя, громко изъявляли желанiе переселиться въ наши предѣлы и ждали для этого только благопрiятнаго случая. Кавказское начальство съ своей стороны спѣшило воспользоваться такимъ настроенiемъ горцевъ и обратилось къ нимъ съ прокломацiями, въ которыхъ именемъ монарха обѣщало переселенцамъ ненарушимость ихъ поземельныхъ правъ, религiи, обычаевъ, а въ будущемъ давало даже надежду, что имъ отведены будутъ опять тѣ самыя мѣста, которыя они покидали. Первыми отозвались на прокломацiи ближайшiе аулы мичиковцевъ, за которыми скоро послѣдовали и другiе. Вслѣдствiе этого въ непродолжительное время образовались поселенiя въ числѣ пяти тысячъ дворовъ, разбросанныя при разныхъ аулахъ и укрѣпленiяхъ.

Вотъ что разсказывали намъ, между прочимъ, о первомъ большомъ переселенiи чеченцевъ.

Когда отрядъ, рубившiй просѣку на Гудермесѣ, былъ распущенъ и партiи чеченцевъ разошлись по домамъ, жители Мазлыгашей и Гурдали—двухъ самыхъ влiятельныхъ мичиковскихъ ауловъ, отправили своихъ депутатовъ въ Грозную къ князю Барятинскому съ просьбою принять ихъ подъ свое покровительство. Князь Барятинскiй немедленно предписалъ полковнику Бакланову собрать отрядъ и, перейдя Мичикъ, вывести означенныхъ жителей въ наши предѣлы.

Баклановъ стянулъ войска съ ближайшихъ пунктовъ Кумыкской плоскости *) и на разсвѣтѣ 23 марта, спустившись къ Мичику, послалъ лазутчика сказать мазлыгашинцамъ, что онъ ожидаетъ ихъ на переправѣ, съ тѣмъ чтобы они прiискали сами возможность и средства оставить аулъ. Переходить Мичикъ Баклановъ не рѣшился, зная, что это повело бы за собою ожесточенную битву съ чеченцами. Впрочемъ, въ этомъ и не было надобности, потому что жители, предупрежденные о появленiи

*) Отрядъ состоялъ изъ Донскаго казачьяго № 17-го полка и 13 ротъ пѣхоты при шести орудiяхъ.

нашихъ войскъ на Мичикѣ, сами согнали скотъ и, забравъ имущество, явились къ намъ въ числѣ 285 душъ обоего пола.

Отправивъ впередъ переселенцевъ, войска начали отступать, стараясь пройти Качкалыковскій лѣсъ, прежде нежели тревога подниметъ на ноги окрестные аулы. Сперва чеченцы, собравшись въ небольшомъ числѣ, подъ предводительствомъ извѣстнаго наиба Гехи, дѣйствительно, преслѣдовали насъ слабо, и дѣло шло въ одномъ арьергардѣ; но по мѣрѣ того, какъ лѣсъ становился гуще и къ непріятелю подходили свѣжія силы, перестрѣлка распространялась и охватывала наши боковыя цѣпи. Черезъ полчаса весь лѣсъ гудѣлъ уже отъ безконечнаго гиканья, криковъ и выстрѣловъ. Бой въ особенности разгорался тамъ, гдѣ лѣсъ заросталъ молодымъ орѣшникомъ и представлялъ для насъ непреодолимыя препятствія. Картечь, обдававшая горцевъ, осаживала ихъ не надолго, и войскамъ приходилось отбиваться штыками и прикладами. Нѣкоторое время однако все шло благополучно,— какъ вдругъ на одномъ изгибѣ дороги лѣвая цѣпь, попавшая въ густой орѣшникъ, оторвалась отъ арьергарда и нарушила общій порядокъ. Въ ту же минуту чеченцы съ изумительнымъ проворствомъ кинулись въ этотъ промежутокъ и ворвались въ середину колонны, отхватили зарядный ящикъ, обрубивъ у лошадей постромки. Къ счастію, въ это самое время Баклановъ прискакалъ сюда изъ арьергарда. Не слѣзая съ коня, во главѣ кабардинской роты бросился онъ на непріятеля справа, приказавъ казачьему дивизіону ударить въ дротики слѣва. Въ одну минуту ворвавшіеся чеченцы были охвачены съ двухъ сторонъ и за свой короткій успѣхъ заплатили огромною потерей. Зарядный ящикъ былъ отбитъ назадъ и съ торжествомъ вынесенъ на рукахъ храбрыми кабардинцами. Послѣ этого непріятель не осмѣливался уже нападать такъ явно и только провожалъ войска ружейнымъ огнемъ, пока арьергардъ не выбрался наконецъ на поляну къ Куринскому. Бой, длившійся четыре часа, стоилъ нашему отряду трехъ офицеровъ и девяноста трехъ нижнихъ чиновъ, выбывшихъ изъ строя.

Возвратившись въ Куринское, полковникъ Баклановъ распустилъ отрядъ и прежде всего озаботился устройствомъ такого поселенія, которое могло бы обезпечить по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ главнѣйшія матеріальныя нужды переселенцевъ. Мѣсто для поселка выбрано было, согласно указаніямъ князя Барятинскаго, по сѣверному склону Качкалыковскаго хребта, верстахъ въ четырехъ отъ крѣпости, гдѣ находились горячіе источники. Поэтому и самый аулъ названъ былъ Исти-Су, что въ переводѣ означаетъ «горячая вода». Почва кругомъ аула была плодородная, способная для скотоводства, но множество овраговъ и балокъ, берущихъ начало въ лѣсу, покрывающемъ весь горный хребетъ, благопріятствовало скрытнымъ приближеніямъ партій и дѣлало по-

ложеніе аула не безопаснымъ. Поэтому при самомъ построеніи аула, въ видахъ обороны его отъ нападенія безпокойныхъ сосѣдей, нашли необходимымъ построить со стороны Качкалыковскихъ горъ значительный редутъ, а нѣсколько далѣе—сигнальную башню, вооруженную чугуннымъ орудіемъ. Это орудіе своими условными выстрѣлами извѣщало Куринское каждый разъ, какъ только появлялись чеченцы.

Надо было ожидать, что лѣто будетъ тревожное и что чеченцы не оставятъ въ покоѣ новаго поселка, который такъ неожиданно закрылъ ихъ партіямъ свободный доступъ въ наши предѣлы. Дѣйствительно, 4-го іюля частые пушечные выстрѣлы, раздавшіеся со стороны Качкалыковскихъ горъ, дали знать о нападеніи чеченцевъ.

Чтобы поспѣть въ Исти-Су своевременно, — разсказываетъ Яковъ Петровичъ,— надобно было идти съ одною кавалеріею. Пѣхота никогда не успѣвала бы предупредить проворную партію, и казакамъ приходилось день и ночь держать лошадей подъ сѣдлами. Я самъ не раздѣвался по суткамъ и требовалъ того же отъ всѣхъ моихъ сослуживцевъ. Поэтому при первомъ выстрѣлѣ, раздавшемся на башнѣ, дежурный дивизіонъ былъ уже на конѣ и въ полѣ. Мы поскакали напускомъ — кто шибче, думая только о томъ, какъ бы подоспѣть на выстрѣлы. Можно было бояться попасть на засаду, но къ счастію по обѣимъ сторонамъ дороги росла такая высокая и густая колючка, которая какъ сплошная стѣна предохраняла насъ отъ нападенія. Къ тому же непосредственно за мною слѣдовали всегда или другой дивизіонъ казачьяго полка, или баталіонъ пѣхоты, которые охраняли насъ съ тылу. При этомъ условіи бояться было нечего, и казаки, дѣйствительно, налетали, какъ снѣгъ на голову. Четыре раза отважныя партіи бросались къ Исти-Су, чтобы отнять у жителей скотъ, и четыре раза жители вмѣстѣ съ казаками прогоняли чеченцевъ.

На пятый разъ, 16 іюня, тревога произошла въ окрестностяхъ Герзель-Аула и подняла на ноги большую часть резервовъ Кумыкской плоскости. Въ этотъ день оказія, слѣдовавшая изъ Хасавъ-Юрта, ночевала въ Герзель-Аулѣ и поутру выступила оттуда въ Куринское. Выступила, она, какъ надо полагать, безъ должной осторожности. День былъ знойный. Казаки, распустивъ поводья, ѣхали кучками вокругъ арбъ и по краямъ дороги, не помышляя о горцахъ, — какъ вдругъ изъ одной лѣсистой балки выскочила партія и, сдѣлавъ залпъ, кинулась въ шашки. Рота встрѣтила нападающихъ ружейнымъ огнемъ и, въ свою очередь, попала подъ огонь привезеннаго горцами орудія. Началась кононада, а между тѣмъ показались конные резервы, скакавшіе во весь опоръ со стороны Герзель-Аула и Куринскаго прямо наперерѣзъ чеченцамъ. Горцы

во-время замѣтили опасность и скрылись такъ быстро, что казаки успѣли настигнуть только хвостъ уходившей партіи.

Такимъ образомъ цѣлый рядъ нападеній, предпринятыхъ горцами, не увѣнчался успѣхомъ, а на этихъ нападеніяхъ они основывали большія надежды. Нѣкоторые лазутчики, являвшіеся къ Бакланову, разсказывали ему, что многія враждебныя намъ племена готовы были послѣдовать примѣру мичиковскаго общества, но подозрительные наибы Чечни, предвидя эти намѣренія, взяли у нихъ аманатовъ и, не довольствуясь тѣмъ, ѣздили къ Шамилю, съ просьбою прибыть въ Чечню, чтобы своимъ присутствіемъ удержать колеблющійся народъ въ повиновеніи. Шамиль, дѣйствительно, пріѣзжалъ весною и, убѣдившись въ положеніи дѣлъ, вытребовалъ изъ Дагестана тавлинцевъ, которые по его приказанію перерѣзали наши просѣки глубокими канавами, будто бы для того, чтобы укрыть за ними посѣвы, но въ сущности съ цѣлью затруднить переселенія. Съ другой стороны, Шамиль поселилъ на мѣстѣ бывшаго аула Гурдали самыхъ враждебныхъ намъ своихъ приверженцевъ, которые воскресили воинственный духъ между мичиковцами. Всѣ набѣги, дѣлаемые въ послѣднее время къ низовьямъ Сунжи, на Исти-Су и на Кумыкскую плоскость, были дѣломъ этого населенія.

Опасаясь лишиться всѣхъ плодовъ, которые въ нравственномъ отношеніи доставила намъ зимняя экспедиція, князь Барятинскій рѣшился однимъ ударомъ уничтожить замыслы Шамиля и выбралъ для того время, когда хлѣбъ и сѣно чеченцевъ находились еще неубранными, разсчитывая,— съ одной стороны уничтожить запасы, съ другой — раззорить до основанія самый аулъ Гурдали.

Понятно, что для подобнаго рода дѣйствій на Кавказской линіи самое удобное время представляла зима, когда лѣса обнажались отъ листвы, и сборъ непріятельскихъ партій дѣлался затруднительнымъ; но дожидаться этого времени значило давать непріятелю средства усилиться, а потому князь Барятинскій, не принимая въ соображеніе тѣ лѣсные походы, которые получили на Кавказѣ такую всеобщую извѣстность, рѣшился во что бы то ни стало привести въ исполненіе свой планъ. Съ этою цѣлью онъ тотчасъ сосредоточилъ войска въ три отдѣльные самостоятельные отряда. Первый изъ нихъ, подъ личнымъ его предводительствомъ, выступилъ изъ Грозной въ долину Джалки; другой, подъ начальствомъ флигель-адъютанта князя Воронцова, изъ Воздвиженскаго къ Аргуну и третій, съ полковникомъ Баклановымъ, изъ укрѣпленія Куринскаго къ Гурдали-Юрту.

Такъ какъ сохранить въ тайнѣ всѣ приготовленія къ экспедиціи было невозможно, то надо было по крайней мѣрѣ стараться скрыть са-

мую минуту выступленія. Поэтому войска сосредоточились въ Куринскомъ только вечеромъ 10 августа, а въ полночь, быстро пройдя Качкалыковскій лѣсъ, окружили Гурдали. Аулъ захваченъ былъ въ совершенномъ расплохѣ, и войска, ворвавшіяся въ него, имѣли жаркое дѣло. Только 52 человѣка, не считая дѣтей и женщинъ, сдались военно-плѣнными, остальные предпочли геройскую смерть и пали среди разрушенныхъ и обгорѣлыхъ саклей.

Въ это время сильная партія чеченцевъ, подъ предводительствомъ извѣстнаго наиба Гехи, стояла въ Бачи-Юртѣ, еще не зная, куда направятся наши удары.

Теперь же, при первыхъ выстрѣлахъ, раздавшихся въ Гурдали, вся масса ихъ хлынула въ Качкалыковскій лѣсъ и отрѣзала намъ путь отступленія. Уже разсвѣло совершенно, когда войска, докончивъ истребленіе аула, начали отступать въ Куринское. Они отходили буквально окруженные наѣздниками какъ пчелами, у которыхъ, по выраженію одного кавказца, раззорили улей. Но это было ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что насъ ожидало впереди, когда показался густой, непроходимый боръ, заросшій исполинскими деревьями въ нѣсколько обхватовъ толщиною. Здѣсь каждое дерево, каждый камень и кустъ грозили засадою и смертью. Подходя къ этому страшному лѣсу, цѣпь остановилась и сблизилась съ резервами. Потомъ въ авангардъ вступили орудія и нѣсколькими картечными залпами очистили опушку. Чеченцы скрылись, — но только что войска вступили въ лѣсъ, какъ разомъ затрещалъ батальный огонь, и пули градомъ посыпались на насъ изъ гущи лиственнаго свода, съ вершинъ деревьевъ, изъ-за кустовъ орѣшника—отовсюду, гдѣ только можно было укрыться человѣку. Наступила минута, когда отрядъ, окруженный со всѣхъ сторонъ, долженъ былъ идти на-проломъ, чтобы спасти знамена. Орудія, выѣхавшія на цѣпь, стрѣляли по всѣмъ направленіямъ; картечь валила цѣлыя вереницы чеченцевъ, но на мѣста однихъ являлись другіе, и безконечное гиканье бросающихся въ шашки чеченцевъ не умолкало ни на одну минуту. Были минуты, когда ружейный огонь съ обѣихъ сторонъ прекращался на четверть часа, и въ эти четверть часа слышались только ожесточенные крики людей. Съ нашей стороны работали штыки и приклады, а со стороны чеченцевъ кинжалы и шашки. Одно орудіе, находившееся въ арьергардѣ, переходило изъ рукъ въ руки нѣсколько разъ, и только послѣ огромной потери въ людяхъ окончательно осталось за нами.

Въ этомъ бою, продолжавшемся болѣе шести часовъ, всѣ раненые были вынесены, но до двадцати убитыхъ осталось въ рукахъ непріятеля. На другой день тѣла ихъ привезены были самими горцами и вымѣнены

на находившихся у насъ въ плѣну дѣтей и женщинъ. Съ нашей стороны потеря была весьма значительная: убито два оберъ-офицера и 45 нижнихъ чиновъ, ранены—1 штабъ-офицеръ, 10 оберъ-офицеровъ и 254 нижнихъ чина.

«Бой при отступленіи отъ Гурдали въ Куринское — пишетъ князь Барятинскій въ своемъ донесеніи: былъ одинъ изъ самыхъ ужасныхъ, какіе рѣдко бывали на Кавказѣ. За то погромъ Гурдали-Юрта еще разъ показалъ чеченцамъ, что всѣ препятствія, противопоставляемыя природой и самымъ мужествомъ не могутъ остановить нашего солдата».

«Совокупные наши набѣги—продолжаетъ князь Барятинскій: можно сказать положительно, сдѣлали то, что въ предстоящую зиму Шамиль не можетъ собрать въ Чечню тавлинскую кавалерію, потому что нечѣмъ будетъ ее продовольствовать. Пѣшіе же тавлинцы, не привыкшіе воевать на плоскости и въ лѣсахъ и въ прошедшую зиму испытавшіе ужасный погромъ на Шалинской полянѣ, не могутъ быть для насъ слишкомъ опасными. Если же тавлинцы вовсе перестанутъ ходить въ Чечню, то Шамиль наврядъ-ли рѣшится оставаться между колеблющимися чеченцами, которые, какъ мнѣ извѣстно, ожидаютъ благопріятной минуты, чтобы изъявить покорность».

Сообщая объ этомъ военному министру для всеподданнѣйшаго доклада, князь Воронцовъ писалъ, между прочимъ слѣдующее:

«Успѣхъ, сопровождавшій всѣ дѣйствія нашихъ войскъ, былъ совершенный и достигнутъ въ колоннахъ князя Барятинскаго и сына (князя Воронцова) съ ничтожною потерею, въ сравненіи съ пріобрѣтенными результатами; но я боюсь, чтобы государь не нашелъ, что дѣйствія полковника Бакланова стоили намъ черезъ-чуръ дорого и не поставилъ бы сего въ вину этому отличному штабъ-офицеру. Въ этомъ случаѣ, по важности военныхъ операцій на Мичикѣ, я долженъ брать отвѣтственность на одного себя, ибо если потеря Бакланова въ отличномъ военномъ дѣлѣ и была значительна, то надобно сознаться, что онъ болѣе всѣхъ принесъ намъ и пользы. Деревня Гурдали, лежащая въ долинѣ Мичика, имѣла въ Чечнѣ громадное значеніе какъ по воинственности своего народонаселенія, такъ и по своей крѣпкой, почти неприступной позиціи на мѣстности, одной изъ труднѣйшихъ на цѣломъ Кавказѣ. Совершенное уничтоженіе ея вмѣстѣ съ жителями смѣлою атакою Бакланова будетъ имѣть большое нравственное вліяніе и много будетъ содѣйствовать успѣху зимней экспедиціи.»

Государь императоръ милостиво принялъ ходатайство князя Воронцова, и высочайшимъ приказомъ 1 октября 1852 года полковникъ Баклановъ за отличіе въ дѣлахъ противъ горцевъ произведенъ въ ге-

нералъ-маіоры съ оставленіемъ командиромъ Донскаго казачьяго № 17 полка.

Такъ окончились двѣ главнѣйшія экспедиціи 1852 года, положившія, можно сказать, начало будущему покоренію чеченцевъ. Въ этомъ главнокомандующій убѣдился лично, когда въ исходѣ августа мѣсяца, посѣтивъ лѣвый флангъ, осмотрѣлъ работы, начавшіяся здѣсь съ 1849 года, и по широкой просѣкѣ проѣхалъ отъ укрѣпленія Воздвиженскаго за рѣку Бассъ до самаго Герменчука такими мѣстами, которыя до того времени считались непроходимыми. Все, что видѣлъ здѣсь князь Воронцовъ, свидѣтельствовало ему о неимовѣрныхъ трудностяхъ, переносимыхъ кавказскими войсками и въ лѣтній зной, и въ зимній холодъ, и въ сырую, нездоровую осень. Доблестный старецъ, одинъ изъ лучшихъ представителей нашей славы, былъ тронутъ до глубины души. Онъ выстроилъ войска на правомъ берегу Шавдонки, возлѣ высокаго кургана, и, снявъ фуражку, именемъ царя благодарилъ ихъ за все, что ими сдѣлано. Полки проходили мимо церемоніальнымъ маршемъ, и тутъ же устроена была церемонная раздача георгіевскихъ крестовъ нижнимъ чинамъ, наиболѣе отличившимся въ послѣднихъ экспедиціяхъ. Громкое единодушное «ура,» громъ салютаціонной пальбы артиллеріи и безконечные ружейные залпы далеко разносились по враждебнымъ горамъ и возвѣстили чеченцамъ, что мы торжествуемъ близкое пріобрѣтеніе этого края.

Дѣйствительно, переселеніе чеченцевъ принимаетъ съ этихъ поръ огромные размѣры; но такъ какъ они не хотѣли селиться въ Кумыкскихъ владѣніяхъ, гдѣ поземельная собственность находилась почти исключительно въ рукахъ привиллегированнаго сословія, то начальникъ лѣваго фланга нашелъ удобнымъ отвести для ихъ поселенія земли, принадлежавшія нѣкогда качкалыковскимъ чеченцамъ и оставшіяся пустыми послѣ возстанія 1840 года. Эти земли представляли трехъ-угольное пространство между рѣкою Терекомъ и Качкалыковскимъ хребтомъ, заключавшее въ себѣ болѣе 30,000 десятинъ. По недостатку же воды на этой мѣстности разрѣшено было возобновить канаву изъ рѣки Аксая и направить болѣе вверхъ теченіе рѣчки Гудермеса, возложивъ работы на самихъ переселенцевъ, подъ прикрытіемъ нашего войска.

Расходы по работамъ были исчислены въ 6,000 рублей, и князь Воронцовъ, приказавъ приступить къ нимъ немедленно, въ томъ предположеніи, что многіе мичиковцы желали переселиться къ намъ съ наступленіемъ осени, другіе же не позже будущей весны,—поручилъ прикрытіе работъ генералу Бакланову. Горцы пытались тревожить наши войска, и даже поставили орудіе, изъ котораго стрѣляли по рабочимъ, однако Баклановъ скоро заставилъ партію укрыться въ Качкалыковскія

горы. Тогда чеченцы внезапно бросились на Исти-Су и отогнали скотъ, принадлежавшій жителямъ; но быстрое прибытіе Бакланова съ казаками заставило ихъ бросить добычу и спасаться бѣгствомъ; а спустя нѣсколько дней, Баклановъ самъ переправился за Сунжу между Умаханъ-Юртомъ и Тепли-Кичу, отбилъ чеченскія стада и возвратился безъ потери.

Этимъ окончились военныя дѣйствія въ 1852 году со стороны Куринскаго укрѣпленія.

XI.

Съ наступленіемъ новаго, 1853 года, войска лѣваго фланга начали сосредоточиваться для зимней экспедиціи въ двухъ пунктахъ: въ Грозной, подъ личнымъ предводительствомъ князя Барятинскаго, и въ укрѣпленіи Куринскомъ, подъ командою Якова Петровича,—этого «bête noire» горцевъ лѣваго фланга, какъ выразился про него въ своихъ запискахъ одинъ изъ участниковъ этой экспедиціи.

Цѣль предстоящаго движенія заключалась въ томъ, чтобы занять берега Мичика и вырубить нѣсколько новыхъ просѣкъ, долженствовавшихъ соединить передовую Кумыкскую линію съ нѣкоторыми пунктами Большой Чечни, гдѣ продолжало гнѣздиться значительное, враждебное намъ населеніе.

Горцы давно уже были въ сборѣ, а между тѣмъ князь Барятинскій все еще медлилъ начать наступательныя дѣйствія. Онъ зналъ, что скопище терпитъ большую нужду въ продовольствіи, зналъ, что продовольствія имъ получить негдѣ, такъ какъ значительное количество хлѣба и сѣна истреблено было нами въ минувшій лѣтній походъ, что затрудненія поэтому прогрессивно пойдутъ увеличиваться съ каждымъ днемъ и что остается, слѣдовательно, терпѣливо ожидать благопріятной минуты, когда между чеченцами и дагестанцами возникнутъ распри изъ-за куска насущнаго хлѣба. Поэтому онъ только 27 января выступилъ съ отрядомъ изъ Грозной, а 29 утромъ расположился лагеремъ въ окрестностяхъ Куринскаго укрѣпленія, гдѣ, такимъ образомъ, сосредоточилось 11 баталіоновъ пѣхоты, 11 сотенъ казаковъ, два дивизіона драгунъ и 32 орудія. Яковъ Петровичъ вступилъ въ командованіе всею кавалеріею.

На слѣдующее утро князь Барятинскій, въ сопровожденіи Бакланова, лично осмотрѣлъ непріятельскую позицію и, убѣдившись въ ея неприступности со стороны Куринскаго, рѣшился избрать другую дорогу для наступленія, именно по Гассанъ-Винскому ущелью. Въ тотъ же день

войска произвели рекогносцировку новаго пути и приступили къ его разработкѣ; а для того, чтобы отвлечь вниманіе горцевъ, Яковъ Петровичъ произвелъ нѣсколько успѣшныхъ демонстрацій на Мичикѣ. Во время одной изъ нихъ, 6 февраля, когда съ обѣихъ сторонъ гремѣла сильная канонада, войска наши, снявшись съ позиціи, быстро прошли по Гассанъ-Винскому ущелью и, такимъ образомъ, безъ выстрѣла заняли малодоступныя Хоби-Шавдонскія высоты.

Теперь оставалось штурмовать самый Мичикъ.

11 февраля произведена была усиленная рекогносцировка береговъ этой рѣки, подъ прикрытіемъ всей кавалеріи, которая, спустившись подъ начальствомъ генерала Бакланова, съ Хоби-Шавдонскихъ высотъ, подошла на картечный выстрѣлъ къ непріятельской позиціи и открыла сильный огонь изъ орудій по аулу Гурдали-Юрту. Рекогносцировка показала князю Барятинскому, что удобнѣйшій путь для переправы, не смотря на труднодоступную мѣстность и на то, что дороги къ нему были испорчены горцами, находится именно здѣсь, и что ключь непріятельской позиціи составляетъ мысъ, образуемый сліяніемъ Гонзолки съ Мичикомъ, на которомъ горцы собрались въ значительномъ числѣ и поставили батарею, чтобы поражать атакующія колонны анфиладнымъ огнемъ изъ орудій.

Мичикъ здѣсь не широкъ, но протекаетъ въ обрывистыхъ берегахъ и притомъ въ глубинѣ, болѣе чѣмъ на десятъ саженъ. Спуститься съ этой кручи подъ огнемъ непріятеля и затѣмъ штурмовать отвѣсный противоположный берегъ было дѣломъ рискованнымъ. Къ тому же переправу сторожили двадцать тысячъ горцевъ, прибывшихъ съ Шамилемъ, и десять орудій, грозно смотрѣвшихъ съ батарей, хорошо прикрытыхъ фашинами и земляными насыпями. Кромѣ Шамиля при скопищѣ находился сынъ его Кази-Магометъ и Даніэль-Бекъ — Елисуйскій султанъ, что давало поводъ предполагать силы горцевъ гораздо сильнѣйшими. У насъ опредѣляли эти силы въ 12 тысячъ пѣхоты и 8 тысячъ кавалеріи; но самые лучшіе лазутчики, не имѣвшіе ни привычки, ни надобности увеличивать число непріятеля, утверждали, что 20 тысячъ было только съ Шамилемъ и что другія 20 тысячъ прибыли съ Кази-Магомою и Даніэль-султаномъ.

Вечеромъ 16 февраля,—разсказываетъ Баклановъ,—я былъ неожиданно позванъ къ князю Барятинскому, и между нами произошелъ слѣдующій разговоръ.

— Дѣдъ! сказалъ мнѣ Барятинскій: здѣсь намъ не перейти черезъ Мичикъ. Хорошо если мы, потерявъ тысячу людей, овладѣемъ переправою; но что будетъ тогда, когда мы потеряемъ больше, и все таки воз-

вратимся назадъ безъ успѣха... Ты хорошо знаешь здѣшнюю мѣстность, нельзя-ли сдѣлать обходъ, чтобы атаковать позицію съ фланга?

— На это я ничего не могу отвѣчать теперь: дайте мнѣ время, по крайней мѣрѣ два дня, и тогда я обстоятельно доложу вамъ то, что узнаю.

— Нѣтъ! время не терпитъ: хочу знать непремѣнно сегодня же, а съ разсвѣтомъ ты, дѣдъ, долженъ уже выйти изъ лагеря.

Дѣлать было нечего, и я, возвратившись назадъ, приказалъ позвать къ себѣ Скопина, знаменитаго начальника моей пластунской команды.

— Помнишь-ли ты, Скопинъ, — спросилъ я у него: то мѣсто на Мичикѣ, куда мы ѣздили съ тобою вдвоемъ еще въ началѣ 46 года?

Скопинъ, немного подумавъ, отвѣчалъ утвердительно.—Помню, сказалъ онъ: это мѣсто будетъ отсюда не ближе 15 верстъ; тамъ еще на самомъ берегу Мичика лежитъ большая, вросшая въ землю скала, на которой ваше превосходительство тогда отдыхали.

— Такъ. Садись же сейчасъ на коня и поѣзжай на это самое мѣсто, осмотри тамъ переправу,— и чтобы къ свѣту я непремѣнно зналъ обо всѣхъ подробностяхъ.

Скопинъ отвѣчалъ мнѣ: «слушаю» и попросилъ только позволенія взять съ собою Шапошникова, своего земляка и товарища.

Черезъ десять минутъ оба они подъѣхали къ моей палаткѣ сказать что готовы въ дорогу.

— Ну, во святой часъ! Исполните — спасибо, не исполните — живымъ назадъ не возвращаться!

Была уже ночь, когда Скопинъ и Шапошниковъ, одѣтые чеченцами, выѣхали изъ лагеря подъ предлогомъ заложить секретъ за нашею сторожевою цѣпью. Чтобы исполнить порученіе, имъ нужно было сдѣлать въ теченіе ночи больше тридцати пяти верстъ и сдѣлать ихъ безъ дороги, по дремучему лѣсу, который былъ наполненъ чеченцами. Но двое нашихъ молодцовъ не думали объ опасности. Къ счастью, собственная смѣтка, да вѣтеръ, гудѣвшій по лѣсу и заглушавшій топотъ копытъ, дали имъ возможность счастливо избѣгнуть встрѣчи съ чеченскими разъѣздами. Въ полночь они были уже на Мичикѣ, возлѣ знакомаго камня, и къ свѣту возвратились въ лагерь съ извѣстіемъ, что переправа есть и что она не наблюдается горцами, которые, по всей вѣроятности, и не подозрѣвали даже существованія этого брода. Спускъ къ рѣкѣ, по словамъ Скопина, былъ отлогій, но подъемъ на противоположный берегъ оканчивался такою кручею, которая была недоступна для артиллеріи, тѣмъ болѣе, что вся заросла густыми кустами орѣшника.

— А сколько надобно времени, чтобы срыть эту кручу и вырубить орѣшникъ? спросилъ ихъ Баклановъ.

— Четверть часа, много—двадцать минутъ! отвѣчали оба.

— Хорошо. Отдохните и никому ни слова о томъ, гдѣ вы были,— сказалъ имъ Яковъ Петровичъ и поспѣшилъ съ отвѣтомъ къ Барятинскому.

«Лагерь — разсказываетъ Яковъ Петровичъ: спалъ глубочайшимъ сномъ; но въ палаткѣ князя горѣли свѣчи. — Я позвонилъ и былъ немедленно принятъ.

— Ну, что? съ какими вѣстями? берешься?—спросилъ меня Барятинскій.

— Берусь, но попрошу позволенія выступить немедленно.

— Съ Богомъ, дѣдъ! помни: теперь отъ тебя будетъ зависѣть успѣхъ и неудача всей экспедиціи. Сколько тебѣ нужно войска?

— Я возьму съ собою два полка казаковъ, дивизіонъ драгунъ, три баталіона пѣхоты и восемь орудій.

— Хорошо. Затѣмъ, раздвинувъ полы палатки, Барятинскій показалъ мнѣ рукою на синѣющійся за Мичикомъ лѣсъ и спросилъ:

— Въ которомъ часу ты будешь на этомъ мѣстѣ?

Я отвѣчалъ ему: въ полдень. Но помните, если, паче всякаго чаянія, движеніе мое будетъ открыто, и вы услышите страшную канонаду въ лѣсу—не посылайте ко мнѣ на выручку ни одного человѣка. Всякая помощь будетъ уже безполезна. Та мѣстность, по которой я поведу отрядъ, такова, что всякое подкрѣпленіе только безполезно увеличитъ наши потери.»

Какъ ни старались въ лагерѣ скрыть выступленіе войскъ, однакоже извѣстіе объ этомъ скоро облетѣло весь станъ. „Баклановъ пошелъ— непремѣнно штурмъ будетъ"—толковали между собою солдаты.

Пользуясь густымъ предразсвѣтнымъ туманомъ, отрядъ Якова Петровича сдѣлалъ обходное движеніе по сѣверо-восточному склону Качкалыковскаго хребта, прошелъ мимо Куринскаго укрѣпленія и затѣмъ, повернувъ лѣвымъ плечомъ, втянулся въ сплошные лѣса, разстилавшіеся вплоть до самаго Мичика. Въ этой экспедиціи Баклановъ сосредоточилъ, такъ сказать, всѣ свои блистательныя военныя способности. Онъ чувствовалъ, что отъ него зависитъ спасеніе края, честь русскаго оружія,— а разъ принявшись за дѣло, съумѣлъ довести его до конца безъ колебаній, съ тою рѣшимостью, которая соотвѣтствовала серьезности и важности самой минуты. Весь рискъ предпріятія заключался въ движеніи по лѣсу, гдѣ горцы имѣли полную возможность поставить нашъ отрядъ въ такое положеніе, которое было испытано нами въ Даргинской, Ичкеринской и тому подобныхъ, кровавыхъ экспедиціяхъ, донынѣ сохраняющихся въ памяти старыхъ кавказцевъ. Солдаты инстинктивно это почувствовали, какъ только очутились въ глухомъ, бездорожномъ лѣсу, посреди

непроницаемой тьмы, препятствовавшей видѣть предметы на самомъ близкомъ отъ насъ разстояніи. Довѣрчиво и съ любовію — говоритъ одинъ очевидецъ—смотрѣли однакоже солдаты на своего командира, котораго нравственная сила и популярность были такъ велики, что заставляли людей охотно вѣрить тому, что онъ заговоренъ отъ смерти и знаетъ заговоръ противъ всякой вражеской силы.

Колонна прошла уже половину пути, какъ началъ брезжить первый утренній свѣтъ, и сквозь прозрачныя, быстро поднимавшіяся кверху волны тумана обрисовались неподвижные, строго очерченные силуэты далекихъ горъ. Вотъ показался и Мичикъ. Высланная впередъ учебная сотня съ саперною казачьею командою живо вырубила орѣшникъ, срыла кручь и устроила свободный проходъ для артиллеріи. Въ ту же минуту пронесся черезъ рѣчку черный значекъ Бакланова. Главная опасность уже миновала, оставалось перейти только одинъ болотистый ручей; но здѣсь одно изъ орудій, сорвавшись какъ-то съ рукъ поддерживавшихъ его солдатъ, рухнуло въ тину и загрузло, такъ что никакія усилія не могли его сдвинуть съ мѣста. Доложили объ этомъ Бакланову. Слегка поморщился Яковъ Петровичъ, предвидя, что переправа можетъ затянуться надолго, но тѣмъ не менѣе, въѣхавъ въ ручей, онъ соскочилъ съ коня и, стоя по поясъ въ водѣ, схватился рукою за хоботъ орудія. Солдаты, увлеченные его примѣромъ, столпились кругомъ и загрузнувшая пушка разомъ выхвачена была ими на берегъ.

Переправивъ отрядъ, Баклановъ съ конницею пошелъ на рысяхъ, приказавъ пѣхотѣ слѣдовать за собою форсированнымъ маршемъ. Вдали, по направленію къ аулу Гурдали-Юрту, гремѣла уже артиллерія и слышалась трескотня ружейной перестрѣлки. Это Барятинскій, спустившійся съ Хоби-Шавдонскихъ высотъ, старался отвлечь вниманіе горцевъ отъ нашего обходнаго движенія. Между тѣмъ солнце быстро поднималось на полдень, а вмѣстѣ съ тѣмъ приближалось и время, назначенное къ штурму мичиковскихъ заваловъ. Яковъ Петровичъ приказалъ ускорить движеніе,— и вотъ лѣсъ началъ рѣдѣть, показалась опушка, а за нею разстилалась уже роковая поляна, высились завалы и мелькали значки Шамилевыхъ мюридовъ. Остановивъ отрядъ, Баклановъ поѣхалъ впередъ — обозрѣть непріятельскую позицію и къ крайней досадѣ и огорченію увидѣлъ, что непріятельскія орудія, стоявшія обыкновенно по эту сторону Гонзолки, теперь перевезены въ редутъ и, слѣдовательно, находились внѣ всякой опасности отъ нашей атаки. Самые берега Гонзолки были такъ круты, что перейти черезъ нее на этой полянѣ было невозможно, а между тѣмъ обойти препятствіе значило потерять два-три часа, тогда какъ каждая минута была дорога для отряда. Обсудивъ все это, Баклановъ рѣшился ограничиться истребленіемъ только тѣхъ партій, которыя были по эту сторону

рѣчки, и затѣмъ уже, когда смятеніе и страхъ распространятся въ завалахъ, скакать вдоль по Гонзолкѣ къ извѣстному броду и тамъ стараться перехватить бѣгущее скопище. Съ этою мыслію Яковъ Петровичъ возвратился назадъ и приказалъ готовиться къ атакѣ.

Между тѣмъ главный отрядъ нашъ, спустившійся съ Хоби-Шавдонскихъ высотъ въ исходѣ 8 часа утра, завязалъ, какъ мы сказали, серьезное дѣло. 14 орудій неумолкаемымъ огнемъ громили Гурдали-Юртъ, находившійся въ центрѣ непріятельскаго расположенія.

Въ то же время пѣхота, выдвинутая изъ легеря и снабженная фашинникомъ и штурмовыми лѣстницами, стояла на-готовѣ, чтобы по первому сигналу спуститься въ Мичикъ и штурмовать его крутой противоположный берегъ. Наступилъ уже полдень, а между тѣмъ колонна Бакланова все еще не показывалась. Барятинскій въ нетерпѣливомъ ожиданіи смотрѣлъ на часы; наконецъ стрѣлка остановилась на половинѣ перваго. Въ эту минуту вдали, на томъ берегу Мичика, послышалось знакомое „ура“.—„Это Баклановъ!“ сказалъ Барятинскій,—и двинулъ войска къ переправѣ.

Нельзя передать словами тотъ паническій страхъ, который охватилъ непріятеля, когда изъ лѣса вдругъ выдвинулась масса нашей кавалеріи и вслѣдъ за своимъ безстрашнымъ начальникомъ устремилась къ заваламъ. Впереди всѣхъ несся страшный, черный значекъ, хорошо извѣстный каждому чеченцу. «Боклю, Боклю!» — раздалось въ толпахъ озадаченныхъ горцевъ, и все, что имѣло способность бѣжать — побѣжало. Въ одну минуту завалы опустѣли, и наша пѣхота почти безъ выстрѣла перешла черезъ Мичикъ. Вся слава и честь переправы безспорно принадлежали Бакланову.

Надо было видѣть—говоритъ очевидецъ—эту несущуюся лаву кавалеріи. Казалось, ничто не въ состояніи было выдержать ея удара и, дѣйствительно, она уничтожала все, что попадалось ей на пути и, проносясь черезъ сбитыхъ горцевъ, оставляла заботу докалывать ихъ бѣжавшимъ за нею баталіонамъ Куринскаго полка. — Паническій страхъ охватилъ непріятеля, и чеченцы, бросая оружіе, спѣшили догонять свои удиравшія съ поля брани орудія.—Издали казалось, что вотъ-вотъ кавалерія наша нагрянетъ и отрѣжетъ путь отступленія этимъ орудіямъ; но, къ удивленію всѣхъ, она вдругъ остановилась, круто повернула направо и, вытянувшись въ линію, начала постепенно скрываться изъ вида.

Причиною этого были крутые берега Гонзолки, о которыхъ мы говорили. И непріятель, и наши казаки мчались теперь на одной высотѣ отдѣленные другъ отъ друга непроходимымъ оврагомъ. Но вотъ кавалерія завернула лѣвымъ плечомъ, перескочила бродъ и, выстроившись, съ гикомъ понеслась въ атаку. Къ сожалѣнію, орудія и большая часть

чеченской кавалеріи въ это время уже проскакали, такъ что Яковъ Петровичъ успѣлъ отрѣзать только одинъ арьергардъ, который и палъ подъ ударами нашихъ казаковъ. Эске, одинъ изъ отважнѣйшихъ сподвижниковъ Шамиля, получилъ тяжелую рану и былъ оставленъ на мѣстѣ сраженія, что дало поводъ считать его даже убитымъ. Такимъ образомъ, занятіе неприступныхъ береговъ Мичика и пораженіе много-тысячнаго скопища, предводимаго лично Шамилемъ, стоило намъ двухъ офицеровъ и девяти нижнихъ чиновъ ранеными. Торжество въ отрядѣ было всеобщее. Да и было чему порадоваться—говоритъ очевидецъ: никто не воображалъ, чтобы этотъ день намъ стоилъ такъ дешево.

Разрушивъ главный завалъ съ помощью саперъ и гальванической роты, войска отведены были назадъ и заняли по-прежнему лагерь на Хоби-Шавдонскихъ высотахъ. На той сторонѣ Мичика для наблюденія за непріятелемъ и для прикрытія занятой нами позиціи оставленъ былъ особый отрядъ изъ двухъ баталіоновъ пѣхоты при двухъ орудіяхъ, который и сталъ въ самомъ углу, образуемомъ сліяніемъ Гонзолки и Мичика.

Ночь однакоже прошла совершенно спокойно. Въ лагерѣ, торжествовавшемъ побѣду, никто не ложился спать до зари, и въ каждомъ отдѣльномъ кружкѣ офицеровъ только и слышались, что оживленные толки о событіяхъ минувшаго дня. Повсюду гремѣло «ура,» повсюду раздавались лихія военныя пѣсни, и среди всѣхъ этихъ ликовавшихъ кружковъ — говоритъ очевидецъ — невольно повторялось каждымъ имя Бакланова; у всѣхъ врѣзалась въ памяти молодецкая атака кавалеріи съ несущимся впереди лихимъ начальникомъ; вездѣ предлагались тосты въ честь Якова Петровича, и при этомъ всѣ невольно проклинали Гонзолку—виновницу нашего неполнаго успѣха.

Князь Барятинскій, отдавая полную справедливость заслугамъ Бакланова, называлъ его «виновникомъ блистательной побѣды» и въ своемъ представленіи къ главнокомандующему ходатайствовалъ о награжденіи его орденомъ св. великомученика и побѣдоносца Георгія 3-го класса. Ходатайство это осталось однакоже безъ послѣдствій, и Якову Петровичу пожалованъ былъ впослѣдствіи только орденъ св. Станислава 1-й степени.

Занятіемъ береговъ Мичика цѣль нашей экспедиціи была достигнута; на слѣдующій день мы раззорили аулы: Аку-Юртъ, Большія и Малыя Гурдали, сдѣлали движеніе къ Мазлыгашамъ и, разрушивъ его, занялись рубкою просѣкъ и уничтоженіемъ береговыхъ заваловъ, тянувшихся на протяженіи семи верстъ и стоившихъ горцамъ болѣе нежели мѣсячной работы. Затѣмъ для рекогносцировки нашихъ новыхъ владѣній и вмѣстѣ съ тѣмъ для истребленія сосѣднихъ ауловъ: Денги-Юртъ

и Али-Юртъ съ прилегавшими къ нимъ хуторами, назначенъ былъ особый летучій отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Бакланова.

Отрядъ этотъ выступилъ изъ лагеря 25 февраля.

Пройдя послѣдній аулъ—разсказываетъ Яковъ Петровичъ:—я наткнулся на Шавдонъ, небольшой ручей сажени въ три шириною. Воды въ немъ было на четверть, но топь стояла такая, что нѣсколько смѣльчаковъ, сунувшихся въ него, загрузли съ конями и были едва спасены отъ неминуемой смерти. Пришлось хлопотать объ устройствѣ перекиднаго моста. По ту сторону Шавдона торчали срубленные пни—остатки бывшаго когда-то здѣсь дремучаго лѣса. За этими пнями скрывалась, какъ оказалось впослѣдствіи, партія абрековъ, давно уже слѣдившая за нашимъ отрядомъ. Занятый своими распоряженіями, я не обращалъ вниманія на то, что дѣлается кругомъ; а между тѣмъ изъ-за этихъ пней и колодъ десятки винтовокъ были наведены на меня. Я бы жестоко поплатился за свою неосторожность, если бы мой знаменитый Скопинъ былъ менѣе внимателенъ. Замѣтивъ опасность, онъ быстро выѣхалъ впередъ и заслонилъ меня своею честною, богатырскою грудью. Я не успѣлъ опомниться, какъ грянулъ залпъ нѣсколькихъ ружей, и Скопинъ, облитый кровью, обратился ко мнѣ со словами:

— Это готовилось вашему превосходительству. Будьте впередъ осторожнѣе: вы еще не разъ пригодитесь нашей матушкѣ-службѣ.

Пуля раздробила ему плечо. И я, и весь отрядъ были поражены великодушнымъ поступкомъ моего боеваго соратника. Это былъ примѣръ настоящей, заправской отваги и полнаго самопожертвованія. Скопинъ имѣлъ въ это время три знака отличія Военнаго Ордена и за спасеніе мнѣ жизни произведенъ былъ въ хорунжіе.

Уничтоженіемъ ауловъ Денги и Али-юртовъ окончились военныя дѣйствія чеченскаго отряда, и 9-го марта войска получили приказаніе возвратиться по своимъ квартирамъ.

Въ этотъ день поутру офицеры драгунскихъ дивизіоновъ зашли проститься съ своимъ любимымъ начальникомъ кавалеріи. Яковъ Петровичъ также собирался къ отъѣзду. На буркахъ и коврахъ, разостланныхъ на снѣгу, подъ чистымъ небомъ, разсѣлась честная компанія. Жжонка и шампанское полились рѣкою. Дивизіоны, совершенно готовые къ маршу, стояли въ сторонѣ, держа лошадей въ поводу, и та же завѣтная чарка обходила драгуновъ, которые пѣли про то, что

Нѣтъ, не грѣхъ имъ погулять,
Выпить чарочку, другую —
Лишь бы грудью постоять
За Царя и Русь святую!

Офицеры вторили пѣснѣ. Разговоры становились живѣе, одушевленнѣе. Наконецъ завязался споръ о смѣтливости и несмѣтливости на-

шего фронтоваго солдата. Баклановъ разумѣется стоялъ за казаковъ. „Нижегородцы—говорилъ онъ: — незамѣнимые въ массѣ, должны уступить казаку въ одиночномъ бою, гдѣ смѣтка и расторопность играютъ первую роль.» Офицеры не соглашались, приводя много примѣровъ изъ одиночныхъ схватокъ нижегородцевъ съ горцами. „А вотъ мы это испытаемъ“—сказалъ Баклановъ и, не вставая съ мѣста, крикнулъ: „Драгуны — садись!“ Драгуны, видя, что вся честная компанія далеко отъ того, чтобы подняться въ походъ, смѣтили желаніе храбраго начальника и, сѣвъ на землю, закурили трубки. Яковъ Петровичъ пришелъ въ восторгъ. «Я проигралъ пари,— геворитъ онъ—но былъ утѣшенъ находчивостію молодцовъ драгуновъ.» Онъ отослалъ имъ собственную чарку вина, офицеры прибавили свои,— и пиръ продолжался до самаго полудня. Наконецъ всѣ сѣли на коней и шумные, оживленные берега Мичика опустѣли надолго.

По возвращеніи въ Куринское, Яковъ Петровичъ 11 мая участвовалъ въ весьма удачной послѣдней стычкѣ съ партіею абрековъ, которая, возвращаясь отъ Амиръ-Аджи-Юрта, подъ предводительствомъ извѣстнаго наѣздника Трома, была настигнута имъ на рѣчкѣ Нефтянкѣ, близъ Исти-Су, и разбита на-голову. Замѣчательно, что это послѣднее дѣло произошло именно въ тотъ самый день, когда въ Петербургѣ состоялся высочайшій приказъ о новомъ служебномъ назначеніи Якова Петровича.

Надо сказать, что еще въ концѣ 1852 года князь Воронцовъ ходатайствовалъ о назначеніи Якова Петровича состоять въ своемъ распоряженіи по званію командира Отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, «для исполненія—какъ онъ выражался въ письмѣ къ военному министру — различныхъ венныхъ порученностей, которыя должны были дать болѣе широкую дѣятельность этому храброму, полезному и опытному генералу.»

Ходатайство это встрѣтило тогда затрудненіе, потому что въ числѣ генераловъ, положенныхъ состоять при войскахъ Отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, не было вакансій; но такъ какъ открытіе вакансіи скоро и не предвидѣлось, то князь Воронцовъ вошелъ со вторичнымъ представленіемъ, настойчиво ссылаясь на крайнюю необходимость имѣть при себѣ генерала, боевыя способности котораго онъ имѣлъ время узнать и оцѣнить въ продолженіе восьми-лѣтняго управленія своего Кавказомъ.»

«По докладу новаго ходатайства Вашего Государю Императору— писалъ ему на это военный министръ отъ 30 января 1853 года:—Его Величество соизволилъ допустить на этотъ разъ изъятіе собственно для генералъ-маіора Бакланова въ уваженіе его заслугъ и настоятельнаго Вашего о немъ ходатайства.»

Высочайшій приказъ объ этомъ назначеніи состоялся 11 мая 1853 года, а въ началѣ іюня Яковъ Петровичъ, сдавъ 17 полкъ войсковому старшинѣ Полякову—старому своему боевому соратнику, отправился въ Грозную. Здѣсь, въ заключеніе, не будетъ лишнимъ прибавить, что именно этотъ 17 полкъ Яковъ Петровичъ — какъ говоритъ составитель его некролога:—успѣлъ довести до такого состоянія въ боевомъ отношеніи, что онъ положительно не уступалъ не только линейцамъ, но вполнѣ могъ замѣнить и регулярную кавалерію. Надо было видѣть снаровку людей при исполненіи ими кордонной службы, надо было видѣть ихъ лихость въ бою и безстрашіе, чтобы понять, почему чеченцы издали привыкли узнавать этотъ полкъ и боялись его какъ огня.

Вездѣ—въ пылу сраженія, подъ непріятельскимъ огнемъ, въ смѣлой кавалерійской атакѣ съ шашкою на-голо хладнокровный и стремительный Яковъ Петровичъ разжигалъ сердца своихъ подчиненныхъ и непреодолимо увлекалъ ихъ по пути побѣды и славы. Духъ, положенный имъ въ основу полка и честная, богатырская служба казаковъ — вотъ лучшіе памятники, оставленные имъ по себѣ въ стѣнахъ Куринскаго укрѣпленія.

XII.

Въ концѣ 1853 года положеніе наше на Кавказѣ было весьма затруднительное. Турецкая война, отозвавшая на дальнія границы значительное число войскъ, обнажила линіи и заставила насъ ограничиваться болѣе наблюденіемъ за непріятелемъ, чѣмъ наступательными дѣйствіями. Вопросъ о покореніи Чечни, близившійся уже къ окончательному рѣшенію, опять отодвинулся на нѣсколько лѣтъ и могъ быть приведенъ въ исполненіе только спустя четыре года, когда войска освободились изъ Турціи.

Начальникъ лѣваго фланга Кавказской линіи генералъ-адъютантъ князь Барятинскій—назначенъ былъ начальникомъ главнаго штаба Кавказскаго корпуса и выѣхалъ изъ Грозной. Перемѣна начальника въ подобныя критическія минуты всегда болѣе или менѣе отзывается на краѣ, а потому съ понятнымъ нетерпѣніемъ всѣ ожидали рѣшенія вопроса: кто будетъ назначенъ? Къ счастію выборъ князя Воронцова остановился на лицѣ, пользовавшемся на Кавказѣ всеобщимъ уваженіемъ. Это былъ генералъ-маіоръ, баронъ Александръ Евстафьевичъ Врангель, стяжавшій впослѣдствіи такую громкую извѣстность своими дѣйствіями при покореніи Восточнаго Кавказа.

Начало турецкой войны разумѣется возродило въ душѣ Шамиля большія надежды и воспламенила уже угасавшій фанатизмъ чеченскихъ племенъ обѣщаніемъ помощи со стороны Хункара, предпринимавшаго войну, какъ говорили народу, для освобожденія кавказскихъ племенъ и для поддержанія въ нихъ исламизма.

Силы, которыя тогда находились въ распоряженіи новаго начальника лѣваго фланга, были ничтожны и не могли идти въ параллель съ тѣми обширными средствами, которыми располагалъ его противникъ. За исключеніемъ войскъ, спеціально предназначаемыхъ для обороны Кумык-

скихъ владѣній и за отдѣленіемъ двухъ баталіоновъ Куринскаго полка на Кавказско-Турецкую границу, пѣхота лѣваго фланга состояла всего изъ четырехъ дѣйствующихъ и четырехъ линейныхъ баталіоновъ, расположенныхъ по укрѣпленіямъ на Нижне-Сунженской и передовой Чеченской линіяхъ.

Послѣдняя изъ нихъ, заложенная въ Малой Чечнѣ, почти у подножія Черныхъ горъ, состояла изъ трехъ укрѣпленій: Воздвиженскаго, Ачхоевскаго и Урусъ-Мартанскаго, соединенныхъ между собою широкими просѣками. Прежде, до начала турецкой войны, въ каждомъ изъ этихъ укрѣпленій находились болѣе или менѣе сильные, подвижные резервы, которые могли дѣйствовать въ тылъ непріятельскимъ партіямъ, пробирающимся на Сунжу, а потому и держали въ рукахъ все непокорное, враждебное намъ населеніе, густо расположившееся въ лѣсахъ отдѣльными хуторами, или небольшими аулами. Теперь для охраны всей этой линіи на протяженіи нѣсколькихъ десятковъ верстъ помимо двухъ линейныхъ баталіоновъ, занятыхъ постоянною службою въ Ачхоѣ и Воздвиженской, — мы имѣли здѣсь только одинъ куринскій баталіонъ, который и долженъ былъ поспѣвать вездѣ, гдѣ только появлялась опасность.

Нижне-Сунженская линія находилась въ нѣсколько лучшихъ условіяхъ. Здѣсь кромѣ укрѣпленій—Заканъ-Юрта, Грозной, Тепли-Кичу, Умаханъ-Юрта и Горячеводска, находились еще поселенія 2-го Сунженскаго казачьяго полка *), которыя давали возможность занимать укрѣпленія однимъ линейнымъ баталіономъ, а другой—держать на сообщеніи Грозной съ Терскою линіею. Къ тому же въ самой Грозной, какъ въ центрѣ, гдѣ помѣщался штабъ командующаго войсками лѣваго фланга, собраны были въ видѣ подвижнаго резерва два баталіона куринцевъ и баталіонъ Кабардинскаго полка, притянутый сюда изъ Кумыкскихъ владѣній.

Кавалерія, подвѣдомственная начальнику лѣваго фланга, состояла изъ четырехъ полковъ Кавказскаго казачьяго линейнаго войска. Это были полки: Моздокскій, Гребенской, Кизлярскій и 2-й Сунженскій, тогда еще не вполнѣ устроенный и сформированный. Большинство ихъ однакоже занято было содержаніемъ обширныхъ кордоновъ, а потому и требовать ихъ въ экспедиціи большими частями было невозможно, особенно, если принять въ соображеніе тревожное положеніе станицъ по Сунжѣ и Тереку. Поэтому боевая служба въ отрядахъ возлагалась почти исключительно на одни донскіе казачьи полки, которые, за исключеніемъ неболь-

*) Это были станицы: Самашинская, Заканъ-Юртовская, Грозненская и Алханъ-Юртовская, изъ которыхъ въ послѣдней, какъ въ самой большой, помѣщалась полевая штабъ-квартира. Самый полкъ впредь до окончательнаго своего устройства былъ подчиненъ не атаману, а начальнику лѣваго фланга Кавказской линіи.

шихъ частей, раскинутыхъ по укрѣпленіямъ, оставались свободными и по мѣрѣ надобности могли сосредоточиваться въ болѣе или менѣе сильные кавалерійскіе резервы. Но такъ какъ изъ пяти полковъ, находившихся здѣсь на службѣ, три: 17, 18 и 36—стояли на Кумыкской плоскости, то въ непосредственномъ вѣдѣніи барона Врангеля оставались только два: 19 и 26, расположенные частью по Нижне-Сунженской, а частью по передовой Чеченской линіи. Къ этому числу кавалеріи слѣдуетъ добавить еще двѣ сотни Дунайскаго казачьяго войска и конную туземную милицію, которую мы могли собирать изъ кумыковъ и мирныхъ чеченцевъ, жившихъ подъ стѣнами нашихъ укрѣпленій.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда Яковъ Петровичъ Баклановъ, сдавъ командуемый имъ 17-й полкъ, прибылъ въ Грозную и былъ назначенъ начальникомъ всей кавалеріи лѣваго фланга Кавказской линіи.

Въ сущности съ званіемъ начальника кавалеріи не было сопряжено въ то время никакого опредѣленнаго служебнаго положенія. При немъ даже не было ни штаба, ни адъютанта *), и самая кавалерія подчинялась ему собственно только во время однѣхъ экспедицій, такъ что въ остальное время званіе это могло почитаться оффиціальнымъ титуломъ безъ всякихъ правъ и значенія.

Очевидно, что подобная роль не могла удовлетворить стремленіямъ Якова Петровича, и жажда болѣе широкой дѣятельности заставила его наконецъ хлопотать о переводѣ въ южную армію. Война на Дунаѣ, принимавшая тогда громадные размѣры, манила его къ себѣ и обѣщала дѣятельность, какую не могъ представить ему Кавказъ, который въ виду міроваго событія, долженъ былъ временно ограничиться только оборонительными дѣйствіями. Ничего не загадывая впередъ, Яковъ Петровичъ не разъ высказывалъ въ кругу своихъ собесѣдниковъ, что масса донскихъ казаковъ, находившаяся при южной арміи далеко не приносила той пользы, которую по стариннымъ заслугамъ донцовъ въ правѣ были отъ нея ожидать и требовать. Причина тому, по мнѣнію его, заключалась единственно въ недостаткѣ энергической власти, способной устранить тѣ злоупотребленія, которыя обыкновенно низводили донскіе полки на степень этапныхъ командъ, лишая ихъ возможности дѣйствовать въ полѣ, какъ дѣйствовали ихъ отцы и дѣды, озаренные вѣчною славою двѣнадцатаго года. Горчаковъ сознавалъ это самъ и принялся хлопотать о переводѣ къ себѣ Бакланова, но пока объ этомъ шла переписка, Яковъ

*) Князь Воронцовъ для занятія этой должности при генералъ-маіорѣ Баклановѣ предоставлялъ 13 линейнаго кавказскаго баталіона штабсъ-капитана Пистелькорса, съ переводомъ послѣдняго въ Кавказское линейное казачье войско; но въ назначеніи этомъ было отказано.

Петровичъ со всею энергіею, свойственною его кипучей натурѣ, принялся за дѣло, которое было у него подъ руками.

Надо сказать, что лѣто 1853 года было тревожное, и лазутчики поминутно извѣщали о сборѣ значительныхъ непріятельскихъ партій, намѣревавшихся сдѣлать нападеніе, но куда — этого положительно не было извѣстно. Съ большимъ трудомъ узнали только, что партія готовилась къ нападенію въ ночь на 28-е августа. Извѣстіе объ этомъ получено было наканунѣ, а потому собирать войска было некогда, и Баклановъ выступилъ изъ Грозной съ тѣмъ, что было у него подъ рукою, а именно съ сотней Гребенскаго полка при одномъ орудіи и съ пятью наскоро созванными сотнями грозненской милиціи.

Когда мы на самомъ свѣту переправились черезъ Сунжу—разсказываетъ Яковъ Петровичъ:—проводникъ чеченецъ показалъ мнѣ на одинъ разрушенный аулъ и сказалъ: — «это Алды, — а вонъ и мѣсто, гдѣ были перебиты ваши казачьи офицеры!»

Происшествіе это, дѣйствительно случившееся за нѣсколько мѣсяцевъ до описываемаго нами событія, было тогда еще въ свѣжей памяти у всѣхъ живущихъ на Сунженской линіи. Яковъ Петровичъ передаетъ объ этомъ слѣдующія подробности.

Однажды, въ теплый мартовскій день къ станицѣ Алханъ-Юртовской подъѣхали четыре горца и, сдѣлавъ залпъ изъ винтовокъ, убили солдата. Какъ-разъ въ это самое время изъ воротъ Алханъ-Юрта выѣзжала цѣлая компанія офицеровъ, гостившая въ станицѣ и теперь разъѣзжавшаяся по своимъ домамъ. Здѣсь были: станичный начальникъ есаулъ Баскаковъ, Сунженскаго полка два брата Старицкіе — одинъ подполковникъ, а другой — войсковой старшина, Моздокскаго полка есаулъ Дадымовъ и хорунжій Кисилевъ. Съ ними былъ конвой изъ 22 отборныхъ линейцевъ. Баскаковъ и Старицкіе — какъ говоритъ Баклановъ — принадлежали къ разряду тѣхъ казаковъ, для которыхъ опасность составляетъ потребность и главную поэзію ихъ жизни, поэтому увидѣть горцевъ и броситься за ними въ погоню—для нихъ было дѣломъ одной минуты. Къ сожалѣнію, на этотъ разъ желаніе во что бы то ни стало нагнать и наказать чеченцевъ увлекло ихъ за предѣлы всякаго благоразумія. Во весь карьеръ проскакали они пятнадцать верстъ; но здѣсь, у бывшаго аула Алдовъ, ихъ ожидала засада; храбрецы наши мгновенно окруженные многочисленнымъ скопищемъ и послѣ геройской обороны, были перебиты всѣ до послѣдняго человѣка.

Миновавъ этотъ аулъ и поднявшись въ гору, Яковъ Петровичъ рѣшился остановиться, такъ какъ Алдинскія высоты составляли центральный пунктъ между крѣпостями Грозной, Воздвиженской и укрѣпленіями Урусъ-Мартаномъ и Заканъ-Юртомъ. Отсюда конный отрядъ нашъ могъ

съ одинаковымъ удобствомъ броситься на непріятельскую партію у какого бы она изъ этихъ пунктовъ не появилась.

Дѣйствительно, едва наша конница успѣла разсѣдлать часть своихъ лошадей, какъ сильный ружейный огонь въ сторонѣ Воздвиженской поднялъ всѣхъ на ноги. Баклановъ, скомандовавъ: «на-конь!» — во главѣ отряда понесся на выстрѣлы, и менѣе нежели въ два часа проскакавъ разстояніе въ 25 верстъ, явился на берегу Аргуна въ ту самую минуту, когда непріятель готовился торжествовать побѣду.

Оказалось, что партія, приблизившись къ Воздвиженской крѣпости, бросилась на мирный аулъ Атаги. Командовавшій войсками въ крѣпости полковникъ Ляшенко, наскоро собравъ полусотню донскихъ казаковъ, 50 конныхъ атагинцевъ и двѣ слабыя роты Куринскаго полка, пустился съ ними преслѣдовать партію, отнявшую у жителей почти весь скотъ и быстро уходившую къ переправѣ черезъ Аргунъ у Большаго Ченень. Послѣ нѣсколькихъ безуспѣшныхъ попытокъ остановить непріятеля, Ляшенкѣ удалось наконецъ съ одною кавалеріею отрѣзать ему переправу; но эта горсть сама очутилась въ критическомъ положеніи, такъ какъ непріятель, замѣтивъ ея малочисленность, вознамѣрился покончить съ нею однимъ рѣшительнымъ ударомъ. Къ счастію въ эту самую минуту Баклановъ съ сотнею Гребенскаго полка налетѣлъ на горцевъ.

Тогда, въ свою очередь, охваченный съ обѣихъ сторонъ и угрожаемый конечнымъ истребленіемъ непріятель, покинувъ добычу, началъ кидаться въ Аргунъ прямо съ обрывистаго берега, но уйти отъ смерти удалось немногимъ, такъ какъ подоспѣвшіе куринцы разсыпали цѣпь и долго еще провожали бѣжавшихъ мѣткими ружейными выстрѣлами. Съ нашей стороны убито при этомъ четыре атагинскихъ всадника, ранено 15 казаковъ и выбыло 22 лошади; зато въ рукахъ гребенцовъ осталось 15 изрубленныхъ тѣлъ и богатая добыча лошадьми и оружіемъ.

Необыкновенная быстрота, съ которою Яковъ Петровичъ совершилъ свое движеніе съ Алдинскихъ высотъ, вѣрность его военнаго взгляда и совершенное знаніе имъ образа дѣйствія горцевъ доставили намъ блистательный успѣхъ, вырвавъ изъ рукъ непріятеля побѣду и добычу. Чеченцы почувствовали скоро, какого неугомоннаго врага послалъ имъ Аллахъ,— и имя Бакланова грозою пронеслось по отдаленнымъ ауламъ Чечни.

Такимъ образомъ, неудача, испытанная чеченцами при нападеніи на Атаги и пораженіе затѣмъ партіи ихъ на Аргунѣ, имѣли ближайшимъ слѣдствіемъ то, что цѣлая осень прошла спокойно. Только зимою, въ началѣ декабря мѣсяца, наибы и представители отъ всѣхъ племенъ, подвластныхъ Шамилю, опять съѣзжались въ Ведень для совѣщанія объ открытіи рѣшительныхъ военныхъ дѣйствій противъ лѣваго фланга. Со-

вѣщанія длились болѣе двухъ недѣль и изъ повсемѣстно отданныхъ чеченцамъ приказаній быть въ постоянной готовности къ сбору, можно было заключить, что военныя дѣйствія должны были открыться въ весьма непродолжительномъ времени.

Вмѣстѣ съ этимъ рѣшеніемъ совѣта Талгику,—одному изъ извѣстныхъ наибовъ Большой Чечни—приказано было озаботиться заселеніемъ разрушенныхъ ауловъ въ Ханкальскомъ ущельѣ, занятіе котораго Шамиль считалъ совершенно необходимымъ для будущихъ военныхъ дѣйствій.

Ханкальское ущелье лежитъ въ семи верстахъ отъ Грозной, между рѣками Аргуномъ и Гойтою. Это двѣ отдѣльныя высокія горы, которыя образуютъ между собою тѣснину, извѣстную подъ именемъ Ханкальскаго ущелья. И горы, и тѣснина покрыты были сплошными дремучими лѣсами, которые издавна служили притономъ всѣхъ хищническихъ партій, собирающихся противъ Сунжи. Важность тѣхъ мѣстъ, которыя занимали аулы въ Ханкальскомъ ущельѣ, была оцѣнена еще прежнимъ начальникомъ лѣваго фланга княземъ Барятинскимъ, который въ концѣ 1852 года уничтожилъ эти аулы, а семейства чеченцевъ переселилъ на плоскость. Теперь, съ выступленіемъ части войскъ въ Азіатскую Турцію, Шамиль, считая, что средства, оставшіяся на лѣвомъ флангѣ, недостаточны для того, чтобы воспрепятствовать его замысламъ, убѣдилъ чеченцевъ воспользоваться этимъ временемъ и возобновить разрушенные аулы.

Получивъ извѣстіе о приготовленіяхъ непріятеля, Врангель счелъ лучшимъ средствомъ вырубить лѣсъ по всему протяженію Ханкальскаго склона, особенно со стороны Аргуна, и, такимъ образомъ, проложить удобную дорогу ко всѣмъ тѣмъ мѣстамъ, на которыхъ чеченцы думали вновь поселиться.

Вырубка лѣса поручена была Якову Петровичу, отрядъ котораго, составленный изъ батальона пѣхоты, трехъ сунженскихъ сотенъ, своднаго Донскаго казачьяго полка и двухъ конныхъ орудій, на разсвѣтѣ 18 декабря занялъ Ханкальскую гору. Непріятель, никакъ неожидавшій подобнаго движенія и не зная о цѣли его, только къ полудню сталъ показываться отдѣльными небольшими партіями, которыя оставались однако же на томъ берегу Аргуна. Между тѣмъ наши войска безпрепятственно продолжали вырубку лѣса и къ вечеру безъ выстрѣла возвратились въ Грозную.

Только теперь, по осмотрѣ на мѣстѣ нашихъ работъ, чеченцы догадались въ чемъ дѣло и рѣшились упорно защищать Ханкальское ущелье; но при первой попыткѣ помѣшать работамъ, Яковъ Петровичъ напомнилъ имъ о себѣ такимъ ужаснымъ разгромомъ, что, по словамъ самихъ чеченцевъ, они отъ стыда и огромности потерь не рѣшались нѣсколько дней являться въ свои аулы.

Это славное дѣло произошло 19 декабря 1853 года.

Наканунѣ вечеромъ, едва Яковъ Петровичъ возвратился въ Грозную, какъ прискакалъ лазутчикъ съ извѣстіемъ, что Талгикъ объявилъ на утро поголовный сборъ во всѣхъ аулахъ своего наибства и что Шамиль, къ которому онъ отправилъ донесеніе о нашихъ работахъ, немедленно отрядилъ на помощь къ нему первую, случившуюся подъ руками партію тавлинцевъ. Общее сборное мѣсто этимъ отрядамъ назначено было на Джалкѣ.

Вслѣдствіе этихъ извѣстій, утромъ 19 числа колонна генералъ-маіора Бакланова выступила къ Ханкальскому ущелью, усиленная еще небольшимъ отрядомъ изъ Воздвиженской крѣпости, который, въ составѣ нѣскольких ротъ Куринскаго полка, трехъ сотенъ донцовъ и четырехъ пѣшихъ орудій, долженъ былъ прибыть туда подъ командою полковника Ляшенки. Въ 10 часовъ утра пріѣхалъ на Ханкальскую гору и самъ начальникъ лѣваго фланга генералъ-маіоръ баронъ Врангель.

На пути получены были имъ новыя свѣдѣнія, что партіи чеченцевъ уже остановились на Джалкѣ и только ожидаютъ прибытія тавлинцевъ, чтобы атаковать Ханкальское ущелье, или броситься на одно изъ нашихъ укрѣпленій. Талгику предоставлено было въ этомъ случаѣ дѣйствовать совершенно свободно съ однимъ непремѣннымъ условіемъ—не допустить нашихъ войскъ до занятія тѣхъ мѣстъ, которыя предназначались имамомъ для поселенія новыхъ ауловъ.

Между тѣмъ съ прибытіемъ войскъ изъ Воздвиженской, вырубка лѣса пошла еще быстрѣе, чѣмъ наканунѣ. Однакоже совершенное отсутствіе непріятеля и неизвѣстность о его намѣреніяхъ тревожили всѣхъ. Стали наконецъ опасаться нападенія на наши предѣлы. Врангель предполагалъ не безъ основанія, что сборъ непріятеля въ такихъ значительныхъ силахъ не можетъ долго оставаться въ бездѣйствіи и что вѣроятно онъ скоро появится на Сунжѣ, или въ другомъ мѣстѣ около нашей линіи. Баклановъ былъ того же самаго мнѣнія. Поэтому въ полдень рѣшились прекратить работы и отодвинуться къ Грозной, откуда удобнѣе можно было подать помощь тому или другому угрожаемому пункту. Но не успѣлъ еще отрядъ нашъ тронуться съ мѣста, какъ частые пушечные выстрѣлы съ башни Старо-Юртовскаго аула, а потомъ изъ укрѣпленія Тепли-Кичу, показали, что на одно изъ этихъ мѣстъ произведено нападеніе, но на которое — угадать было трудно, тѣмъ болѣе, что туманъ, бывшій весь этотъ день, не позволялъ ничего различать даже на близкомъ разстояніи. Къ этимъ пушечнымъ выстрѣламъ скоро прибавились новые, гремѣвшіе со стороны Чартугаевской переправы.

По первымъ выстрѣламъ сводный Донской казачій полкъ и двѣ сотни сунженцевъ, подъ командою Якова Петровича, въ карьеръ понес-

лись прямо къ Тепли-Кичу. Четыре сотни линейцевъ, подъ командою подполковника Товбича, скакали нѣсколько лѣвѣе, съ тѣмъ чтобы, смотря по надобности, присоединиться къ Бакланову или къ колоннѣ барона Врангеля, которая двинулась на Чартугаевскій аулъ, гдѣ также, судя по выстрѣламъ, можно было ожидать переправы сильнаго непріятеля. Наконецъ вся остальная пѣхота съ орудіями форсированнымъ маршемъ была направлена въ Грозную, откуда должна была идти къ Старому Юрту, или замѣнить собою въ Грозной тѣ части, которыя уже вышли оттуда на помощь къ атакованнымъ жителямъ.

Между тѣмъ обстоятельства скоро выяснили намъ дѣйствія непріятеля. Талгикъ съ разсвѣтомъ этого дня дѣйствительно хотѣлъ занять Ханкальскую гору, но предупрежденный нашими войсками, остановился, такъ какъ ему приходилось переправляться черезъ Аргунъ почти на нашихъ глазахъ, а это онъ почиталъ неудобнымъ, тѣмъ болѣе, что въ этихъ мѣстахъ берега Аргуна почти отвѣсны и не ниже десяти съ половиною саженъ. Къ тому же, въ случаѣ неудачной попытки, овладѣть горою мы имѣли возможность отрѣзать ему ближайшую и единственно удобную переправу у Большаго Чеченъ. По этому поводу у Талгика начались совѣщанія съ другими наибами, а между тѣмъ пока они шли, партія остановилась на Джалкѣ и въ нерѣшимости простояла здѣсь до 8 часовъ утра. Въ это время прискакали сюда два горца съ извѣстіемъ, что у Чартугаевской переправы находится для рубки дровъ слабая колонна изъ двухъ ротъ 11 кавказскаго линейнаго баталіона при одномъ орудіи. Тогда вся партія, простиравшаяся свыше двухъ тысячъ пѣшихъ и конныхъ чеченцевъ, двинулась къ Чартугаю. Нападеніе произведено было неожиданное, и чеченцы, прорвавъ нашу слабую цѣпь, не только захватили нѣсколько повозокъ, быковъ и плѣнныхъ, но даже со всѣхъ сторонъ атаковали орудіе. Къ счастію мѣткій картечный выстрѣлъ отбросилъ ихъ назадъ, а между тѣмъ по тревогѣ подоспѣла изъ Горячеводскаго укрѣпленія еще одна рота и другое орудіе. Талгикъ во-время увидѣлъ подкрѣпленіе и, полагая его, какъ думаютъ, гораздо сильнѣе, чѣмъ оно было на самомъ дѣлѣ, а, можетъ быть, просто, удовольствовавшись пріобрѣтенною добычею, повернулъ назадъ и, перейдя безъ всякой помѣхи на правую сторону Сунжи, потянулся къ Аргуну, гдѣ думалъ переправиться у Устаръ-Гордоя.

Въ это самое время къ Устаръ-Гордою же, только съ другой стороны его, отъ Ханкальскаго ущелья быстро приближался Баклановъ. Привѣтливо свѣтило зимнее кавказское солнце, разсѣявъ наконецъ туманъ, съ утра висѣвшій надъ землею тяжелою свинцовою завѣсою; легкій морозецъ пріятно освѣжалъ усталые члены. Непріятель, довольный добычею, двигался сплошными лѣсами, покрывавшими правый берегъ

Сунжи, и потому считалъ себя въ совершенной безопасности. До Гордоя оставалось двѣ-три версты, но тутъ начиналась поляна, на которой и казаки, и горцы очутились почти одновременно. Не давая непріятелю времени опомниться, Баклановъ тотчасъ повелъ на него лихую атаку... Сотня за сотнею въ карьеръ выносились изъ лѣса, быстро развертывали фронтъ и съ гикомъ какъ ураганъ летѣли на растерявшихся и въ конецъ ошеломленныхъ чеченцевъ. Въ одну минуту непріятель былъ смятъ, опрокинутъ и искалъ спасенія въ бѣгствѣ. Небольшая часть его бросилась къ Сунжѣ, а остальные и конные и пѣшіе, смѣшавшись въ одну толпу, спѣшили укрыться въ лѣсахъ за топкимъ болотистымъ ручьемъ, который пересѣкалъ поляну.

«Еще ни разу не удавалось и свѣжей непріятельской партіи удачно отступить передъ Баклановымъ,—писалъ въ своемъ донесеніи Врангель:— теперь же трупы ихъ въ одну минуту покрыли всю поляну отъ аула Гордоя вплоть до Шавдонки.»

Здѣсь, за этимъ болотнымъ ручьемъ, Талгикъ именемъ вѣры заклиналъ чеченцевъ остановиться, чтобы дать отпоръ насѣдавшимъ казакамъ. Онъ успѣлъ собрать вокругъ себя около трехъ-сотъ отважныхъ мюридовъ, которые спѣшились и, положивъ на присошки ружья, въ грозномъ молчаніи выжидали казачью атаку. Видъ былъ настолько внушителенъ, что переднія сотни дѣйствительно смѣшались... Но вотъ несется Баклановъ, и по его завѣтному кличу: Съ Богомъ, впередъ!—офицеры первые бросаются въ топкій ручей, за ними несутся казаки.... Залпъ изъ трехъ-сотъ винтовокъ, на разстояніи тридцати пяти шаговъ встрѣчаетъ храбрыхъ; но не успѣлъ разсѣяться дымъ, а ураганъ стремительной и бурной атаки уже налетѣлъ на горцевъ...

Въ минуту происшедшей здѣсь рукопашной свалки старшій сынъ Якова Петровича получилъ тяжелую рану и былъ оставленъ на мѣстѣ сраженія *). Когда это случилось, Баклановъ не видѣлъ, потому что былъ въ другой сторонѣ,—и вдругъ совершенно неожиданно наткнулся на командира казачьяго полка полковника Ежова, который стоялъ пѣшкомъ и плакалъ.

— Что это значитъ? спросилъ у него Баклановъ.

— Развѣ не видите въ крови вашего храбраго сына? отвѣчалъ ему Ежовъ.

— Такъ что же? — возразилъ на это Баклановъ: — палъ молодецъ казакъ, оттого что былъ впереди,—а вы по какому праву остались надъ

*) Николай Яковлевичъ, служившій тогда въ чинѣ хорунжаго. Онъ поднятъ былъ послѣ дѣла и на носилкахъ изъ пикъ перенесенъ въ Грозную, гдѣ около года пролежалъ безъ движенія.

однимъ, когда восемьсотъ сыновъ вашего полка, быть можетъ, въ эту самую минуту требуютъ вашей помощи и не видятъ васъ передъ собою!.. На-конь—и къ полку!..

Грозно сверкнувшая шашка заставила храбрѣйшаго изъ храбрыхъ полковника тотчасъ же исполнить приказаніе. За нимъ во главѣ резерва пронесся Баклановъ. Онъ опасался, что впереди, въ лѣсахъ, могутъ оказаться еще свѣжія силы горцевъ, которыя вырвутъ у него побѣду, и потому спѣшилъ довершить пораженіе.

Но эти опасенія были совершенно напрасны. Лѣсъ, вѣрнѣйшее убѣжище чеченцевъ, на этотъ разъ только задерживалъ ихъ поспѣшное бѣгство; они толпами гибли въ немъ подъ ударами казаковъ и устлали своими трупами пространство до самаго Аргуна, гдѣ остатки партіи разсѣялись, такъ что преслѣдовать ихъ дальше было уже безполезно.

Прибывшіе ночью лазутчики говорили, что вѣсть о пораженіи партіи навела на всю Чечню такое уныніе, что даже семейства убитыхъ не рѣшались идти на мѣсто этого побоища отыскивать тѣла погибшихъ родственниковъ. Талгикъ, еще поутру гордо говорившій своимъ приближеннымъ, что каждый мюридъ привезетъ съ собою двѣ русскія головы, — теперь скрывался въ лѣсу, не смѣя показаться въ аулѣ. Чеченцы, по показаніямъ лазутчиковъ, сами боялись опредѣлить въ точности свою потерю: такъ она поразила ихъ своею огромностію. Изъ числа самыхъ замѣчательныхъ лицъ, извѣстныхъ своею храбростію, погибли мюриды: Даутъ-Гаджи и Гази. Въ нашихъ рукахъ осталось болѣе ста пятидесяти тѣлъ съ оружіемъ, множество лошадей и вся добыча, взятая горцами у Чартугая.

Въ отрядѣ Якова Петровича убиты были два казака, ранены: хорунжій Баклановъ и 12 нижнихъ чиновъ, лошадей выбыло болѣе шестидесяти.

„Осмѣливаюсь обратить вниманіе Вашей Свѣтлости,—писалъ генералъ-маіоръ, баронъ Врангель въ своемъ донесеніи князю Воронцову: — на главнаго виновника этого дѣла, генералъ-маіора Бакланова. Хладнокровіе, распорядительность и личное мужество его, незнающее ни преградъ, ни препятствій, — давно уже извѣстны и достойно оцѣнены Вашею Свѣтлостію. 19 числа всѣ качества эти проявились самымъ блистательнымъ образомъ. Онъ первый угадалъ направленіе партіи, неутомимо скакалъ за нею на протяженіи 18 верстъ и въ критическую минуту, когда чеченцы, остановленные въ бѣгствѣ угрозами Талгика, за топкою и вязкою Шавдонкою готовились встрѣтить казаковъ убійственнымъ залпомъ почти въ упоръ, — достаточно было одного слова безстрашнаго начальника: „съ Богомъ! впередъ!“ — и всѣ отъ штабъ-офицера до послѣдняго казака ринулись, презирая явную смерть.“

„Довѣріе, — заканчиваетъ Врангель свое донесеніе, — которымъ пользуется генералъ Баклановъ во всѣхъ войскахъ лѣваго фланга — безгранично.

По ходатайству князя Воронцова, Якову Петровичу за отличія, оказанныя имъ въ послѣднемъ сраженіи, пожалована была 19 февраля 1854 года аренда по тысячи рублей серебромъ въ годъ на 12 лѣтъ.

XIII.

ачало 1854 года было еще тревожнѣе чѣмъ конецъ 53-го. По распоряженію Шамиля духовенство употребляло всѣ средства возбудить воинственный фанатизмъ непокорныхъ племенъ. Муллы съ Кораномъ въ рукахъ объѣзжали и ближніе, и дальніе аулы, благовѣствуя народу объ успѣхахъ турецкаго оружія, о слабости нашихъ военныхъ средствъ и о близости грознаго часа общей борьбы для сверженія ига невѣрныхъ.

7 и 8 февраля лазутчики постоянно давали знать, что на Мичикъ прибываютъ конныя партіи изъ разныхъ окрестныхъ племенъ. Въ ночь на 9 число получено было окончательное извѣстіе, что непріятель, оставивъ на Мичикѣ сильный резервъ на случай отступленія съ добычею, намѣренъ спуститься съ горъ двумя частями, изъ которыхъ одна пойдетъ между Куринскимъ и Герзель-Ауломъ, а другая — между Герзель-Ауломъ и Хасавъ-Юртомъ. Въ то же самое время не большая, но самая отважная и доброконная партія должна была броситься къ Амиръ-Аджи-Юрту, такъ чтобы тревога повсемѣстно охватила Кумыкскую плоскость и помѣшала нашимъ войскамъ сосредоточиться на томъ или другомъ пунктѣ. Главная цѣль этого набѣга, какъ говорили лазутчики, заключалась въ томъ, чтобы напасть на мирные аулы и силою оружія заставить ихъ отторгнуться отъ нашего владычества.

Съ Кумыкской плоскости требовали помощь, поэтому утромъ 9 числа Яковъ Петровичъ съ небольшимъ отрядомъ изъ кабардинскаго баталіона и своднаго Донскаго линейнаго казачьяго полка при двухъ орудіяхъ выступилъ изъ Грозной, намѣреваясь пробраться въ знакомыя мѣста къ Умаханъ-Юрту, чтобы дѣйствовать въ тылъ непріятельскому

скопищу. Быстрая молва о томъ, «что Баклановъ идетъ», опередила однакоже наши войска и распространила смятеніе и страхъ по всѣмъ окрестнымъ ауламъ. Когда войска прошли Тепли-Кичу, Баклановъ замѣтилъ по правую сторону Сунжи быстро приближавшуюся къ намъ массу кавалеріи. Судя по направленію, откуда явилась партія, можно было предположить, что это резервъ, оставленный горцами на Мичикѣ. Нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ разсѣяли однакоже чеченцевъ, а между тѣмъ Яковъ Петровичъ, наблюдавшій въ подзорную трубу, увидѣлъ, что новая, еще сильнѣйшая партія, стоявшая повидимому въ Качкалыковскихъ горахъ, въ карьеръ перенеслась обратно черезъ Мичикъ и скрылась за редутомъ. Затѣмъ со всѣхъ сторонъ начали показываться уже небольшія, отдѣльныя кучки всадниковъ, которыя также поспѣшно убирались за Мичикъ. Яковъ Петровичъ послалъ имъ въ догонку два, три ядра и возвратился въ Грозную, будучи увѣренъ, что потрясенное скопище соберется не скоро.

Такимъ образомъ первая попытка чеченскихъ наибовъ перейти къ наступленію была при самомъ началѣ разстроена искуснымъ движеніемъ Якова Петровича. Кумыкская плоскость вздохнула свободно, но не надолго.

27 февраля Шамиль съ огромною свитою лично прибылъ въ Чечню и, остановившись въ Гельдегенѣ, собралъ сюда наибовъ всѣхъ подвластныхъ ему племенъ для совѣщанія о планѣ будущихъ дѣйствій. Совѣщанія продолжались три дня и, наконецъ, по совѣту стараго Джамалъ-Эддина, рѣшено было съ первымъ подножнымъ кормомъ направить всѣ силы на лѣвый флангъ Кавказской линіи, откуда владычеству Шамиля угрожала наибольшая опасность. Военныя дѣйствія предположено было продолжать здѣсь до тѣхъ поръ, пока не очистятся отъ снѣга горныя дороги, а затѣмъ, разгромивъ что только будетъ возможно на нашихъ передовыхъ линіяхъ, перенести театръ войны въ нагорную часть Дагестана.

Шамиль одобрилъ этотъ планъ, но прежде чѣмъ приступить къ его исполненію, приказалъ наибамъ собрать самыя точныя и вѣрныя свѣдѣнія о числѣ и расположеніи нашихъ войскъ. Вслѣдствіе этого Талгикъ и Батаго — наибы большой Чечни и Аргунскаго ущелья, условились между собою собрать сильную партію въ 3500 человѣкъ и 5 марта открыто переправиться черезъ Сунжу.

Извѣстія объ этомъ получены были въ Грозной 3 марта вечеромъ, а ночью Яковъ Петровичъ былъ уже въ Тепли-Кичу, гдѣ получилъ извѣстіе, что партія въ шестьсотъ человѣкъ стоитъ на правой сторонѣ Аргуна, верстахъ въ пяти отъ укрѣпленія. Лазутчики, посланные туда на развѣдки, возвратились назадъ съ извѣстіемъ, что горцы стоятъ въ совершенномъ расплохѣ, такъ какъ опасаются, чтобы разъѣзды и дальніе

караулы не обнаружили заблаговременно ихъ сборовъ. Тогда Баклановъ рѣшился воспользоваться такимъ благопріятнымъ обстоятельствомъ и не откладывать атаки далѣе, такъ какъ силы непріятеля увеличивались съ каждымъ днемъ новыми толпами, подходившими изъ разныхъ ауловъ. Зная, что мѣстность отъ самаго Тепли-Кичу до Аргуна такова, что непріятелю трудно будетъ увидѣть приближеніе отряда, Яковъ Петровичъ оставилъ пѣхоту на Сунжѣ, чтобы на всякій случай имѣть въ своихъ рукахъ переправу, а самъ съ восемью казачьими сотнями быстро пошелъ на непріятеля.

Въ полдень казаки, переправляясь черезъ Аргунъ, были открыты чеченскимъ разъѣздомъ, который, замѣтивъ черный значекъ, понесся назадъ и крикомъ: „Боклю! Боклю!"—распространилъ всеобщее смятеніе. Крикъ этотъ подхватила вся партія, стоявшая на бивуакѣ, и, вскочивъ на коней, разсѣялась такъ быстро, что въ четверть часа равнина совершенно опустѣла, только на горизонтѣ виднѣлись уходившіе, одиночные всадники, которыхъ, разумѣется, преслѣдовать было уже безполезно.

Прошелъ послѣ этого день, и къ намъ опять явился новый лазутчикъ—извѣстный Салтаханъ-Губахановъ, который, рискуя жизнію, пробрался сквозь непріятельскіе ведеты. Онъ сообщилъ, что партія, стоявшая на Аргунѣ, окончательно разсѣялась, но что другая, собирающаяся на рѣчкѣ Тенгѣ, въ трехъ верстахъ отъ Урусъ-Мартана, намѣревается произвести 6 марта нападеніе на Алханъ-Юртовскую станицу.

Извѣстіе это получено было въ два часа ночи, а въ три — Баклановъ съ восемью казачьими сотнями и взводомъ конной артиллеріи рысью шелъ уже по дорогѣ къ Урусъ-Мартану. Здѣсь во время часоваго привала присоединилась къ нему еще сотня казаковъ, и Яковъ Петровичъ немедленно двинулся дальше, приказавъ подполковнику Барабашу съ баталіономъ Куринскаго полка и двумя орудіями, взятыми изъ укрѣпленія, слѣдовать за нимъ и стать какъ-разъ на половинѣ густаго орѣшника, который начинается тотчасъ же за раззореннымъ ауломъ Белготоемъ и тянется на протяженіи трехъ верстъ.

За этимъ кустарникомъ по лѣвому берегу Тенги лежала обширная поляна, окаймленная съ запада густыми вѣковыми лѣсами, съ юга — частыми кустами орѣшника, о которомъ мы говорили, а съ востока и сѣвера — крутыми берегами Тенги, недоступной въ этихъ мѣстахъ для переправы. Крѣпкая позиція тщательно была оберегаема горцами, а потому, какъ только голова нашей колонны показалась изъ-за кустовъ на поляну, непріятель встрѣтилъ ее сильнымъ ружейнымъ огнемъ; но сунженская сотня, подъ командою храбраго войсковаго старшины Федюшкина, безъ выстрѣла ринулась въ шашки. „Федюшкинъ—говоритъ Бак-

лановъ: а вслѣдъ за нимъ хорунжій Офреинъ * — первыми врубились въ непріятеля. Подъ обоими убиты были лошади и у обоихъ во многихъ мѣстахъ были прострѣлены и порублены черкески и шапки."

Между тѣмъ подъ прикрытіемъ этой атаки остальныя сотни, вышедшія изъ-за кустарника, развернулись вправо и, также не отвѣчая на выстрѣлы, безъ гика и ура кинулись въ пики. Длинная кавалерійская линія, вся объятая непроницаемымъ облакомъ пыли, нанеслась на непріятеля и охватила его такъ быстро, что въ одну минуту горцы были сбиты и оставили въ нашихъ рукахъ девятнадцать тѣлъ.

Увлеченная успѣхомъ конница наша по пятамъ преслѣдовала непріятеля въ лѣсъ, сожгла нѣсколько разбросанныхъ въ немъ хуторовъ и мимоходомъ захватила значительное стадо.

Когда казаки возвращались назадъ, вправо отъ нихъ появилась новая партія, скакавшая во весь опоръ изъ горныхъ ауловъ. Однакоже не осмѣлилась вступить съ нами въ дѣло и, остановившись внѣ выстрѣла, издали слѣдила за нашею колонною. Только когда казаки втянулись въ орѣшникъ и на полянѣ остался одинъ арьергардъ изъ сотни Донскаго № 26 полка, горцы съ отчаяннымъ мужествомъ ринулись въ шашки, но были отброшены и за попытку заплатили шестью трупами, оставшимися на мѣстѣ. Ожесточенный непріятель тотчасъ возобновилъ нападеніе, чтобы поднять тѣла, но принятый батальнымъ огнемъ подоспѣвшаго сюда куринскаго баталіона, опять повернулъ назадъ и, устроившись, въ третій разъ устремился въ атаку. Рѣдко непріятель дрался съ такимъ отчаяннымъ мужествомъ. Казалось, что потери только ожесточили чеченцевъ и, дѣйствительно, они увлеклись до того, что по слѣдамъ отступавшей пѣхоты выскочили наконецъ на чистое поле; но здѣсь, охваченные тройными силами казаковъ, были перебиты почти поголовно.

Съ нашей стороны въ этомъ горячемъ бою двое нижнихъ чиновъ были убиты и 23 ранены.

„Только съ извѣстною опытностію генералъ-маіора Бакланова и его совершеннымъ знаніемъ мѣстности, образа здѣшней войны и характера народа, — писалъ баронъ Врангель въ своемъ донесеніи: — можно было въ два дня дойти до этихъ результатовъ съ такою, сравнительно ничтожною потерею. Можно быть увѣреннымъ, что всякому другому начальнику для достиженія такихъ же результатовъ потребовалось бы и болѣе продолжительное время, и большія средства и, главное, большія потери."

Между тѣмъ наступила весна, — время, обѣщанное Шамилемъ для дѣйствія въ Чечнѣ. Но дни проходили за днями, а о сборѣ чеченцевъ

* Изъ разжалованныхъ кавалерійскихъ полковниковъ, снова получившій офицерскій чинъ по представленію Якова Петровича, за отличіе въ дѣлѣ 19 декабря 1853 г.

не было никакого извѣстія. Наконецъ, 26 іюня, баронъ Николаи *) прислалъ одного офицера, который передалъ начальнику лѣваго фланга, что Шамиль находится уже въ Гельдегенѣ и что военныя дѣйствія откроются имъ противъ Кумыкской плоскости. Лазутчики, напротивъ, давали знать о томъ, что непріятель собирается противъ Нижне-Сунженской линіи; а генералъ-адъютантъ князь Орбеліани, командовавшій войсками въ Прикаспійскомъ краѣ, писалъ о непремѣнномъ намѣреніи Шамиля идти въ Шамхальскія владѣнія. Вслѣдствіе такихъ разнорѣчивыхъ показаній, Врангель предписалъ барону Николаи выступить къ Чиръ-Юрту, а Бакланову съ баталіономъ пѣхоты и двумя казачьими полками занять Умаханъ-Юртъ, откуда, какъ изъ центральнаго пункта, можно было подать помощь и на Кумыкскую плоскость, и на Нижне-Сунженскую линію.

Баклановъ, выступивъ ночью 26 Іюня, къ свѣту былъ уже въ Умаханъ-Юртѣ, сдѣлавъ сорока-верстный переходъ, менѣе нежели въ шесть часовъ времени, не смотря на распутицу и грязныя, размытыя дождями дороги.

Къ вечеру того же дня обстоятельства разъяснились: Шамиль бросился на Лезгинскую линію. Лазутчики говорили, что до прибытія Бакланова, онъ намѣревался простоять у Гельдегена по крайней мѣрѣ три дня, колебаясь между рѣшеніемъ идти въ Дагестанъ, или на Лезгинскую линію; но получивъ извѣстіе о быстромъ прибытіи сильнаго кавалерійскаго резерва на Кумыкскую плоскость — черезъ два часа отдалъ приказъ о выступленіи. Мы не будемъ говорить здѣсь о вторженіи многочисленныхъ скопищъ Шамиля въ цвѣтущую Кахетію, о славномъ боѣ подъ Шильдами, о раззореніи богатыхъ Цинондалъ и о плѣненіи семействъ князей Чавчавадзе и Орбеліани. Все это выходитъ за предѣлы нашей статьи. Чеченскій отрядъ не могъ отвратить тяжелаго удара и оставался безучастнымъ зрителемъ совершавшихся событій. Одно, что онъ могъ сдѣлать,—и дѣйствительно сдѣлалъ—это попытку отвлечь большую часть чеченцевъ отъ сборовъ Шамиля и заставить ихъ какъ можно скорѣе возвратиться назадъ для защиты собственныхъ семей.

Съ этою цѣлью предположено было, не теряя времени, двинуться въ Большую Чечню со стороны Аргуна и въ землю ауховцевъ—со стороны Хасавъ-Юрта. Не касаясь подробностей послѣдней экспедиціи, какъ прямо не относящейся къ нашему разсказу, скажемъ, что въ Большой Чечнѣ предположено было приступить къ истребленію посѣвовъ пшена и кукурузы по лѣвому берегу Шавдонки и далѣе, до самаго Басса, на огромномъ пространствѣ прекрасно воздѣланныхъ полей, которыя можно было назвать житницею этого края.

*) Командовавшій войсками на Кумыкской плоскости.

„Благодаря особой распорядительности генерала Бакланова, — писалъ баронъ Врангель въ своемъ донесеніи: исполненіе всѣхъ этихъ предположеній увѣнчалось не только полнымъ успѣхомъ, но и превзошло всѣ мои разсчеты и ожиданія".

Дѣйствительно, Яковъ Петровичъ, возвратившійся вечеромъ 29 числа изъ Умаханъ-Юрта, утромъ 30-го отправился уже въ крѣпость Воздвиженскую, гдѣ сосредоточивалось нѣсколько баталіоновъ пѣхоты, одиннадцать орудій и 23 сотни кавалеріи.

1-го іюля весь этотъ отрядъ переправился черезъ Аргунъ; 2-го числа была произведена усиленная рекогносцировка береговъ Шавдонки, а 3-го — въ то самое время, когда мы получили извѣстіе, что большая часть чеченцевъ, находившихся въ походѣ съ Шамилемъ, поспѣшно возвращается назадъ, Яковъ Петровичъ со всею кавалеріею, имѣя за собою особый эшелонъ изъ двухъ баталіоновъ пѣхоты и шести орудій, — двинулся для истребленія посѣвовъ.

Перейдя черезъ лѣсъ, который отдѣляетъ Шалинскую поляну отъ Мезинскихъ полей, конница наша выстроилась развернутымъ фронтомъ, по-бригадно, на богатыхъ и хорошо воздѣланныхъ пашняхъ мезинскихъ ауловъ. Пѣхота въ густыхъ колоннахъ стала правѣе. Часть ея готовилась уже занять перелѣски, чтобы облегчить конницѣ истребленіе посѣвовъ — какъ вдругъ въ сторонѣ, въ полуверстѣ отъ нашего фронта, появилась конная партія съ двумя орудіями. Но едва грянула первая непріятельская пушка, какъ Яковъ Петровичъ со всею кавалеріею ринулся въ атаку, смялъ непріятеля и загналъ его въ Черныя горы, гдѣ горцы укрылись въ глубокомъ лѣсистомъ ущельѣ.

Баклановъ, доскакавъ до лѣса на картечный выстрѣлъ, остановился и, видя, что дальнѣйшее преслѣдованіе поведетъ безъ особенной пользы къ большимъ потерямъ, открылъ по непріятелю огонь изъ орудій. Между тѣмъ подоспѣла пѣхота; она заняла лѣсную опушку и, такимъ образомъ заперевъ горцамъ выходъ изъ ущелья, прикрыла конницу, которая теперь свободно могла заняться истребленіемъ посѣвовъ. Огромное пространство кукурузныхъ полей, богатыхъ урожаемъ нынѣшняго года, было вытоптано, такъ что тамъ, гдѣ стояла или двигалась масса нашей кавалеріи, остались одни оголенныя и почернѣвшія пространства.

Окончивъ истребленіе нивъ, лежащихъ по Шавдонкѣ, Яковъ Петровичъ стянулъ отрядъ, чтобы возвратиться въ лагерь, но едва пѣхота очистила опушку, какъ горцы цѣлыми массами хлынули за нею изъ лѣса. Однакоже первыя толпы, которыя позволили себѣ отойти нѣсколько далѣе, мгновенно были атакованы во флангъ донскимъ полковникомъ Ежовымъ и снова отброшены въ Черныя горы. Послѣ этого отступленіе наше продолжалось довольно спокойно, и только при выходѣ уже на поляну

къ самому лагерю, партія человѣкъ въ триста, засѣвшая въ кустахъ, неожиданно открыла огонь по сунженской сотнѣ, шедшей въ головѣ кавалеріи. Хорунжій Офреинъ, смѣло бросившійся въ кусты, выбилъ оттуда чеченцевъ и новымъ стремительнымъ ударомъ въ шашки нагналъ ихъ прямо на конницу Бакланова. «Сколько затѣмъ ускакало горцевъ— говоритъ Яковъ Петровичъ: — не знаю, но здѣсь, на самомъ мѣстѣ схватки, казаки мои собрали болѣе ста тѣлъ, съ которыхъ одежда и оружіе доставили имъ богатую добычу».

На слѣдующій день отрядъ нашъ снова перешелъ Шавдонку. На этотъ разъ—говоритъ одинъ изъ участниковъ этой экспедиціи:—истребленіе полей предоставлено было пѣхотѣ; вся же кавалерія, подъ командою Бакланова, отправилась за Бассъ, гдѣ, какъ говорили, стояло главное сборище чеченцевъ, подъ начальствомъ Талгика. Пѣхота наша двигалась между Шавдонкою и Бассомъ при безпрерывномъ боѣ въ боковыхъ цѣпяхъ, гдѣ перестрѣлка неумолкала въ продолженіе двухъ съ половиною часовъ. Наконецъ раздались пушечные выстрѣлы и въ колоннѣ Бакланова, а черезъ часъ не больше, огромная масса чеченской кавалеріи въ страшномъ безпорядкѣ промчалась мимо насъ по ту сторону Басса, такъ близко отъ берега, что два орудія, стоявшія въ правой цѣпи, успѣли сдѣлать нѣсколько картечныхъ выстрѣловъ, прежде чѣмъ непріятель исчезъ въ лѣсистыхъ верховьяхъ Басса.

Неожиданное появленіе здѣсь непріятеля, очевидно разбитаго и искавшаго спасенія въ бѣгствѣ, разъяснилось впослѣдствіи слѣдующимъ образомъ. Когда Баклановъ переправился за Бассъ, непріятель тотчасъ стянулъ свои силы и, пользуясь пересѣченною мѣстностью, которая препятствовала намъ броситься въ атаку, открылъ огонь изъ орудій. Ядра ложились въ самую колонну; но кавалерія, не смотря на то, стройно подвигалась впередъ, истребляя по пути посѣвы. При безпрерывномъ ружейномъ и пушечномъ огнѣ, Баклановъ подошелъ наконецъ къ канавѣ, которая перерѣзывала поле и черезъ которую по высотѣ воды переправиться было невозможно. Здѣсь произошла невольная остановка; но именно эту-то остановку чеченцы приняли за приготовленіе къ рѣшительной атакѣ и подъ вліяніемъ паническаго страха, не слушая больше угрозъ и увѣщанія своихъ наибовъ, повернули назадъ и пронеслись черезъ поляну, на которой, какъ мы говорили, и попали подъ выстрѣлы нашихъ орудій.

Затѣмъ непріятель, напуганный нашими успѣхами, уже нигдѣ не осмѣливался защищать свою собственность и, 5 іюля, отрядъ, истребивъ послѣднія чеченскія нивы, возвратился въ Грозную.

— «Успѣхомъ этой экспедиціи—писалъ военному министру командовавшій войсками Отдѣльнаго Кавказскаго корпуса генералъ отъ кава-

леріи Реадъ: *) я обязанъ особенному нравственному вліянію на горцевъ генералъ-маіора Бакланова, которому и выразилъ уже благодарность въ приказѣ по корпусу за его постоянную, дѣятельную и опытную распорядительность».

Истребленіе значительныхъ посѣвовъ между Аргуномъ, Шавдономъ и Джалкою поставили чеченцевъ въ весьма затруднительное положеніе, увеличившееся особенно тѣмъ, что частые сборы въ теченіе лѣта помѣшали и въ остальныхъ мѣстахъ заняться своевременною уборкою полей, такъ что съ приближеніемъ осени приходилось исключительно озаботиться перевозкою въ аулы и сѣна, и хлѣба. Талгикъ, опасаясь при этомъ нападенія съ нашей стороны на рабочихъ, просилъ Шамиля прислать къ нему сильную партію, хотя на то время, когда жители будутъ производить уборку полей въ низовьяхъ Аргуна и Джалки, какъ въ мѣстахъ ближайшихъ къ нашимъ укрѣпленіямъ. Шамиль, признавая справедливость этого требованія, обѣщалъ отправить въ Чечню двѣ тысячи тавлинцевъ; а между тѣмъ, чтобы отвлечь вниманіе русскихъ, Эске и Талгикъ условились между собою произвести нападеніе на Сунжу и цѣлью для этого избрали мирный Тепли-Кичинскій аулъ. Самое нападеніе предположено было произвести 26 августа, а сборнымъ мѣстомъ для партій назначена поляна, лежавшая на Аргунѣ, верстахъ въ четырехъ ниже Устаръ-Гордоевской переправы.

Какъ только объ этомъ получены были свѣдѣнія въ Грозной, Баклановъ скрытно сосредоточилъ въ Алдахъ одиннадцать сотенъ казаковъ и, переправившись черезъ Аргунъ выше Гордоя, какъ снѣгъ на голову, явился посреди ошеломленнаго сбора. Нельзя пересказать того переполоха, смятенія и страха, которые охватили чеченцевъ въ первую минуту появленія казаковъ: всѣ кинулись въ разныя стороны, оставивъ на мѣстѣ все, чего не могли захватить съ собою на сѣдла. Между тѣмъ Баклановъ, повернувъ внизъ по Аргуну, бросился уничтожать чеченскіе запасы и сжегъ до семи тысячъ копенъ свѣжаго сѣна. Только теперь Эске и Талгикъ успѣли собрать триста, четыреста всадниковъ; но эти толпы были отброшены казаками Ежова, а вслѣдъ затѣмъ искусно наведены на засаду, устроенную Яковомъ Петровичемъ и, принятыя оттуда картечью и бѣглымъ ружейнымъ огнемъ, разсѣяны съ огромною потерею.

Такимъ образомъ, нападеніе не состоялось; но тѣмъ не менѣе, едва Яковъ Петровичъ возвратился домой, какъ долженъ былъ снова идти за Аргунъ, вслѣдствіе извѣстія о появленіи тавлинцевъ, которыхъ

*) Князь Воронцовъ по совершенно разстроенному здоровью оставилъ Кавказъ въ мартѣ 1854 г.

Талгикъ расположилъ для обороны полей частью у бывшаго аула Гурдали-Юрта, а частью противъ Устаръ-Гордоевской переправы.

Вечеромъ 31 августа Баклановъ пріѣхалъ въ укрѣпленіе Тепли-Кичу и здѣсь сосредоточилъ 14 казачьихъ сотенъ при двухъ полевыхъ орудіяхъ *). Рѣшено было съ разсвѣтомъ 1 сентября переправиться черезъ Аргунъ и затѣмъ, отбросивъ тавлинскую партію, истребить до чиста всѣ запасы сѣна и хлѣба, которые находились въ этихъ мѣстахъ; «но истребить» — какъ говорилъ Яковъ Петровичъ своимъ казакамъ:— «уже такъ, чтобы чеченцамъ нечего было и заботиться о ихъ перевозкѣ».

Непріятель встрѣтилъ насъ на Аргунѣ и завязалъ перестрѣлку. Густые перелѣски съ полянами, сплошь уставленными копнами сѣна, мѣшали казакамъ дѣйствовать рѣшительно, однако же двѣ удачныя атаки, произведенныя Моздокскимъ полкомъ, отбросили горцевъ, и Баклановъ, воспользовавшись этимъ, быстро двинулся къ Джалкѣ, сжигая всѣ встрѣчаемые имъ на пути запасы.

Въ верстѣ отъ этой рѣчки онъ остановился. Впереди на огромномъ пространствѣ лежало передъ нимъ кукурузное поле, смотрѣвшее подозрительно. Опытный глазъ его предугадалъ засаду, и, дѣйствительно, тавлинцы, успѣвшіе сбѣжаться на тревогу, засѣли въ кукурузѣ и здѣсь думали остановить дальнѣйшее движеніе нашей кавалеріи.

Баклановъ, хорошо зная окрестную мѣстность, тотчасъ приказалъ Моздокскому полку обскакать это поле, а самъ, спѣшивъ три сотни Донскаго № 19 полка, велѣлъ имъ атаковать тавлинцевъ. Казаки были встрѣчены сильнымъ ружейнымъ огнемъ, но залпъ картечью и молодецкій ударъ совершенно смѣшали непріятеля, онъ бросился черезъ поляну въ лѣсъ,—но пока Яковъ Петровичъ преслѣдовалъ его по пятамъ, моздокцы налетѣли съ боку и сбросили его въ Джалку....

Между тѣмъ лѣсъ оказался также занятымъ горцами. Баклановъ выдвинулъ противъ нихъ артиллерію, и пока картечь валила лѣсныя деревья, казаки, прикрываясь огромными копнами сѣна незамѣтно подобрались къ самой опушкѣ — и вдругъ, по данному знаку, стремительно кинулись въ дротики.

Выбитые изъ лѣса горцы бросились къ Джалкѣ и съ ужасомъ увидѣли казачій полкъ, который во весь опоръ летѣлъ на переправу — это былъ полкъ Ежова, посланный Баклановымъ отрѣзать непріятелю послѣдній путь отступленія. Еще минута — и гибель горцевъ становилась уже неизбѣжною. Тогда столпившіеся на берегу чеченцы и тавлинцы стали бросаться съ кручи, надѣясь вплавь достигнуть противоположнаго берега; но это удалось немногимъ, потому что одни мгновенно погло-

*) Это были полки Моздокскій линейный, Донской № 19 и двѣ сотни Донскаго № 26.

щались волнами, другихъ валила картечь, а третьи находили смерть подъ ударами ожесточенныхъ казаковъ.

Истребленіе партіи стоило намъ 60 лошадей и 37 казаковъ, изъ которыхъ трое были убиты, а остальные ранены; въ нашихъ же рукахъ осталось 54 тѣла, болѣе двухъ-сотъ лошадей и множество оружія.

«Совершеннымъ пораженіемъ партіи и истребленіемъ громаднаго количества запасовъ, простиравшихся до ста пятидесяти тысячъ копенъ хлѣба и сѣна—писалъ въ своемъ донесеніи начальникъ лѣваго фланга:— я преимущественно обязанъ генералу Бакланову—его распорядительности и знанію духа и характера непріятеля, которыя выказались при этомъ трудномъ движеніи также блистательно, какъ и во всѣхъ его предъидущихъ дѣствіяхъ.»

Но этимъ не окончился рядъ тѣхъ ударовъ, которые ожидали Большую Чечню. Еще оставались нетронутыми большіе запасы, собранные въ долинѣ при самомъ сліяніи Аргуна и Сунжи. Яковъ Петровичъ зналъ, что эти запасы приготовлены для продовольствія конницы во время зимнихъ экспедицій и взялся ихъ уничтожить.

Съ этою цѣлью 8-го сентября онъ выступилъ изъ Грозной съ особою колонною, расположившеюся сперва фуражировать на берегу Аргуна, около Топли; но изъ того обстоятельства, что колоннымъ начальникомъ былъ самъ Яковъ Петровичъ, многіе заключали, что дѣло непремѣнно окончится боемъ. «Не такой онъ орелъ задался, чтобы сѣно косить; за этимъ бы, пожалуй, и другаго послали!» — говорили солдаты. — И, дѣйствительно, фуражировка окончилась скоро. Яковъ Петровичъ отправилъ обозы назадъ, а самъ съ казаками вдругъ повернулъ въ сторону и скрылся въ дремучихъ лѣсахъ, лежавшихъ по правому берегу Сунжи.— Никѣмъ незамѣченный, быстро достигнулъ онъ верховій Аргуна и разослалъ всю кавалерію жечь чеченское сѣно. Казаки добросовѣстно принялись за работу, и черезъ нѣсколько минутъ огромное пространство, занятое необозримыми скирдами сѣна, представляло собою сплошное огненное море. Черный, удушливый дымъ непроницаемою завѣсою повисъ надъ окрестностью, только тогда непріятель догадался о нашемъ присутствіи и поднялъ тревогу; но дѣло истребленія было уже окончено, и, казаки посреди массы переливающагося огня поспѣшно стали отходить отъ Аргуна.

Такимъ образомъ истреблено было болѣе двухъ-сотъ тысячъ пудовъ сѣна, и эта мѣра вмѣстѣ съ предъидущимъ раззореніемъ чеченцевъ заставила многія племена изъявить намъ покорность. Узнавъ объ этомъ, наибы—Талгикъ и Эске рѣшились не допустить переселенцевъ на Сунжу и съ этою цѣлью стали между Аргуномъ и Джалкою, на высотахъ Гойте-Кортъ.

Врангель, въ свою очередь, рѣшился атаковать эту позицію и вечеромъ 14-го сентября выступилъ изъ Грозной съ двумя баталіонами пѣхоты и двумя казачьими полками *), которые были отданы въ непосредственное вѣдѣніе генерала Бакланова.

Пѣхота находилась еще въ часовомъ разстояніи отъ Гойте-Корта, какъ Яковъ Петровичъ съ своими полками и взводомъ артиллеріи, скрытно пробравшись кустарникомъ, огибающимъ правый флангъ непріятеля, вдругъ съ отчаяннымъ гикомъ кинулся на гору. Впереди всѣхъ скакалъ Баклановъ на лихомъ кабардинскомъ конѣ съ обнаженною шашкою.... Въ одну минуту налетѣлъ онъ на скопище, сбросилъ его внизъ, и пока донцы преслѣдовали разбитаго Талгика, не давая ему времени устроиться, Яковъ Петровичъ поставилъ на высотѣ два наши орудія. Напрасно Эске, стоявшій съ мичиковцами нѣсколько лѣвѣе, подоспѣлъ на помощь, старался обратно овладѣть высотами. Ужасный ружейный **) и пушечный огонь не позволялъ ему приблизиться мъ нашей позиціи и цѣлыя толпы какъ хлѣбныя колосья валились подъ градомъ картечи. Бой загорѣлся серьезный. Между тѣмъ къ намъ подоспѣла рота пѣхоты и три орудія изъ колонны Врангеля. Тогда, предоставивъ пѣхотѣ честь защищать высоты, Яковъ Петровичъ спустился внизъ съ Суженскимъ полкомъ, и, выбравъ моментъ, когда партія Эске снова устремилась на приступъ, ударилъ ей во флангъ, отбросилъ назадъ и, пользуясь всеобщимъ замѣшательствомъ, кинулся истреблять собранный хлѣбъ, котораго и сжегъ до ста-пятидесяти тысячъ копенъ. Все это произошло такъ быстро, что горцы опомнились только тогда, когда баронъ Врангель, пропустивъ за себя переселенцевъ, началъ отступленіе. Эске, пытавшійся поправить дѣло, во главѣ тысячной партіи бросился на правую цѣпь, но въ ту же самую минуту Баклановъ, зорко слѣдившій за его движеніями, ударилъ во флангъ и совершенно разсѣялъ чеченцевъ.

Въ этомъ горячемъ бою вся наша потеря заключалась въ одномъ убитомъ и 13 раненыхъ казакахъ.

«Если совершенное пораженіе непріятеля обошлось для насъ такъ дешево—доносилъ баронъ Врангель:—то этимъ я обязанъ только генералу Бакланову, показавшему при этомъ свое обычное мужество и распорядительность.»

Отдыхать нашимъ войскамъ пришлось однакоже недолго. Съ половины сентября Шамиль началъ опять дѣлать обширныя приготовленія для вторженія въ наши предѣлы. Огромныя скопища его расположились въ Шали—въ центральномъ пунктѣ Большой Чечни—откуда съ одина-

*) Полки: 2-й Сунженскій и Донской № 19.

**) Спѣшены были четыре сотни сунженцевъ.

ковымъ удобствомъ могли появиться и на Кумынской плоскости, и у Грозной, и у Воздвиженской. Мучительная неизвѣстность тяготѣла тогда надъ нашими войсками. Въ Грозной собрано было три баталіона пѣхоты и вся кавалерія; но такъ какъ по слухамъ опасность угрожала преимущественно Кумыкскимъ владѣніямъ, то 2-го октября Яковъ Петровичъ съ большею половиною этого отряда получилъ приказаніе двинуться къ Умаханъ-Юрту; но не прошли войска и половины дороги, какъ нарочный возвратилъ ихъ назадъ, вслѣдствіе новыхъ извѣстій, указывавшихъ уже на непремѣнное движеніе Шамиля на Сунжу. Замаскировавъ такимъ образомъ настоящія свои намѣренія, Шамиль вдругъ бросился на Кумыкскую плоскость, и здѣсь 3-го октября у небольшаго аула Исти-Су произошла извѣстная кровопролитная битва, въ которой скопища Шамиля были разбиты на голову. Весь грозненскій отрядъ поспѣшилъ на помощь къ войскамъ барона Николаи; но прибылъ уже по окончаніи дѣла и тотчасъ же долженъ былъ возвратиться назадъ, такъ какъ Шамиль, собравъ разбитыя скопища у Маіортупа, по-прежнему продолжалъ угрожать Нижне-Сунженской линіи. Но это продолжалось недолго: быстрое сосредоточеніе нашихъ войскъ изъ Грозной, Прикаспійскаго края и Владикавказа заставили его отказаться отъ своихъ несбыточныхъ цѣлей, и 11-го октября скопища его разошлись по домамъ.

26-го ноября въ Грозной опять получены были свѣдѣнія, что горцы собираются напасть на одинъ изъ пунктовъ Нижне-Сунженской линіи. Баклановъ ночью выступилъ съ коннымъ резервомъ изъ Грозной и на походѣ, подходя къ Алханъ-Юрту, увидѣлъ тревогу на линіи. Оказалось, что горцы угнали весь алханъ-юртовскій скотъ; но такъ какъ о направленіи непріятеля не было никакого извѣстія, то Яковъ Петровичъ, остановившись подъ самою станицею, разослалъ разъѣзды съ приказаніемъ, какъ только откроютъ сакму, извѣстить его сигнальными ружейными выстрѣлами.

Недолго стояли казаки съ поводомъ въ рукѣ, скоро вдали зарокотали ружейные выстрѣлы, и Баклановъ, скомандовавъ: «на-конь!» понесся наперерѣзъ непріятельской партіи, но на пути встрѣтилъ сунженскихъ казаковъ, уже возвращавшихся назадъ съ отбитою добычею.

Затѣмъ наступила пора обычной зимней экспедиціи, въ продолженіе которой предположено было въ этомъ году устроить просѣку по берегу Гойты, а затѣмъ перейти на Шалинскую поляну и расчистить оттуда прямое сообщеніе къ Умаханъ-Юрту. Шамиль, предугадывая это намѣреніе, сталъ стягивать значительныя силы въ Малую Чечню. Тогда баронъ Врангель также рѣшился измѣнить планъ своихъ дѣйствій и начать работы сперва по Джалкѣ, причемъ предположено было нанести

сильный ударъ враждебному намъ населенію, именно въ такихъ мѣстахъ гдѣ еще наши войска не появлялись ни разу.

4-го декабря отрядъ, выступившій изъ Грозной, ночевалъ при устьѣ Аргуна, а на слѣдующій день, переправившись за Сунжу у Дахинъ-Ирзау, приблизился къ аулу Халинъ. Два баталіона: кабардинскій и апшеронскій *) слѣдовавшіе въ головѣ отряда, тотчасъ перестроились въ штурмовыя колонны и двинулись на приступъ, а вся кавалерія, подъ личною командою Якова Петровича, обскакавъ аулъ, ворвалась въ него съ другой стороны. Не смотря на это, жители, поклявшіеся умереть съ оружіемъ въ рукахъ, честно сдержали свое обѣщаніе и пали надъ развалинами своего аула. Бой окончился въ сумеркахъ, а потому отрядъ, переночевавъ на мѣстѣ сраженія, на слѣдующій день возвратился къ Дахинъ-Ирзау окольною дорогою. При этомъ движеніи Яковъ Петровичъ съ своими казаками истребилъ еще шесть ауловъ, жители которыхъ въ ужасѣ бѣжали въ лѣса, покинувъ на произволъ судьбы свои семьи и имущество. Въ ту же ночь нарочные чеченцы поскакали къ Шамилю съ извѣстіемъ о постигшемъ ихъ бѣдствіи и съ просьбою о помощи.

7-го декабря кавалерія отряда была усилена еще тремя сотнями Моздокскаго полка, прибывшими съ линіи, а 8-го весь отрядъ произвелъ демонстрацію на Сунжѣ, гдѣ началъ устроивать мостъ, распуская слухъ, что идетъ на Кумыкскую плоскость, съ тѣмъ чтобы со стороны Куринскаго укрѣпленія проникнуть въ Маіортупъ и Шали.

Демонстрація эта увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Шамиль, встревоженный полученнымъ извѣстіемъ, со всѣми силами бросился къ Шали, а Яковъ Петровичъ, пользуясь этою ошибкою, повернулъ на Джалку и 9-го декабря, не смотря на безпрерывный бой, кипѣвшій въ авангардѣ и въ боковыхъ цѣпяхъ, въ продолженіе шести часовъ истребилъ еще 10 непріятельскихъ ауловъ.

11 числа отрядъ возвратился на прежнюю позицію къ раззоренному аулу Халинъ и нашелъ его снова занятымъ горцами, которые, засѣвъ за обгорѣлыми стѣнами сакель, встрѣтили насъ мѣткими выстрѣлами. Слѣдовавшія въ головѣ колонны милиція и сотня Сунженскаго полка, подъ командою подполковника Бѣлика, стремительно бросились въ аулъ и, поддержанныя небольшою частью пѣхоты, выбили горцевъ, которые оставили на мѣстѣ 27 тѣлъ; но и съ нашей стороны потеря оказалась весьма значительною. Яковъ Петровичъ говоритъ, что, сколько помнитъ, то въ этой схваткѣ мы потеряли пять офицеровъ и до сорока нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными.

*) Баталіонъ былъ присланъ изъ Дагестана.

12 числа отрядъ перешелъ на правую сторону Аргуна и почти въ то же самое время Шамиль прибылъ на Джалку, гдѣ къ величайшей досадѣ узналъ, что отрядъ отошелъ къ Умаханъ-Юрту.

Съ этого дня до 18 числа включительно войска были заняты рубкою лѣса; непріятель тревожилъ насъ слабо; но близость Шамиля заставляла назначать въ прикрытіе рабочихъ ежедневно всю кавалерію, такъ что Яковъ Петровичъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней, можно сказать, не слѣзалъ съ коня. Наконецъ, когда просѣка доведена была отъ Умаханъ-Юрта до Джалки и войска отдохнули два дня въ Воздвиженской крѣпости, Врангель перевелъ отрядъ на Шалинскую поляну, гдѣ вырубка лѣса пошла такъ успѣшно, что къ вечеру 23 числа широкая просѣка отъ знаменитаго Шалинскаго окопа была доведена до рѣчки Шавдонки, причемъ всѣ когда-то бывшія здѣсь непріятельскія укрѣпленія были окончательно срыты, засыпаны и уничтожены. Послѣ этого отрядъ на рождественскіе праздники былъ распущенъ по своимъ квартирамъ.

Бездѣйствіе Шамиля, простоявшаго все время на Джалкѣ съ 10-ти тысячнымъ скопищемъ при шести орудіяхъ, можно объяснить себѣ только утратою въ немъ старинной энергіи: годы брали свое, и счастливая звѣзда имама видимо клонилась къ закату. Самъ онъ распускалъ въ свое оправданіе самые невѣроятные слухи, изъ которыхъ наиболѣе распространенный былъ тотъ, что русскій государь будто бы присылалъ въ нашъ отрядъ четырехъ своихъ адъютантовъ для убѣжденія въ дѣйствительныхъ силахъ Шамиля съ тѣмъ, что если эти силы окажутся слабыми, то войска лѣваго фланга весною будутъ передвинуты въ Турцію. На этомъ основаніи Шамиль приказывалъ будто бы не драться съ русскими до времени, а затѣмъ когда войска уйдутъ и на линіи останутся по крѣпостямъ одни гарнизоны, — тогда ударить на нихъ со всѣми силами и овладѣть тѣмъ краемъ. Неизвѣстно, вѣрили, или не вѣрили горцы подобнымъ объясненіямъ, однакоже начало 1855 года не принесло имъ ничего, кромѣ новаго раззоренія и новыхъ потерь, отъ которыхъ они оправились не скоро.

Какъ только окончились праздники, войска опять сосредоточились въ Грозной и 4 января двинулись на Аргунъ къ Топлинской переправѣ. Якочъ Петровичъ со всею конницею, состоявшею изъ двухъ донскихъ и двухъ линейныхъ кавказскихъ полковъ, слѣдовалъ впереди и, перейдя Аргунъ, направился къ Джалкѣ. Здѣсь, у раззореннаго аула Элдырханъ, служившаго какъ бы центральною позиціею для нашихъ дѣйствій, онъ остановился съ донцами, приказавъ войсковому старшинѣ Федюшкину съ Сунженскимъ полкомъ идти по лѣвому берегу Джалки, чтобы захватить то населеніе, которое возвратилось въ аулы, раззоренные при нашемъ первомъ движеніи, а полковнику барону Розену съ моздокскими

и гребенскими казаками — по правому берегу, чтобы захватить ту добычу, которая успѣетъ уйти отъ Федюшкина.

Проскакавъ въ карьеръ почти до самаго мѣста, гдѣ Джалка сливается съ Сунжею, Федюшкинъ на всемъ этомъ пространствѣ нашелъ только одинъ аулъ Цацурикъ, занятый жителями. Часть ихъ, вздумавшая защищаться, была истреблена; остальные бѣжали на правую сторону и попали въ руки барона Розена.

5 числа пѣхота приступила къ вырубкѣ Герзелинскаго лѣса, а три полка кавалеріи и баталіонъ тенгинцевъ *), подъ командою Бакланова, отправлены были для истребленія ауловъ—Висенъ и Марашъ, занятыхъ еще чеченскимъ населеніемъ. Извѣстные почти неприступнымъ положеніемъ и богатствомъ жителей аулы эти расположены были по обоимъ берегамъ рѣчки Дахи-Шавдонки и примыкали къ густому, непроходимому лѣсу. Не смотря на это, оба аула одинъ за другимъ, были взяты безостановочною атакою тенгинцевъ и казаковъ. Та же участь постигла два сильные аула: Галгай и Таубулатъ, лежавшіе на правомъ берегу той-же самой рѣки. Жители ихъ частью были изрублены, частью захвачены въ плѣнъ: а самые аулы со всѣмъ имуществомъ, оставленнымъ въ нихъ горцами, были преданы пламени. Черезъ три дня Яковъ Петровичъ снова посѣтилъ эти мѣста; но не нашелъ ни одной живой души. Жители бѣжали въ Нагорную Чечню — и берега Дахи-Шавдонки были безлюдны и пусты.

Эта экспедиція и истребленіе болѣе двадцати чеченскихъ ауловъ были лебединою пѣснію Якова Петровича на лѣвомъ флангѣ. Съ этихъ поръ онъ не участвовалъ болѣе въ дѣлахъ съ кавказскими горцами, и послѣднею боевою наградою его въ этомъ краю—было монаршее благоволеніе, объявленное ему за отличія, оказанныя въ дѣлахъ съ непріятелемъ въ теченіе всего 1854 года.

Въ заключеніе, мы считаемъ у мѣста привести здѣсь пѣсню, сложенную донскими казаками про своего богатыря-начальника, и получившую на Кавказѣ всеобщую извѣстность.

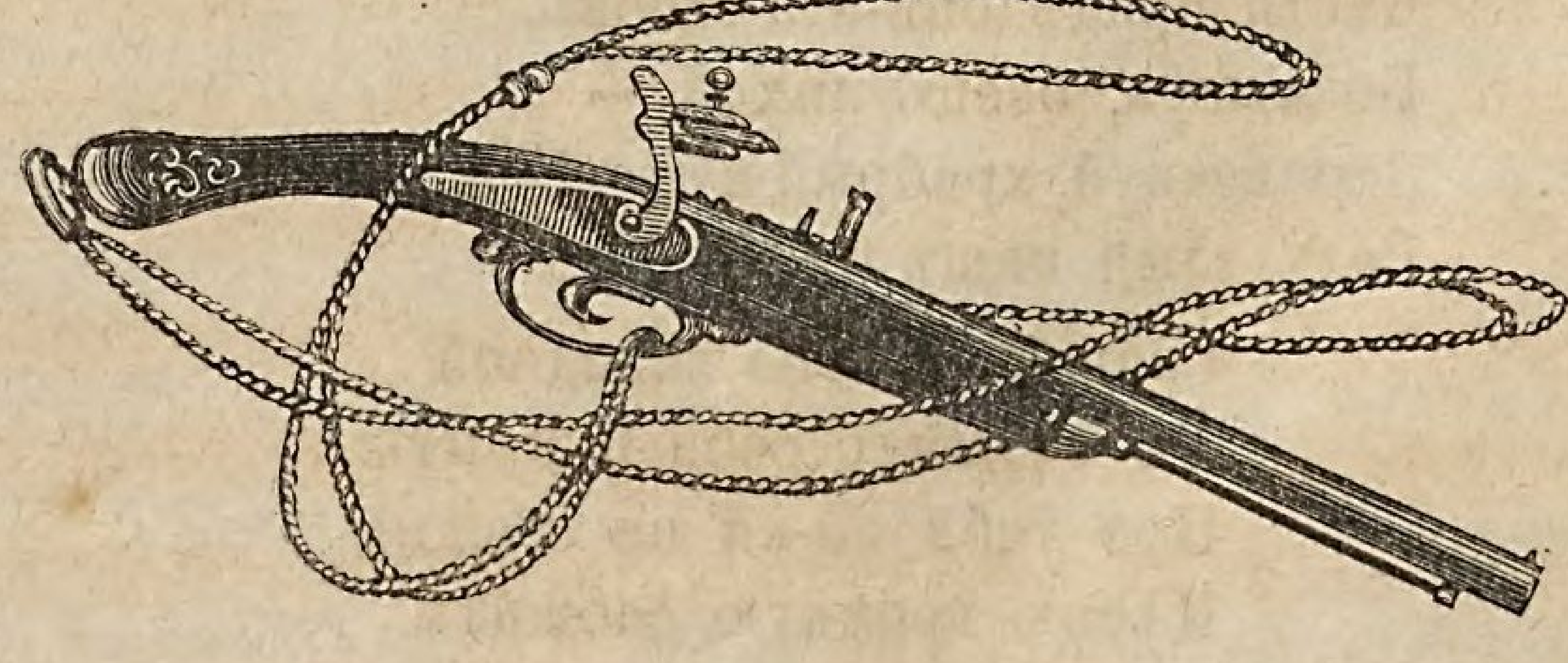
Вотъ эта въ высшей степени характерная пѣсня:

Честь прадѣдовъ-атамановъ,
Богатырь, боецъ лихой,—
Здравствуй, храбрый нашъ Баклановъ,
Разудалый нашъ герой!

Славой, честію завидной
Ты съумѣлъ себя покрыть:
Про тебя ей-ей не стыдно
Пѣсню громкую сложить!

*) Баталіонъ былъ присланъ въ экспедицію Владикавказскаго военнаго округа.

Ты геройскими дѣлами
Славу дѣдовъ и отцовъ
Воскресилъ опять межъ нами,—
Ты—казакъ изъ казаковъ!
Шашка, пика, вѣрный конь,
Рой наѣздниковъ любимый—
Съ ними ты неотразимый
Мчишься въ воду и въ огонь.
Древней славы Ермаковой
Надъ тобою блещетъ лучъ;
Ты, какъ соколъ изъ-за тучъ,
Бьешь снаровкою Платовой.
Честь геройскую любя,
Мчишься въ бой на пропалую;
За Царя и Русь Святую
Не жалѣешь самъ себя.
Баютъ: Ты орломъ могучимъ
Рѣешь вольный по горамъ;
По кустамъ, тернамъ колючимъ
Лѣзешь змѣемъ здѣсь и тамъ;
Сѣрымъ волкомъ въ полѣ рыщешь.
Бродишь лѣшимъ по горамъ.
И себѣ ты славы ищешь,
И несешь ты смерть врагамъ,—
Ходишь въ шапкѣ невидимкѣ,
Въ скороходахъ сапогахъ
И летишь на буркѣ-сивкѣ,
Какъ колдунъ на облакахъ.
Свиснешь—листъ съ деревъ валится,
Гаркнешь—въ мигъ передъ тобой
Рать удалая родится—
Точно въ сказочкѣ какой!
Сытъ желѣзной просфорою,
Спишь на конскомъ арчакѣ,—
И за то прослылъ грозою
Въ Малой и въ Большой Чечнѣ.
И за то тебѣ мы, воинъ,
Пѣсню громкую споемъ:
Ты герой нашъ,—ты достоинъ
Называться казакомъ!

XIV.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1854 года вмѣсто князя Михаила Семеновича Воронцова намѣстникомъ Кавказскаго края и главнокомандующимъ Отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ назначенъ былъ генералъ отъ инфантеріи генералъ-адъютантъ Николай Николаевичъ Муравьевъ.

По осмотрѣ Кубанской линіи, главнокомандующій прибылъ на лѣвый флангъ въ исходѣ января мѣсяца 1855 года. Яковъ Петровичъ Баклановъ, по званію начальника кавалеріи, выѣхалъ къ нему на встрѣчу съ Донскимъ Казачьимъ полкомъ подполковника Фролова и встрѣтилъ поѣздъ его на пути изъ крѣпости Воздвиженской въ Грозную, около Ермоловскаго кургана, со всѣми военными почестями. Муравьевъ вышелъ изъ экипажа. Баронъ А. Е. Врангель тотчасъ представилъ ему Бакланова и главнокомандующій, окинувъ его съ ногъ до головы пристальнымъ взглядомъ, сказалъ отрывисто:

— Садитесь со мною въ коляску: мнѣ надо говорить съ вами!

Надо сказать, что около этого времени Яковъ Петровичъ получилъ извѣстіе о томъ, что переводъ его въ южную армію не можетъ состояться вслѣдствіе того, что новый главнокомандующій Кавказскою арміею на запросъ объ этомъ отвѣчалъ военному министру, что Баклановъ, по своимъ достоинствамъ и пріобрѣтенному опыту въ тамошнемъ образѣ войны, совершенно необходимъ на Кавказѣ.

«Получивъ теперь приглашеніе сопровождать главнокомандующаго въ Грозную — говоритъ въ своихъ запискахъ Баклановъ: — я думалъ, что Муравьевъ коснется въ разговорѣ со мною именно этого предмета; но вышло иначе.»

— Знаете ли вы, что я беру васъ съ лѣваго фланга на Лезгинскую линію?—сказалъ Муравьевъ и, не ожидая отвѣта, прибавилъ: тамъ бу-

дутъ находиться подъ вашею командою четыре донскіе полка съ конною батареею... Такого количества казаковъ кажется не бывало ни въ чьей командѣ со времени вашего знаменитаго Платова.

— Я не сослуживецъ Платова и не знаю, что находилось у него въ командѣ,—отвѣчалъ Яковъ Петровичъ, стараясь быть краткимъ:—но въ здѣшнихъ экспедиціяхъ мнѣ приходилось командовать отрядами гораздо большими...

— Дѣло не въ количествѣ войскъ, — перебилъ его Муравьевъ: — а въ важности порученія, которое будетъ возложено на васъ; въ Грозной вы получите на этотъ счетъ подробныя приказанія...

Приказанія эти заключались въ томъ, что донскіе полки, подъ командою Якова Петровича, должны были идти на Лезгинскую линію, именно въ Кахетію, гдѣ главнокомандующій намѣренъ былъ избрать центральный пунктъ для этого коннаго резерва, который не долженъ былъ раздробляться, а находиться въ полной готовности переноситься, куда бы не потребовала надобность. Этимъ распоряженіемъ главнокомандующій надѣялся оградить Сигнахскій и Телавскій уѣзды отъ новаго вторженія Шамиля, а кромѣ того, при личномъ разговорѣ съ Баклановымъ, онъ объяснилъ ему, что всѣ войска на Лезгинской линіи будутъ находиться въ его непосредственномъ вѣдѣніи и что съ этими войсками, въ случаѣ разрыва съ Персіею, онъ долженъ будетъ идти къ ея границамъ.

Въ началѣ апрѣля мѣсяца 1855 года Баклановъ выѣхалъ изъ Грозной къ мѣсту своего назначенія, но по прибытіи во Владикавказъ, гдѣ собирались донскіе полки, назначенные къ походу, онъ неожиданно получилъ предписаніе главнокомандующаго, что начальникомъ Лезгинской линіи назначается генералъ-лейтенантъ, князь Андрониковъ и что Баклановъ съ его летучимъ отрядомъ долженъ находиться въ полномъ его распоряженіи.

Такая перемѣна сильно изумила и огорчила Якова Петровича. Онъ немедленно отправился въ Тифлисъ и тамъ подалъ формальный отпускъ, не скрывая своего намѣренія хлопотать о переводѣ въ южную армію.

— А если я возьму васъ въ дѣйствующій корпусъ, останетесь-ли вы на Кавказѣ? спросилъ его Муравьевъ.

— Останусь, если вамъ только угодно будетъ дать мнѣ въ арміи соотвѣтствующее положеніе—отвѣчалъ Яковъ Петровичъ.

Послѣдствіемъ этого разговора было назначеніе генералъ-маіора Бакланова начальникомъ всей иррегулярной кавалеріи, входившей въ составъ главнаго александропольскаго отряда *).

*) Кавалерія эта состояла изъ 7 полковъ: два были донскіе, два сборно-линейные, два конно-мусульманскіе и одинъ куртинскій; кромѣ того, къ ней причислялись еще три сотни карапапаховъ и дивизіонъ черкесской милиціи.

Въ исходѣ мая мѣсяца Яковъ Петровичъ прибылъ въ дѣйствующій корпусъ и засталъ его на позиціи въ селеніи Аджанъ-Кала, нѣсколько сѣвернѣе Карса. Здѣсь ожидали прибытія третьей колонны, которая подъ начальствомъ генерала Ковалевскаго, двигаясь со стороны Аджаріи, должна была по пути овладѣть Ардаганомъ. Такъ какъ при этой колоннѣ не было конницы, то для открытія съ нею сообщенія изъ главнаго лагеря отправили линейный казачій полкъ и два дивизіона нижегородцевъ съ четырьмя орудіями, подъ командою Бакланова.

Онъ выступилъ ночью и, бросивъ въ сторонѣ большой ардаганскій трактъ, пошелъ напрямикъ черезъ горы. Такъ какъ это было первое движеніе его въ Азіатской Турціи, то онъ съ чрезвычайнымъ вниманіемъ присматривался къ мѣстности, столь непохожей на мѣстность Чечни или Кумыкской плоскости, изучалъ характеръ и бытъ мирнаго населенія, собиралъ свѣдѣнія о регулярныхъ войскахъ противника, самъ ѣздилъ съ разъѣздами и по цѣлымъ суткамъ не сходилъ съ коня. Его неутомимость, поражала каждаго, и съ этого похода начинается та огромная популярность, которою Яковъ Петровичъ пользовался въ войскахъ дѣйствующаго корпуса. Изъ множества разсказываемыхъ про него анекдотовъ мы остановимся на двухъ, наиболѣе характеризующихъ эту замѣчательную личность.

Однажды въ отрядъ, остановившійся на отдыхъ, явилось нѣсколько турецкихъ старшинъ, желавшихъ принести покорность, и потому просившихъ показать имъ старшаго русскаго начальника. Имъ указали простую солдатскую палатку съ поднятыми полами, внутри которой на разостланной буркѣ, съ казачьимъ сѣдломъ подъ головою, лежалъ огромный человѣкъ въ красной разстегнутой канаусовой рубашкѣ. Возлѣ него висѣло оружіе, а у самаго входа въ палатку стояла осѣдланная лошадь. Яковъ Петровичъ, отобѣдавъ въ полдень, предавался своему обычному отдыху. Турецкіе старшины не хотѣли вѣрить, чтобы русскій паша лежалъ на голой землѣ и убѣдились въ этомъ только тогда, когда разбуженный шумомъ Баклановъ вышелъ изъ палатки, — и они увидѣли воочію грозную, внушавшую трепетъ его физіономію. Старики поклонились ему до земли и потомъ говорили, что такими молодцами, какъ русскіе солдаты, только и можетъ командовать такой молодецъ какъ этотъ.

«Въ другой разъ—разсказываетъ одинъ изъ офицеровъ, участниковъ этой экспедиціи:—мы шли на-пролетъ цѣлыя сутки по незнакомымъ мѣстамъ, безъ проводниковъ, безъ картъ и къ ночи поднялись на Ардаганскія горы, покрытыя еще глубокимъ снѣгомъ. Морозъ держался около 5 или 6 градусовъ. Люди, одѣтые по-лѣтнему, сильно терпѣли отъ холода. Я былъ дежурнымъ по отряду и, забившись въ палатку, старался отогрѣть свои окоченѣлые члены, какъ вдругъ, на самомъ разсвѣтѣ,

ординарецъ доложилъ мнѣ, что генералъ отправился въ драгунскіе коновязи.

Закутавшись въ теплую шинель, я вышелъ изъ палатки, и что же увидѣлъ? Яковъ Петровичъ босикомъ, въ разстегнутой рубашкѣ, поверхъ которой на-опашъ накинуто было только одно холодное пальто, гулялъ какъ ни въ чемъ не бывало, пошучивая съ драгунами, у которыхъ зубы, что называется, выбивали барабанную трель. Увидя меня, онъ полушутя замѣтилъ, что ночью холодно. «Только не вамъ!»—отвѣчалъ я, съ удивленіемъ оглядывая легкій костюмъ генерала. Онъ засмѣялся. «Что нѣмцу смерть, то русскому здорово!» — проговорилъ онъ громко и приказалъ ударить подъемъ.»

Какъ ни торопился Баклановъ къ Ардагану, однакоже верстахъ въ пятнадцати отъ города онъ получилъ извѣстіе, что Ардаганъ сдался безъ боя и что колонна генерала Ковалевскаго уже идетъ на соединеніе съ главными силами. Баклановъ спустился съ горъ и прикрылъ ея движеніе со стороны карскаго лагеря, мимо котораго она должна была проходить верстахъ въ 10 или въ 12.

На другой день по прибытіи колонны Ковалевскаго, изъ лагеря предпринята была рекогносцировка восточныхъ, а 14—го іюня — южныхъ укрѣпленій Карса.

«Съ того мѣста, гдѣ были остановлены наши войска 14-го іюня— говоритъ Яковъ Петровичъ:—хорошо были видны турецкія укрѣпленія, раскинутыя по обоимъ берегамъ Карсъ-Чая, и я тотчасъ замѣтилъ, что вся оборонительная линія, прикрывающая городъ съ южной стороны вплоть до Карадахской возвышенности, только что начинала еще воздвигаться, и укрѣпленія не имѣли между собою надлежащей связи. Поэтому, еслибы безостановочно идти впередъ, то можно бы было занять ихъ, прежде чѣмъ непріятель успѣлъ бы стянуть свои силы, разбросанныя по ту сторону рѣчки. Подъѣхавъ къ главнокомандующему съ этою мыслію, я прямо высказалъ ему свой взглядъ на положеніе дѣлъ, прибавивъ, что настоящая минута есть самая благопріятная для овладѣнія Карсомъ и что въ противномъ случаѣ кампанія затянется надолго. Корпусный командиръ былъ того же мнѣнія; но штурмъ не входилъ въ разсчеты главнокомандующаго: онъ предпочелъ блокаду, и съ этою цѣлью началъ дѣйствовать на всѣ тѣ способы, которыя непріятель могъ бы имѣть для усиленія гарнизона и подвоза продовольствія.

Главные интендантскіе склады Турецкой арміи были учреждены по ту сторону Саганлугскихъ горъ, но было извѣстно также, что и во многихъ окрестныхъ селеніяхъ находились продовольственные запасы, которые по недостатку времени и средствъ, остались не перевезенными въ крѣпость. Уничтоженіе ихъ главнокомандующій поручилъ Бакланову,

и Яковъ Петровичъ, пренебрегая разлитіемъ рѣкъ, простеръ свои набѣги такъ далеко, что въ ночь на 9-е іюня дошелъ до селеній Бегли-Ахматъ и Чаплакли, лежавшихъ уже у самой подошвы Саганлугскаго хребта. Баклановъ истребилъ здѣсь множество магазиновъ, разогналъ всѣхъ грековъ, занимавшихся у турокъ хлѣбопеченіемъ и, такимъ образомъ, первый указалъ дорогу въ мѣста, гдѣ впослѣдствіи мы были полными хозяевами.

Убѣдившись, что слухи объ огромныхъ запасахъ, заготовленныхъ на противоположной сторонѣ горъ, были справедливы, главнокомандующій съ значительными силами въ началѣ іюня мѣсяца предпринялъ движеніе по арзерумской дорогѣ. Баклановъ въ этой экспедиціи командовалъ авангардомъ. Безъ выстрѣла онъ занялъ укрѣпленіе, покинутое турками на вершинѣ Саганлуга и, спустившись внизъ, напалъ на башибузуковъ, у которыхъ отбилъ значительный аробный транспортъ. Затѣмъ въ Еникеѣ, Каракурганѣ, Бардузѣ и Зевинѣ сожжено было болѣе тридцати тысячъ четвертей хлѣба, ячменя и другихъ запасовъ. Но бѣдствія турокъ этимъ не кончились. Теперь вниманіе главнокомандующаго обратилось на то, чтобы совершенно отдѣлить Анатолійскую армію, запершуюся въ Карсѣ, отъ областей, которыя она обязана была защищать и отъ которыхъ могла еще получать продовольствіе. Съ этою цѣлью, по возвращеніи на прежнюю позицію, онъ выставилъ на арзерумскую дорогу особый кавалерійскій отрядъ и поручилъ его Бакланову, который перехватывалъ здѣсь транспорты, отбивалъ почты, ловилъ одиночныхъ курьеровъ и каждый день доставлялъ главнокомандующему новыя и важныя свѣдѣнія. Кромѣ того, съ этой же позиціи онъ произвелъ рекогносцировку карскихъ укрѣпленій со стороны Чакмахскихъ высотъ, остававшихся до сихъ поръ еще неосмотрѣнными, разсѣялъ турецкихъ фуражировъ и отбилъ значительное число арбъ, возвращавшихся въ крѣпость съ накошеннымъ сѣномъ.

Перервавъ такимъ образомъ всѣ сообщенія на главномъ пути между Арзерумомъ и Карсомъ, Яковъ Петровичъ перешелъ на окружныя дороги, ведущія въ Карсъ изъ Ардагана, Ольты и Пеняка.

2-го іюля, какъ только смерклось, войска, назначенныя имъ къ движенію, собрались впереди аванпостной цѣпи. Тутъ были: Новороссійскій драгунскій полкъ, линейные казаки съ своею батареею, курды, карапапахи и горская дружина. Баклановъ, собравъ вокругъ себя офицеровъ, отдалъ приказаніе идти какъ можно осторожнѣе, не позволяя людямъ курить и разговаривать. Въ самую полночь войска сѣли на коней и молча, при страшныхъ завываніяхъ бури, сопровождаемой ливнемъ, двинулись за генераломъ, ѣхавшимъ впереди съ проводникомъ татариномъ. Пользуясь воробьиною ночью, отрядъ прошелъ почти у

самаго подножія западныхъ укрѣпленій Карса и съ восходомъ солнца, выйдя на сѣверную сторону, двинулся рысью по берегу какой-то рѣчки, на противуположной сторонѣ которой по равнинѣ скакали башибузуки. Торопясь въ Топаджуръ, куда непріятель высылалъ своихъ фуражировъ, Баклановъ строго запретилъ завязывать съ ними перестрѣлку, но карапапахи, слѣдовавшіе въ хвостѣ колонны, не выдержали и, перейдя рѣчку, бросились на башибузуковъ. Башибузуки ихъ смяли. Завидѣвъ неустойку, всѣ милиціонеры бросились къ переправѣ, но грозный голосъ Бакланова: «назадъ!» заставилъ ихъ остановиться. Отрядъ двинулся дальше, не заботясь объ участи карапапаховъ, предоставленныхъ въ наказаніе собственнымъ силамъ. А карапапахамъ пришлось худо. Прижатые къ обрывистому берегу, они не попали на переправу и, спѣшившись, вынуждены были залечь за камнями съ прикладомъ у щеки. Это спасло ихъ. Башибузуки, попавшіе подъ меткій огонь, повернули назадъ, а наши удальцы по добру по здорову перебрались за рѣчку. Баклановъ не сказалъ имъ ни слова, считая ихъ достаточно наказанными уже за свою опрометчивость. Въ это время передовые казаки, завернувъ въ лощину, увидѣли турецкую фуражировку. Вся иррегулярная конница гикнула за ними въ шашки и турки, отрѣзанные отъ крѣпости, частью были изрублены, частью захвачены въ плѣнъ, и только немногимъ удалось бѣжать въ сосѣднія горы.

Къ ночи отрядъ прошелъ еще верстъ 15-ть и остановился въ долинѣ рѣчки Индуса-Су, въ окрестныхъ горахъ которой укрывалась шайка знаменитаго разбойника Ишимъ-Оглы. Ночь была темная, дождь лилъ какъ изъ ведра,—а между тѣмъ людямъ не велѣно было спать, и отрядъ всю ночь держалъ лошадей въ поводу. Два дня ходили затѣмъ по горамъ, замыкающимъ Карскую равнину со стороны Ардагана, захватили нѣсколько вооруженныхъ разбойниковъ, но, главное, скопище заблаговременно успѣло откочевать въ Аджарію. На третью ночь позволено было наконецъ разложить огни, но вслѣдъ затѣмъ явились лазутчики съ извѣстіемъ, что какой то турецкій отрядъ идетъ изъ Ардагана къ Карсу. Черезъ четверть часа отрядъ полною рысью шелъ уже на встрѣчу непріятелю; но такъ какъ свѣдѣнія не подтвердились, то Баклановъ направился наперерѣзъ дороги, идущей изъ Ольты черезъ Гельскій санджакъ и сдѣлалъ засаду подъ самыми стѣнами Карса, разсчитывая, что турки, о которыхъ все еще носились слухи, вздумаютъ пробираться этою окольною дорогою. Убѣдившись однакоже, что непріятеля и въ этомъ направленіи ожидать нельзя, отрядъ передъ разсвѣтомъ обогнулъ опять Шараxскія высоты и вышелъ на равнину, какъ-разъ къ своему главному лагерю. Замѣчательно, что послѣ 60-ти верстныхъ переходовъ, дѣлаемыхъ въ сутки, послѣ четырехъ безсонныхъ ночей, проведенныхъ подъ про-

ливнымъ дождемъ, при рѣзкомъ и холодномъ вѣтрѣ—въ отрядѣ Бакланова не было ни одного заболѣвшаго солдата.

9-го іюля Баклановъ съ значительнымъ числомъ иррегулярной кавалеріи еще разъ обошелъ окрестности Карса, а вслѣдъ затѣмъ главнокомандующій самъ предпринялъ вторичный поискъ за Саганлугъ, съ тѣмъ чтобы разбить вспомогательный турецкій корпусъ, стоявшій, подъ начальствомъ Вели-Паши, у Керпи-Кева.

Болѣзнь — послѣдствіе старинныхъ ранъ — помѣшала Якову Петровичу принять участіе въ этой экспедиціи. Однакоже наканунѣ своего отъѣзда Муравьевъ посѣтилъ Бакланова и долго бесѣдовалъ съ нимъ о цѣли своего похода. «Когда главнокомандующій — разсказываетъ Яковъ Петровичъ: — сказалъ мнѣ, что планъ заключается въ томъ, что кавалерія главнаго отряда, отправленная впередъ, должна обойти лѣвый флангъ непріятеля и стать на его сообщеніяхъ съ Арзерумомъ, между тѣмъ какъ эриванскій отрядъ будетъ наступать на непріятеля съ фронта, — я отвѣчалъ, что выполненіе на дѣлѣ такого сложнаго маневра встрѣтитъ не малыя затрудненія, во-первыхъ потому, что съ правой стороны Керпи-Кева тянутся сплошныя болота, о чемъ я разузналъ подробно еще во время своего набѣга къ Бегли-Ахматъ и Чаплакли, а во-вторыхъ, при подобныхъ дѣйствіяхъ трудно будетъ избѣжать недоразумѣнія между обоими лицами. Главнокомандующій возразилъ мнѣ, «что этого опасаться нельзя, потому что дѣло отдано имъ въ надежныя руки». Къ сожалѣнію, случилось именно такъ, какъ я говорилъ: недоразумѣнія были, и Вели-Паша ушелъ въ Арзерумъ, не оставивъ въ нашихъ рукахъ ни одного солдата, ни одной повозки изъ своего обоза».

Въ то время какъ главныя силы ходили за Саганлугъ, войска, оставшіяся подъ Карсомъ, подъ командою Бриммера, продолжали содержать блокаду. Время было горячее. Турки почти ежедневно стали выходить изъ крѣпости въ значительныхъ силахъ, угрожая нападеніемъ на нашихъ фуражировъ. Чтобы остановить непріятеля, надо было держать его въ страхѣ, а этого можно было достигнуть только брзпрерывными тревогами на его сообщеніяхъ. Бриммеръ поручилъ Бакланову взять линейный казачій полкъ съ дивизіономъ черкесской милиціи и произвести поискъ къ сѣверу отъ Карса.

Баклановъ выступалъ 21 іюля и на разсвѣтѣ слѣдующаго дня открылъ вьючный транспортъ, пробиравшійся горными тропинками къ Карсу. И турки, и казаки увидѣли другъ друга почти одновременно, но между тѣмъ какъ вьючники стремились къ воротамъ укрѣпленія, стараясь избѣжать погони, Баклановъ во весь опоръ летѣлъ наперерѣзъ и въ разстояніи двухъ пушечныхъ выстрѣловъ отъ крѣпости перехватилъ весь транспортъ. Въ Карсѣ ударили тревогу. Толпы башибузуковъ,

регулярная конница, пѣхота, орудія — все двинулось въ поле; но такъ какъ нашъ отрядъ, исполнивъ свое дѣло, сталъ отходить назадъ, то они не рѣшились преслѣдовать.

Сдавъ транспортъ въ Комацурѣ, Баклановъ отправился на новые поиски. 24 іюля утромъ онъ былъ за Карадагомъ, гдѣ, мимоходомъ, разогналъ турецкую фуражировку, отбилъ табунъ рогатаго скота, ходившій за Карсъ-Чаемъ, и захватилъ нѣсколько плѣнныхъ. Отсюда онъ перешелъ къ Меликъ-Кею и, думая развить партизанскія дѣйствія, притянулъ къ себѣ еще летучіе отряды полковниковъ Унгерна и Едигарова. Оба отряда прибыли ночью и, такимъ образомъ, на главныхъ сообщеніяхъ Анатолійской арміи съ сѣверными провинціями стала масса нашей кавалеріи, силою до 2000 коней.

«До сихъ поръ всѣ наши дѣйствія — писалъ Муравьевъ къ военному министру: — шли весьма успѣшно: генералъ Бриммеръ, оставленный подъ Карсомъ, содержалъ городъ, посредствомъ дѣятельнаго и опытнаго генерала Бакланова въ тѣсной и строгой блокадѣ,—но 26-го числа предпринята была имъ фуражировка, во время которой войска попали подъ выстрѣлы крѣпости и понесли чувствительную потерю».

Въ этотъ самый день Баклановъ, ничего не зная о предпріятіи Бриммера, проходилъ съ своими летучими отрядами мимо Карадагской возвышенности. Вдругъ онъ услыхалъ страшную кононаду, загорѣвшуюся по южному фронту непріятельской линіи и, проскакавъ впередъ, съ удивленіемъ увидѣлъ нашу пѣхоту, отступавшую уже отъ нижняго турецкаго лагеря. Не понимая въ чемъ дѣло, но убѣдившись въ одномъ, что все вниманіе непріятеля обращено въ ту сторону, Баклановъ бросился съ кабардинскою сотнею прямо на Карадагъ и, проскакавъ подъ самымъ брустверомъ, отхватилъ большое стадо рогатаго скота, ходившее на гласисѣ крѣпости. Пока ошеломленные турки собрались открыть по немъ орудійный огонь,—Баклановъ былъ уже внѣ выстрѣла и къ вечеру съ своею добычею возвратился опять на главную позицію.

Затѣмъ, по возвращеніи главнокомандующаго изъ-за Саганлуга, приступлено было къ тѣсной блокадѣ крѣпости; Баклановъ назначенъ былъ командовать отдѣльнымъ кавалерійскимъ отрядомъ, который, расположившись у Меликъ-Кея, долженъ былъ наблюдать за сѣверною стороною Карса.

Но прежде чѣмъ стать на эту позицію, Яковъ Петровичъ еще разъ предпринялъ движеніе на ардаганскую дорогу, съ тѣмъ чтобы выслѣдить транспортъ, стоявшій въ Пенякахъ и, если возможно, выманить изъ крѣпости часть гарнизона и разбить его въ полѣ. Для этого Баклановъ, зная, что турки подсылаютъ лазутчиковъ слѣдить за его движеніями,

часто останавливался ночевать въ такихъ котловинахъ, изъ которыхъ, повидимому, не было выхода.

— Чѣмъ хуже позиція, — говаривалъ при этомъ Баклановъ: — тѣмъ болѣе вѣроятія ждать непріятеля; прошу васъ, господа, только запомнить мои наставленія: днемъ аванпосты успѣютъ дать знать заблаговременно о приближеніи непріятеля, — значитъ напрасно тревожить отряда нечего: пусть люди высыпаются. Я требую строгаго исполненія моихъ приказаній, а не мелочныхъ формальностей. Приходите ко мнѣ и днемъ и ночью, приходите за-просто, такъ какъ застанете меня (генералъ стоялъ въ это время въ широкихъ казачьихъ шароварахъ, въ рубашкѣ, безъ сюртука). Теперь дни жаркіе, а такъ и легче, и удобнѣе. Но помните, что ночью непріятель можетъ появиться внезапно, и намъ придется выдерживать бой, пока другіе не подоспѣютъ отрѣзать ему отступленіе. Поэтому послѣ вчерашняго водопоя всѣ лошади осѣдланы, мундштуки надѣты, люди спятъ въ аммуниціи. Въ драгунскихъ эскадронахъ ружья составлены въ козлы; по тревогѣ драгуны разбираютъ ихъ и строятся пѣшкомъ. Здѣсь, на пересѣченной мѣстности, они должны мнѣ замѣнить пѣхоту. Пикинеры, казаки и милиція садятся на коней и ждутъ моихъ приказаній: одна часть встрѣчаетъ непріятеля, другая — прикрываетъ коноводовъ».

«Подобными распоряженіями — говоритъ очевидецъ: — руководствовались и прежніе летучіе отряды, ходившіе подъ командою этого генерала. Бывало нѣсколько разъ въ ночь онъ самъ слетаетъ на аванпосты, самъ обойдетъ весь лагерь, правда, не надѣвая для этого формы, а по-просту, въ одной рубашкѣ, часто босикомъ, но за то ничего не проглядитъ его орлиный взглядъ, все замѣтитъ, все выслѣдитъ, и добрый геній его бодрствуетъ нерѣдко одинъ надъ спящимъ отрядомъ».

Проходивъ нѣсколько дней и все-таки не выманивъ изъ крѣпости турокъ, смѣкнувшихъ чѣмъ пахнетъ подобное дѣло, Баклановъ вернулся въ Меликъ-Кей и сталъ въ блокадную линію. Съ этихъ поръ летучій отрядъ его состоялъ изъ полковъ: Тверскаго драгунскаго, Донскаго казачьяго № 35, 1-го сборно-линейнаго казачьяго князя Витгенштейна, дивизіона черкесской милиціи и конной донской батареи подполковника Двухжонваго.

Раскинувъ ставку на высокой скалистой горѣ, съ которой видны были окрестности города, Баклановъ сдѣлался грозою турокъ, не позволяя имъ выглянуть изъ своихъ окоповъ. Его казаки безпрерывно гарцовали подъ самыми укрѣпленіями, и ни одинъ табунъ, выгоняемый на пастьбу, ни одна фуражировка, направлявшаяся изъ крѣпости, не ускользали изъ подъ ихъ ударовъ. Самъ Яковъ Петровичъ не зналъ въ это время покоя: дни проводилъ онъ въ полѣ, на конѣ, гарцуя съ своими каза-

ками, или въ палаткѣ, откуда по цѣлымъ часамъ слѣдилъ за тѣмъ, что дѣлается въ Карсѣ. Ночь заставала его внѣ лагеря, пробиравшагося самъ-другъ, или самъ-третій къ турецкимъ укрѣпленіямъ: тамъ онъ провѣрялъ показанія лазутчиковъ и личныя свои наблюденія, сдѣланныя днемъ въ подзорную трубу надъ новыми батареями, изучалъ окрестную мѣстность и скоро достигъ того, что зналъ каждый камень и кустъ, лежавшіе по дорогѣ къ Карсу. Турки знали страшнаго для нихъ генерала и, называя его «Бакланъ-Пашею» и «Батманъ Клычъ» (богатырь съ полупудовымъ мечемъ)—разсказывали чудеса о его сверхъ-естественной силѣ.

Какъ велико было нравственное вліяніе Якова Петровича на наши войска, объ этомъ можно судить потому, что иногда во время фуражировокъ онъ отдавалъ приказъ убрать аванпостную цѣпь и, лежа на высокомъ курганѣ съ неизмѣнною Ермоловскою трубою *), кричалъ солдатамъ: «ребята не бойтесь, я самъ караулю васъ!» Солдаты до фанатизма вѣровавшіе въ Бакланова, кричали «ура» и бросались выкашивать траву подъ самыми стѣнами крѣпости. «Почему имъ турки не рѣзали головъ,—замѣчаетъ одинъ очевидецъ:—это остается тайною.» Надо полагать, что, зная Бакланова, турки подозрѣвали военную хитрость и не хотѣли попасться въ ловушку. Два, три случая окончательно убѣдили ихъ въ той мысли, что для Бакланова нѣтъ ничего невозможнаго **).

Набѣги Якова Петровича дѣйствительно отличались необыкновенною смѣлостью, такъ напр., однажды, замѣтивъ стадо, ходившее на пастьбѣ между самыми укрѣпленіями, онъ поручилъ есаулу Наслѣдышеву отогнать, что можно, а самъ устроилъ засаду въ крутомъ оврагѣ при сліяніи Бердыка съ Карсъ-Чаемъ. Наслѣдышевъ съ двадцатью охотниками среди бѣлаго дня сдѣлалъ быстрый налетъ въ д. Калаба-Килисса, расположенную въ ущельяхъ около самаго города и выхватилъ оттуда непріятельское стадо, не смотря на перекрестный огонь съ батарей, мимо которыхъ онъ долженъ былъ скакать съ своею добычею. Башибузуки пустились было въ догонку, но, замѣтивъ двѣ Баклановскія сотни, скакавшія на нихъ съ опущенными пиками, повернули назадъ.

Въ другой разъ, гарцуя съ своими казаками, Баклановъ вдругъ бросился на Карадагскія высоты и изъ-подъ самыхъ батарей, открыв-

*) Подзорная труба эта была подарена Якову Петровичу сыномъ Ермолова, служившимъ адъютантомъ при Н. Н. Муравьевѣ.

**) Однажды въ разговорѣ съ плѣнными турками, кто-то шутя сказалъ, что Баклановъ нѣсколько разъ ходилъ переодѣтымъ въ Карсѣ по ихъ лагерямъ. Турки тотчасъ-же повѣрили и стали припоминать между собою какіе-то два случая, когда по лагерямъ ходилъ незнакомый человѣкъ такой наружности, которая на всѣхъ производила сильнѣйшее впечатлѣніе.

шихъ по немъ огонь ядрами и картечью, угналъ табунъ и взялъ 19 плѣнныхъ.

Какъ ни великъ былъ страхъ, внушенный Баклановымъ, однакоже необходимость пополнять фуражные запасы заставляла турокъ время отъ времени высылать изъ Карса сильныя колонны фуражировъ. Если подобныя фуражировки назначались къ сторонѣ Меликъ-Кея, то въ прикрытіе къ нимъ назначались обыкновенно регулярныя войска и принимались всевозможныя мѣры противъ внезапныхъ нападеній; но, не смотря на это, Баклановъ всегда захватывалъ колонны врасплохъ, наносилъ имъ страшныя пораженія, забиралъ лошадей, скотъ, оружіе и плѣнныхъ. Долго ни турки, ни наши солдаты не могли понять, какимъ образомъ Баклановъ знаетъ время, когда выходятъ турецкіе фуражиры. Изъ лагеря положительно нельзя было видѣть того, что дѣлается по ту сторону Карадагской горы, а между тѣмъ едва растворялись крѣпостныя ворота, какъ казаки скакали уже изъ Меликъ-Кея и нападали, прежде нежели турецкіе гонцы изъ Карса успѣвали предупреждать своихъ о грозящей опасности. Это наводило на турокъ суевѣрный страхъ, а дѣло въ сущности было простое: Баклановъ распорядился, чтобы пикетъ, стоявшій особо на самомъ отдаленномъ курганѣ, при появленіи непріятеля поднималъ на пикѣ едва замѣтный бѣлый значекъ, который служилъ сигналомъ, что надо было скакать на тревогу.

Первое подобное дѣло случилось 18 августа. Яковъ Петровичъ, спокойно сидѣвшій въ своей палаткѣ, вдругъ крикнулъ: «казаки на-конь!» и во весь опоръ понесся съ ними по лѣвому берегу Карсъ-Чая. Почему началась тревога, казаки узнали только тогда, когда, вскочивъ на Карадагскія высоты, увидѣли внизу большую турецкую фуражировку. Ошеломленные внезапнымъ нападеніемъ, турки бросились бѣжать, разметавъ по полю собранные вьюки съ травою и хлѣбомъ. Башибузуки ускакали первыми. Въ погонѣ за ними казаки наткнулись на регулярную конницу, смяли ее и гнали почти до самыхъ воротъ укрѣпленія. Одно орудіе изъ батареи Двухжоннаго, заскакавъ впередъ, осыпало бѣгущихъ картечью... Уланы, башибузуки, фуражиры столпились въ одну безпорядочную массу и гибли подъ ударами казачьихъ шашекъ. Напрасно, чтобы отогнать казаковъ, турки начали дѣйствовать изъ орудій большаго калибра: ядра летѣли надъ головами, и вся наша потеря состояла изъ одного раненаго офицера-горца, да трехъ убитыхъ казачьихъ лошадей.

Другое, еще сильнѣйшее пораженіе непріятель понесъ 22 августа. Турки, фуражировавшіе въ этотъ день на правомъ берегу Карсъ-Чая, удалились отъ крѣпости на значительное разстояніе и дали возможность отрѣзать себѣ отступленіе. Черкесская милиція первая понеслась на тревогу и, перескочивъ Карсъ-Чай, гикнула въ шашки. Башибузуки, пре-

восходные числомъ, осадили горцевъ. Къ счастію на помощь къ нимъ подоспѣли двѣ сотни линейцевъ, а вслѣдъ за ними прискакалъ самъ Баклановъ съ остальными казаками, орудіемъ и 14-ю ракетными станками.

Какъ только вся эта масса врѣзалась въ середину турецкихъ фуражировъ и ракеты пустили бѣглый огонь,—башибузуки бѣжали въ разныя стороны. Большая часть ихъ была однакоже отрѣзана отъ Карса и истреблена въ быстрой погонѣ къ сторонѣ Александрополя. Въ эту минуту изъ крѣпостныхъ воротъ выѣхалъ полкъ турецкой кавалеріи и съ опущенными пиками кинулся вслѣдъ за казаками. Тогда драгуны, спрятанные Баклановымъ за Карадагскою высотою, пустились ему наперерѣзъ, а батарея Двухжоннаго ударила картечью, и смѣшавшіеся уланы, обгоняя другъ друга, поскакали обратно. Пораженіе было рѣшительное. «Въ этомъ дѣлѣ, разсказываетъ Баклановъ:—я съ удивленіемъ увидѣлъ, что выстрѣлы турецкихъ орудій были направлены не въ насъ, а въ толпы бѣжавшихъ башибузуковъ, значительная часть которыхъ была перебита собственными снарядами.

Хлопотливый день смѣнился еще болѣе хлопотливою ночью, потому что турецкая кавалерія, вышедшая изъ Карса, вздумала пробиться въ Эрзерумъ по Самоватскому ущелью и наткнулась на засаду, устроенную нижегородцами. Яковъ Петровичъ не принялъ прямаго участія въ истребленіи этой кавалеріи; но его распоряженіе по блокадной линіи весьма содѣйствовало общему успѣху.

Наконецъ, послѣднее пораженіе нанесено было туркамъ въ полдень 11-го сентября, когда Яковъ Петровичъ самъ устроилъ засаду подъ Карадагскими высотами. Какъ только турецкая колонна стала выходить изъ Карса, казаки разомъ кинулись на нее со всѣхъ сторонъ, смяли и, несмотря на огонь, открытый съ карадагскихъ батарей, гнали и рубили бѣгущихъ до самаго укрѣпленнаго лагеря. Одинъ кабардинецъ ворвался даже въ ворота, но былъ израненъ пиками и саблями башибузуковъ. Казаки однакоже успѣли его выручить. Кромѣ этого кабардинца потери у насъ не было. Турки потеряли сорокъ двѣ лошади и 12 плѣнныхъ, въ числѣ которыхъ находился безсмѣнный ординарецъ самого мушира. Въ донесеніи Баклановъ, по своему обыкновенію, не упоминалъ о числѣ убитыхъ турокъ, но полагалъ, что приблизительно потеря ихъ простирается до 40 человѣкъ, потому что кромѣ труповъ, лежавшихъ на полѣ, лазутчики наши, бывшіе въ то время въ Карсѣ, видѣли, какъ провезли черезъ площадь шесть непріятельскихъ тѣлъ и 14 раненыхъ.

За нѣсколько дней передъ этимъ дѣломъ, именно 2-го сентября, Яковъ Петровичъ неожиданно былъ вызванъ изъ Меликъ-Кея въ главную квартиру и слѣдующимъ образомъ описываетъ первый разговоръ, бывшій у него съ главнокомандующимъ по поводу предстоящаго штурма.

«Прибывши въ Чавтли-Чай *),—говоритъ Баклановъ:—я тотчасъ-же отправился къ главнокомандующему, не зная зачѣмъ меня требуютъ. Когда я вошелъ, Муравьевъ сидѣлъ за большимъ письменнымъ столомъ, на которомъ разложены были планы. Сдѣлавъ мнѣ нѣсколько незначущихъ вопросовъ о состояніи меликъ-кейскаго отряда, главнокомандующій вдругъ перемѣнилъ разговоръ

— Яковъ Петровичъ! посмотрите сюда: можете-ли вы сказать, что это такое? — Онъ показалъ рукою на развернутую карту.

Я подошелъ къ столу и началъ внимательно разсматривать планъ, на которомъ красными и синими черточками обозначалось движеніе войскъ.

— Это планъ штурма! — воскликнулъ я, не умѣя скрыть своего изумленія.

— Такъ, вы угадали,— живо возразилъ Муравьевъ: — скажите-же мнѣ, что вы можете сдѣлать со своею кавалеріею, если я поведу атаку на Шорахскія высоты?

Этотъ вопросъ поставилъ меня въ затрудненіе. Я зналъ, что главнокомандующему были уже извѣстны мои сужденія, не разъ высказываемыя въ кругу сослуживцевъ о невозможности въ то время штурма, а потому рѣшился быть осторожнѣе.

— За всю мою долговременную службу я не пріучилъ себя въ подобныхъ случаяхъ давать свои личныя мнѣнія, — отвѣчалъ я уклончиво. — Съ меня довольно въ точности исполнить ваше распоряженіе. Приказывайте! и если ваши приказанія будутъ удобоисполнимы, вѣрьте сдѣлаю болѣе того, что вы желаете, въ противномъ случаѣ не будьте ко мнѣ взыскательны.

— Знаю, знаю, что вы хотите сказать этимъ,—перебилъ меня Муравьевъ; но предваряю васъ — мое рѣшеніе неизмѣнно. Скажите одно: если я атакую Шорахъ, можете-ли вы съ кавалеріей заскакать въ тылъ Шорахскимъ укрѣпленіямъ?

— На такой вопросъ я не могу отвѣчать сію минуту, дайте мнѣ время подумать: я осмотрю мѣстность и тогда доложу обстоятельно.

— А какъ вы осмотрите мѣстность?

— Въ одну прекрасную ночь я отправлюсь лично съ моими пластунами къ чакмахскимъ батареямъ, осмотрю ихъ, измѣрю рвы и спущусь въ Шорахскій оврагъ, чтобы видѣть, куда вести кавалерію.

— Этого не можетъ быть!—сказалъ Муравьевъ.

— Въ такомъ случаѣ я докажу вамъ противное.

— Хорошо, посмотримъ; черезъ два дня я жду вашего отвѣта.

*) Въ с. Чавтли-Чаѣ была расположена главная квартира.

Затѣмъ онъ изложилъ въ короткихъ словахъ общее предначертаніе штурма и отпустилъ меня, предваривъ, чтобы все сказанное оставалось въ тайнѣ.

Возвратясь домой, я тотчасъ потребовалъ къ себѣ стараго своего безсмѣннаго ординарца Скопина *) и приказалъ ему съ тремя пластунами ночью пробраться на Чакмахъ и осмотрѣть турецкія укрѣпленія.

— Не допускаю мысли—сказалъ я ему на прощаніе:—чтобы ты, мой неизмѣнный боевой товарищъ, отступилъ передъ опасностью; но предваряю, что завтра ты поведешь меня, и если твои показанія окажутся невѣрными, то я какъ трусу собственною рукою размозжу тебѣ голову.

Какъ только стемнѣло, я самъ проводилъ пластуновъ за аванпостную цѣпь и, возвратясь въ палатку, провелъ цѣлую ночь въ самомъ мучительномъ состояніи. Сонъ меня покинулъ; мнѣ все казалось: вотъ-вотъ гдѣ-нибудь раздастся предательскій выстрѣлъ, и мои пластуны будутъ открыты. Я вздрагивалъ при каждомъ шорохѣ, но сколько ни напрягалъ и слухъ и зрѣніе, ни единаго звука не долетало до меня со стороны непріятеля. Нѣтъ, видно мои молодцы работаютъ на-чистоту, по кавказски—подумалъ я, и только сталъ забываться дремотою, какъ слышу кто-то назвалъ меня по имени. Это былъ Скопинъ съ своими товарищами.

Они передали мнѣ слѣдующее:

Вся линія чакмахскихъ укрѣпленій, обращенная фронтомъ къ сторонѣ Меликъ-Кея, тянется отъ самой рѣчки Карсъ-Чая вплоть до Шорахскаго оврага и состоитъ изъ трехъ люнетовъ, вооруженныхъ 15-ю орудіями и связанныхъ между собою непрерывнымъ брустверомъ. Люнеты закрыты съ горжи; но, благодаря ничтожности рвовъ, могутъ быть взяты одною кавалеріею. За то лѣвѣе ихъ, на самомъ изгибѣ Шорахскаго оврага, находится фортъ, называемый Вели-Табіею, который носитъ характеръ временнаго укрѣпленія и вооруженъ тридцатью двумя орудіями; глубокіе рвы снабжены подъемнымъ мостомъ, убирающимся однакоже на ночь. Самый оврагъ, по словамъ Скопина, былъ доступенъ для кавалеріи только въ своихъ верховьяхъ, но далѣе оканчивался вездѣ такими обрывами, что всадники могли спускаться въ него не иначе, какъ переводя лошадей въ поводу подъ огнемъ съ четырехъ батарей, расположенныхъ на ближній картечный выстрѣлъ.

На слѣдующій день, какъ только смерклось, я, въ сопровожденіи трехъ пластуновъ, вполнѣ мнѣ преданныхъ, выѣхалъ изъ лагеря. Оставивъ на главной заставѣ своихъ лошадей мы пѣшкомъ поднялись на Чакмахскую гору и стали подбираться къ турецкимъ редутамъ такъ

*) Скопинъ въ это время былъ есауломъ.

тихо, что часовые, ходившіе на валахъ укрѣпленія, не обратили на насъ ни малѣйшаго вниманія. Къ полуночи всѣ батареи были осмотрѣны, рвы вымѣрены, орудія сосчитаны и Шорахскій оврагъ изслѣдованъ до самой Вели-Табіи. Отсюда я повернулъ назадъ и, благополучно выбравшись къ своимъ аванпостамъ, отпустилъ пластуновъ, а самъ, не переодѣваясь, какъ былъ, въ походномъ полушубкѣ, сѣлъ на коня и поѣхалъ въ главную квартиру.

Несмотря на ранній часъ утра, въ ставкѣ главнокомандующаго горѣли свѣчи. Онъ принялъ меня немедленно, и я въ короткихъ словахъ объяснилъ ему результаты своего осмотра. Кавалерія — сказалъ я: — должна скакать на протяженіи трехъ верстъ подъ огнемъ сорока семи орудій. Девять десятыхъ изъ нея конечно останется на мѣстѣ и если на Шорахъ прискачутъ со мною триста, четыреста всадниковъ — они не принесутъ ни малѣйшей пользы.

Главнокомандующій замѣтилъ, что я преувеличиваю опасность.

— Я сужу по мѣстности, которую видѣлъ — отвѣчалъ я: — но, впрочемъ, если будетъ угодно, пошлите со мной офицера генеральнаго штаба: я проведу его сквозь линіи турецкихъ укрѣпленій — и, если Богъ сохранитъ намъ жизнь, вы будете имѣть подробный планъ, начертанный искусною рукою.

— Этого не нужно—возразилъ главнокомандующій: я вѣрю вашимъ словамъ, но что же вы беретесь сдѣлать съ вашею кавалеріею?

— Сдѣлаю все, что будетъ возможно. Но прежде я попросилъ бы откровенно высказать свои собственныя мысли. Выслушавъ меня, быть можетъ вы остановитесь, быть можетъ нѣтъ: по крайней мѣрѣ я не упрекну себя въ молчаніи.

— Говорите, сказалъ Муравьевъ: посмотримъ, какъ вамъ удастся поколебать мое непреклонное рѣшеніе.

— Если ваше рѣшеніе дѣйствительно непреклонно,—отвѣчалъ я:— въ такомъ случаѣ я все-таки исполню свой долгъ и буду откровененъ.

Прежде всего я указалъ ему на неточность тѣхъ плановъ и свѣдѣній о Карскихъ укрѣпленіяхъ, на которыхъ онъ основывалъ свои предположенія. Въ прошедшій разъ—сказалъ я:—вамъ было угодно показать мнѣ на планѣ ворота, въ которыя должна войти 18-я дивизія. Вы говорили: ворвавшись, полки распространятся направо и налѣво по валамъ укрѣпленій. На это скажу вамъ: не разъ, а десятки разъ въ лунныя ночи проѣзжалъ я съ моими пластунами по этимъ мѣстамъ въ разстояніи близкаго ружейнаго выстрѣла отъ непріятеля и признаюсь: тріумфальныхъ воротъ, поставленныхъ для торжественнаго вступленія нашихъ войскъ, не видѣлъ. Тамъ есть калитка, куда спѣшенные кавалеристы водятъ своихъ лошадей; но если туда попадетъ дивизія — она будетъ

разстрѣлена, прежде чѣмъ головная рота успѣетъ протѣсниться въ эти ворота. Время удобное для приступа нами пропущено. Карсъ надо было брать, пользуясь тѣмъ впечатлѣніемъ, которое произвело на турокъ прибытіе нашего корпуса, сильнаго, бодраго и страшнаго своими побѣдами. Теперь впечатлѣніе это ослабло; турки опомнились; они возвели на нашихъ глазахъ цѣлый рядъ укрѣпленій и будутъ драться отчаянно, полагая, что неудача заставитъ насъ отступить отъ крѣпости.

Далѣе: успѣхъ вашъ вы основываете на томъ предположеніи, что найдете непріятельскія батареи, открытыми съ горжи. Можетъ быть это и такъ; но на Чакмахѣ есть горжи; нѣтъ, стало быть, причины предполагать, чтобы ихъ не было и на Шорахѣ. Къ тому же въ войскахъ не приготовлено ни лѣстницъ, ни фашинника, а безъ этихъ пособниковъ исторія не учитъ насъ брать сильныя крѣпости. Если вамъ извѣстны иныя средства, научите имъ прежде насъ, вашихъ ближайшихъ сотрудниковъ. Простите мнѣ выраженія, облеченныя быть можетъ въ рѣзкую форму. Не пріучилъ я себя съ молоду говорить иначе. Не скрою отъ васъ и того, что, блокируя Карсъ въ теченіе многихъ мѣсяцевъ, мы ровно ничего не сдѣлали, чтобы ознакомиться съ положеніемъ крѣпости. Колонны конечно двинутся ночью, но тѣ, кто поведетъ ихъ, не зная мѣстности, могутъ ошибиться направленіемъ, или встрѣтить препятствія о которыхъ никогда не думали. Этихъ случайностей вы отвратить не можете, а между тѣмъ онѣ способны обратить въ ничто всѣ ваши разсчеты, и тогда тяжелая отвѣтственность въ потерѣ лучшей и храбрѣйшей арміи ляжетъ прямо на васъ, ея главнокомандующаго. Не торопитесь приступомъ: время года, скудные съѣстные припасы гарнизона — все предвѣщаетъ близкое паденіе крѣпости. Черезъ мѣсяцъ, много черезъ два — Карсъ со всею Анатоліею и безъ пролитія крови будетъ въ вашихъ рукахъ. Но если обстоятельства, мнѣ неизвѣстныя, побуждаютъ васъ безотлагательно испытать для покоренія крѣпости такое крайнее средство, какъ приступъ, тогда ведите главную атаку противъ Чакмахскихъ высотъ: онѣ доступнѣе и могутъ быть взяты съ меньшею потерею, нежели Шорахскія. Завладѣвъ Чакмахомъ, мы охватимъ сильныя Шорахскія укрѣпленія съ тылу, и гарнизонъ ихъ, лишенный сообщенія съ крѣпостью, вынужденъ будетъ или заблаговременно очистить редуты, или пробиться въ поле, или штурмовать насъ самихъ на Чакмахѣ. Но то и другое, и третье немыслимо для турокъ. Вѣрнѣе всего они положатъ оружіе. Говорю это съ увѣренностью, потому что знаю Чакмахъ и Шорахъ не по однимъ разсказамъ. Скажу еще болѣе: съ одною моею кавалеріею я берусь занять всю линію чакмахскихъ батарей, за исключеніемъ Вели-Табіи. Поддержите меня.

— А сколько вамъ надо пѣхоты? спросилъ главнокомандующій.

— Восемь баталіоновъ.

— Этого я не могу дать.

— Въ такомъ случаѣ не могу принять на себя и отвѣтственности за успѣхъ предпріятія, отвѣчалъ я.

— Вели-Табія очень сильна, а, не завладѣвъ ею, нельзя будетъ удержаться и на Чакмахѣ: турки разстрѣляютъ насъ перекрестнымъ огнемъ. Но, разъ, рѣшаясь на штурмъ, не пожалѣйте войска. Шорахъ вы не возьмете и съ 15 баталіонами, въ этомъ да будетъ вамъ порукою моя голова, посѣдѣвшая въ битвахъ.

Муравьевъ медленно приподнялся съ мѣста.

— Генералъ, сказалъ онъ рѣзко, дѣлая удареніе на каждомъ словѣ: въ отвѣтъ на вашу рѣчь напомню вамъ русскую пословицу: яйца курицу не учатъ, а слушаютъ. Вы слишкомъ опрометчиво ручаетесь своею головою; потому я возвращаю вамъ ваше слово назадъ. Возвратитесь къ отряду. Наканунѣ приступа получите вы приказанія, которыя я обязываю васъ исполнить въ точности.

Съ тяжелымъ предчувствіемъ выѣхалъ я изъ главной квартиры, давъ себѣ слово болѣе ни во что не вмѣшиваться и исполнять только то, что будетъ приказано. Случай заставилъ меня однакоже скоро отказаться отъ своего намѣренія. Разъ, передъ вечеромъ, я лежалъ въ своей палаткѣ и, по обыкновенію, смотрѣлъ въ подзорную трубу на то, что дѣлается въ Карсѣ. Вдругъ мнѣ показалось, что на Чакмахѣ происходитъ какое-то необыкновенное движеніе. Я началъ вглядываться и скоро убѣдился, что турки производили ученье: войска ихъ по барабанному бою входили въ редуты и стройно, безъ суматохи, становились на валахъ укрѣпленія. Какъ молнія мелькнула въ головѣ моей мысль, что турки знаютъ о предстоящемъ штурмѣ и я, подъ этимъ впечатлѣніемъ схвативъ перо, тотчасъ написалъ записку главнокомандующему. Муравьевъ оставилъ ее безъ отвѣта.»

15-го сентября главнокомандующій собралъ у себя для совѣщанія нѣкоторыхъ лицъ, пользовавшихся его особенною довѣренностью; но въ строгомъ смыслѣ это не былъ военный совѣтъ, потому что вопросъ о томъ, быть или не быть штурму — не былъ передаваемъ на общее обсужденіе. Генералъ-адъютантъ Муравьевъ просто изложилъ причины, заставившія его рѣшиться на приступъ и затѣмъ приказалъ прочитать диспозицію...

Баклановъ въ этомъ военномъ совѣтѣ не участвовалъ. Онъ оставался въ Меликъ-Кёѣ, и только на слѣдующій день съ удивленіемъ узналъ изъ полученныхъ бумагъ, что штурмъ Чакмакскихъ высотъ порученъ былъ не ему, а генералу Базину, который съ тремя баталіонами долженъ былъ прибыть изъ-подъ Ардагана.

Базинъ дѣйствительно прибылъ 16-го числа, и какъ старшій въ чинѣ принялъ начальство надъ отрядомъ. До сихъ поръ однакоже онъ не имѣлъ еще случая принимать участія въ военныхъ дѣйствіяхъ, а потому, придвинутый къ Карсу только за нѣсколько часовъ до приступа, по необходимости вынужденъ былъ ограничиться самымъ поверхностнымъ знакомствомъ съ турецкими укрѣпленіями, насколько можно было видѣть ихъ въ зрительную трубу съ передовыхъ высотъ, занятыхъ нашими аванпостами. Само собою разумѣется, что подобнаго знакомства было бы весьма недостаточно, если бы Баклановъ не принялъ на себя обязанности лично сопровождать повсюду генерала Базина и дополнять своими разсказами то, чего нельзя было видѣть ни въ какія зрительныя трубы. Занимая эти мѣста съ самаго начала блокады, Баклановъ зналъ Чакмахскія высоты какъ свои собственныя владѣнія, — и указанія его, безспорно, имѣли для Базина неоцѣненную важность.

Между тѣмъ передъ самымъ вечеромъ въ отрядъ пріѣхалъ изъ Ардагана одинъ офицеръ, который передалъ за вѣрное, что ардаганскимъ жителямъ извѣстно о нашихъ приготовленіяхъ къ штурму. Пораженный этимъ извѣстіемъ Яковъ Петровичъ немедленно сообщилъ о томъ главнокомандующему, прибавивъ: «Теперь болѣе чѣмъ когда нибудь не нахожу нужнымъ брать назадъ мое слово о ручательствѣ своею головою. Да будетъ она готова на плаху, если вамъ удастся занять на Шорахѣ хоть уголъ непріятельскаго редута.»

Въ заключеніе Баклановъ писалъ: «диспозиція объ общемъ движеніи и штурмѣ 17 сентября получена мною въ три часа пополудни. Войска стоятъ на-готовѣ, и если къ вечеру не получу вашихъ приказаній объ отмѣнѣ, то въ назначенный часъ двинусь вмѣстѣ съ Базинымъ по направленію къ Чакмаху.»

Отвѣта не было.

Въ самую полночь три баталіона, прибывшіе съ Базинымъ, выступили изъ лагеря. Особымъ эшолономъ двигалась за нимъ кавалерія съ донскою казачьею батареею. Самъ Баклановъ съ своими пластунами уѣхалъ впередъ, показывая дорогу пѣхотѣ, — и дѣйствительно съумѣлъ незамѣтно подвести ее къ самому подножію Чакмахской возвышенности. Здѣсь приказано было остановиться и отдохнуть, такъ какъ колонна Базина должна была начать атаку нѣсколько позже другихъ, направленныхъ со стороны Шораха. Пользуясь временемъ, Базинъ вызвалъ охотниковъ и поручилъ начальство надъ ними адъютанту главнокомандующаго Клавдію Алексѣевичу Ермолову *).

*) Ермоловъ былъ въ чинѣ капитана.

«Нѣсколько поотдаль отъ войска, на одной разостланной буркѣ лежали Баклановъ, Базинъ и я,— разсказываетъ Ермоловъ:— мы разговаривали въ полголоса. Баклановъ съ напряженнымъ вниманіемъ смотрѣлъ на Шорахъ и давалъ мнѣ наставленія, какъ надо дѣйствовать.»

«Ты — говорилъ онъ: — направляйся съ своими охотниками прямо на крайнюю батарею... Недалеко отсюда будетъ небольшой пригорокъ, черезъ который старайся перебѣжать какъ можно скорѣе, потому что турки хватятъ тебя картечью разомъ изъ трехъ редутовъ. Потеря будетъ большая; но если ты перебѣжишь бугоръ — батарея будетъ взята. Брустверъ въ ней не высокій; подсаживайте одинъ другаго; въ случаѣ пошатнутся охотники—держись: я буду близко и въ ту же минуту прискачу съ казаками... Если ворвешься одинъ, помни: какъ только подоспѣетъ пѣхота—кидайся правѣе; тамъ батареи идутъ за батареями, но это ничего: старайся только захватывать ихъ съ горжи.»

Между тѣмъ стало разсвѣтать; а грозная крѣпость казалась погруженною въ глубокій сонъ: такъ тихо и безмолвно было на ея батареяхъ. Многимъ эта зловѣщая тишина вовсе не казалась зловѣщею; они расчитывали напротивъ, что турки безпечно предаются сну, и торопились воспользоваться благопріятною минутою. Иначе думалъ объ этомъ Баклановъ. «Помрите — сказалъ онъ Базину: турецкая пѣхота стоитъ на валахъ и молча ждетъ нападенія.»

Прошло еще съ полчаса. Вдругъ на Шорахѣ грянулъ пушечный выстрѣлъ, и страшная канонада съ его батарей подтвердила справедливыя опасенія Бакланова. Не теряя времени, Ермоловъ бросился впередъ съ своими охотниками и быстро сталъ подниматься на крутую Чакмахскую гору; пѣхота отъ него не отставала. Ночь еще не развиднѣлась, а потому явилась необходимость узнать, въ какомъ разстояніи находимся мы отъ непріятельскихъ укрѣпленій. Вопросъ этотъ предложили Бакланову.

— Они — отвѣчалъ Яковъ Петровичъ: подпустятъ насъ близко и не будутъ стрѣлять до тѣхъ поръ, пока охотники не появятся вонъ на томъ бугорочкѣ. Теперь же мы находимся отъ батарей на пушечный выстрѣлъ.

Дѣйствительно, какъ только охотники всбѣжали на бугоръ—со всѣхъ батарей грянулъ убійственный залпъ, и непріятельскіе снаряды съ воемъ и визгомъ полетѣли надъ нашими колоннами. Яковъ Петровичъ получилъ тяжелую кантузію ядромъ въ голову, но не оставилъ фронта. Между тѣмъ фланговый редутъ былъ взятъ стремительнымъ натискомъ нашей пѣхоты; но турки перебѣжали въ сосѣднее укрѣпленіе и оттуда начали поражать наши войска сосредоточеннымъ пушечнымъ и ружейнымъ огнемъ. Въ эту минуту Баклановъ, зорко слѣдившій за дѣйствіями пѣхоты,

привелъ въ карьеръ донскую батарею и началъ осыпать непріятеля картечью, къ нему присоединилась пѣшая артиллерія. Тогда, покинувъ и этотъ редутъ, турки искали спасенія уже въ Вели-Табіи; но это постыдное бѣгство послужило только къ ихъ гибели, потому что казаки, взобравшіеся на валъ въ разныхъ мѣстахъ, напали на нихъ въ промежуткѣ между укрѣпленіями.

Третій редутъ, тотчасъ-же занятый нами, отдѣлялся отъ Вели-Табіи глубокою лощиною, вдоль которой съ нашей стороны тянулись завалы, составляющіе родъ траверзовъ. Сюда собралась вся наша пѣхота; а между тѣмъ Баклановъ распорядился ввести въ покинутые редуты спѣшенные казачьи сотни.

Такимъ образомъ, въ исходѣ пятаго часа вся линія Чакмахскихъ укрѣпленій находилась въ нашихъ рукахъ со всею своею артиллеріею. Будь въ это время подъ рукою три, четыре свѣжіе баталіона, можно бы было сдѣлать попытку противъ самой Вели-Табіи. Ермоловъ съ горстью охотниковъ бросился было къ ея укрѣпленіямъ, но встрѣченный картечью изъ тридцати орудій вынужденъ былъ поспѣшно укрыться за траверзами. Надо было ждать подкрѣпленія.

Еще въ разгарѣ самаго боя, когда пѣхота овладѣла первымъ редутомъ, Баклановъ послалъ Скопина, находившагося при немъ безотлучно, извѣстить главнокомандующаго объ этомъ успѣхѣ. Вслѣдъ за нимъ поѣхалъ хорунжій Баклановъ—младшій сынъ Якова Петровича—съ донесеніемъ о занятіи нами уже всей Англійской линіи и съ просьбою прислать подкрѣпленіе.

— Какъ счастливъ ты, — сказалъ главнокомандующій, выслушавъ Скопина, что можешь передавать мнѣ подобное извѣстіе. Взгляни на Шорахъ: тамъ нѣтъ успѣха!

Въ эту минуту подскакалъ къ нему капитанъ Ермоловъ, присланный отъ Базина.

— Ваше высокопревосходительство, — сказалъ онъ: — я присланъ Баклановымъ и Базинымъ просить четыре баталіона.

— Что вы тамъ сдѣлали? спросилъ главнокомандующій.

— Взяли все, что было назначено по диспозиціи,—отвѣчалъ Ермоловъ: — теперь дѣло остановилось; войскъ мало, мы не можемъ взять Вели-Табіи; но если угодно будетъ прислать четыре баталіона, мы перейдемъ оврагъ и черезъ полчаса соединимся съ вами на Шорахѣ. Баклановъ и Базинъ приказали сказать, что головами ручаются за успѣхъ предпріятія.

— Подожди, — сказалъ главнокомандующій отрывисто.

Съ Шароха между тѣмъ получались свѣдѣнія самаго тревожнаго свойства. Послѣдніе резервы или введены были въ дѣло, или двигались туда,

чтобы поддержать колонну Майделя, которая, взобравшись на Шорахское плато, гибла въ безполезныхъ усиліяхъ овладѣть Тахмасъ-Табіею; двѣ остальныя колонны Гагарина и Ковалевскаго были отбиты и отведены обратно въ лагерь. Главнокомандующій казался чрезвычайно озабоченнымъ.

— Скачи скорѣе назадъ — сказалъ онъ наконецъ Ермолову: — и скажи Бакланову и Базину, чтобы отступали; у меня огромная потеря, и я не могу овладѣть Шорахомъ.

Почти въ то же самое время Баклановъ, далеко проѣхавшій вдоль по Шорахскому оврагу прислалъ сказать Базину, что дѣла на Шорахѣ идутъ плохо и что нашей пѣхотѣ надо укрѣпиться, гдѣ стоитъ, или отступить, потому что турки, управившись съ колонною Майделя, тотчасъ пойдутъ на выручку Англійской линіи.

Это предсказаніе не замедлило исполниться. Въ исходѣ 11-го часа утра головы турецкихъ баталіоновъ, спускавшихся съ Шораха, стали показываться уже въ Чакмахской лощинѣ и скоро крайній, ближайшій къ Вели-Табіи редутъ былъ сильно атакованъ непріятелемъ. Три нападенія были отбиты, но держаться долѣе было безполезно. Пріѣхалъ Ермоловъ и передалъ приказаніе отступать: «Шорахъ уже покинули— сказалъ онъ Базину: — потеря громадная; Шорахскую гору не видать за нашими ранеными и убитыми».

Баклановъ вышелъ изъ редутовъ послѣднимъ. По его приказанію казаки подняли на лошадей три непріятельскія орудія, а остальныя, подъ его наблюденіемъ, были заклепаны и сброшены съ лафетовъ.

Вся наша кавалерія, стоявшая за скатомъ горы, теперь выдвинулась впередъ и, пропустивъ за себя пѣхоту, также начала отходить эшелонами. Турки, высыпавшіе изъ своихъ укрѣпленій, стали на нее насѣдать. Въ одну минуту сборный линейный казачій полкъ князя Витгенштейна повернулъ назадъ и гикнулъ въ шашки. Атака, по словамъ Якова Петровича, была произведена съ такою энергіею, какую рѣдко доводилось ему видѣть за всю свою боевую службу. Линейцы врубились въ пѣхоту, буквально втоптали ее въ самый редутъ, и прежде чѣмъ непріятель, опомнившись, открылъ огонь, они въ разсыпную унеслись изъ подъ выстрѣловъ. Пользуясь этою атакою кавалерія успѣла поднять нашихъ убитыхъ и раненыхъ.

Войска продолжали отступать, — вдругъ на передовыхъ постахъ опять загорѣлась страшная канонада. Яковъ Петровичъ поднялся на пригорокъ и съ удивленіемъ замѣтилъ какую то часть, пробиравшуюся съ Шораха въ нашу сторону. Это былъ подполковникъ Кауфманъ, отрѣзанный съ баталіономъ Рязанскаго полка на Шорахскихъ высотахъ и пробивавшійся теперь сквозь всю непріятельскую линію къ Чакмаху,

въ надеждѣ присоединиться къ Базину; но Базинъ, какъ мы сказали, уже оставилъ турецкіе редуты. Соображая мѣстность, Баклановъ увидѣлъ, что баталіонъ, спустившійся въ Чакмахскую лощину, долженъ будетъ проходить у самой подошвы Башибузуцкой горы, гдѣ скрытно стояли два турецкіе баталіона и батарея изъ пяти орудій. Миновать эту батарею было нельзя, и турки ожидали только минуты, когда колонна поровняется съ ними, чтобы засыпать ее картечью. Къ счастію, Кауфманъ во-время остановился и послалъ казака извѣстить о своемъ положеніи Базина. Донской урядникъ, раненый и на раненой лошади, издали завидѣвъ Бакланова, подскакалъ къ нему со словами: «ваше превосходительство! спасите подполковника Кауфмана!» Болѣе разспрашивать было нечего. Трубачъ, находившійся съ Баклановымъ, подалъ сигналъ остановить пѣхоту, а Яковъ Петровичъ, схвативъ донскую батарею маршъ-маршемъ понесся съ нею къ Чакмахскому обрыву. По его командѣ батарея снялась съ передковъ и, послѣ трехъ убійственныхъ залповъ, открыла бѣглый огонь, подъ прикрытіемъ котораго Кауфманъ двинулся впередъ и благополучно вышелъ изъ-подъ выстрѣловъ турецкихъ укрѣпленій, вынеся съ собою до-ста пятидесяти раненыхъ. Между тѣмъ турецкіе баталіоны, разстроенные огромною потерею, обратились въ бѣгство, оставивъ на мѣстѣ изъ числа пяти — три подбитыя орудія и зарядный ящикъ, взорванный нашею гранатою.

Этимъ эпизодомъ заключился штурмъ передовыхъ Карскихъ укрѣпленій.

Попытка овладѣть ими стоила намъ 4-хъ генераловъ, 248 офицеровъ и до семи тысячъ нижнихъ чиновъ, убитыми и ранеными. Надо полагать однакоже, что на самомъ дѣлѣ потеря въ офицерахъ была нѣсколько болѣе, потому что многіе раненые и контуженные, оставаясь во фронтѣ, не пошли потомъ на перевязочный пунктъ и не попали въ списокъ, представленный главнокомандующему. Мы укажемъ только на двухъ: генерала Бакланова и капитана Ермолова; но, по всей вѣроятности, кромѣ ихъ, были и другія лица. Изъ общей потери на долю Базина выпалъ сравнительно ничтожный процентъ, не превышавшій 475 человѣкъ. Трофеи, добытые на штурмѣ, принадлежали большею частію также колоннѣ Базина: она вынесла съ собою три непріятельскія орудія и 14 знаменъ, украсившихъ собою ставку главнокомандующаго.

Къ вечеру, по окончаніи боя, войска возвратились на прежнія позиціи и меликъ-кёйскій отрядъ снова поступилъ въ непосредственное владѣніе генерала Бакланова.

Первые дни послѣ штурма прошли въ тревожномъ ожиданіи вылазки со стороны непріятеля. Носились слухи, что турки, пользуясь одержанною побѣдою, намѣрены пробиться изъ Карса, или напасть на

отрядъ Бакланова и, уничтоживъ его, принудить насъ къ отступленію отъ крѣпости. Однакоже, ожиданія эти разрѣшились тѣмъ, что ночью 10-го октября изъ Карса выступила партія лазовъ, думая пробраться черезъ отрядъ Бакланова, но, замѣченная во-время, она была окружена и послѣ недолгаго, слишкомъ неровнаго для нея боя, положила оружіе въ числѣ 2-хъ офицеровъ и 116 нижнихъ чиновъ. При лазахъ найдено было спрятанными семь знаменъ иррегулярнаго войска.

Взятіемъ этихъ трофеевъ оканчивается дѣятельностъ Якова Петровича, какъ начальника самостоятельнаго отряда. Спустя нѣсколько дней послѣ описанной стычки, утромъ 13-го октября, онъ получилъ предписаніе главнокомандующаго, въ которомъ, между прочимъ, сказано было, «что на случай выступленія части дѣйствующаго корпуса изъ подъ Карса, блокадная линія, со всѣми остающимися въ ней войсками, поступаетъ въ полное вѣдѣніе генералъ-маіора Бакланова, которому предписывалось тотчасъ сдать меликъ-кёйскій отрядъ полковнику Тихоцкому, а самому прибыть въ главную квартиру для полученія на этотъ счетъ личнаго приказанія».

Поводомъ къ такому распоряженію послужило слѣдующее: получены были свѣдѣнія, что Омеръ-Паша, двинувшись въ Гурію, въ то же время направилъ особый отрядъ къ сторонѣ Ахалцыха, съ тѣмъ чтобы войти въ связь съ войсками, стоявшими около Арзерума. Вслѣдствіе этого главнокомандующій, предписавъ генералу Базину перейти опять къ Ардагану и оттуда дѣйствовать независимо отъ главныхъ силъ по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя будутъ получаться о непріятелѣ со стороны Аджаріи, — разсчитывалъ самъ идти къ Саганлугу на встрѣчу Селимъ-Пашѣ, котораго предполагалъ уже въ движеніи къ Карсу, и побѣдою въ полѣ ослабить впечатлѣніе, произведенное на край нашею послѣднею неудачею. Поэтому, когда Баклановъ явился къ Муравьеву, между ними произошелъ извѣстный разговоръ, который самъ Яковъ Петровичъ передаетъ слѣдующимъ образомъ:

Я потребовалъ васъ—сказалъ главнокомандующій:—для того, чтобы передать нѣкоторыя приказанія на случай моего выступленія. Вы, конечно, знаете обязанности, которыя будутъ лежать на васъ, какъ на начальникѣ блокадной линіи.

— Знаю — отвѣчалъ я: — и постараюсь насколько съумѣю исполнить ихъ.

— Обязанности эти велики — продолжалъ Муравьевъ: — но я надѣюсь на васъ болѣе, чѣмъ на кого нибудь другаго. Дѣло вотъ въ чемъ: я получилъ вѣрныя свѣдѣнія, что Селимъ-Паша двинулся изъ Арзерума и намѣренъ угрожать мнѣ въ то время, когда Омеръ-Паша будетъ приближаться сюда изъ Батума. Цѣль ихъ, какъ понимаю я, достигнуть

Карса и продлить оборону, пока не подоспѣютъ французскіе или англійскіе дессанты. Надо разстроить этотъ планъ, надо помѣшать ихъ соединенію и разбить Селима, прежде чѣмъ Сардарь успѣетъ перейти черезъ горы. Скажите мнѣ, что вы объ этомъ думаете.

— Если вы требуете моего сужденія — возразилъ я: — то долженъ сознаться, что я на вашемъ мѣстѣ не позволилъ бы себѣ ни на одинъ шагъ отступить отъ крѣпости.

— А почему такъ?

— Потому что вѣсти, полученныя вами изъ Арзерума не заслуживаютъ никакого довѣрія. Селимъ, подобно Вели-Пашѣ, бѣгавшему цѣлую кампанію передъ ничтожнымъ отрядомъ Суслова, имѣетъ войско, составленное на половину изъ башибузуковъ. Число ихъ не можетъ простираться свыше 10, 12 тысячъ. Вѣроятно ли, чтобы съ такими малыми средствами, онъ перешелъ черезъ Саганлугскія горы и далъ бы полевое сраженіе? Другое дѣло Омеръ-Паша: въ его распоряженіи находится до 30-ти тысячъ войска; но время года не позволитъ ему и думать объ открытіи новой кампаніи. Теперь уже октябрь: дороги повсюду испорчены, рѣки въ разливѣ, горы завалены снѣгомъ и черезъ нихъ нельзя переправить не только обозовъ, но даже полевую артиллерію. Съ чѣмъже онъ явится? Съ одними ружьями; да съ двухъ, трехъ-дневнымъ продовольствіемъ, принесеннымъ въ ранцахъ! Нѣтъ, ваше высокопревосходительство, я полагаю, что Омеръ-Паша не будетъ такъ простъ, чтобы попасть въ западню и утверждаю, что полученныя вами свѣдѣнія — утка.

— Какая-же цѣль ее? спросилъ Муравьевъ.

— А вотъ какая. Кто изъ насъ поручится, что въ Пенякахъ не заготовлено нѣсколько тысячъ вьюковъ съ продовольствіемъ, которые ожидаютъ только случая, чтобы проникнуть въ крѣпость. Лучшее средство для этого, конечно, отвлечь часть нашего корпуса въ противоположную сторону. И вотъ, лазутчики подосланы. Положившись на нихъ, вы отойдете отъ Карса, а турки сдѣлаютъ сильную вылазку, раздвинутъ нашу блокадную линію и впустятъ къ себѣ цѣлые транспорты продовольствія. Если это случится, тогда всѣ жертвы и труды нынѣшней кампаніи останутся безплодными. Быть можетъ я ошибаюсь, позволяя себѣ опровергать полученныя вами свѣдѣнія; но допустимъ, что со стороны Батума и Арзерума дѣйствительно приближаются сильные секурсы. Ну что-же? въ добрый часъ! На вашемъ мѣстѣ я приказалъ бы раздвинуть блокадную линію и пропустить ихъ въ Карсъ безъ всякаго препятствія. Торжество турокъ будетъ непродолжительное. Напротивъ, они придутъ въ отчаяніе, какъ только узнаютъ, что ни Омеръ-Паша, ни Селимъ-Паша не привезли съ собою продовольствія. Въ два, три дня эти свѣжія массы

истребятъ послѣдніе скудные запасы гарнизона и тогда, чтобы не погибнуть съ голода, вынуждены будутъ или дать полевое сраженіе, или положить оружіе. Въ первомъ случаѣ всѣ шансы будутъ на нашей сторонѣ, потому что мы владѣемъ сильною артиллеріею, тогда какъ наши противники должны ограничиться одними штуцерами; во второмъ — вы будете имѣть удовольствіе видѣть въ плѣну не только Главнокомандующаго Анатолійскимъ корпусомъ, но самаго Сардаря съ его значительною арміею.

— Позвольте — перебилъ меня Муравьевъ: — вы справедливо сказали, что въ Пенякахъ могутъ быть транспорты; но развѣ эти транспорты не могутъ доставиться въ Карсъ подъ прикрытіемъ сорока-тысячнаго корпуса.

— Могутъ. Но въ этомъ случаѣ я попрошу Ваше Высокопревосходительство дать мнѣ только полную свободу дѣйствій съ моими казаками. Ручаюсь вамъ головою, что ни одинъ ишакъ, навьюченный чѣмъ бы то ни было, не проскользнетъ къ непріятелю.

Муравьевъ задумался.

— Да, вы правы, сказалъ онъ наконецъ, подавая Бакланову руку:— я остаюсь подъ Карсомъ.

Не смотря на такое рѣшеніе, часть дѣйствующаго корпуса все-таки продолжала находиться въ полной готовности къ выступленію въ 24 часа, если бы того потребовала надобность. Яковъ Петровичъ также оставался въ главной квартирѣ и, перебравшись внизъ, за Карсъ-Чай, помѣстился въ палаткѣ Казачьяго полковника Петрова. Морозы въ это время доходили уже до нѣсколькихъ градусовъ; лагери обстроились теплыми землянками и турецкія названія деревень совершенно исчезли изъ разговорнаго языка. Солдаты прозвали Меликъ-Кёй — «Орлинымъ гнѣздомъ» и «Баклановкою», — и эти названія удержались до самаго конца, не смотря на то, что меликъ-кёйскимъ отрядомъ командовалъ уже не Яковъ Петровичъ.

Жилъ онъ въ это время далеко не роскошно, отказывая себѣ часто въ самыхъ необходимыхъ предметахъ. Одинъ изъ адъютантовъ Муравьева довелъ объ этомъ до свѣдѣнія главнокомандующаго, прибавивъ, что наканунѣ Яковъ Петровичъ при немъ отдалъ буквально послѣдній полуимперіалъ какому-то лазутчику, являвшемуся къ нему изъ Карса. Муравьевъ тотчасъ написалъ объ этомъ военному министру, и Якову Петровичу Всемилостивѣйше пожаловано было «за отличія въ разновременныхъ дѣлахъ противъ турокъ» единовременно пять тысячъ рублей серебромъ, а за особыя отличія при штурмѣ Карскихъ укрѣпленій—орденъ св. Анны 1-й степени *).

*) Высочайшій приказъ объ этомъ состоялся 12-го февраля 1856 года.

Между тѣмъ по поводу приходившаго лазутчика Яковъ Петровичъ потребованъ былъ къ Муравьеву.

— Я пришелъ къ нему—разсказываетъ Баклановъ:—вечеромъ, запросто, какъ для обыкновенной бесѣды. Мы долго говорили о положенiи карскаго гарнизона, какъ вдругъ главнокомандующiй круто перемѣнилъ разговоръ.

— Правда ли, что вы въ кругу своихъ задушевныхъ друзей говорили, что знаете въ Карсѣ такое мѣсто, на которое съ ручательствомъ за успѣхъ можно повторить нападенiе?

— Правда, отвѣчалъ Баклановъ: пунктъ этотъ лежитъ на Карадагскихъ высотахъ, но шансы какъ на успѣхъ, такъ и на неудачу совершенно равные.

— Почему такъ?

— Потому что Карадагскiя высоты могутъ быть взяты только врасплохъ; слѣдовательно, малѣйшая оплошность съ нашей стороны прибавитъ къ жертвамъ 17 сентября только новыя и безполезныя жертвы.

— А сколько по вашему соображенiю потребовалось бы войска?

— Войско здѣсь ничего не значитъ, отвѣчалъ Яковъ Петровичъ:— здѣсь надо темную ночь, да тысячу самыхъ отборныхъ охотниковъ, которые были бы способны какъ змѣи проползти между непрiятельскими укрѣпленiями. Резервы должны оставаться въ лагеряхъ и броситься только тогда, когда охотники будутъ уже на батареяхъ. Условiя, какъ видите, нелегкiя. Если охотники сохранятъ порядокъ, если резервы не потеряютъ ни одной минуты—успѣхъ несомнѣненъ; въ противномъ случаѣ потеря будетъ больше, нежели была 17-го.

Муравьевъ молчалъ нѣсколько времени.

— Скажите мнѣ, но скажите откровенно,—воскликнулъ онъ вдругъ съ необыкновенною живостiю,—что думаете вы о духѣ нашего войска? Пойдутъ-ли солдаты на вторичный приступъ?

— Пошли бы; но къ сожалѣнiю минувшiй штурмъ лишилъ насъ лучшихъ офицеровъ, къ которымъ они питали неограниченную довѣренность.

— А вы то что-же?—перебилъ Муравьевъ. Развѣ я не знаю, что васъ они считаютъ своимъ божкомъ, и что за вами пойдутъ въ огонь и въ морскую пучину.

— Быть можетъ это и такъ—отвѣчалъ Баклановъ: но вспомните, ваше высокопревосходительство, что на штурмѣ 17 сентября не я одинъ былъ божкомъ этого храбраго войска. Майдель былъ боготворимъ солдатами, и потеря его была поворотною точкою цѣлаго сраженiя. Ковалевскаго любили не менѣе. Пока я живъ, ручаюсь, что войска пойдутъ за мною, куда бы я не повелъ ихъ; но пуля дура, картечь и ядро—не

умнѣе. Если меня убьютъ, охотники останутся одни, потому что кромѣ меня, да трехъ человѣкъ пластуновъ, никто не знаетъ Карадагской возвышенности. Поэтому,—продолжалъ Яковъ Петровичъ:—если вы хотите узнать мои мысли, я никогда не посовѣтую вамъ предпринимать вторичнаго приступа. Покореніе Карса надо предоставить времени, а время это не за горами и черезъ двѣ, черезъ три недѣли турки непремѣнно положатъ оружіе.

Вскорѣ послѣ этого разговора, главнокомандующій нашелъ необходимымъ уничтожить турецкій аулъ Шорахъ, расположенный у высотъ того же названія, откуда турки добывали топливо. Главнокомандующій приказалъ назначить для этой цѣли отрядъ, подъ командою генерала Бакланова. Однакоже ему объявили объ этомъ назначеніи только тогда, когда до выступленія отряда оставалось не болѣе полчаса.

Яковъ Петровичъ бросился къ корпусному командиру, чтобы просить его объ отмѣнѣ этого приказанія, потому что для разборки аула достаточно было послать ночью однихъ охотниковъ. Когда онъ началъ говорить, что аулъ находится подъ выстрѣлами крѣпости, что потеря будетъ большая, его не хотѣли слушать и старались увѣрить, что онъ ошибается, приводя въ доказательство то, что во все время штурма ни одинъ непріятельскій снарядъ не упалъ даже близко отъ этого мѣста.

Яковъ Петровичъ отвѣчалъ, что въ этомъ случаѣ слагаетъ съ себя всякую отвѣтственность; но, выведя колонну изъ лагеря, остановилъ ее близъ Столовой горы и выслалъ впередъ однихъ охотниковъ, за которыми въ полуверстѣ долженъ былъ подвигаться обозъ, назначенный для вывозки изъ аула годнаго дерева. Кавалерія шла за обозами. Баклановъ самъ поѣхалъ впередъ и, поднявшись на небольшой пригорокъ, сталъ наблюдать въ подзорную трубу за тѣмъ, что дѣлается въ Карсѣ. Въ редутахъ уже били тревогу. — Какъ только обозначилось движеніе нашей колонны, турки стали въ ружье и скоро съ передовой батареи загремѣлъ пушечный выстрѣлъ. Началась канонада. Снаряды, перелетая аулъ, стали ложиться въ обозъ. Къ счастію войска остановлены были внѣ выстрѣла. Баклановъ потребовалъ къ себѣ на пригорокъ нѣкоторыхъ начальниковъ и предложилъ имъ полюбоваться картиною.

— Это удивительно, ваше превосходительство — отвѣчали ему: — надо полагать, что послѣ штурма турки поставили сюда орудія большаго калибра.

— Казакъ! подыми ядро!—сказалъ Яковъ Петровичъ своему ординарцу.

— Ядро оказалось шести-фунтовое.

Баклановъ приказалъ начать отступленіе, не скрывая уже болѣе накипѣвшей досады.

Размолвка эта была доведена до главнокомандующаго и имѣла послѣдствіемъ то, что Баклановъ до самаго паденія Карса жилъ при главной квартирѣ, не получая уже никакихъ порученій.

Наконецъ 16 ноября 1855 года Карсъ сдался. Яковъ Петровичъ расположилъ свою кавалерію на зимнія квартиры и самъ переѣхалъ въ Тифлисъ, гдѣ тотчасъ-же потребованъ былъ опять къ главнокомандующему.

— Я назначаю васъ въ Кутаисъ — сказалъ ему Муравьевъ. Тамъ два генерала и ни отъ одного изъ нихъ я не имѣю извѣстія, что дѣлаетъ Омеръ-Паша—надѣюсь, что вы доставите мнѣ наконецъ точныя и вѣрныя свѣдѣнія. Когда вы можете отправиться?

— На Дону есть поговорка — отвѣчалъ Яковъ Петровичъ: — голому собраться — только подпоясаться; черезъ два часа я могу быть въ дорогѣ.

— Этого не нужно, но я прошу васъ отправиться не позже завтрашняго утра.

Несмотря на приказаніе, выраженное столь положительнымъ образомъ, поѣздка эта не состоялась, и Яковъ Петровичъ, испросивъ себѣ отпускъ, отправился на Донъ,—отправился съ тѣмъ, чтобы болѣе не возвращаться на Кавказъ, бывшій такъ долго свидѣтелемъ его громкихъ военныхъ подвиговъ.

XV.

Оставивъ Кавказъ, Яковъ Петровичъ поселился въ Новочеркаскѣ и жилъ нѣкоторое время вдали отъ дѣлъ, посвящая свое время исключительно своему семейству. Но это продолжалось не долго. 2-го февраля 1857 года онъ былъ назначенъ походнымъ атаманомъ донскихъ казачьихъ полковъ, находившихся на Кавказѣ.

Съ этихъ поръ начинается собственно административная дѣятельность Якова Петровича. По особымъ условіямъ расположенія донскихъ полковъ на Кавказѣ, кругъ дѣятельности походнаго атамана былъ чрезвычайно обширенъ, и потому Яковъ Петровичъ не имѣлъ возможности участвовать въ послѣднихъ военныхъ событіяхъ, закончившихъ собою нашу боевую кавказскую лѣтопись. Это обстоятельство, заставившее его, такъ сказать, сойти съ военнаго поприща, для котораго онъ, кажется, былъ созданъ, — служило для него источникомъ не малыхъ душевныхъ огорченій. Яковъ Петровичъ разсказывалъ самъ, что, проведя большую часть своей службы въ сѣдлѣ, посреди бивуаковъ и лагерей, привыкнувъ слышать шумъ оружія и видѣть кровавыя битвы, онъ нѣсколько тяготился новымъ своимъ положеніемъ, и, шутя, говаривалъ, что ему легче бы было провести двѣ, три безсонныя ночи съ своими пластунами, нежели два, три часа просидѣть, не разгибая спины за письменнымъ столомъ въ своемъ кабинетѣ. Впрочемъ Яковъ Петровичъ никогда не любилъ убранства и роскоши въ комнатахъ: онъ жилъ настоящимъ казакомъ—партизаномъ, пренебрегая удобствами и гнушаясь комфортомъ. «Съ этими вещами—говаривалъ онъ:—не трудно нашему брату совершенно забыть свое ремесло.»

Къ сожалѣнію, мы ничего не можемъ сказать о томъ, въ чемъ именно проявилась дѣятельность Якова Петровича по отношенію къ командуемымъ имъ казачьимъ полкамъ, потому что Яковъ Петровичъ самъ

ничего не упоминаетъ объ этомъ въ своихъ запискахъ, посвящаемыхъ имъ исключительно описанію однихъ боевыхъ эпизодовъ; но что эта дѣятельность не могла не быть плодотворною, въ этомъ убѣждаетъ насъ и всестороннее знаніе имъ быта и нуждъ этихъ полковъ, и лестные отзывы о немъ главнокомандующаго арміею и тѣ высочайшія награды, которыя пожалованы были Якову Петровичу за время бытности его походнымъ атаманомъ.

«Извѣстный на Кавказѣ храбростію и боевою распорядительностію, генералъ-маіоръ Баклановъ—такъ писалъ объ немъ генералъ-адъютантъ князь Барятинскій военному министру: — съ назначеніемъ походнымъ атаманомъ донскихъ казачьихъ полковъ, состоящихъ при Кавказской арміи, принесъ существенную пользу заботливостію о благосостояніи ввѣренныхъ ему полковъ какъ въ боевомъ, такъ и въ хозяйственномъ отношеніяхъ; въ особенности же я обязанъ ему улучшеніемъ быта тѣхъ казаковъ, которые разбросаны малыми командами для содержанія постовъ и кордонной службы.» Во вниманіе къ этимъ заслугамъ и къ прежнимъ подвигамъ, оказаннымъ Яковомъ Петровичемъ, Барятинскій просилъ военнаго министра обратить на службу его особое милостивое вниманіе Государя Императора.

Вслѣдствіе такого ходатайства Бакланову пожалованъ былъ 16-го февраля 1859 года орденъ св. Анны 1-й степени съ императорскою короною; 2-го февраля 1850 года—аренда въ теченіи 12 лѣтъ по тысячи пятисотъ рублей серебромъ ежегодно, а 3-го апрѣля того-же года—чинъ генералъ-лейтенанта.

Послѣднія награды не застали однакоже Якова Петровича уже на Кавказѣ. Какъ ни казалось несокрушимымъ и крѣпкимъ его желѣзное здоровье, однакоже усиленные боевые труды, безсонныя ночи и тяжкія раны — взяли свое. Онъ заболѣлъ серьезно и по совѣту медиковъ, отправившись на Донъ, сдалъ должность походнаго атамана генералу Хрещатицкому *); а вслѣдъ затѣмъ назначенъ былъ состоять по Донскому войску.

Впрочемъ, неугомонная и энергическая натура его не могла какъ-то мириться съ бездѣйственною жизнію. Едва здоровье Якова Петровича возстановилось, какъ онъ поступаетъ на службу по выборамъ дворянства и 1-го мая 1851 года назначается окружнымъ генераломъ II округа Донскаго казачьяго войска.

Въ этомъ званіи застала Якова Петровича Польская кампанія.

Вооруженное возстаніе, вспыхнувшее въ Польшѣ въ ночь съ 11-го на 12-е января 1863 года, быстро разлилось по Литвѣ и при извѣст-

*) Приказъ объ этомъ состоялся 9-го сентября 1859 года.

номъ настроеніи умовъ европейскаго общества, нашло себѣ сочувствіе и поддержку во многихъ иностранныхъ правительствахъ. Россія однакоже твердо рѣшилась исполнить свой долгъ и дѣятельно стала готовиться къ войнѣ. Донъ вооружился почти поголовно, а потому наказный атаманъ Донскаго казачьяго войска генералъ-адъютантъ Граббе отправилъ военному министру 16-го мая 1863 года телеграмму слѣдующаго содержанія:

«На западной границѣ собирается 12-ть казачьихъ полковъ. Необходимъ молодецъ начальникъ. Не назначить-ли Бакланова?»

Телеграмма эта совпала въ Петербургѣ съ представленіемъ о томъ-же генерала Муравьева, который, послѣ свиданія съ братомъ своимъ Николаемъ Николаевичемъ, остановился также на мысли привлечь на службу Якова Петровича, и съ этою цѣлью писалъ военному министру, «что побуждаемый необходимостью имѣть въ настоящее время энергическихъ отрядныхъ начальниковъ для отысканія и пораженія мятежническихъ шаекъ, онъ проситъ о командированіи въ свое распоряженіе, сколь возможно скорѣе, войска Донскаго генералъ-лейтенанта Бакланова.»

Въ отвѣтъ на эти представленія, военный министръ телеграфировалъ Граббе о немедленномъ командированіи генерала Бакланова въ Вильно, и въ тоже время писалъ генералу Муравьеву, «что Государь Императоръ, по рекомендаціи наказнаго атамана войска Донскаго, уже изволилъ признать полезнымъ, чтобы генералъ-лейтенантъ Баклановъ прибылъ въ ваше распоряженіе для общаго начальствованія расположенными въ Виленскомъ округѣ донскими казачьими полками, и что высочайшее повелѣніе объ этомъ уже сообщено наказному атаману по телеграфу.

Муравьевъ торопилъ пріѣздомъ Бакланова. «Увѣдомьте—телеграфировалъ онъ дежурному генералу:— скоро-ли пріѣдетъ Баклановъ и гдѣ онъ находится?»

Сдача должности задержала однакоже Якова Петровича на Дону, и только 19-го іюня, получивъ отъ высочайшихъ щедротъ пособіе въ четыре тысячи рублей, онъ выѣхалъ въ Вильно, испросивъ предварительно разрѣшеніе остановиться на нѣсколько дней въ Петербургѣ.

Въ Вильно Яковъ Петровичъ прибылъ въ началѣ іюля мѣсяца и тотчасъ отдалъ свой извѣстный приказъ по донскимъ казачьимъ полкамъ, который въ тысячахъ экземплярахъ разлетѣлся по Литвѣ и по Царству Польскому. Пріѣздъ извѣстнаго кавказскаго героя—имя котораго пользовалось въ войскахъ огромною популярностью, обрадовалъ всѣхъ истинно военныхъ людей, служившихъ тогда не только въ Литвѣ, но и въ Польшѣ, а нѣкоторыя выраженія его приказа вызвали въ военномъ обществѣ самые разнообразные толки и предположенія, сходившіеся на томъ, что

Баклановъ пріѣхалъ не даромъ и въ случаѣ войны будетъ командовать авангардомъ дѣйствующей арміи.

Вотъ этотъ знаменитый приказъ, отданный имъ въ Вильнѣ 7-го іюля 1863 года.

«Станичники и односумы!»

«Я выѣхалъ изъ роднаго края 19-го іюня и привезъ вамъ отъ него поклонъ. Донъ завѣщаетъ вамъ бороться одному противъ десятерыхъ и охулки на руку не класть! Донъ дышетъ пламенною любовью и преданностію къ Царю нашему; онъ ждетъ съ нетерпѣніемъ волю Монарха двинуться на внѣшняго врага, замышляющаго нарушить спокойствіе святой Руси. На вашу долю палъ жребій быть впереди — противъ врага внутренняго. Вы—потомки славныхъ и могучихъ предковъ нашихъ Азовскаго сидѣнія. Молодечество ваше противъ мятежниковъ радуетъ Царя, а донская семья ликуетъ васъ!»

«Братья! соберемся съ силами, окрѣпнемъ духомъ и превозмогёмъ всѣ трудности и лишенія, и покажемъ, что достойны называть себя питомцами славнаго, тихаго Дона. Настанетъ время—я буду посреди васъ въ бесѣдѣ боевой, введу васъ въ бой съ завѣтнымъ кличемъ Ермака: «съ нами Богъ!»—силою коего булатъ нашъ остръ—и не устрашимся! Увѣренъ въ васъ, что вы такіе же чудо-богатыри, какъ были водимые мною въ бой дѣды, отцы и старшіе братья ваши!»

Въ военныхъ дѣйствіяхъ Якову Петровичу однакоже не довелось принимать непосредственнаго участія. Онъ былъ назначенъ военнымъ начальникомъ Августовскаго отдѣла и 18 сентября съ гвардейскимъ отрядомъ изъ двухъ кавалерійскихъ полковъ и 22-хъ ротъ пѣхоты выступилъ изъ Вильны по дорогѣ въ Ломжу *). Часть этихъ войскъ, подъ командою генералъ-маіоровъ Дубельта и князя Барятинскаго имѣли стычки съ повстанцами между мѣстечками Серіо и Сейнами, а также въ окрестностяхъ Кальваріи;—но главныя силы подъ личнымъ предводительствомъ Якова Петровича, прошли черезъ Липскъ въ Августовъ, никого не встрѣтивъ на дорогѣ. Во все время похода Яковъ Петровичъ не слѣзалъ съ коня и только разъ—говоритъ очевидецъ:—чувствуя сильную желудочную боль, позволилъ себѣ, —какъ онъ выражался: «понѣжиться,» т. е. проѣхать половину перехода въ простой, мужицкой телѣгѣ.»

Страшная молва предшествовала по Литвѣ пріѣзду Бакланова. Назначеніе его начальникомъ Августовскаго отдѣла встрѣчено было съ нескрываемымъ трепетомъ, потому что всѣмъ были извѣстны жестокіе погромы его, приводившіе въ ужасъ чеченцевъ, но никто не зналъ и не

*) Это были полки лейбъ-гвардіи: казачій, драгунскій и части отъ полковъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго, Семеновскаго и Измайловскаго.

слыхалъ о его сердечной теплотѣ и нѣжныхъ чувствахъ, столь несоотвѣтствовавшихъ его суровой и грозной физіономіи. Еще до пріѣзда въ Вильно поляки были настроены видѣть въ немъ только дикаго гунна, варвара и распускали слухъ, что онъ питается человѣчьимъ мясомъ, — слухи, которые, къ удивленію и къ стыду поляковъ, находили себѣ многочисленныхъ вѣрователей. Впрочемъ, Яковъ Петровичъ и самъ заботился поддерживать о себѣ подобную славу, говоря, что подобное настроеніе умовъ — вѣрнѣйшее ручательство за спокойствіе подвѣдомственнаго ему края. Рѣшившись разъ навсегда не прибѣгать къ особо суровымъ, карательнымъ мѣрамъ, онъ вздумалъ господствовать въ краѣ нравственнымъ вліяніемъ и этимъ достигнулъ того, чего не могли достигнуть въ другихъ мѣстахъ ни казнями, ни ссылками.

Когда отрядъ подошелъ къ Августову, Яковъ Петровичъ приказалъ ударить въ барабанъ и объявить на площади собраннымъ жителямъ, что черезъ полчаса въ городъ вступаетъ Баклановъ, и что воля его на первый разъ такова, чтобы не было траура.

Когда войска вступили, трауръ дѣйствительно исчезъ. Изъ Августова Баклановъ прошелъ съ отрядомъ въ Сувалки и тамъ основалъ свою резиденцію.

Прежде всего Яковъ Петровичъ позаботился ознакомиться съ краемъ и съ этою цѣлью пріѣхалъ одинъ, безъ всякаго конвоя, изъ Сувалокъ въ Августовъ и обратно, на простой, перекладной почтовой телѣжкѣ. Дорога лежала дремучими лѣсами, по которымъ до него съ опаскою ходили отряды; но когда Баклановъ проѣхалъ туда и назадъ безъ всякхъ приключеній, поляки почувствовали къ нему суевѣрный страхъ и стали называть его Асмодѣемъ.

Кому-то случилось въ разговорѣ спросить объ этомъ Якова Петровича. Онъ отвѣчалъ, что понималъ опасность, которая ему угрожала. «Но я былъ слишкомъ старъ для того—прибавилъ онъ въ поясненіе,— чтобы бояться смерти. Моя старинная шашка, да пара турецкихъ пистолетовъ достаточно обезпечивали меня отъ позорнаго плѣна. Стало быть я рисковалъ только жизнію; но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ убѣжденъ, что ежели проѣду по этимъ мѣстамъ, то отниму уже всякій поводъ говорить въ народѣ о повстаніи.»

Дѣйствительно, на другой или на третій день по возвращеніи Бакланова, къ нему является сувалкскій почтмейстеръ съ докладомъ, что онъ отправляетъ почту.

— Ну что-же? съ Богомъ! говоритъ Баклановъ.

Чиновникъ начинаетъ путаться и кое-какъ объясняетъ, что мѣста здѣсь глухія, опасныя, а съ почтою идетъ около пятидесяти тысячъ денегъ.

— Такъ что же вамъ нужно? спрашиваетъ его генералъ.

— Конвой нуженъ, ваше превосходительство.

— Ни одного человѣка.

— Но прежде подобныя почты конвоировались по распоряженію вашихъ предмѣстниковъ не менѣе, какъ цѣлою ротою пѣхоты.

— А теперь будутъ ходить безъ конвоя, съ однимъ вооруженнымъ кондукторомъ, — рѣшительно отвѣчалъ Баклановъ.

— А если отобьютъ деньги?

— Вы хотите сказать: кто будетъ отвѣчать? — Я!... Но пусть они попробуютъ отбить — прибавилъ генералъ, сдѣлавъ удареніе на послѣдней фразѣ, и въ голосѣ его послышалась нота, отъ которой морозъ пробѣжалъ по жиламъ присутствовавшихъ здѣсь чиновниковъ.

Почта прошла благополучно, хотя повстанцы и не могли не знать объ ея отправленіи. Такъ велико было чувство страха, внушеннаго имъ Баклановымъ.

Система, которую Яковъ Петровичъ намѣревался положить въ основу своего управленія Августовскою губерніею, была высказана имъ Муравьеву наканунѣ отъѣзда, когда Яковъ Петровичъ вечеромъ зашелъ къ нему за полученіемъ послѣднихъ инструкцій и приказаній. Онъ прежде всего объяснилъ Муравьеву, что жители Августовской губерніи совершенно оставлены беззащитными со стороны нашихъ войскъ, такъ какъ эти войска стянуты въ города и мѣстечки, а повстанцы хозяйничаютъ въ селеніяхъ, какъ у себя дома, и заставляютъ крестьянъ давать все что имъ нужно.

На вопросъ Муравьева: откуда онъ имѣетъ подобныя свѣдѣнія, не бывши въ губерніи? — Яковъ Петровичъ отвѣчалъ, что эти свѣдѣнія переданы ему многими донскими офицерами, которые, преслѣдуя повстанцевъ, вдавались далеко въ глубь края и всюду слышали ропотъ недовольныхъ жителей.

— Такъ или иначе — отвѣчалъ Муравьевъ: — но, помогая повстанцамъ, крестьяне подвергаютъ себя всей строгости нашихъ законовъ. Все это есть въ инструкціяхъ, по которымъ прошу васъ дѣйствовать безъ всякихъ разсужденій.

— Позвольте мнѣ, ваше высокопревосходительство, сдѣлать нескромный вопросъ объ одномъ предметѣ, который въ вашихъ инструкціяхъ не предусмотрѣнъ?

— Говорите, — сказалъ Муравьевъ.

— Поставьте себя — отвѣчалъ Баклановъ: — на мѣстѣ поселянина Августовской губерніи; если бы къ вамъ беззащитному явились повстанцы съ требованіемъ имъ нужнаго, и, въ случаѣ вашего отказа, вамъ угрожали бы смертію, то рѣшились-ли бы вы на послѣднее.

Муравьевъ задумался.

Вы правы — сказалъ онъ наконецъ: жизнь дорога для каждаго, а потому прошу васъ въ этихъ случаяхъ дѣйствовать по своему усмотрѣнію.

Вступивъ въ управленіе отдѣломъ, Яковъ Петровичъ немедленно сдѣлалъ два существенныя и весьма важныя по своимъ послѣдствіямъ распоряженія.

Во-первыхъ, войска, находившіяся въ Августовской губерніи, разбиты были на самые мелкіе отряды, которые заняли деревни и села, имѣя за собою сильные резервы только въ нѣкоторыхъ пунктахъ, какъ напримѣръ въ Сувалкахъ, Августовѣ, Кальваріи, Сейнахъ, Сапочкинѣ и Разградѣ. Цѣль такого раздробленія войскъ была та, чтобы разомъ охватить всю губернію и очистить ее отъ повстанцевъ. Каждому отряду указанъ былъ районъ для дѣйствія съ строгимъ обязательствомъ осматривать ежедневно посредствомъ сильныхъ конныхъ разъѣздовъ всѣ входящіе въ районъ мѣстности; а ежели укажетъ надобность, откомандировывать отдѣльныя части пѣхоты для занятія болѣе важныхъ пунктовъ.

Во-вторыхъ, написана была инструкція, въ которой объявлялось всѣмъ жителямъ, что въ случаѣ появленія мятежниковъ они, во избѣжаніе различныхъ истязаній, могутъ снабжать ихъ по требованіямъ съѣстными припасами, лошадьми и т. п., не подвергаясь за это отвѣтственности, если только по выходѣ мятежниковъ въ ту же минуту сообщатъ объ этомъ ближайшимъ войскамъ, или разъѣзду, съ указаніемъ, куда мятежники направились.

Въ противномъ случаѣ — говоритъ Баклановъ: — если кто либо не исполнитъ послѣдняго распоряженія, или пристанетъ самъ къ вооруженнымъ шайкамъ, — за тѣхъ отвѣчаютъ цѣлыя общества. Такія деревни будутъ объявлены внѣ всякаго закона: имущество ихъ будетъ разграблено, жилища сожжены и сами они отъ мала до велика поплатятся жизнію!...

Благодареніе Богу — разсказывалъ Яковъ Петровичъ: — мнѣ не доводилось ни разу примѣнять на дѣлѣ подобную угрозу, но я бы не остановился ни передъ чѣмъ, потому что гибель одной деревни спасла бы сотни другихъ отъ пагубнаго вліянія мятежниковъ.

Видя заботливость и строгую справедливость русскихъ властей, крестьяне ободрились и сами стали формировать изъ себя ополченія для защиты своихъ деревень и селъ отъ нашествія мятежниковъ. Они благословляли имя Бакланова. Сами поляки начали относиться къ нему съ большимъ уваженіемъ, потому что встрѣтили въ немъ строгаго поборника правды и справедливости. По пріемѣ отдѣла, онъ самъ объѣхалъ всѣ тюрьмы, говорилъ съ заключенными и тотчасъ освободилъ до 120 человѣкъ, противъ которыхъ не только не было никакихъ письменныхъ

уликъ, но даже не извѣстно было кѣмъ и когда они арестованы. За все управленіе губерніею, Яковъ Петровичъ подписалъ только семь смертныхъ приговоровъ—это были жандармы-вѣшатели,—для остальныхъ-же смертная казнь замѣнялась ссылкою въ Сибирь; но имѣнія сосланныхъ, вопреки принятымъ правиламъ, никогда не отбирались въ казну, а оставлялись въ неприкосновенномъ владѣніи законныхъ наслѣдниковъ. Онъ втайнѣ принималъ горячее участіе въ судьбѣ несчастныхъ семействъ, часто, послѣ ссылки отцовъ, остававшихся безъ куска насущнаго хлѣба, и помогалъ имъ, чѣмъ можно. Много хранилось у Якова Петровича писемъ, полученныхъ имъ изъ Польши и свидѣтельствующихъ объ этой благородной чертѣ его характера. Мы не знаемъ, гдѣ въ настоящее время находятся эти письма, но, сколько помнимъ ихъ содержаніе, они могли бы послужить хорошимъ матеріаломъ будущему историку Литовскаго возстанія.

Въ началѣ ноября мѣсяца умиротвореніе Августовской губерніи можно было полагать совершенно оконченнымъ. Несмотря на это — говоритъ Яковъ Петровичъ:—нашлись доброжелатели, которые представили Муравьеву, что подобное смягченіе участи подсудимыхъ — есть ничто иное, какъ употребленіе во зло его довѣренности. На меня — говоритъ онъ — стали смотрѣть, какъ на повстанца, хотя именно въ одной моей губерніи ихъ не было ни одного человѣка.

Муравьевъ поколебался. Нѣсколько рѣзкихъ и колкихъ замѣчаній, сдѣланныхъ Бакланову, заставили послѣдняго отправиться въ Вильно. Онъ прибылъ туда вечеромъ и прямо съ поѣзда желѣзной дороги явился къ Муравьеву. Начались жаркія объясненія по поводу неприкосновенности имѣній, сосланныхъ въ Сибирь. Яковъ Петровичъ однакоже успѣлъ доказать Муравьеву всю несостоятельность подобной мѣры, по крайней мѣрѣ по отношенію къ Августовской губерніи. Что же касается до объясненія причинъ, заставлявшихъ его замѣнять смертную казнь ссылкою— то на это Баклановъ отвѣчалъ Муравьеву слѣдующее:

Ваше высокопревосходительство, теперь не начало возмущенія, а его окончаніе; въ моментъ разгара бунта попадались подъ ножъ и веревку и правые, и виноватые—и первыхъ тогда не замѣчали. Во время мятежа мы казнили за преступленія; теперь казнимъ изъ мщенія. По моему мнѣнію крутыя мѣры, какъ бы они не были жестоки, должны производиться надъ противникомъ своевременно, а не тогда, когда онъ уничтоженъ и безсиленъ. Мои понятія не могутъ сходиться съ вашими; а потому позвольте мнѣ не возвращаться въ Сувалки. Я ѣду прямо отсюда на Донъ: пошлите на мѣсто мое другаго генерала, которому я обязуюсь передать отдѣлъ въ 24 часа. Разставаясь съ вами, я хочу до конца говорить вамъ правду въ глаза. Управляя отдѣломъ не именемъ моимъ, а

вашимъ, я старался не наложить на имя ваше чернаго пятна. На Литвѣ васъ злословятъ; но могу васъ увѣрить, что въ Августовской губерніи его благословляютъ.

Муравьевъ подалъ ему руку.

— Поѣзжайте обратно въ Сувалки — сказалъ онъ: — и поступайте такъ, какъ поступали до настоящей минуты.

Наградою Якову Петровичу за отличную и ревностную службу и «за особые труды» по управленію Августовскимъ отдѣломъ былъ орденъ св. Владиміра 2-й степени, пожалованный ему при высочайшемъ рескриптѣ 6-го февраля 1864 года.

Въ маѣ мѣсяцѣ здоровье Якова Петровича видимо стало разстраиваться. Онъ просился въ четырехъ-мѣсячный отпускъ на Донъ и 30-го января 1864 года былъ уволенъ отъ званія военнаго начальника Августовскаго отдѣла съ оставленіемъ завѣдующимъ донскими казачьими полками въ Виленскомъ округѣ.

«Съ крайнимъ сожалѣніемъ лишаясь на время полезной дѣятельности этого генерала» — писалъ Муравьевъ къ военному министру: — «и вмѣстѣ съ тѣмъ входя въ недостаточное его состояніе, прошу ходатайства о всемилостивѣйшемъ пособіи на леченіе и для устройства домашнихъ дѣлъ, пришедшихъ въ разстройство послѣ призыва его на службу.»

На основаніи этого ходатайства Бакланову пожаловано было единовременное пособіе въ три тысячи рублей серебромъ.

Во время отпуска Яковъ Петровичъ сильно заболѣлъ воспаленіемъ печени и, кромѣ того, его постигло еще другое несчастіе: 14-го августа въ Новочеркаскѣ, гдѣ онъ лечился, произошелъ сильный пожаръ причемъ у Якова Петровича сгорѣло все имущество и всѣ наличныя деньги, такъ что онъ остался въ большой крайности и долженъ былъ переносить большія лишенія, отказывая себѣ даже въ самомъ необходимомъ для жизни.

Въ январѣ 1865 года Яковъ Петровичъ возвратился въ Вильно. Въ слѣдующемъ году, по ходатайству командующаго войсками Виленскаго военнаго округа генералъ-адъютанта Кауфмана, который писалъ, «что генералъ-лейтенантъ Баклановъ по своимъ способностямъ и прекрасному служебному такту можетъ быть весьма полезенъ для службы, а во многихъ случаяхъ незамѣнимъ» — ему всемилостивѣйше пожалована была аренда по три тысячи рублей на 12 лѣтъ, а вслѣдъ затѣмъ объявлено высочайшее благоволеніе за отличное состояніе донскихъ казачьихъ полковъ, въ которомъ они представились на смотръ Его Императорскому высочеству великому князю Николаю Николаевичу при г. Вильно 17-го сентября 1866 года.

Это была послѣдняя служебная его награда. Вслѣдъ за этимъ должность завѣдующаго донскими казачьими полками была упразднена, и Яковъ Петровичъ высочайшимъ приказомъ 13-го января 1867 года зачисленъ по Донскому войску.

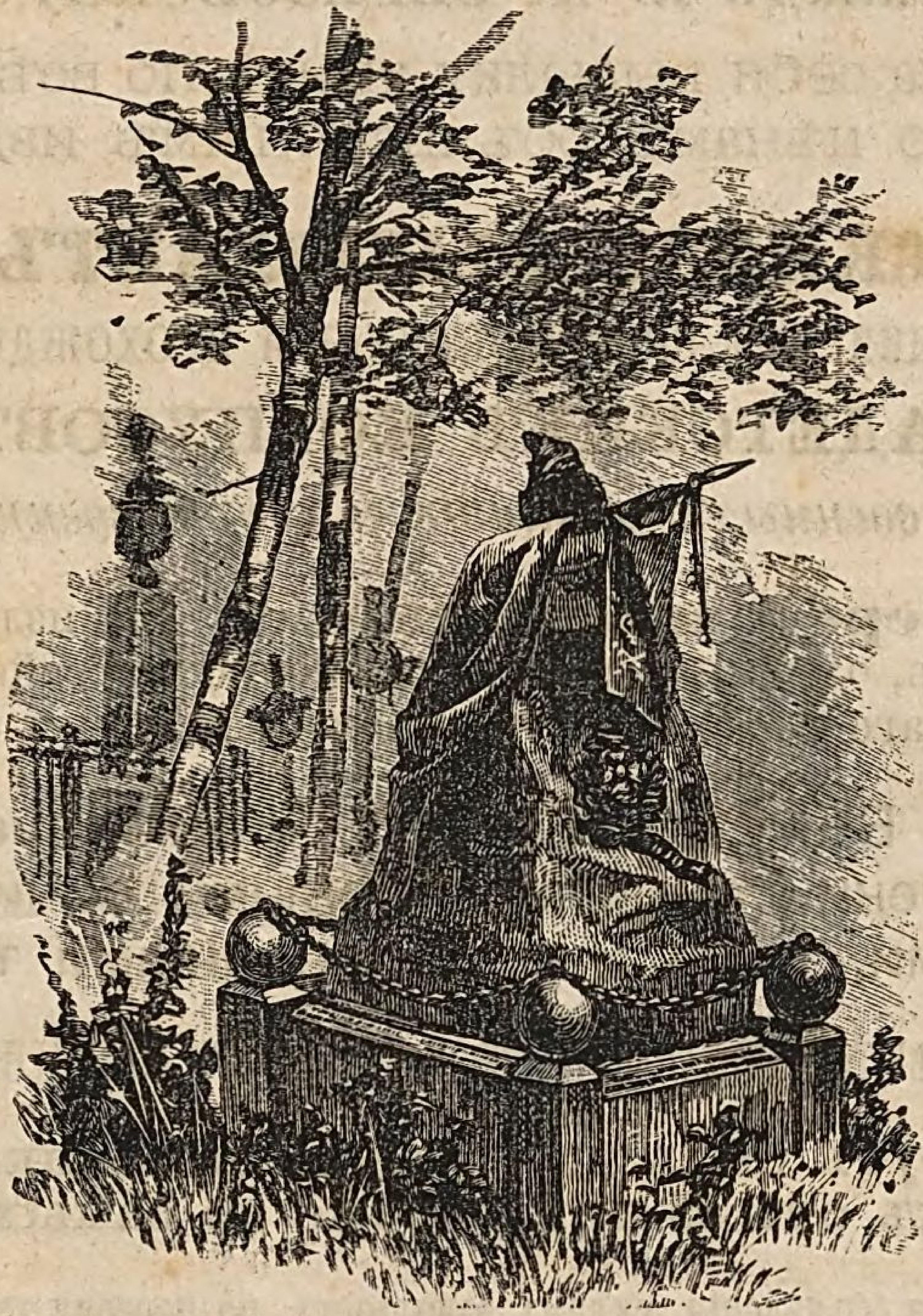
Съ этого времени оканчивается собственно служебное поприще Якова Петровича. Онъ почти безвыѣздно жилъ въ Петербургѣ, внимательно слѣдя за всѣми усовершенствованіями военнаго дѣла, живо интересуясь тѣмъ, что касалось до фанатически любимаго имъ Донскаго войска. Между тѣмъ здоровье его видимо гасло и, наконецъ, 18-го октября 1873 года Якова Петровича, послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни — не стало.

Онъ умеръ въ бѣдности и былъ похороненъ на счетъ Донскаго казачьяго войска.

Кто посѣтитъ въ С.-Петербургѣ кладбище Воскресенскаго Дѣвичьяго Монастыря,—пусть зайдетъ поклониться могилѣ донскаго героя. Розыскать могилу не трудно: ее укажетъ величественный, оригинальный монументъ — усердное приношеніе Войска Донскаго и русскихъ людей, чтившихъ память покойнаго Якова Петровича. Монументъ изображаетъ собою дикую кавказскую скалу; на скалу наброшена косматая бурка, а изъ подъ бурки виднѣется шашка покойнаго и на сломанномъ древкѣ виситъ полуспущенный черный значекъ его съ мертвой головою и съ двумя крестообразно сложенными подъ нимъ костями. На значкѣ, знакомая Кавказу надпись: „Чаю воскресенія мертвыхъ“. Сверхъ бурки, на самой вершинѣ скалы, какъ бы вѣнчая ее собою, лежитъ казацкая папаха. Съ передней стороны монумента бронзовый медальонъ съ изображеніемъ георгіевскаго креста въ лавровомъ вѣнкѣ, и надпись: „Войска Донскаго Генералъ-Лейтенантъ Яковъ Петровичъ Баклановъ“, а по сторонамъ — названіе мѣстъ, ознаменованныхъ его геройскими подвигами. Здѣсь вы прочтете имена: Кулевчи, Мессавріи, укрѣпленія Вознесенскаго, Перхи-Ханъ-Кала, Зондакъ Шалинская поляна, Шаухалъ-Берды, Качкалыкъ, Мичикъ, Махмутъ-Юртъ, Гурдали, Беикъ-Катаро, Карсъ и многіе другіе. Самая скала—изъ цѣльнаго неполированнаго краснаго гранита, а всѣ аксессуары къ ней отлиты изъ темнозеленой бронзы; мертвая голова и надпись на значкѣ — позолочены.

Общій видъ памятника величественъ. Но мѣсто этому памятнику не въ Петербургѣ, на мало извѣстномъ кладбищѣ, — говоритъ одна корреспонденція съ Дона, — а въ Новочеркаскѣ, рядомъ съ памятникомъ Платова. Это послужило бы назидательнымъ примѣромъ для будущаго поколѣнія Дона. Памятникъ, воздвигнутый Бакланову среди донской семьи, которая чтитъ его, принесъ бы существенную пользу молодому поколѣнію и вмѣстѣ съ тѣмъ служилъ бы утѣшеніемъ ста-

рому. Кто не знаетъ съ какимъ чувствомъ вспоминается имя знаменитаго кавказскаго героя на Дону, гдѣ даже дѣти въ играхъ своихъ стараются во многомъ и теперь подражать Бакланову. Миръ праху храбраго и доблестнаго воина. Съ гордостью будетъ произноситься это славное имя каждымъ донскимъ казакомъ, и теплымъ, задушевнымъ словомъ помянутъ его сослуживцы—свидѣтели его беззавѣтной удали и честнаго исполненія долга.

Bayerische Staatsbibliothek München

СУЩЕСТВУЕТЪ съ 1879 г.

ТЕЛЕФОНЪ № 1018.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ
ВЛАДИМІРА АНТОНОВИЧА
БЕРЕЗОВСКАГО

С.-Петербургъ, Колокольная, собственный домъ, № 14,

имѣетъ всѣ учебники, руководства, уставы, азбуки, прописи, книги для чтенія, книги военнаго содержанія, пособія по стрѣльбѣ, все необходимое для подготовки къ военному званію, въ военноучебныя заведенія и всѣ учебныя пособія не только своего изданія, но и объявленныя другими издателями и магазинами.

Складъ В. А. БЕРЕЗОВСКАГО

принимаетъ на себя высылку книгъ по всѣмъ отраслямъ знаній, по цѣнамъ объявленнымъ издателями.

СКЛАДЪ ВЫСЫЛАЕТЪ

ВСѢ УЧЕБНИКИ ДЛЯ ПРИГОТОВЛЕНІЯ И ПРОХОЖДЕНІЯ КУРСА

КАДЕТСКИХЪ КОРПУСОВЪ,

юнкерскихъ и военныхъ училищъ и всѣхъ военныхъ академій.

Складъ **В. А. Березовскаго** высылаетъ всѣ изданія объявленныя въ каталогѣ книгъ, одобренныхъ къ обращенію въ войскахъ, для первоначальнаго образованія и развитія нижнихъ чиновъ.

Складъ В. А. БЕРЕЗОВСКАГО формируетъ и пополняетъ библіотеки старыми и новыми сочиненіями, какъ полными, такъ и разрозненными томами.

ПРИ СКЛАДѢ ИМѢЮТСЯ ИЗДАНІЯ КАРТОГРАФИЧЕСКАГО ЗАВЕДЕНІЯ А. А. ИЛЬИНА.

Всѣ книги могутъ быть высылаемы въ папкахъ по 10 к., а въ переплетахъ отъ 15 к. и дороже до самыхъ изящныхъ.

КАТАЛОГИ и послѣднія объявленія, складъ высылаетъ по первому требованію, **БЕЗПЛАТНО.**

СКЛАДЪ ПРИНИМАЕТЪ ПОДПИСКУ НА ВСѢ

ГАЗЕТЫ и ЖУРНАЛЫ

ПО ЦѢНАМЪ ОБЪЯВЛЕННЫМЪ РЕДАКЦІЯМИ И ИЗДАТЕЛЯМИ.

ПОДПИСКА СДАЕТСЯ ВЪ РЕДАКЦІИ ПО ПОЛУЧЕНІИ ДЕНЕГЪ.

АВТОРЫ И ИЗДАТЕЛИ

желающіе дать свои изданія на коммисію или продать ихъ складу, приглашаются съ заявленіями обращаться непосредственно къ владѣльцу склада, Штабсъ-Капитану В. А. БЕРЕЗОВСКОМУ.

ПЕРЕПИСКУ АДРЕСОВАТЬ:

Почтой: С.-Петербургъ, Колокольная, № 14, **В. А. Березовскому.**
Телеграммой: Петербургъ Колокольная Березовскому.

50-00
329367/X1184
132-43
244368/47

Potto, Vasilij Aleksandrovič,

Jakov Petrovič Baklanov biografičeskij očerk ; s portr. Ja. P. Baklanova, s nabroska chudoznika Mikěšina i risunkami M. Malyševa

S.-Peterburg 1885

Biogr. 3331 c
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11574205-9